Путь русского офицера

К.И. Деревянко

НА ТРУДНЫХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ

В борьбе за Севастополь и Кавказ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги «На трудных дорогах войны» после окончания Высшего военного морского училища имени М.В. Фрунзе служил и воевал на Черноморском флоте.

В обороне Одессы был начальником штаба Одесской военно-морской базы. Одесской эпопее посвящена его первая книга «На трудных дорогах войны».

После Одессы автору довелось быть начальником штаба Потийской (Главной) военно-морской базы, куда осенью сорок первого года перебазировался Черноморский флот; командир базы и он возглавили прием и размещение корабельного состава флота в своих портах, а затем организовали боевые действия базы в интересах защиты Севастополя и Кавказа.

Затем, в борьбе за Крым, автор командовал Бердянской военно-морской базой.

О боевых действиях на Черном море, в Причерноморье и в соседних регионах в этот трудный период и повествуется во второй книге воспоминаний «На трудных дорогах войны» – «В борьбе за Севастополь и Кавказ».

- Константин Илларионович Деревянко
  - ○
  - ○ Книга вторая
    - ■ Угроза флоту идет от Перекопа
    - ■ Перебазирование флота на Кавказ
    - ■ Тревога за Крым и Севастополь
    - ■ На помощь Севастополю
    - ■ Оборона Кавказа
    - ■ Потийская база становится фронтовой
    - ■ Армия и флот наступают
  - ○ Иллюстрации
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Константин Илларионович Деревянко
На трудных дорогах войны. В борьбе за Севастополь и Кавказ

Автор признателен за помощь в подготовке рукописи этой книги к печати Г.А. Амону, Ш.Я. Биллевич, И.М. Дузю, Т.П. Евсеевой, Е.К. Звезденковой, П.П. Клещевскому, Т.А. Колыбиной, И.Д. Мазуренко, П.П. Макарову, Б.С. Никольскому, Н.В. Е[раведникову, Н.Н. Е[устовойтенко, Н.А. Соболевой, Л.А. Токаревой, Л.А. Толстову

Наследники авторских прав К.И. Деревянко – его дочь ELK. Деревянко и внучка Е.В. Деревянко – сердечно благодарят всех, кто поддержал их во время подготовки этой книги к изданию морально, организационно и материально: В.Н. Антонова, Ж.Н. Белову-Бром, В.М. Валькова, Е.В. Кузьмину, А.Б. Романова, Н.В. Хлебникову, Н.П. Хмельницкую.

Книга вторая
В борьбе за Севастополь и Кавказ

Угроза флоту идет от Перекопа

Краткий отчет по эвакуации Приморской армии из Одессы в Севастополь я вручил 20 октября начальнику штаба флота контр-адмиралу И.Д. Елисееву и подробно доложил ему о последних часах нашего – командования Одесской военно-морской базы – пребывания в Одесском порту на завершающем этапе посадки арьергардных частей Приморской армии на суда и корабли.

Во время моего доклада вошел начальник штаба флота с сообщением об обстановке на сухопутных фронтах, обострившейся до крайности. На карте она выглядела впечатляюще грозной и опасной. На ишуньских позициях (на юге Перекопского перешейка Крыма – в районе Пятиозерья, реки Чатырлык и села Ишунь) противник вклинился в боевые порядки частей оперативной группы войск 51-й армии (этой группой войск командовал генерал П.И. Батов) и продолжал их теснить. В полосе нашего Южного фронта противник рвался к Ростову и нацелился в излучину Дона, советские войска продолжали с боями отходить на восток.

Была информация и по Одессе – противник обнаружил там пустыми наши траншеи и окопы утром 16 октября, когда начал дневные атаки. Днем он вошел в город, а к вечеру занял порт. Таким образом, наша дезинформация, запущенная в начале октября о якобы продолжающейся обороне Одессы, и внезапность нашего отхода из города сработали полностью – организованностью и стремительными действиями армии и флота противник был обманут, мы скрытно и без потерь доставили армию в Севастополь. Так требовала Ставка своей директивой от 30 сентября.

Наш наштафлота Иван Дмитриевич Елисеев – умнейшая голова: обо всем он имел собственное суждение. Его мысли и высказывания, как правило, были дельными, лаконичными, научно обоснованными, а порой и новыми для военно-морского искусства. Однако он никогда не пренебрегал мнением младших. В этом была сильная сторона его служебной деятельности и поведения вне службы. За это его любили подчиненные. С ним легко работалось. Вот и сейчас он, как бы вслух думая, произнес:

– Интересно знать, куда теперь направится 4-я румынская армия, освободившись от Одессы? Как вы считаете? – обратился он к нам обоим.

Я сказал, что она, видимо, будет возвращена на главное направление, в Донбасс, на помощь немецко-фашистским войскам, ведь там темпы их наступления резко снизились.

Оператор, капитан 2-го ранга Жуковский согласился со мной, но добавил:

– Если она сохранила боеспособность, что вряд ли возможно, ведь защитники Одессы крепко ее потрепали.

Елисеев согласился с таким уточнением. Понеся большие потери под Одессой от ударов нашей армии и флота, соединения противника могли надолго задержаться в тылу для отдыха, пополнения, переформирования и приведения себя в порядок. Однако считал, что не следует гадать, а лучше подождать докладов разведчиков.

– Будем считать, товарищ Деревянко, на этом ваши обязанности начальника штаба Одесской военно-морской базы законченными, – заключил Елисеев.

Назавтра Военный совет флота заслушал доклад командира Одесской базы контр-адмирала И.Д. Кулишова о действиях базы при эвакуации Приморской армии. Командующий флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский дал высокую оценку организации и проведению эвакуации войск на всех ее этапах: отводу войск с рубежей обороны в порт, посадке их на суда и корабли, выходу конвоев из порта, переходу морем, прикрытию с воздуха. Результат говорил сам за себя: войска прибыли без потерь; моряки базы справились с задачей вывоза армии с осажденного плацдарма одним эшелоном в одну ночь[1]. Так как на заседании Военсовета присутствовали командующий Одесским оборонительным районом контр-адмирал ЕВ. Жуков и член Военсовета ООР Ф.Н. Воронин, комфлот высказал мнение, что цель Одесской оборонительной операции, поставленная высшим командованием, – оттянуть к Одессе крупную вражескую группировку войск с главного направления военных действий на юге Украины и этим облегчить положение наших войск Южного фронта – достигнута. И хотя обстановка в Донбассе тяжелая, она осложнилась бы еще более, если бы в августе – сентябре вместо Одессы туда подошла на помощь немцам 4-я румынская армия, а это, по предварительным данным наших разведчиков, более двадцати дивизий.

Одесса оказала Южному фронту неоценимую помощь, его войска, отступая, наносят контрудары по врагу, сбивая темп его наступления. А вот положение на Перекопе для нас катастрофическое, оборона на недостаточно подготовленных ишуньских позициях потрясена до основания, и вряд ли выдвигаемая к Ишуню Приморская армия выправит положение. И вообще: кто не удержал Перекопский (Турецкий) вал, тот не удержится на Ишуне. А в связи с этим главная база флота – Севастополь попадает под удар противника с суши. Член

Военсовета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков согласился с оценкой героических усилий защитников Одессы, данной комфлота, и подтвердил опасность нашего положения на Перекопе.

В заключение комфлота объявил:

– Вы, товарищ Жуков, остаетесь в Севастополе в распоряжении Военсовета флота. Ваш одесский опыт, видимо, скоро понадобится здесь. Товарища Воронина отзывает Главное политическое управление Красной Армии. Товарищу Кулишову на выделенных кораблях немедленно отбыть со всем управлением бывшей Одесской базы в Туапсе для формирования там новой военно-морской базы. А вам, товарищ Деревянко, ждать приказа наркома ВМФ.

Ждать так ждать. Не часто бывает, когда ни подчиненных, ни начальников, и ты вроде бы в отпуске. Только прохлаждаться в такое страшное для нашей Родины время как-то стыдно. Но такова воля начальства. Хотя наштафлота Елисеев вскоре найдет мне применение. Но это чуть позже. А пока я без дела и есть время для раздумий.

Каждому человеку свойственно предаваться философскому осмыслению прошедшего, настоящего и будущего. Вот и мне представилась возможность проанализировать только что пережитое, а также происходящее на сухопутных фронтах, и не только здесь, в Крыму, айв других местах – враг еще на подъеме, в силе, держит инициативу в своих руках и ведет наступление на Ростов, Москву и Тихвин. Конечно же, всех нас волновала судьба Родины. Меня прежде всего – Крым.

Я продолжал считать (хотя это окажется не так), что 4-я румынская армия, оттянутая нами в июле – октябре с главного направления к Одессе, теперь постарается своими двадцатью дивизиями помочь немцам пробиться к Волге и на Кавказ. Ведь мы наслышаны о целях Гитлера в войне. Они изложены в гитлеровском плане «Барбаросса», который должен был реализоваться путем «блицкрига»[2]. Гитлеровцы планировали уничтожить Красную Армию и Советский Союз в течение одной кратковременной военной кампании: в скоротечной схватке разгромить основные силы Красной Армии в приграничном сражении, к западу от Днепра и Западной Двины, а затем в преследовании остатков захватить территорию СССР по всей линии Волги с выходом на Кавказ. И сделать это до конца осени, до наступления зимних холодов.

На уничтожение величайшей державы гитлеровцы отводили несколько месяцев. А мы тем временем распорядились по-своему. И хотя за московское, ростовское и тихвинское направления

тревожились, ибо инициатива была у немцев, становилось очевидным, что война уже с июля – по завершении приграничного сражения и боев между границей и Днепром и Западной Двиной – протекает не по гитлеровским планам и графикам с их быстротечными темпами до 30 километров в сутки, которые наблюдались в первые дни. Похоже, что они скорректированы ходом событий и нарастанием сопротивления Красной Армии и Флота, организованными контрударами защитников Советской Родины по гитлеровским захватчикам.

В наших оборонительных летне-осенних сражениях потерпели крах первоначальные гитлеровские замыслы молниеносного разгрома нашей армии. Изуверский план «Барбаросса» с его «блицкригом» провалился: и по целям – Красная Армия и Флот не разгромлены, живут и борются; и в пространстве – до Волги далеко и мало вероятности сейчас ее достигнуть; и по времени – на дворе глубокая осень, наступали зимние холода, истекал срок, отведенный гитлеровцами для удушения нашей страны.

В самый разгар битвы за Москву Сталин в речи на торжественном собрании 6 ноября скажет о провале гитлеровского «сумасбродного плана молниеносной войны против нас». Таким образом, уже к исходу осени потерпела крах вся стратегия гитлеровского «блицкрига». Но как раз в это время гитлеровское командование, отложив триумфальные прожекты, предприняло отчаянные попытки оживить «блицкриг», подать его хотя бы в сокращенном и, так сказать, осенне-зимнем, престижном, варианте: коль скоро не удается на севере России и туго приходится в центре, на московском направлении, чтобы выйти на запланированный победный рубеж войны до зимы, то пробиться – на юге к Волге и на Кавказ.

Вот почему, несмотря на героическое сопротивление наших войск Юго-Западного и Южного фронтов, вражеские войска 6-й и 17-й полевых армий и 1-й танковой группы упорно продвигались на восток и к концу октября заняли Донбасс и Харьков, подошли к Ростову, заняв 17 октября Таганрог, и нацелились в излучину Дона, а за ним Волга и Кавказ – рукой подать.

Но темпы – уже не те. Есть такое наиважнейшее слагаемое успеха наступления сухопутных войск, которое во многом зависит и от количества сил. Если у тебя их недостаточно, противная сторона контрударами собьет твой темп наступления. И тогда сколько ни продвигайся, запланированная победа на назначенных рубежах не состоится. Гитлеровцы заняли Ростов только 21 ноября и выдохлись. Для поддержания высоких темпов наступления им нужны были дополнительные войска. И они

были. Была 4-я румынская армия. Согласно трофейным документам и разведданным Приморской армии, в ней числилось 20 дивизий и 7 бригад, это в пересчете 23 дивизии. Но эти силы были прикованы к Одессе и не могли помочь немцам прорваться к Волге и на Кавказ.

Немецкие темпы наступления в сентябре – ноябре на юге (да и на других направлениях, в том числе и на московском, и тихвинском) – это не июньские – июльские – по 30 километров в сутки, когда враг за три недели углубился на нашу территорию до 600 км, а всего 6–8, от силы 10 км. Ползучие темпы осеннего увядания, темпы умирающего «блицкрига». И этому есть объяснение: повсеместно усилилось сопротивление Красной Армии и Флота.

Не достигнув стратегической цели – разгрома Красной Армии у границы, гитлеровское командование вынуждено было круто повернуть левофланговые армии на северо-восток, в направлении Риги – Пскова – Ленинграда, а правофланговые армии основной группировки – на юго-восток, в большую излучину Днепра и, втягиваясь в тяжелые и затяжные сражения, начать наступление всеми войсками по расходящимся направлениям веером. А это повлекло бы за собой непрерывное разжижение боевых порядков и отрыв флангов, сделало неустойчивым оперативное построение наступавших войск. Это были роковые, но неизбежные для немцев решения.

Да, приграничное сражение мы проиграли, так как не смогли отбить нападение большой и хорошо организованной силы. Но и немцы не реализовали свой план разгрома Красной Армии. Обе стороны не достигли стратегических целей. И этим как бы подводился итог начала войны. В будущем мы назовем его начальным периодом войны, который закончился в середине июля, когда мы организовали и повели крупные оборонительные сражения на реке Луге, у Смоленска, под Киевом и Одессой, остановив врага, или задержав его продвижение, или сбив темпы его наступления на том или ином главном направлении[3].

И теперь гитлеровцы, растянув свои войска в пространстве, втянулись уже в затяжную, изнурительную, опасную для них войну. Июльский рубеж расчленил ход войны, и от него война пошла не по тем планам, что гитлеровцы писали перед нападением, теперь их писал и советский воин своей отвагой и мастерством, и большой кровью, чтобы к зиме порушить планы врага.

Гитлеровцы в первые свои победные дни полагали, что война скоро закончится (так записал Гальдер в дневнике от 3 и 4 июля, так говорил Гитлер 4 июля)[4]; а мы посчитали, что только

начинаем. А такая перспектива для

Германии во всех аспектах – экономическом, морально-политическом, военном, демографическом – погибельна. Коль скоро фашистская Германия потерпела неудачу в стремлении разгромить Красную Армию у границы и большая война выплеснулась на широкие российские и украинские просторы и на большую глубину – чего так опасались гитлеровцы и намеревались избежать, – то теперь Гитлер, сколько ни одерживай побед, конечных стратегических целей – уничтожения Советского государства – ему не достичь[5].

Мы верили в погибель Гитлера и в свою конечную победу, когда сражались у стен Одессы, и будем верить, защищая Кавказ. Эта святая вера в жизнеспособность советской власти и Коммунистической партии была не мистической и фатальной, а укрепилась всем ходом истории и ходом борьбы в начавшейся войне – беззаветной борьбой советских воинов, вдохновлявшей и нас, командиров, на совершенствование руководства боями. При этом мы допускали мысль, что гитлеровцы могут добиться еще немало тактических и оперативных успехов и достигнуть отдельных промежуточных стратегических целей, а мы переживем не один горестный день. Все впереди будет. И в свой час беда падет на головы гитлеровских захватчиков – придет час расплаты за разбой. И все-таки большие военные беды германской армии начались, когда она в лето сорок первого – самое мрачное, но и самое героическое для нас, лето войны – попала в цепкие объятия широких просторов, напоролась здесь на стойкость советских воинов в летних оборонительных сражениях и заполучила всенародную войну Именно с этого времени началось восхождение фашистской Германии на Голгофу где она и закончила свой путь бесчестия, обнажив наизнанку свои нечистоты на вселенское обозрение.

А все началось с того, что Гитлер и его окружение, как мы потом прочитаем, убеждали, твердили перед войной своим военным кадрам, что с «глиняным колоссом» (так они называли нашу армию) будет покончено в первой схватке, русская армия распадется быстро[6]. А военные кадры, прежде всего генералы и офицеры, ненавидевшие все русское, советское, как губка впитывали эти догматические посылы фюрера, это была наилучшая питательная среда в германском фашистском обществе для выращивания и внедрения в сознание всех гитлеровских солдат бредовых идей молниеносной войны. Преодолев свои первые кастовые, дворянские порывы презрения к «выскочке ефрейтору Гитлеру», генералы и офицеры начали смотреть на Советский Союз и его Вооруженные силы глазами

фюрера – ведь теперь их застарелые антирусские, антисоветские настроения совпадают с гитлеровскими целями. И они послушно и в охотку, под его командованием, признав его духовную и физическую власть над собой, почитая его, как провидца, как военного и политического своего вождя, с их рабским врожденным низкопоклонством и пресмыкательством, очертя голову бросились с фашистским остервенением выполнять приказы своего фюрера.

Повторяю: тогда мы многого из задумок врага не знали, уже в ходе войны и особенно после ее окончания все стало ясным и понятным в планах и действиях врага. И чтобы мое повествование было складным и хорошо усваивалось, я, исключительно в интересах читателя, продолжаю вести рассказ в полном соответствии с послевоенным исследованием трофейных немецких документов и изучением документов советского военного командования, не расходясь в главном с прежними публикациями: историческими и мемуарными.

Исходя из ошибочной военно-политической посылки о легких победах в России, с быстрым разгромом Красной Армии, гитлеровское командование, в ходе завершения стратегического развертывания, перед нападением своих основных сил трех главных группировок – «Север», «Центр», «Юг», – сосредоточив в полосе от южной Балтики до северных Карпат (приблизительно около 750 км по прямой) 117 немецких дивизий[7], произвело оперативное построение этих войск в один эшелон армий – все армии в одну линию[8]. Это грубейший отход от теории военного искусства в войне с сильным противником, да даже со слабым. Но это был не ошибочный шаг опытных и знающих военное дело немецких генералов, а преднамеренные, продуманные действия, когда надменность, извечная недооценка противника, подавляет разум принимающего важные оперативно-стратегические решения. Спесь германского генералитета, его лютое презрение ко всему талантливому иноземному – общеизвестны. Это впитывалось с «молоком матери», это их наследственный порок, душивший неплохие военные знания германца. На немецких генералов – с их врожденным слепым повиновением верховному вождю, преклонением перед ним – находило прямо-таки колдовское затмение по части оценки противника, они смотрели на него глазами предков, а теперь еще и фюрера. Поэтому-то они и не поставили хотя бы одну армию во второй эшелон для помощи первому, для ликвидации задержек и недопущения оперативных пауз в наступлении на главном направлении, для наращивания усилий, наконец – для развития успеха в стратегическом и оперативном плане; а то, что они кое-где

«сдвоили ряды» некоторых дивизий, это мера тактического масштаба, с некоторым влиянием на оперативные задачи.

Ослепленная иллюзиями молниеносного разгрома нашей армии, фашистская Германия пошла в поход против великого советского народа одним стратегическим эшелоном полевых и танковых армий[9].

Но разве можно идти, даже на средней силы противника, одним эшелоном войск, когда на войне существует уймища непознаваемых наперед тайн войны, о чем ни один гений не должен забывать, чтобы быть готовым ко всем случайностям войны. А тут перед тобой – такая армия, такой народ, такая страна, такие пространства! Ни один из трех командующих группами армий не вывел часть своих дивизий в свой мощный резерв для непредвиденных случаев, которые на войне следуют один за другим, даже если перед тобой слабый противник. А если принять во внимание, что у немцев в войне с нами все строилось на несомненном и быстром успехе, то вот это как раз повелительно требовало назначения и второго эшелона, и мощного резерва. Это классические требования военного искусства, выработанные наукой, вобравшей в себя многовековый опыт войн.

Те 24 дивизии, что назначались в резерв главнокомандующего сухопутными силами, находились в движении на восток и должны были в начале июля подойти к фронту[10]. Видно, спесивые предполагали послать их уже в оккупационный марш на добивание остатков Красной Армии, которые по их разумению должны были в панике бежать за Волгу.

Вот с чего и когда начинались будущие военные поражения гитлеровской Германии, как порождение военно-политических просчетов гитлеровского политического и военного руководства в оценке мощи Советского государства, его Вооруженных Сил и морального состояния советского народа и в оценке возможностей Германии, а также в оценке возможного характера будущих сражений, когда гитлеровская армия углубится на территорию Советского Союза.

Ведь то, что у немцев в день нападения стояло плотно в один эшелон (117 дивизий) от Балтики до Карпат, за три месяца расползлось к октябрю по линии от Ладожского озера до Азовского моря, ширина фронта главных немецких сил трех групп армий растянулась с 750 км (по прямой от Балтики до Карпат) до 1500 км (по прямой от Ладоги до Азовья), а количество немецких дивизий на фронте увеличилось за это время, помимо двадцати четырех резервных, только на девять[11]. Не надо быть военным, чтобы понять, что произошло с оперативными плотностями

немецких войск. Они катастрофически уменьшились – почти вдвое. А советские войска обретали стойкость сопротивления. В результате – темпы немецкого наступления резко снизились. Да, и наступление велось – например, во второй половине сентября – уже не на трех, а в основном на одном главном направлении – южном, и стоило возобновить в октябре наступление в центре на Москву, как в ноябре захлебнулись наступления на южном и северном – мы освободили Ростов и Тихвин; мы одержали первые победы. У немцев, кроме всего прочего, не было такого количества войск, чтобы везде, на таком, сложившемся к октябрю, широчайшем фронте, быть сильными, к чему они постоянно и упорно стремились, вопреки одному из жестких законов войны, по которому нельзя быть одновременно и постоянно сильным, с большим войском, на всех направлениях, сражаясь на огромных пространствах по расходящимся линиям, разуплотненными порядками и построениями без резкого, может быть двойного, увеличения войск. К тому же немцы были лишены возможности свободно маневрировать войсками по фронту, ибо Красная Армия и Флот на многих фронтах и у городов-героев жесткой обороной и частыми контрударами воспретила немцам перебрасывать крупные массы войск с фронта на фронт, на помощь[12].

Для поддержания нужных темпов в осеннем «блицкриге» гитлеровскому командованию требовались дополнительно десятки свежих дивизий.

Но то, что против 198-миллионного советского народа с его передовой философией пошла 80-миллионная нация, да еще напичканная таким политическим дерьмом, как превосходство арийской расы, и идеями насилия и грабежа чужого добра, в качестве «законного» трофея и, как считали тогда в Германии, достойного победителя-гитлеровца, – это уже оказалось другим весьма важным, я бы назвал тоже роковым, просчетом Гитлера, потрясшим Третий рейх непрерывными и тотальными мобилизациями возрастов и профессий, крайне нужных в экономике, в силу их высокой квалификации, так необходимой для производства оружия и боевой техники, малейшая задержка поставки которых потрясала фронт. Гитлеровское руководство в ходе войны мобилизует в армию высокий процент населения и, как покажут трофейные документы, доведет число немецких дивизий на советско-германском фронте в феврале 1943 года – до 200 (к слову: число дивизий сателлитов будет доведено в ноябре 1942 года – до 73)[13]. Но этими мобилизациями была подорвана военная экономика Германии, работавшая на войну. И гитлеровцев не спасет и то, что они привлекут к работам в хозяйстве до 7 млн иностранных рабов[14].

В будущем генерал армии С.М. Штеменко выскажет в своих воспоминаниях по этому поводу интересные мысли, заслуживающие их повторения. После войны, в роли начальника Генштаба, он был на докладе у Сталина, который неожиданно спросил у него: «А как вы думаете, почему мы разбили фашистскую Германию?» Штеменко перечислил известные политические, экономические и военные факторы победы. Сталин, согласившись с этим, заметил, что сказанное не исчерпывает вопроса; немцы довели армию до 13 млн человек, мобилизовав 16 процентов населения (а у нас 6–8 процентов) – такого напряжения не выдержит ни одно государство; гитлеровцы нарушили законы войны и подорвали жизнеспособность своей страны, и это стало одной из причин их краха[15].

Нехватку людей и войск немцы стали остро испытывать уже летом сорок первого, когда понесли большие потери в результате контрударов Красной Армии и Флота в оборонительных сражениях на главных направлениях и у городов-героев. Поэтому-то и продвижение немецких войск сейчас – глубокой осенью – было медленным. Только в ноябре им удастся на юге буквально доползти до излучины Северского Донца и на неделю захватить Ростов.

Это было самое дальнее проникновение немцев на восток в 1941 году. И немцы не удержатся на этих рубежах. Выдохнутся. У них не хватало сил. И неоткуда их взять, чтобы перебросить на помощь группе армий «Юг» (6-я и 17-я полевые армии и 1-я танковая армия). 11-я армия с несколькими румынскими соединениями еще в августе была перенацелена в Крым и застрянет там надолго. А 4-я румынская армия была прикована к Одессе еще с июля – августа и поэтому не участвовала в сражениях в Донбассе на главном направлении вместе с германской армией, а будучи потрепанной под Одессой, не могла прийти на помощь немцам и в октябре – ноябре, чтобы вместе попытаться прорваться к Волге и на Кавказ.

А тем временем войска Южного фронта, под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко (бывший командующий Одесским военным округом и 9-й армией), измотав врага контрударами в боях за Донбасс, в ноябре перейдут в контрнаступление, оттеснят от Донца, выбьют из Ростова и отбросят немцев к Таганрогу и реке Миус, где они и зазимуют. А скоро их погонят и от Тихвина, и от Москвы, и от Тулы.

Вот все это – и первые июльские неудачи гитлеровской армии в попытке разгромить Красную Армию, и оглушительные контрудары, которые она заполучила в летне-осенних сражениях – является убедительным ответом на вопрос: как наша партия

подготовила страну к войне?! Если бы не так, то Гитлер реализовал бы свой план «Барбаросса» к наступлению зимних холодов 1941 года. Несмотря на наши просчеты в сроках нападения фашистской Германии на нас, обернувшиеся внезапностью; несмотря на задержку в перевооружении авиации, танковых войск и автоматическим оружием сухопутных войск, было сделано то главное в военном, экономическом, техническом и идейно-политическом планах, что позволило Советским Вооруженным Силам уже осенью 1942 года похоронить гитлеровский «блицкриг» и не допустить немцев к Волге и на Кавказ.

Свидание гитлеровцев с Волгой и Кавказом в 1941 году не состоялось. А это огромная победа Красной Армии и Флота, советского народа.

В результате ряда решений Центрального комитета партии, Государственного Комитета Обороны, Ставки и Генштаба, начиная с июля месяца, по оказанию помощи Южному фронту, и среди них – приказание Ставки от 5 августа, подтверждающего директиву командующего Южным фронтом от 18 июля об удержании Одессы, в целях отвлечения к ней крупной вражеской группировки войск и облегчения этим положения войск Южного фронта, отходивших под натиском врага на восток. Этот замысел по Одессе был искусно реализован армией и флотом: без малого вся румынская армия (23 дивизии), нацеленная с немецкой армией на восток, была повернута на юг к Одессе и выпала из ударного кулака, что значительно ослабило возможности противника в Донбассе и у Дона и помогло войскам Южного фронта выстоять, а затем на втором дыхании нанести контрудары и остановить продвижение врага к Волге и на Кавказ. Пройдут годы, и Маршал Советского Союза А.А. Гречко запишет в своей книге «Годы войны. 1941–1943 гг.» (с. 43), что определенное влияние на обстановку на юге оказывали действия наших войск и флота под Одессой.

Заслуга Одессы состоит в том, что, приковав к себе крупную (приблизительно около 300 000 человек) и хорошо вооруженную артиллерией, танками и автоматами вражескую группировку войск, она тем самым влияла на ход военных действий на южном крыле советско-германского фронта в нашу пользу.

И Ставка по достоинству определила место и роль Одессы в вооруженной борьбе и дала высокую оценку героическим усилиям советских воинов у стен Одессы: «ХРАБРО И ЧЕСТНО ВЫПОЛНИВШИМ СВОЮ ЗАДАЧУ ЗАЩИТНИКАМ ОДЕССЫ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК ЭВАКУИРОВАТЬ В КРЫМ НА ПОМОЩЬ 51 АРМИИ»[16].

Эти возвышенные и добрые слова высокой похвалы Верховного Главнокомандующего, адресованные воинам Приморской армии и Одесской военно-морской базы, как величайшая награда, способная украсить любого отважного и заслуженного воина, до сих пор хранит моя память. В сердцах защитников одного из первых городов-героев Одессы они останутся в сердцах до конца их жизни. Эти слова вписаны в историю Великой Отечественной войны, как подтверждение исполненного долга воинами Красной Армии и Флота при защите Одессы. В ту тяжкую пору не всегда удачных для нас сражений не часто давались такие лестные оценки. И ее слова звучали призывом ко всей Красной Армии: отстаивать каждую пядь советской земли упорно, везде и всюду, и если отходить, то только по приказу Ставки.

Почему же здесь, в Крыму, такая проблема, граничащая с катастрофой? За пять сентябрьских дней боев – кровопролитных боев, но малыми силами – сдан такой удобный и выгодный рубеж, как Перекопский (когда-то называвшийся Турецкий) вал – длиной всего 9 километров, упирающийся концами в море – надежный рубеж для удержания длительное время. А сейчас, в октябре, – уже рушатся и ишуньские позиции у Пятиозерья, в 30 километрах южнее Перекопского вала, на выходе с Перекопского перешейка на степные просторы Крыма. И мне пришло на память сказанное еще в Одессе начальником штаба Приморской армии полковником Крыловым (в будущем Маршал Советского Союза), когда мы узнали о потере Перекопского вала: иметь два с половиной месяца спокойного времени для оборудования такого короткого рубежа и позволить врагу пробить его так быстро; не верю я, что там правильно решены вопросы инженерной обороны, да и оперативного построения войск; не простит Ставка неоправданную потерю такого рубежа, который можно и должно было удержать. Да, эта потеря выглядит еще более непростительной на фоне только что блестяще проведенной армией и флотом защиты Одессы, на таких же равнинных просторах, да на рубежах во много крат длиннее. К тому же крымские войска – сперва под командованием генерал-лейтенанта П.И. Батова (9-й стрелковый корпус), а затем под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова (51-я армия) – не были атакованы на Перекопском валу внезапно, а только 12 сентября, а штурм начался 24 сентября. Да и перед ишуньскими боями была пауза с сентября по 18 октября. Было время – подготовиться.

А сейчас, после прорыва наших ишуньских позиций противником, становится очевидным, что с Крымом придется

прощаться. А это угроза основным аэродромам морской авиации, Севастополю и корабельному флоту, ему идет угроза с суши и воздуха.

Догадываясь, что моя будущая служба будет связана с его судьбой, я на второй день своего отпуска не выдержал и зачастил в оперативный отдел штаба флота. Там мои старые сослуживцы и однокашники О.С. Жуковский, Н.В. Тишкин, В.С. Лисютин, И.М. Нестеров снабжали меня сухопутной информацией, от которой горько становилось на душе.

Особенно подробно посвящал меня в дела на Южном фронте оператор капитан 3-го ранга В.А. Ерещенко, мой сослуживец по эсминцу «Дзержинский» (я был артиллеристом, а он – штурманом). Уже тогда у него проявились наклонности к штабной работе – начитан, трудолюбив, скрупулезен. Последнее имеет неоценимое значение в штурманской и оперативной службе. Командир эсминца капитан 2-го ранга Н.М. Харламов (в будущем адмирал, командующий флотом) высоко ценил его за старания и аккуратность – в походе когда бы ни глянул на карту, всегда было обозначено на текущее время точное место корабля: или инструментально определенное по береговым знакам, либо по небесным светилам, либо по радиопеленгам; или по счислению пути, когда корабль совершал плавание вдали от берегов и в ненастную погоду. Наша кают-компания была дружна, но наша с ним дружба особенно была крепка. Этому способствовала мудрая линия поведения и высокая принципиальность нашего командира – Николая Михайловича Харламова, ценившего усердие в службе подчиненных, умевшего сочетать служебную строгость с уважительностью и доброжелательностью к людям, а это сплачивало нас в единую корабельную семью.

Виктор Алексеевич Ерещенко вел большую оперативную работу в штабе флота. Вел со знанием дела, творчески реализуя идеи и решения командования в директивы и приказы соединениям флота. У него на многие военные события имелось собственное твердое мнение. Он, в частности, поведал мне то, что позднее подтвердили другие операторы и их начальник, а потом я услышал от комфлота, наштафлота, от знатока сухопутного дела и обстановки на Перекопе начальника Береговой обороны Главной базы флота генерал-майора П.А. Моргунова. Все они, а также и член Военсовета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, человек высокой объективности, сходились на одном: Перекопский вал, несмотря на величайший героизм бойцов, командиров и политработников дивизий 51-й армии и прежде всего 156-й дивизии генерала П.В. Черняева, был потерян по

субъективным причинам: по недосмотру и в результате просчетов и ошибок в руководстве обороной Крыма со стороны генералов Ф.И. Кузнецова и П.И. Батова.

Объективно сама природа (географическое очертание Крымского полуострова), дала в руки организаторов обороны неоценимый дар: узкое горлышко – Перекопский перешеек (которым Крым соединяется на севере с материком), это игольное ушко, через которое надо уметь проникнуть с суши на полуостров, берега которого удалены от вражеских портов более чем на 300 километров. И была благоприятная для нас оперативная обстановка на море: слабый боевой и транспортный флот противника и наш сильный Черноморский флот, способный отразить вражеский морской десант. А против воздушного десанта имелись сильная армейская и флотская истребительная авиация и наземные формирования армии и флота, ополчение, не требовавшиеся на Перекопе.

В организации, подготовке и ведении обороны Крыма были нарушены важнейшие требования военного искусства, допущены просчеты и ошибки: в определении направления главного удара противника по Крыму; в инженерном оборудовании позиций главного, тылового и промежуточных рубежей на Перекопском перешейке, на всю его глубину до Итттуни, как основы жесткой обороны Крыма; в соблюдении оперативных норм плотности войск в обороне на главном направлении, каким обозначился Перекоп в конце августа, когда немцы форсировали Днепр в его низовье.

Однако винить только генералов Ф.И. Кузнецова и П.И. Батова, хотя их ответственность за крымские неудачи слишком очевидна, было бы упрощением. Были и обстоятельства, влиявшие на их поступки.

Каждый из нас, как бы ни был убежден в правоте своих намерений и действий, все же прислушивается к голосу и мнению других и тем более свыше, даже если оно не согласуется с твоим. Иной даже не всегда твердо стоит на своем, в которое уверовал и обосновал, хотя ему на месте обстановка и условия борьбы виднее, не отстаивает свой замысел в полном объеме, а начинает его корректировать, опасаясь разойтись во мнениях со старшим начальником. А случалось и такое, когда мнение со стороны, даже не обоснованное научно и не соответствующее обстановке, принималось как единственно правильное. Так получилось и у командования крымскими войсками.

Заместитель командующего войсками Одесского военного округа генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов и я, возвращаясь с заседания Военсовета ЧФ из Севастополя вечером 22 июня 1941

года, заехали в Симферополе в штаб 9-го стрелкового корпуса и стали свидетелями телефонного разговора по ВЧ наркома обороны с комкором П.И. Батовым. Последнему давались указания быть готовым к отражению воздушных и морских десантов в Крым[17]. Комкор Батов принял эти указания к исполнению. Но в июне Крыму ничто не угрожало с суши, ибо в тот первый день войны все – снизу до верху – лелеяли мечту, что вторгшийся враг будет Красной Армией в ближайшие дни отброшен и бои пойдут на его территории. А вот с моря и воздуха, правда с большой натяжкой, можно было ожидать атаки, с учетом авантюризма и наглости врага. Хотя Крым в пятистах километрах от фронта и в трехстах километрах от румынских портов – далековато самолетам с пехотой без истребительного прикрытия, да и кораблям путь немал, к тому же наши истребители, корабли, батареи находились в готовности.

Батов принял это телефонное указание, как боевой приказ. Но приказ – не догма. Нас учили выполнять боевую задачу творчески. Изменилась обстановка – доложи. Нет возможности и времени на доклады – имей мужество и принимай решение на расширение своей задачи и даже меняй направление, если появился новый противник.

Через несколько дней обстановка на сухопутных фронтах резко изменилась не в нашу пользу, противник прорвался на сотни километров в глубь нашей территории. Фронт потребовал строить оборонительные рубежи на большую глубину. Это относилось и к Крыму. Но крымские дивизии продолжали находиться на степных просторах. Полученные указания наложили столь сильный отпечаток на деятельность комкора-9, а позже и командарма-51, что даже в изменившейся обстановке при появлении угрозы со стороны суши, когда уже была дана новая ориентировка против сухопутного противника, все равно готовили Крым к обороне со всех направлений – морского, воздушного и сухопутного – с одинаковым усилием и даже с противодесантным приоритетом.

18 августа прибывший командующий вновь создаваемой в Крыму армии генерал Ф.И. Кузнецов привез с собой директиву Ставки от 14 августа 1941 года, которая подтверждала старое, уже известное Батову: готовиться к обороне со всех направлений. И тут уже сам комкор, а теперь и заместитель командующего армией Батов, ранее усердно этим занимавшийся, на этот раз зароптал. По этому поводу в своих воспоминаниях генерал армии П.И. Батов писал:

«Затруднение, с которым столкнулся командующий 51-й армией, заключалось в основной директиве Ставки, где армии

ставилась задача “не допустить противника в Крым с суши, с моря и с воздуха”. При той оперативной обстановке, которая сложилась ко второй половине августа на южном крыле Советско-германского фронта, вряд ли было можно по-прежнему ориентировать 51-ю армию на противодесантную оборону Опасность надвигалась с севера, а нам предлагали разрывать силы армии на оборону побережья, на оборону предгорных районов, на оборону перешейков. Начались поиски противника, угрожающего с моря… Чтобы не допустить воздушные десанты, перепахали часть аэродромов… Соединения рассредоточили по всей территории. Принцип массирования сил на Перекопском направлении, где была наибольшая вероятность вражеского удара, отсутствовал»[18].

А почему преувеличивались десантные возможности немцев? На мой взгляд, потому, что мы не провели, точнее не успели провести, да мы и не имели достаточных сведений для анализа немецких десантных операций по захвату в 1940 году Норвегии с моря и в 1941 году острова Крит с воздуха, которые легко удались немцам из-за слабого противодействия и непатриотического поведения определенной части оборонявшихся.

Крым лежал на пути устремлений гитлеровцев на Кавказ. И мы понимали, что Крым может послужить трамплином германской армии при прорыве на Кавказ. Но почему непременно надо ожидать высадки крупных воздушных и морских десантов с целью захвата Крыма и держать дивизии у Керчи и Феодосии в ожидании этих десантов, при полном отсутствии данных на это? Не знаю, в какой степени враг подпитывал эту ложную посылку для отвлечения нашего внимания и наших сил на ложное направление, но стоило нашей авиационной и агентурной разведке обнаружить на южных прифронтовых аэродромах противника всего-навсего два-три десятка транспортных самолетов, а в черноморских вражеских портах с десяток небольших транспортов, как эти мизерные скопления сразу расценивались как подготовка противника к воздушному и морскому десанту в Крым.

Разведка ни разу не положила на стол нашему комфлоту или другому военачальнику аэрофотоснимки с сотнями транспортных и боевых самолетов на фронтовых аэродромах, или с десятками крупных транспортов и боевых кораблей в портах противника, не говоря уже о крупном десанте, необходимом для овладения Крымом. Оно и понятно. После понесенных тяжелых потерь в летних сражениях враг не мог не чувствовать, не видеть, что Крым – это не Норвегия и не Крит. Недаром же после первых

наших ощутимых контрударов Гитлер запричитал: «Напав на Россию, мы открыли дверь в неизвестное».

В результате грозных предупреждений о десантах и указаний по ПДО все крымские дивизии были рассредоточены по всему Крыму и его побережью от Евпатории до Керчи. Такое положение сохранялось и в июле и частично в августе, до приезда командарма-51 Кузнецова.

По решению Ставки от 14 августа в Крыму развертывалась отдельная 51-я армия. В нее включались 9-й корпус и отдельные дивизии. Всего насчитывалось семь стрелковых и три кавалерийские, часть из которых только формировались и доукомплектовывались. Командующим армией был назначен генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, человек с боевым опытом, его заместителем – генерал П.И. Батов, а командиром 9-го корпуса – генерал И.Ф. Дашичев. Командарм Кузнецов, прибыв 18 августа в Симферополь и ознакомившись с обстановкой, выразил неудовлетворенность разбросанностью дивизий по всему Крыму и побережью в ожидании мифических десантов. Он не согласился с дислокацией крымских войск, произведенной генералом Батовым. Командарм энергично взялся за исправление ошибок предшественников. Первым боевым приказом его было снять несколько боеспособных дивизий с противодесантной обороны побережья и полуострова и выдвинуть их на более угрожаемое северное направление. Две дивизии были направлены к Сивашу оборону южного берега залива возглавил командир 9-го корпус генерал Дашичев, одну дивизию поставили на Перекоп. Позже на Перекоп будут подтянуты лучшие части и здесь будет создана оперативная группа войск под командованием генерала Батова. В приказе командарма говорилось, что задача 51-й армии – не допустить противника на Крымский полуостров с суши, моря и воздуха.

Копия приказа сразу же пошла телеграфом в Генштаб. Командарм, обеспокоенный северным, сухопутным направлением, выдвинул туда три лучшие дивизии. Не оставил он без внимания морское и воздушное направления – это вытекало из директивы Ставки от 14 августа: оборонять с суши, моря и воздуха.

21 августа, когда нами уже был сдан Херсон и наши войска переправлялись через Днепр, в 51-й армии была получена телеграмма из Генштаба, в которой запрашивалось: целесообразно ли снимать на Перекоп 156 сд с Керченского полуострова и 106 сд с Евпаторийского сектора? Это была реакция на приказ Кузнецова о выдвижении войск на наиболее угрожаемое направление. Видно, считалось, что противник угрожает больше Керчи с воздуха, а Евпатории с моря, нежели

Перекопу с суши, хотя войска противника окажутся здесь через три недели. Возможно, стремительные действия командарма вызвали в Генштабе недоумение, и Кузнецов был приглашен к аппарату. Ему сказали, что не совсем понятна сложная перегруппировка войск в связи с организацией обороны Перекопа и вызывает беспокойство ослабление обороны крымского побережья. Спросили: кем оно сейчас обороняется? Такой вопрос вполне понятен – он вытекал из директивы Ставки от 14 августа, в которой предписывалось оборонять Крым с суши, моря и воздуха. Командарм резонно ответил, что до тех пор пока Черноморский флот не потерял своего положения на море, противник внезапно появиться на побережье не сможет.

Командующий флотом Октябрьский, оперативно подчиненный Кузнецову в части обороны Крыма, был посвящен в эти перипетии. Беседуя с нами на приеме, он одобрительно отозвался о разумных действиях командарма по укреплению Перекопа войсками. Октябрьский в заключение сказал: надо только сожалеть, что командарм не пошел дальше, не усилил перекопское направление, что, кстати, в интересах флота, ибо оттуда ему шла угроза. Он ограничился выдвижением туда только одной дивизии, что было недостаточным, так как только для оборудования полевых укреплений на Перекопском валу требовалось две дивизии, а если принять во внимание необходимость создания еще промежуточных рубежей и ишуньских позиций, то туда следовало послать и третью дивизию. Но действия Кузнецова объяснимы.

И тогда, и в последующем на поведение командарма сильное влияние оказывали сомнения, высказанные ему свыше по поводу его перегруппировки войск в интересах сухопутного направления, и обилие угрожающей развединформации о десантах, приходившей по линии армии и по линии флота. Из полученной в начале сентября штабом флота развединформации явствовало, что в районе Николаева сосредоточиваются самолеты противника для авиадесанта в Крым, а в Болгарии замечено скопление транспортов и барж для морского десанта. Эта информация стала достоянием штаба 51-й армии. Там к ней не могли не прислушаться.

Если бы такая развединформация была многократно перепроверена авиаразведкой с аэрофотографированием, она не подтвердилась бы, и ее не пришлось бы спускать в низы, она ведь вызывала волнение в умах исполнителей и настраивала их усилия против воздушных и морских десантов, подталкивала их на ложный путь.

Проходило время, десантов не было, а прошлые

предупреждения не отменялись. Наоборот, в тлеющий костер десантных страстей подбрасывались свежие сухие поленья. Создавалось впечатление, что некоторые инстанции, прежде всего разведывательные, ставили себе в заслугу предупредить низы, преследуя благородную цель – повышать бдительность и готовность, а на деле получалось – попугать. А за этим вроде невинным занятием стояла страшная штука – в низах, всполошившись (шутка ли – информирует высшая инстанция), начинали перенацеливать силы на ложное направление. Это и нужно противнику, он того и добивался: сосредоточением на глазах у нашей разведки незначительных сил демонстрировал ложный замысел. Рождалась дезинформация. Слов нет, военный человек, памятуя, что на войне масса непредсказуемого, должен быть готов ко всем неожиданностям. И старший начальник обязан поддерживать в войсках определенную напряженность, но в разумных пределах, обосновав это расчетами и анализом. Не всякую полученную информацию о противнике позволительно спускать в низы – не перепроверенное перекрестно может нанести вред делу.

Конечно, когда свершилось событие, легко быть умным, критиковать и поучать. И все-таки надо – чтобы извлекать уроки из прошлого, пережитого для выводов на будущее, чтобы не допускать прошлых ошибок. Тогда мифические десанты стояли грозным призраком там, где не было почвы для легенд, ибо все эти необоснованные предположения о возможных десантных действиях противника были несовместимы с научным предвидением событий, в основе которых должны лежать реальные факты. Их могли дать тщательная разведка, кропотливые расчеты, творческий анализ, оценка обстановки. А это значит – большой мыслительный труд с карандашом в руках. Кто нарушает эти святые каноны ратного командирского труда, рождает опасную импровизацию, больно бьющую по военному делу.

Спешу оговориться. Сказанное ни в коем случае не означает, что эти ошибочные явления были нам присущи везде и всюду, являлись характерными для наших кадров. Нисколько. Тот же командарм Кузнецов, на которого психологически влияла неверная информация, оказался в главном на высоте. Прибыв на место, он сразу отмел угрозу с моря и воздуха как наиглавнейшую и оценил значение сухопутного направления, не поверил в возможность морского десанта в Крым и двинул лучшие силы на север. Честь и хвала ему за ум и твердость, ведь это наипервейшие качества военного человека.

Приведу теперь другой пример, уже из флотской

действительности того времени. В ходе обороны Одессы, как раз в день приезда Ф.И. Кузнецова в Симферополь, командование Одесской военно-морской базы получило из штаба флота информацию о том, что из румынского порта Сулина вышли 12 транспортов – 8 крупных и 4 малых – с десантом в охранении 10 катеров в направлении Одессы. Комфлота сообщил, что по десанту нанесен удар Черноморской авиацией, а нам приказывалось быть готовыми к удару по десанту внутри минного заграждения.

Командир базы контр-адмирал Г.В. Жуков сильно засомневался в реальности десанта: кто и как смог определить, что на судах именно десант и идет именно к нам? Но приказал начальнику штаба базы и мне, начальнику оперативного отделения штаба базы, произвести расчеты, составить справки, доложить ему по карте оценку обстановки и внести предложения на возможный бой. И отпустил нам час времени. По предложению начштаба Жуков решил на заслушивание моего доклада, предложений начштаба и принимаемого решения командиров соединений не приглашать, как обычно это практиковали, сказал, что не надо вносить сумятицу в умы людей, занятых борьбой с врагом на сухопутном направлении, главном для нас, в которую втянулись корабли, береговые батареи и морская авиация. Прослушаем доклады и примем решение в узком кругу: командир, комиссар, начштаба и начоперотделения. Оповещение командования Приморской армии Жуков взял на себя.

Через час мы были у командира базы. Я доложил расчеты, представил справки и сделал оценку обстановки. Вывод был ясен: Румыния не имеет такого количества крупных транспортов, авиаразведка ошиблась в определении размеров судов, приняв рыбацкие суда за транспорты, что уже бывало; слабенький эскорт не вяжется с большим числом транспортов с войсками, тут нужны эсминцы и крейсера, мощное истребительное прикрытие; для форсирования нашего минного заграждения, прикрытого минными защитниками, противнику потребуются десятки больших тральщиков; для огневой поддержки десанта требуются крупные артиллерийские корабли; у противника же нет крейсеров, имеются лишь четыре эсминца и несколько катерных тральщиков для прибрежного траления. К нам с десантом может идти только большой флот с набором всех классов надводных кораблей; упомянутый отряд судов будет разгромлен на минном поле и внутри заграждения нашей береговой артиллерией, кораблями, морской авиацией. Наблюдаемый отряд судов может быть чем угодно, только не десантным, он может идти куда угодно, только не в Одессу. Наиболее вероятно – это малые суда,

совершающие внутренние каботажные перевозки, или рыбацкие.

Начштаба базы, согласившись с оценкой и выводами, предложил не отвлекать основные корабельные силы с главного направления, продолжать артподдержку нашей пехоты, а во исполнение приказа комфлота назначить для ударов по предполагаемому десанту два корабля и дивизион торпедных катеров, самолеты двух эскадрилий с подвешенными бомбами держать в готовности на аэродромах. Береговая артиллерия пусть продолжает выполнять главную задачу – наносить артудары по пехоте противника, усилив наблюдение за морем. Помимо дневной авиаразведки моря произвести два ночных вылета гидросамолетов с осветительными бомбами для освещения подходов к минному заграждению, усилить корабельный дозор двумя катерами.

Командир базы Жуков, согласившись с предложениями штаба, превзошел его в осторожности и приказал приготовить для возможного удара, помимо указанных сил, только два надводных корабля – канлодку и старый эсминец. Он категорически запретил снимать новые эсминцы с артиллерией с огневой поддержки нашей пехоты.

Так как в море между Сулиной и Одессой находились в поиске десанта корабли эскадры – лидер и три новых эсминца, а нам приказано кораблями действовать внутри минного заграждения, мы к рассвету выслали к внутренней кромке заграждения свои корабельные силы. А к полудню они, как и следовало ожидать, вернулись ни с чем. Зашли к нам и корабли эскадры после зряшного поиска. А мы и их бросили в бой за Одессу на суше, а это 18 новых пушек калибром 130 миллиметров с осколочно-фугасными снарядами.

В этой истории на высоте оказались штаб Одесской базы и особенно ее командир адмирал Жуков. Он не поддался на вселенское десантное поветрие и сумел внушить нам, штабникам, свои доводы. Так как не исключалась ложная демонстрация противника, то получалось, что Жуков уберег всех нас от перенацеливания сил на ложное направление и убедил в разумной бдительности.

На другой день Жуков возглавил оборону Одессы, я стал начштаба базы и вступил во временное исполнение обязанностей командира базы. И тут же получил новую информацию о движении судов противника. На этот раз я назначил корабли для ударов, никого не оповещая, приказал лишь усилить наблюдение за морем. Чем закончилась история с мифическим десантом? А десанта и не было. Это подтвердили послевоенные исследования. Жуков тогда действовал прозорливо, но обладал даром

предвидения событий. Так что не все поддавались десантному психозу.

В конце сентября в штабе флота читали очередную развединформацию из Главморштаба, в котором говорилось, что, по данным разведуправления армии, немцы готовят воздушный десант в Крым. Для этого в Болгарии сосредоточены три посадочные авиадивизии, парашютные войска, боевые и транспортные самолеты[19]. Или это была дезинфрмация противника, или небрежность разведчика, или ошибочный вывод разведоргана, а скорее – все вместе взятое. И вот читаем в воспоминаниях генерала армии П.И. Батова (книга «Перекоп. 1941», с. 13) выдержки из письма к нему Адмирала флота Советского Союза И.С. Исакова по поводу десантных информаций: «У немцев не было реальных возможностей для высадки морского десанта (тоннаж, прикрытие, поддержка с моря), даже если бы они смогли выделить в десант 2–3 дивизии… Но, как видно, все были заражены психозом десанта…»

Однако развединформация свыше, как бы ты ни уверовал в свое суждение, не проходит бесследно для любого военачальника. Она подпитывала, хотя бы в малой степени, у командарма Кузнецова мысль, допускающую хотя бы маловероятную возможность высадки десанта противником в Крым. Тем более, что все это подкреплялось указанием директивы Ставки от 14 августа об обороне Крыма со всех направлений: с суши, моря и воздуха. Вот в этом кроется ответ на вопрос, почему командарм не выдвигал к Перекопу дополнительно дивизии до кризисного состояния, когда противник вклинился в боевые порядки 156 сд на Перекопском валу. И в этом беда не одного его. Тогда нацеливание войск Крыма и Черноморского флота на борьбу с мифическими морскими и воздушными десантами плохо вязались со здравым смыслом, реальностью, военной наукой.

Все сказанное является убедительным доказательством, что в определении направления главного удара противника по Крыму была допущена грубая ошибка, стоившая нам Крыма.

Из этой первой ошибки вытекала вторая. Коль скоро приоритет в обороне Крыма, особенно поначалу, до приезда Кузнецова, был отдан борьбе с десантами, для чего дивизии были рассредоточены по всему полуострову, то их силами и с помощью населения строились полевые сооружения в интересах противодесантной обороны. Десятки тысяч людей занимались ненужным делом даже в августе. А на Перекопе этому уделялось мало внимания.

В связи с отходом Красной Армии от госграницы командующий Южным фронтом в начале июля сперва

телеграммой, а затем директивой, составленной начальником инженерных войск фронта генералом А.Ф. Хреновым, приказал строить в тылу оборонительные инженерные сооружения, создавая рубежи обороны населенных пунктов и важных районов[20]. Представленный командиром 9-го корпуса генералом П.И. Батовым план оборонительного строительства в Крыму был забракован командующим фронтом. В новой директиве фронта говорилось, что план корпуса предусматривает «противопехотную оборону Крыма в виде слабых и разрозненных отдельных оборонительных пунктов», без учета танковых атак, артиллерийских ударов и ударов авиации; подчеркивалась слабая подготовка Перекопского рубежа. В директиве указывалась, что требуется не просто прикрытие Крыма, а прочная его оборона войсками во взаимодействии с флотом. Особо подчеркивалась необходимость надежного укрепления Перекопского рубежа, а сам план приказывалось составить совместно с флотом[21]. Командир корпуса Батов был ориентирован этой директивой прежде всего на Перекоп.

Высшее морское командование, понимая, что безопасность базирования кораблей и флотской авиации в Крыму зависит от надежного удержания нашими войсками Перекопа приняло хорошее решение: помочь 51-й армии в этом. На второй день после подписания Ставкой директивы о сформировании в Крыму 51-й армии нарком Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов приказал телеграммой Военсовету ЧФ договориться с командармом Ф.И. Кузнецовым о взаимодействии в обороне, оказании помощи армии, выделении всех батарей на перекопское направление, использовании всех технических средств для усиления обороны Главной базы с суши[22].

Командующий флотом Ф.С. Октябрьский немедленно направил группу специалистов сухопутного и инженерного дела во главе с комендантом Береговой обороны Главной базы генерал-майором П.А. Моргуновым и начальником инженерного отдела флота военинженером 1-го ранга В.Г. Парамоновым на Перекоп для ознакомления с подготовкой его к обороне и определения размеров помощи армии флотом. После посещения Батова в Симферополе они выехали к Перекопу. Там они увидели безотрадную картину – враг теснил наши войска к Днепру, угрожал Перекопу, который не был готов к жесткой обороне. Вот как описывает это П.А. Моргунов в книге «Героический Севастополь» (с. 28): «Мы прошли и проехали вдоль Перекопа, но ответственного руководителя работ не нашли и только встречались небольшие подразделения». Вернувшись, Моргунов доложил Военсовету флота о том, что оборонительные работы на

Перекопе идут очень медленно.

Обеспокоенные угрозой Перекопу, а стало быть и флоту, Октябрьский и Кулаков тотчас донесли наркому Кузнецову. Они писали, что еще 14 июля и 2 августа (после получения директив фронта) ими ставился вопрос перед Батовым об усилении обороны Крыма с севера. Основываясь на докладе коменданта Береговой обороны и начальника инженерного отдела, лично обследовавших Перекоп-Сиваш 16–17 августа для выбора позиций флотским батареям, выделяемым для усиления обороны Крыма с севера, стало ясно, что качество оборонительных работ там очень низкое, на Перекопе окопы в одну линию, проволочное заграждение в один кол, всего работает один саперный батальон, создаваемый рубеж серьезной преграды для противника не представляет; просим доложить Ставке о необходимости спешных мер по форсированию оборонительных работ[23]. Получается, что июльские директивы фронта о развертывании оборонительных работ, и прежде всего на Перекопе, не были выполнены 9-м корпусом?! Только с прибытием командарма Кузнецова и выдвижением дивизий на север инженерные работы на Перекопе будут ускорены, но время – больше месяца – будет упущено. И это сыграет роковую роль в быстрой потере Перекопского вала, за ним – ишуньских позиций, а затем и всего Крыма.

Из всего сказанного выше видно, что если армейское командование больше страшило в обороне Крыма морское и воздушное направление – особенно до приезда Ф.И. Кузнецова, – то флотских руководителей больше всего волновало сухопутное. И Моргунов правильно подметил: «Военсовет ЧФ считал, что Севастополь надо оборонять на Перекопе»[24]. И для его укрепления флот ничего не пожалел, помог 51-й армии оборонительными материалами: взрывчатыми веществами, фугасами, колючей проволокой, металлом. На Перекопе и у Сиваша были установлены флотские батареи, инженерное оборудование которых было проведено под руководством флотского военного инженера И.А. Лебедя. К Перекопу была выдвинута морская пехота и флотская зенитная артиллерия. Из Севастополя в Каркинитский залив в сентябре начнут выходить корабли для артподдержки наших войск на Перекопе. Была сформирована особая флотская авиагруппа, в составе бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей, под командованием генерал-майора В.В. Ермаченкова, она совместно с авиацией ВВС 51-й армии, которой командовал полковник В.Д. Судец, поддерживала наши немногочисленные части на Перекопе, постоянно возмещая нехватку пехоты. Но все это называется помощь и поддержка. А напрашивались и другие, более

капитальные, решения на суше: по войскам и их инженерному обустройству. Только они гарантировали успех в разгроме врага на нашем, очень выгодном для нас, Перекопском рубеже. Это должно было стать главным в обороне Крыма.

Надо было усерднее, с прилежанием и грамотно, выполняя июльские директивы фронта, уже в июле начать создавать многополосную, траншейную (а не окопноячеечную), глубоко эшелонированную оборону, с отсечными позициями, и на всем Перекопском перешейке от Перекопского вала до Пятиозерья у Ишуня, на протяжении всех 30 километров, памятуя, что основой жесткой обороны должна стать траншея, а не окоп и ячейка, не выдержавшие экзамена в первых боях с немцами. Только такие полевые сооружения с траншеей и на большую глубину, заполненные нашими войсками по нормам оперативной плотности в обороне, принятыми у нас перед войной (в Полевом уставе и в выступлениях наркома обороны), могли задержать и измотать такого сильного противника, каким была тогда германская армия. И строить эти сооружения требовалось силами нескольких дивизий, под личным руководством командования корпуса и корпусных инженеров, знатоков инженерного дела, пехотного и танкового боя, то есть тех, кому предстояло там сражаться.

А чтобы оперативнее решать вопросы, напрашивалось штаб крымских войск вывести из Симферополя, находившегося в 120 километрах от главного сухопутного направления, и подтянуть его ближе к Перекопу, к примеру – в Джанкой, а КП – в Воинку. А штаб корпуса, а затем – армии продолжал оставаться в Симферополе до последнего дня, да еще и с соблюдением воскресного дня в качестве выходного, как записал маршал Н.И. Крылов в «Огненном бастионе» (с. 14). Таково было положение с инженерным строительством главного рубежа обороны Крыма.

Прямым следствием неправильного определения направления главного удара противника (то ли с моря и воздуха, то ли с суши) явилось (помимо ошибок в инженерном оборудовании Перекопа) совершенно недостаточное количество войск, выдвинутых на Перекоп.

Приняв смелое решение о выдвижении на север трех дивизий, командарм поставил 276-ю и 106-ю дивизии на южном побережье Сивашского залива (небезопасное направление) и только одну – 156 сд – на самом угрожаемом направлении, на Перекопском валу. По нормам оперативных плотностей (сложившихся в мировой военной практике), полнокровной дивизии – в 15 тысяч человек (такими считались у немцев, у нас и других армиях) для надежного удержания рубежа на важном

направлении, каким в августе становился Перекоп, нарезается полоса обороны по фронту шириной до 4–6 километров. А так как крымские дивизии по числу активных штыков были намного меньше штатных (маршал К.К. Рокоссовский в «Солдатском долге» мечтал всю войну о дивизиях в 5 тысяч активных штыков), то для успешной обороны 9-километрового Перекопского вала требовалось сразу поставить на нем две дивизии в первый эшелон и одну дивизию – во второй эшелон. Тем более, что им всем предстояло создавать надежные оборонительные рубежи для себя, ибо до этого там мало что было сделано, как гласил доклад генерала Моргунова, предстояло перелопатить горы грунта, уложить многие сотни кубометров дерева, сотни тонн металла, забетонировать ДОТы, заложить фугасы и мины, поставить двухполосное проволочное заграждение, каждое в три кола. И в этом флот – коль скоро Военсовет флота намеревался защищать Севастополь на Перекопе – готов был помочь армии материальными средствами, живой силой и огнем, всего этого на флоте было в достатке, чтобы помочь армии превратить Перекоп в неприступную крепость. Была и возможность сформировать для Перекопа несколько бригад морпехоты.

Все было у нас для удержания Перекопского вала. Не хватало распорядительности и упорства в достижении цели, в выполнении задачи, поставленной фронтом, а затем Ставкой. Напрашивалось поручить оборону самого опасного направления – Перекопа крупному штатному армейскому соединению, каким тогда являлся 9-й корпус, со сложившимся управлением войсками. Начинать все – инженерную оборону и выдвижение войск – еще в июле, когда фронт приказал Батову укреплять Перекоп, чтобы к началу вражеского штурма Перекопа – 24 сентября – все закончить, уже дополнительными силами при Кузнецове.

Что касается обороны Сивашского направления, то и здесь сама природа нам благоприятствовала – здесь перед нашими войсками широкая водная полоса с илистым дном, здесь можно иметь меньшие плотности боевых порядков. Для обороны южного побережья Сиваша имелись прибывшая еще при Батове, с материка 271 сд и две вновь сформированных только что – 184 сд и 172 сд; последняя – славно повоевавшая потом под Севастополем. А для ПД О были вновь формируемые 320 и 321 – я дивизии и три кавалерийских – 42,46,49-я дивизии, а также морские части и народное ополчение – 33 истребительных батальона, как пишет П.И. Батов.

Но комкор-9 не решился вообще выдвигать войска на север, а командарм-51 не пошел на большее, чем сделал 18 августа.

Слишком большой пресс давил на Ф.И. Кузнецова, он испытывал сильный психологический нажим в виде указаний по противодесантной обороне, высказанных сомнений о правомерности его перегруппировок и особенно развединформаций. И тут его можно понять, хотя не всегда и не во всем оправдать.

Поэтому пять стрелковых и три кавлерийские дивизии – правда, еще не все сформированные, не полностью вооруженные – продолжали дислоцироваться по всему Крыму и строить полевые укрепления на территории полуострова и на побережье против воздушных и морских десантов, о подготовке к высадке которых не было обоснованных данных на руках и у Батова, и у Кузнецова.

Можно утверждать, что оперативное построение крымских войск и инженерная оборона Крыма в сентябре сорок первого в войсках 51-й армии не были продуманы. Войска не были сосредоточены на наиболее угрожаемом – перекопском – направлении, откуда надо было ждать главного удара противника. Был грубо нарушен важнейший, выработанный военной наукой и записанный в уставных документах, принцип массирования сил на основном направлении ведения боевых действий.

И все-таки то, что сделал командарм-51 генерал Кузнецов для усиления обороны Крыма с суши и то, что он верил в силу Черноморского флота в обороне Крыма с моря и, стало быть, морские десанты нам не страшны, – делает ему честь как дальновидному военачальнику. Не откажешь ему и в гражданском мужестве, позволившем ему поступить по-своему, вопреки предостережениям и сомнениям извне.

Не укрепи Кузнецов сразу по приезде Перекопское направление войсками, которые несколько улучшили полевые сооружения, можно предположить, что противник мог с ходу захватить Перекопский вал и Ишунь еще в середине сентября, что обернулось бы для нас еще большей бедой – внезапным появлением врага у стен Севастополя.

Форсировав в конце августа Днепр в районе Каховки, 11-я немецкая армия передовыми частями подошла к Перекопу 12 сентября, и 725-я флотская батарея первой открыла по врагу огонь. И начались бои в предполье (впереди Перекопского вала), в ходе которых разведкой и войсковым наблюдением было установлено, что противник выдвигает к Перекопскому валу до пяти дивизий, многократное, не поддающееся исчислению превосходство противника в силах над нашей единственной на Перекопском валу 156-й дивизией неполного состава. Ей под силу было оборонять не 9 километров, а только четыре. Это властно

требовало покончить с колебаниями в размышлениях о морских и воздушных десантах – снять с побережья и глубокого тыла – Керчи, Феодосии, Симферополя, Евпатории – хотя бы половину из дислоцирующихся там восьми дивизий (172,184,271,320,321-й стрелковых, 40, 42, 48-й кавалерийских) и немедленно выдвинуть их на явно обозначившееся направление главного удара противника, на Перекопский рубеж борьбы за Крым, где боями руководил генерал Батов (как заместитель командарма), чтобы совместно с героически бившейся там 156-й дивизией генерала Черняева нанести поражение врагу на Перекопском валу. И командарм Кузнецов не бездействовал. На четвертый день боев в предполье он принял хотя и несколько запоздалое, но хорошее решение – отобрал в тылу три лучшие дивизии и своим приказом номер 10 от 25 сентября сформировал оперативную группу войск, под командованием генерала П.И. Батова, в составе 271-й и 276-й стрелковых и 48-й кавалерийской дивизий для боевых действий на Перекопском перешейке[25]. Отныне генерал Батов официально, и не только как заместитель командарма, но и как специально назначенный командир, ответственный за определенный участок, персонально отвечал за оборону Крыма на Перекопе, инженерная подготовка которого была не на высоте. Позже в эту группу войск включили и 156-ю дивизию. Создание оперативной группы войск – положительное дело, но опять же нерешительно претворялось в жизнь: дивизии группы не выдвигались в экстренном порядке на Перекоп – десантные опасения продолжали кровоточить, поглядывали в море и в небо. С одной стороны, хотелось усилить сухопутное направление, а с другой – было боязно оголить ПДО с моря и воздуха.

А тем временем противник начал штурм Перекопа.

24 сентября на 156-ю дивизию генерала П.В. Черняева, оборонявшую Перекопский вал, обрушились три вражеские дивизии с танками, поддержанные авиацией и массированным артиллерийским огнем. Подтягивая свежие войска, противник особенно сильный нажим осуществлял на нашем левом фланге вдоль побережья Перекопского залива (Каркинитский залив Черного моря). Полки и батальоны 156 сд были вытянуты в одну ниточку по валу от Сивашского до Перекопского залива на 9 километров, и конечно, при всем известном всему миру героизме и стойкости советских воинов, они физически не смогли сдержать такую лавину войск. Противник, ценою больших потерь, вклинился в боевые порядки нашей дивизии.

На третий день штурма, пересилив десантные страхи – предупреждения и развединформацию об опасности десантов, о возможности высадки десантов в Крым, срочно начал выдвигать с

далеких тылов к Перекопу части дивизий, назначенных в оперативную группу войск Батова. Но было уже поздно. Немецкие войска – сильный враг, с опытными и подготовленными военачальниками. Первый опыт борьбы с ними показал: отбить у них захваченное ими чрезвычайно тяжело и стоит больших жертв. Более мудро – так вести дело, чтобы немец не выбил тебя с хорошо оборудованного рубежа, с уставным заполнением траншей и позиций войсками. Если хотите знать – это азбука: легче удерживать, нежели потом отбивать.

28 сентября противник полностью овладел Перекопским валом и начал теснить на юг нашу 156-ю дивизию, воины которой продолжали, под командованием генерала Черняева, героически отбиваться в контрударах, не позволяя ему развить успех в наступлении. Все части оперативной группы войск Батова отходили на ишуньские позиции, слабо подготовленные в инженерном отношении для жесткой обороны. И тут произошло событие, заслуживающее остановиться на нем.

При отходе войск Батова к Ишуню и уже на ишуньских позициях заметно ослабел натиск противника, он не повел настойчивого наступления. И этому есть объяснение.

В конце сентября наши 9-я и 18-я армии Южного фронта из района Мелитополя (это к северо-востоку от Перекопа) повели против немецких войск 17-й армии и 1 – й танковой группы наступление на запад, угрожая этим тылу и флангу 11-й немецкой армии, наступавшей против наших войск на Перекопе. Тогда часть ее сил немецкое командование перенацелило против наших наступающих войск. Немец любит воевать большими силами, с превосходством в силах и огне. Раз уменьшились войска, хотя их оставалось немало – больше корпуса, нажим немецких войск на войска Батова заметно поуменьшился. Вот это и позволило нашим войскам организованнее отойти на юг и задержаться на ишуньских позициях у Пятиозерья, нуждавшихся в большом инженерном оборудовании. Когда наступление наших 9-й и 18-й армий в Таврии захлебнулось, войска 11-й немецкой армии вновь были усилены на Перекопе и повели штурм наших ишуньских позиций.

На сухопутной карте штаба флота, где я бывал ежедневно, на 18 октября, когда дивизии Приморской армии генерал-майора И.Е.Петрова, доставленные нами из Одессы на помощь крымской 51-й армии, только начинали выдвижение из Севастополя к Ишуню по железной дороге и на автотранспорте, – было показано, что войска противника наносят удары по нашим ишуньским позициям вдоль побережья Каркинитского залива – как и на Перекопском валу – по левому флангу войск Батова.

Далее, к 20 октября, противник сильно вклинился в оборону его войск и кое-где прорвал ее. Наши отчаянно дрались, поэтому только 23 октября противник прогрыз нашу оборону и начал просачиваться на степные просторы и, обтекая левый фланг группы войск Батова, нацелился на юг к Евпатории и Симферополю. Здесь, как и на Перекопском валу, опять отличилась своим мастерством и стойкостью героическая 156-я дивизия генерала Черняева. И с ней рядом 271-я, 172-я и 42-я дивизии полковников М.А. Титова, И.Г Торопцева (позже – И.А. Ласкин) и В.В. Глаголева. Они сражались с пятикратно превосходящим, по числу активных штыков, противником и понесли огромные потери. Все воины этих дивизий, от рядового до комдивов, заслуживают высокой похвалы. А сентябре и октябре они надолго задержали врага на Перекопском перешейке. И не их вина, что они не смогли сдержать противника на ишуньских позициях. Дрались они храбро и честно.

В эти критические дни, когда противник уже прорвал наши ишуньские позиции, нацелившись на юг и на юго-восток, и падение Крыма было предрешено, в руководстве обороной Крыма произошло неожиданное и серьезное изменение. В этом тогда порой искали спасение положения.

Заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Г.И. Левченко, находившийся на юге в качестве представителя наркома ВМФ для координации действий Черноморского флота с Южным фронтом и 51-й армией и уже показавший себя умелым организатором при защите Одессы,

Очакова, Западной Таврии, Тендры, был назначен Ставкой командующим Войсками Крыма, с подчинением ему 51-й и Приморской армий и Черноморского флота. Его заместителем по сухопутным войскам был назначен генерал П.И. Батов; но так как по директиве Ставки управление 51-й армии не расформировывалось, а командарм Ф.И. Кузнецов был отозван в Москву, то Батов, как его заместитель, стал командующим 51-й армией, оставаясь на севере Крыма, на своем КП.

Назначение вице-адмирала Г.И. Левченко – мера разумная, но запоздалая. Гордей Иванович, несмотря на его организаторский талант, общевойсковые знания, боевой опыт Одессы, Очакова, Таврии, личную отвагу и железную волю, совершенно не в силах был выправить дело, точнее, спасти катастрофическое положение, которое началось в сентябре на Перекопском валу, а этому в июле – августе предшествовала медлительность в инженерной обороне и выдвижении войск. Он получил от своих предшественников развалившийся фронт. Вот как правдиво написал Маршал Советского Союза Н.И. Крылов в своей книге «Огненный бастион»

(с. 15): «Новому командующему в Крыму Гордею Ивановичу Левченко досталась в наследие обстановка, про которую даже спустя много лет, когда пишутся эти строки, хочется сказать: не позавидуешь!» Собственно говоря, Приморская армия тоже вместе с Левченко испила до дна горечь этого наследия.

Левченко вступил в командование Войсками Крыма 23 октября, когда наш фронт обороны на Ишуне был потрясен до основания, немец ступил ногой в Крым и там на севере боевыми действиями 51-й армии руководил Батов.

В этот же день за левым флангом 51-й армии, упиравшимся в морское побережье, на самом острие прорыва противника, закончилось сосредоточение войск трех – 25-й, 95-й и 2-й – дивизий Приморской армии. По приказу Левченко войска Приморской армии и левого фланга 51-й армии, под командованием генералов Батова и Петрова, нанесли контрудар по войскам противника, его продвижение было приостановлено, но он не был отброшен. Вечером Левченко телеграммой обратил внимание генералов Батова и Петрова на невыполнение задачи дня из-за отсутствия должной подготовки и напористости в действиях и приказал продолжать 25 октября наступление, возложив на генерала Батова ответственность за координацию действий обеих армий.

Наутро наши войска нанесли повторный контрудар по противнику и несколько продвинулись, но были остановлены. Обе стороны понесли большие потери. В ходе боев три левофланговые дивизии 51-й армии – 172-я стрелковая, 40-я и 42-я кавалерийские, которыми командовали И.А. Ласкин, Ф.Ф. Кодеров, В.В. Глаголев – сместились влево в полосу Приморской армии и влились в ее состав, оставшись в подчинении Петрова.

26 октября противник, введя в бой свежие дивизии и создав большое численное превосходство, в северном Крыму повел наступление по всему фронту от Черного моря до Азовского и начал теснить наши войска.

27 октября под натиском врага начался отход обеих наших армий: левофланговая Приморская, в составе шести дивизий – 25-я, 95-я, 172-я стрелковые, 2-я, 40-я, 42-я кавалерийские – общим направлением на юг, а правофланговая 51-я – в ее составе числились восемь сд и одна кд – отходила в общем направлении на юго-восток.

Войска противника вышли на крымские просторы. И теперь уже никто и ничто – ни даже Приморская, ни Петров, с его героизмом и умом, ни Левченко, с его большими данными – не могли их остановить. 18–20 октября он вклинился в нашу оборону у берега и начал прогрызать ишуньские позиции

повсюду. А 23 октября, когда Левченко вступил в командование войсками, а Приморская подошла, но уже не к ишуньским позициям (с них наши войска были сбиты), а к району южнее их, даже южнее реки Чатырлык, – противник частью сил начал выходить на широкие оперативные просторы Крыма. На Г.И. Левченко, уже в день вступления в командование, пали все горести и беды, как результат ошибок, допущенных в июле – сентябре, в определении направления главного удара противника по Крыму, в инженерной подготовке Перекопских рубежей, в оперативном построении войск и нерешительном наращивании основных усилий на главном сухопутном, Перекопском направлении, обозначившемся еще в августе. В октябре пожинались горькие плоды крупных просчетов, допущенных в предыдущие месяцы.

Назначение моряка и бывалого сухопутного воина в прошлом и в настоящем, каким был Г.И. Левченко, командующим приморскими вооруженными силами на изолированном морем и осажденном с суши плацдарме, каким с начала сентября стал Крым, не может быть предметом дискуссии – решение Ставки мудрое и выбор удачен. Оно только оказалось совершенно запоздалым.

Крым так устроен, там такое средоточие всего флотского, он своей сушей и омываемыми водами лежит на таком ответственном сухопутно-морском операционном направлении – в сердце Кавказа, – что его надлежало оборонять всеми видами вооруженных сил, сведенными в единый кулак: армией, флотом и войсками ПВО; и обязательно – под началом моряка, сочетавшего в себе флотские и армейские знания и опыт. И Ставка к этому пришла, но с опозданием.

Крымский полуостров – это фактически главная база Черноморского флота (Ставка так и назвала его 30 сентября в своей директиве по эвакуации войск из Одессы на помощь Крыму). Здесь многочисленные пункты базирования основных сил корабельного флота, аэродромы флотской авиации с шестьюстами самолетов, береговая артиллерия по всему побережью от Каркинитского залива до Керченского пролива, сосредоточение основных флотских ремонтных предприятий и складов с вооружением, боезапасом, техникой и интендантским снабжением.

Поэтому: оборона Крыма – это кровное дело флота, а с учетом операционных путей к Кавказу, и армии. С самого начала, как только обозначился в середине августа отход армий Южного фронта к низовьям Днепра, руководство обороной Крыма, как приморского плацдарма и главной базы Черноморского флота,

напрашивалось возложить на флотского военачальника, что в конце концов и сделали с опозданием, всю ответственность за оборону Крыма возложить на флот, с приданной ему армией, как было сделано в Одессе в середине августа. Тогда бы флот, чувствуя свою ответственность за Крым, повернул на Перекоп еще большие силы и средства, чем это делал по доброй воле и своей инициативе, просто помогал армии, видя ее бедственное положение. Ведь был хороший пример Одессы, когда флот, получив в подчинение Одессу, повернул к ней на сушу всю свою мощь, и она выстояла.

От Дуная и до Крыма, по всему Северному Причерноморью, флот своей морской пехотой, береговой и подвижной артиллерией, кораблями, авиацией стяжал славу завзятых пехотинцев, сражаясь на суше, и в одиночку – в Очакове, на Очаковских островах и на Кинбурнской косе, в Западной Таврии, на Тендре – и совместно с армией под Одессой. Уже с августа, будучи ответственным за Крым, флот мог бы сформировать и выставить на Перекопе, рядом с дивизиями, бригады морской пехоты, и не одну (будущее покажет, что флот мог это сделать). А главное – общее флотско-армейское командование обороной Крыма сразу рассталось бы с десантными опасениями, зная свои большие возможности на море, имея в своих руках сильный флот и истребительную авиацию против морских и воздушных десантов, и сосредоточило бы свое внимание и усилия на Перекопе. Это подтверждается вышеприведенной телеграммой наркома ВМФ Военсовету флота о помощи армии и мероприятиями Военсовета флота по оказанию помощи Перекопу на ранней стадии подготовки Перекопа к боям, когда во главе обороны Крыма стоял сухопутный военачальник. Флот, в случае возложения на него ответственности за оборону Крыма, наравне с армией обрушил бы на врага у Перекопа всю свою огневую мощь и направил бы туда свои людские ресурсы – и намного большие, чем в Одессу, ибо тут речь шла о защите главной базы флота.

Есть все основания утверждать, что если бы по примеру Одессы и одновременно с ней, в середине августа, оборону Крымского приморского плацдарма подчинили флотскому военачальнику, в данном случае вице-адмиралу Гордею Ивановичу Левченко, с подчинением ему 51-й армии и флота, то общими усилиями армии, флота, флотской и армейской авиации мы отстояли бы Крым и заставили бы немцев также зазимовать у Перекопа, как и у Таганрога. Порукой тому – опыт длительной обороны Одессы и Севастополя, совместно с армией и флотом, при участии Г.И. Левченко, а также опыт первой обороны Севастополя, когда адмиралам Корнилову и Нахимову

подчинялись армейские дивизии.

Гордей Иванович Левченко, прибыв в начале августа на Черноморский флот, а затем в Одессу, своим боевым спокойствием, отважными действиями, что в то время имело решающее значение, своей рассудительностью, умом, пониманием дела сразу завоевал симпатии армейских и флотских начальников, руководителей местных партийных и советских органов; всем этим, а также кипучей энергией и верой в нашу победу, он везде, где появлялся, и особенно в Одессе и Очакове, сплачивал воедино воинов армии, флота, пограничных войск, народного ополчения и поднимал их на защиту Родины, биться за каждую пядь советский земли – будь то Одесса, Очаков, Таврия, Очаковские острова или Тендра.

Гордей Иванович показал себя в глазах всех советских воинов Причерноморья, партийных и советских руководителей испытанным воином как на море, так и на суше. Ему было на что опереться – у него за спиной жизненный и военный опыт, Революция, Гражданская война, напряженные предвоенные годы на крупных военных постах. А начинал он воевать подростком. С 1913 года юнгой, а затем матросом Балтийского флота в Первую мировую войну на крейсерах. В Великую Октябрьскую революцию – участник штурма Зимнего дворца унтер-офицером отряда матросов с эсминца «Забияка». В Гражданскую войну – в боях на море и на суше. А потом – учеба, корабельный артиллерист, командир легендарного крейсера «Аврора», командир соединений кораблей. Начальник штаба флота, командующий Балтийским флотом и, наконец, заместитель наркома ВМФ. Был в постоянном взаимодействии с Красной Армией на играх и учениях. Флотоводец и знаток сухопутного дела. Невозможно было подыскать лучшую кандидатуру на пост командующего смешанного – армейского и флотского – объединения в данной ситуации, чтобы не позволить противнику разгромить наши войска, ворваться в Крым, захватить Севастополь, переправиться через Керченский пролив на Кавказ.

И Левченко, назначенный командующим войсками, когда уже нельзя было спасти Крым, предпринимает всё зависящее от него, сверхчеловеческие усилия, чтобы выполнить последующие задачи; не пустить врага в Севастополь и через Керченский пролив на Кавказ. В обстановке неразберихи, сопутствующей всякому отступлению под ударами, Левченко, в условиях непрерывного перемещения, вызванного натиском противника, на ходу, формирует аппарат управления и пытается организовать боевое управление войсками, подвижность которых, – при стремительном отходе, начавшемся на третий день его

командования под ударами противника, – уже не поддавалась его контролю. И для характеристики тогдашнего положения приведу только одну оперсводку штаба войск Крыма: «Приморская армия в течение ночи на 28 октября собирала свои части и приводила их в порядок». Еще худшим было положение в 51-й армии, ввиду ее поспешного отхода и потери управления командующим этой армией Батовым: донесения от него почти не поступали. Да иначе и не могло быть, так как был потерян контакт командующего с войсками.

И несмотря на все невзгоды, неудачи и просчеты, врагу не удалось с ходу проскочить к Севастополю и захватить его или с ходу форсировать Керченский пролив.

Меня срочно вызвал к себе наштафлота Елисеев:

– Есть для вас боевое задание. 51-я и Приморская армии отходят от ишуньских позиций и Сиваша к югу и юго-востоку. Командующему и штабу флота неясно, кто прикрывает Симферопольско-Севастопольское направление. Флотские аэродромы в Крыму и базирование кораблей под угрозой, надо принимать решение по перебазированию кораблей и авиации, а без ясной обстановки на суше мне затруднительно выходить с предложениями комфлоту. Мне нужны последние данные по левофланговой Приморской армии и ее намерения, предполагает ли она отходить или, точнее, сможет ли она отойти к Севастополю для его обороны, – это очень заботит комфлота.

Вы имеете хороший одесский опыт совместных действий с этой армией, там все ваши старые знакомые, друзья, коллеги – наштарм генерал Шишенин, начоперотдела полковник Крылов. Комфлот назвал вашу фамилию и приказал послать к ним именно вас. Берите машину, она уже ждет вас, и сухопутные карты, даю вам на все про все 7 часов и чтобы у меня на столе была хоть немножко ясная картина по суше, какая бы горькая она ни была. Сперва в Симферополь к начальнику штаба Войск Крыма генерал-майору М.М. Иванову. Вот ему моя записка с просьбой нанести на наши карты сухопутную обстановку. Но вряд ли у него самого имеется полная обстановка, ибо мой недавний с ним разговор по телефону ВЧ не внес ясности.

Через полтора часа я был у Иванова. Он показал на карту с обстановкой более чем суточной давности. А на ней прерывистая с изгибами линия нахождения дивизий наших обеих армий, намного южнее ишуньских позиций и Сиваша (в срединной полосе крымских степей) и нечетко оконтуренное положение дивизий, с явно обозначенными разрывами между ними. Войска правофланговой 51-й армии, под командованием генерала Батова, отходят на юго-восток в направлении Феодосии и Керчи,

точнее, должны по первым предначертаниям отходить на Акмонайские позиции, это северо-восточнее Феодосии (располагаются в самом узком месте между Азовским морем и Черным, где начинается Керченский полуостров, их длина менее 20 километров). Левофланговая Приморская армия Петрова должна бы прикрывать направление Симферополь – Севастополь, двигаясь на юг, но по карте видно, что ее левый фланг уже обошли с запада немецкие дивизии и устремились от Каркинитского залива к Евпатории и Саки. Они-то и начали отжимать Приморскую армию к востоку, угрожая перерезать ее пути отхода к Симферополю и Севастополю. Я подсчитал, что в составе войск Крыма, в обеих армиях, числится шестнадцать дивизий: стрелковых двенадцать, кавалерийских – четыре. Часть дивизий продолжали доукомплектовываться, а в других большой некомплект из-за потерь. В 51-й армии числилось девять дивизий (из них одна кд), а в Приморской армии – шесть дивизий (половина кавалерийских). Одна дивизия – 421-я – в резерве.

Я так понял, что у самого Иванова нет ясной картины о местонахождении дивизий обеих армий и их состоянии – он уже сутки не получает донесений от Батова и Петрова, так как они со своими штабами и операторами в непрерывном перемещении в связи с отходом войск, и с ними подолгу прерывается связь.

С такими данными нечего и думать о возвращении в Севастополь и показываться на глаза строго взыскательному штабисту Елисееву. И я решил ехать искать КП Приморской армии. Поделился своим намерением с Ивановым. Он одобрил. И сказал, что в связи с угрозой захвата противником Симферополя штаб войск Крыма будет перемещаться на юго-восток, в сторону Алушты, но перед этим я должен доложить командующему адмиралу Левченко более точную обстановку и для этого рассылаю операторов-направленцев в обе армии, в том числе и на КП Приморской армии.

– Езжайте вместе, так будет надежнее. Кстати, как вы вооружены? Одним пистолетом и шофер безоружен? Это легкомыслие, так к передовой у нас не ездят, я прикажу вас довооружить и дать охрану. КП Приморской находился в Токульчаке, но должен был перемещаться ближе к Симферополю в Айбары или еще ближе – в Экибаш. Это все по дороге на север в направлении к Ишуни. Не задерживаю. Трогайте.

Из штаба к своей машине вышел оператор с автоматом и с ним два автоматчика с сумками, наполненными гранатами. Вот это да! Серьезный народ. А я-то думал, что с ветерком проскочу в Симферополь, в крайнем случае поблизости в штарм Приморской, и сразу назад. А сейчас, глядя на армейских

товарищей, получается, что в пути в неизвестное, при отсутствии стабильного, сплошного фронта обороны, может случиться всякое непредвиденное, и придется отбиваться.

С завистью я смотрел на автоматы армейских штабистов: как они могли запастись таким богатством, есть ли автоматы в войсках? И вспомнил Одессу августовскую. Тогда у нас не хватало вообще всякого оружия для формируемых морских полков, не было его и на складах Одесского военного округа. Во всей Приморской армии числилось всего 600 автоматов. Я помню, при посещении формируемого 1-го морского полка отдал свой пистолет ТТ безоружному командиру роты капитану А.С. Ламзину; геройски сражался он за Одессу и был награжден орденом Ленина. Тогда мы забрали для полков все оружие из всех частей Одесской базы, опустошили все винтовочные пирамиды кораблей, береговых батарей и частей в пользу морской пехоты; для охраны и обороны штаба базы оставили семь винтовок – часовые, в нарушение Устава караульной службы, передавали друг другу оружие на посту. А с сентября с оружием в Одессе полегчало, мы сразу почувствовали, что наши оружейные заводы бойко заработали, и нам нарком ВМФ Кузнецов доставил самолетами все виды оружия, в том числе и автоматы, но мы все отправили на фронт, для штаба базы оставили один автомат и не знали, что с ним делать, то ли выдать для охраны штаба, то ли его охранять, настолько он был драгоценным для нас.

А сейчас армейский оператор, увидев наше жалкое вооружение – на двоих один пистолет, – распорядился доставить нам автомат с запасными дисками и в придачу гранаты, посадил ко мне автоматчика, и мы тронули на север, как на передовую.

Встречный командир посоветовал нам не ехать по Ишуньскому большаку, а взять восточнее и ехать по проселку, так как западнее и совсем недалеко обнаружено продвижение на юг разведки и передовых частей противника и они смогут свернуть на удобный большак. Это точно, немец любит воевать с удобствами, в продвижении норовит вывернуть на укатанную дорогу.

Мы последовали разумному совету предусмотрительного и доброго человека. Однако не выдержали и, повернув влево, заскочили в село Экибаш. Но в нем только тыловые обозы Приморской армии, продвигающиеся на юг. Нам посоветовали проследовать дальше на север к селу Айбары. И теперь мы, уже осмелев, не стали давать круг восточнее, опасаясь встречи с немцами, а рванули на предельных скоростях напрямую по большаку.

Через полчаса мы в селе Айбары. И какая удача! В одной из

хат – сам командующий Приморской армии генерал-майор И.Е. Петров и с ним опергруппа во главе с начальником оперотдела штарма полковником Н.И. Крыловым; начштаба армии генерал-майор Г.Д. Шишенин в отступавших с боями частях на правом фланге армии приводит их в порядок, помогает им более организованно отходить; Петров в походной шинели и сейчас выезжает на левый, очень сейчас опасный фланг, укрепить там порядок, организовать отступление – ведь это самый сложный вид боевых действий пехоты.

Мне поначалу показалось, что мы давно не виделись с Петровым и Крыловым, а на самом деле расстались всего одиннадцать дней тому назад на Платоновском молу Одесского порта. Такое, видно, бывает с людьми, сроднившимися в тяжкой обстановке. Действительно, завершая эвакуацию Приморской армии, мы в 3.45 16 октября с командиром Одесской базы проводили их на катере-охотнике в Севастополь. Мы расстались, как боевые друзья. И хотя в обороне Одессы часто возникали сложности в согласовании совместных усилий на стыке суши и моря, между нами никогда не возникали конфликтные ситуации, разногласия мы разрешали к общему удовлетворению, но в интересах дела. Наша дружба была спаяна общими целями борьбы со злейшим врагом – фашизмом. И в будущем Маршал Советского Союза запишет в своих мемуарах «Огненный бастион» (с. 116): «В Одессе отношения со штабистами-моряками были как-то ближе и теплее – такие как здесь (в Севастополе) с Моргуновым и Кабалюком… и все, что целесообразно делать сообща, так и делаем». Спасибо Николаю Ивановичу за добрые, братские слова.

А сейчас Петров и Крылов очень озабочены, и их надо было уметь понять – их армия и сами они в кризисном положении. И несмотря на это, Иван Ефимович Петров, обладавший чудовищной выдержкой, занятый сложными боевыми делами, от которых, казалось, кругом идет голова, встретил меня радушно. И вот сколько я с ним ни общался – в Одессе, здесь, в крымских степях, а в будущем на Керченской переправе, – я никогда не испытывал с его стороны намерения показать свое преимущество и тем более превосходство, разницу в звании и служебном положении. И это-то при его далеко не простом, точнее, весьма сложном характере, с которым могли уживаться только такие, как Н.И. Крылов с его человеческими добродетелями. Петрову были чужды высокомерие, чванство, недоступность. Не в его характере нагромождать подобные несуразности, усложняющие жизнь и без того, особенно в войну, заполненную всякими злыднями, трудностями, неудачами, горестями, которых почему-то всегда

оказывалось больше, чем радостей и веселья. Петров не увеличивал дистанцию между собой и людьми, а наоборот, с большим искусством сокращал ее всем своим обликом, существом, поведением, словом и тоном разговора. Вот он и сейчас верен себе:

– Здравствуй, Деревянко! Какими ветрами, какая великая нужда привела тебя сюда к нам в такой тяжкий час?

Я доложил о задании.

– Вы там, в Севастополе, наверно, клянете нас, армейцев, за неустойку. Конечно, я понимаю, у моряков могут возникнуть законные претензии к нам. Вы, моряки, так старательно и в целости доставили нашу армию из Одессы, а мы вроде бы не оправдали ваших надежд удержать Крым – вашу главную базу флота. Все это выглядит почти что так, но и не совсем так. Посмотри на карту, изучи, запиши и доложи там у себя, как бы из первоисточника. Наша армия уже ничем не могла помочь армии Батова, ее боевые порядки на ишуньских позициях к нашему подходу 23 октября уже были смяты, и мы 24 октября вели встречные бои с противником, вырывавшимся на крымские просторы. У Ишуня и на реке Чатырлык не были оборудованы позиции. И, вообще, Ишунь намного труднее удержать, чем Перекопский вал. Там надо было лучше готовиться к боям. По общепринятым во всех армиях нормам оперативных плотностей там нужно было ожидать наступление одновременно трех дивизий противника в первом эшелоне. У нас против них была выставлена только одна дивизия, она и не выдержала натиска пятикратно превосходящего врага. А там напрашивалось выставить сразу три дивизии. Да и управлять боями на Перекопе надо было самому командарму, а не с помощью излишней инстанции, какой явилась должность командующего группой войск, она не справилась с грозными событиями на Перекопе. И КП командарма из Симферополя (за 120 км от фронта) надлежало перевести ближе к передовой, ибо в такой опасной ситуации надо быть ближе к войскам, как сейчас практикуется, чтобы оперативно влиять на быстрые изменения обстановки.

Видно, накипело на сердце у Петрова, и, будучи эмоциональным, нетерпимым к непорядкам, он не стеснялся в выражениях. Да и его критика справедливая, и его можно было понять. Петров рвался к Перекопу еще с Одессы, помочь 51-й армии устоять, думал, что здесь продержится до прихода Приморской армии, как приказывала Ставка своей директивой от 30 сентября. А теперь из-за неустойки крымских войск он со своей армией попал в опасное положение преследуемого врагом – тут не только будешь критиковать, но и зачертыхаешься в адрес

соседа. Было за что крепко ругать. Ведь считай: Крым потерян.

Петров приказал Крылову нанести на мою карту схему боев Приморской армии у ишуньских позиций и положение дивизий сейчас, для информации командования флотом, а мне сказал, чтобы я доложил о его намерении отводить армию к Севастополю любыми путями, может, даже придется кружным, так как противник, охвативший сейчас наш левый фланг, может перехватить прямые пути. Отдал приказание Крылову готовить КП армии к переводу в Сарабуз и сообщил ему, что выезжает в 25-ю Чапаевскую дивизию, помочь ее командиру (своему преемнику) генерал-майору Т.К. Коломийцу оторваться от противника и в порядке отходить – ведь дивизия сейчас в самом отчаянном положении, ей грозит отсечение и окружение, на нее противник навалился с фронта, обошел слева и справа норовит тоже.

Вот в этом весь И.Е. Петров. Он не просто любил и стремился быть в войсках, а именно в тех частях и соединениях, которые попадали в кризисную ситуацию. И пусть Иван Ефимович грешил преувеличением своей незаменимости. Но он не отсиживался на КП в опасные моменты для его войск, а бросался на острие атак, постоянно рискуя жизнью. Ведь я видел в боях под Одессой машину-пикап Петрова, изрешеченную пулями и осколками от снарядов и мин. Стоя на подножке этой машины, комдив-25 генерал Петров разъезжал вдоль первых позиций, оценивая положение, отдавая приказания, воодушевлял воинов и показывая делом, как надо стоять насмерть. Возможно, он считал, что только его присутствие в войсках спасло положение, отвело опасность, грозившую гибелью его воинов. Пусть будет и это так. Но тут большая ставка – цена жизни. И он не задумываясь отдавал ее во имя победы Родины. Это величайшие добродетели военачальника, высоко ценимые всегда, и тем более в то страшное время, когда стоял вопрос: быть или не быть нашей Родине!

И что там говорить – время показало: где был генерал Иван Петров, там можно было иметь чуточку меньше войск, и устоять, победить. А это лучшая аттестация для каждого полководца.

Крылов нанес своей рукой на мою карту схему боев Приморской армии и присоединившихся к ней дивизий 51-й армии в районе ишуньских позиций 24–25 октября и приблизительное положение, шестичасовой давности, своих дивизий – 25, 95, 172-й стрелковых, 2, 40, 42-й кавалерийских, отходивших 26–27 октября под ударами противника на юг, в направлении Симферополя. О своем соседе справа – 51-й армии – у него не было данных, по вчерашним сведениям, она отходила на юго-восток к Керченскому полуострову, на Акмонайские

позиции.

Мы распрощались с Н.И. Крыловым. И до встречи через десятки лет.

Уезжая, я отчетливо представлял отчаянное положение войск Приморской армии, но не думал, что события будут так стремительно развиваться. Завтра немцы будут в этом селе, на следующий день подступятся к Симферополю и в тот же день у приморского села Николаевка, что у реки Альма (южнее Евпатории), флотская 54-я батарея старшего лейтенанта И.И. Заики вступит в героический бой с врагом, чем положит начало Севастопольской эпопее.

Перебазирование флота на Кавказ

Без происшествий возвратился я в Севастополь и предстал перед Елисеевым с печальными известиями и данными. Он тут же увлек меня к комфлоту, для информации «из первоисточника». Я доложил сказанное Петровым, а остальное стало ясным по карте. Севернее Симферополя – только одна наша дивизия, и та отжималась к востоку, а другие дивизии уже сместились восточнее. Синие стрелы, обозначавшие вражеские войска, нацелились к Евпатории, Сакам, на юг между Саками и Симферополем, что уже угрожало и Симферополю, и шоссе Симферополь – Севастополь.

Очень похоже на то, что та армия, которая должна по всем законам военной науки, если уж и отходить, то только в направлении своего главного объекта обороны в Крыму – Главной базы флота Севастополя, подлежащего удержанию за нами, чего бы это ни стоило, не поспевает захватить шоссе, ведущее из Симферополя на юго-запад к Севастополю. Она не поспеет это сделать, так как находится в тяжелейшем положении: понесла большие потери, дивизии обескровлены пятисуточными боями, отходили разрозненными частями, я в этом убедился, находясь в селе Айбары, отходили под ударами, не имея возможности оторваться от противника, чтобы совершить марш-маневр к Севастопольскому шоссе, а противник, имея свободу действий, устремляется к этому шоссе своими механизированными частями. По карте было совершенно очевидно, что враг не пустит Приморскую армию к шоссе, ибо ему самому нужен не столько Симферополь, сколько Севастополь, Главная база Черноморского флота.

Севастополь оставался неприкрытым от врага с суши своими сухопутными войсками.

Флот поставлен в критическое положение. Наступал час принятия горестных решений – выводить корабельный флот из-под ударов авиации в кавказские порты, а для обороны Севастополя с суши форсировать завершение формирования батальонов морской пехоты, готовиться самим оборонять Севастополь, выдвинув флотские войска на оборонительные рубежи, которые предусмотрительно, под руководством Октябрьского и Моргунова, начиная с июля готовились людьми флота и населением, возглавляемыми флотскими инженерами В.Г. Парамоновым, И.В. Пановым, М.Г. Фокиным, Ф.Н. Усковым, И.А. Лебедем, И.В. Саенко, С.И. Кангуном.

Комфлот, рассматривая карту, заметно нервничал,

критически оценивая деятельность руководителей крымских войск за неумелую оборону Крыма.

В конце встречи Октябрьский объявил мне, что Военсовет флота представил наркому ВМФ предложение о назначении меня начальником штаба Потийской военно-морской базы.

– Я знаю, что вы после Одессы вновь рветесь на передовую, об этом мне говорил начальник отдела кадров Коновалов, и это назначение в Поти встретите без восторга. Поти для вас теперь далекий тыл. Да и взаимоотношения с тамошним командиром, на давнишней совместной службе, между вами были небезоблачными. Но так надо. Я хочу, чтобы вы поняли – так надо, этого требуют интересы дела, а эмоции и антипатии подавлять. Командир базы – береговой человек, и там нужен начштаба корабельной службы, так как туда скоро придет весь корабельный состав флота и на вас ляжет огромная ответственность по организации встречи, размещению и в дальнейшем по боевому обеспечению базирования надводных и подводных сил флота. Как только придет приказ наркома о вашем назначении, вам немедленно убыть в Поти. Желаю успехов на новой службе.

Прощаясь, я даже не мог себе представить и допустить мысль об одном решении, которое комфлот принял про себя.

Спустя несколько часов я узнал ошеломляющую новость: комфлот на эсминце «Бойкий» срочно отбыл в Поти для обсуждения вопросов базирования кораблей в портах базы, с человеком, компетентность которого в этих делах сам же ставил под сомнение,

Я думал: как же так, выдвигать меня на такой пост и даже не посоветоваться со мной на последней встрече по делам, за которые я вскоре, наравне с командиром, буду нести ответственность. Возможности кавказских портов я знал до мельчайших подробностей – где и какой изгиб причалов и какие условия стоянки в гаванях портов, так как, будучи артиллеристом и помощником командира эсминца, командиром корабля и начальником штаба бригады эсминцев, многократно посещал все порты и подолгу в них стоял, зарисовывал их и записывал все данные о них. Входил в эти порты и выходил во всякую погоду днем и ночью. Начштаба флота, я и командиры корабельных соединений на картах и планах, с лоциями в руках и по собственному опыту и записям могли дать комфлоту полную и исчерпывающую информацию и обосновать перед Военсоветом флота, без выезда на место, возможность, хотя и с большим трудом и изобретательностью, при большой скученности разместить хоть сегодня весь корабельный флот в портах Кавказа.

И даже огромная сложность, связанная с вводом линкора в Потийский или Батумский порт, при наличии имеемых там буксиров, не вызывала у меня сомнений в благополучном исходе этого дела, безусловно при наличии тихой погоды. Этот вопрос тогда всех нас волновал, и в мирное время никто и не заикнулся бы о вводе линкора в Потийский порт, его бы осмеяли как неудачного шутника, но война на многое заставила нас изменить взгляды, а тут еще безвыходность положения, все это заставляло совершать сверхвозможное. В свете этого побуждения Октябрьского убыть для личной рекогносцировки на далекий Кавказ, за 400 миль, в такой грозный час для самого Севастополя – остались для меня и тогда, и теперь непостижимыми. И когда я стал его непосредственным подчиненным, наши отношения переросли в боевую дружбу, создалась атмосфера взаимной доверительности в беседах, а с моей стороны утвердилось понимание сложного характера этого выдающегося военачальника, я никогда не затрагивал, даже в непринужденных беседах, этой щекотливой для него темы. Я остерегался сделать ему больно.

При всем величайшем уважении к этой личности, не побоюсь сказать – преклонении перед его воинскими, партийными и общечеловеческими добродетелями, при всем том, чем я обязан ему в личном плане, за быстрое продвижение в войну по службе, вот при всем этом я обязан сказать честно правду: уход комфлота из Севастополя в далекие тыловые базы, даже по важнейшим делам флота, в угрожающей ситуации для Севастополя, надо признать неоправданным. Член Военсовета флота Н.М. Кулаков в своих воспоминаниях пишет по этому поводу: решение комфлота было в тот момент не лучшим образом действий[26]. Но я должен тут же оговориться: за сухопутные дела в Крыму всю ответственность перед Ставкой несли адмирал Левченко и генералы Батов (назначенный Ставкой заместителем Левченко) и Петров; к тому же контр-адмирал Г.В. Жуков назначен заместителем командующего флотом по обороне Главной базы Севастополя с суши, то есть было кому заниматься защитой Севастополя, на комфлота навалились заботы о кораблях и авиации. У него также было желание лично самому проинструктировать командира Потийской базы, офицера не корабельной службы, как управиться с той массой кораблей, которые нахлынут в Поти и Батуми. Так что повод был, другое дело – обстоятельства, позволяли ли они покидать Главную базу, командиром которой по нашей устоявшейся структуре являлся командующий флотом. Но комфлот вправе по-своему оценивать обстоятельства.

Пройдет трое суток, враг подступится к Севастополю, и нарком ВМФ адмирал Кузнецов прикажет Октябрьскому немедленно возвратиться в Севастополь.

В день ухода комфлота меня разыскал начальник отдела кадров капитан 1-го ранга Г.А. Коновалов и сообщил мне, что нарком ВМФ подписал приказ о моем назначении начальником штаба Потийской военно-морской базы и что меня приглашает наштафлота.

Понимая, о чем будет идти речь, я прихватил с собой планы портов Кавказа. Елисеев сразу завел разговор о базировании линкора «Парижская коммуна». Я без колебаний заявил: только Поти. И показал на пассажирский причал порта. А о Батуми подумаем после. Иван Дмитриевич Елисеев меньше моего бывал в кавказских портах, и ему не доводилось водить корабли, но, как человек, быстро, на лету схватывающий суть любого сложного дела, согласился, а про Батуми сказал: иметь его про запас. Вошедший во время нашей беседы член Вовнсовета флота Кулаков добавил: конечно же этот вопрос надо обсудить с командующим эскадрой. Елисеев приказал мне сегодня же на крейсере «Красный Кавказ» убыть в Туапсе, а оттуда оказией в Поти, но до этого повидаться с командующим эскадрой контр-адмиралом Л.А. Владимирским и обсудить с ним вопрос базирования кораблей эскадры и особенно линкора в портах Потийской базы.

Лев Анатольевич Владимирский – бывший мой командир. Был его помощником, когда он командовал эсминцем «Петровский». И, можно сказать, съел с ним пуд соли. Высочайшего класса кораблеводитель, выучивший и воспитавший замечательную плеяду черноморских командиров надводных кораблей, в том числе и таких асов кораблевождения, как Зубков, Ерошенко, Марков, Зиновьев, Годлевский, Буряк, Борков, Козлов, Шегула, Шевченко, Леут, Горшенин, Валюх, Бобровников, Сухиашвили, Абрамов, Бакарджиев, Жуков, Жиров. На командирском мостике в походах, пожалуй, Владимирскому равных не было, если не считать моего другого командира – М.З. Москаленко (когда я был командиром сторожевого корабля и комдивом сторожевиков, он был комбригом эсминцев). Лев Анатольевич был бесстрашен в борьбе со стихией. Не признавал, не принимал во внимание никакой силы ударов волны, обращаться к нему с просьбой убавить ход, чтобы не ломать корабль и облегчить участь укачивающихся, было бесполезно. Сам промокший до нитки и наглотавшийся соленой воды, он обычно отвечал мне: отремонтируемся и отдохнем в базе, а сейчас всем оморячиваться, такая удачная погода не всегда

выпадает, выдался случай для хорошей морской выучки, кто научится в жестоких штормах не бояться опрокидывающегося на тебя темно-зеленого, многотонного вала волны, тот и в бою окажется сущей находкой. Вот и попробуй такому доказывать, слишком убедительны его доводы. Он был образованным моряком, знатоком оружия и тактики. Отлично знал морской театр и все черноморские порты.

Но вот сейчас, как раз на этом, мы с ним и не спелись. Владимирский был тем хорош, что вел беседы со всеми на равных, и даже позволял поспорить с ним – до принятия решения. Конечно, у него были свои слабости, например, по части твердости в руководстве, и в этом с Октябрьским они были противоположностями. Будучи деликатным в обхождении, он, когда не был согласен, не всегда был способен в открытую отвергнуть предлагаемое, а обещал: подумаю. Или отвечал междометиями. Сойдя с мостика, он подчас становился другим, чем был в борьбе со стихий. Нужно было обладать силой воли, чтобы быстро разрешить с ним какой-либо сложный вопрос, добиться у него принятия решения, крайне необходимого сейчас же по делу неотложной важности. Частенько такое решение надо было немедля реализовать, так как другой, кому не нравилось это решение, мог ему передоложить, и Лев Анатольевич, по доброте и мягкости своей, мог перерешить. А это недопустимо в любой сфере деятельности людей и дважды опасно в военном деле. Отменять можно и нужно только несуразности, но и то не вводить в систему, ибо это вносит неуверенность в работе. Бывало, что Лев Анатольевич передоверится докладчику молчаливым или нетвердым согласием, поддавшись авторитету докладывающего, когда требовались командирские глубокие раздумья, с проявлением твердой воли; особенно это важно в крупных оперативных делах. И это в будущем сыграет свою роковую роль. Но это в будущем.

Сейчас же по-прежнему все тот же умный и храбрый командир, по-юношески покручивая свой чуб, на мое предложение готовить линкор к базированию в Поти – и подтвердил это авторитетом наштафлота и что так будет докладываться и комфлоту – ответил: надо подумать. И вскользь помянул Батуми. Я мягко отклонил это, выложив все выгоды нашего предложения, и настоятельно рекомендовал Поти, а Батуми предложил считать запасным вариантом на будущее. К сожалению, на линкоре не было начальника штаба эскадры капитана 1 – го ранга В. А. Андреева и мы, как коллеги, не смогли совместно обсудить и доложить в Поти. Владимирский пригласил командира линкора капитана 1-го ранга Ф.И. Кравченко

посоветоваться, но тот совершенно не был готов к этому, ибо не был ни в Поти, ни в Батуми и не знал их устройства. Да они ему, как линкоровцу, и ни к чему, при редких посещениях этих районов линкор отстаивался на якоре на рейдах и он прилично знал только Севастопольскую Северную бухту, где стоял на якорных бочках. Такова специфика службы на крупных кораблях в отличие от малых, командиры которых могли на ватмане нарисовать очертания берега всего моря и начертить по памяти схемы всех портов, – этому нас, молодых командиров, учили славные черноморские мореходы капитаны 1-го ранга Г.И. Левченко и М.З. Москаленко, когда они были командирами бригады эсминцев.

При расставании мне показалось, что я убедил Владимирского. Ближайшее будущее покажет, что это не так.

Из Туапсе в Поти я следовал на эсминце «Дзержинский», на котором пять лет назад был артиллеристом, это дало мне повод помечтать, а потом пройтись по кораблю, по боевым постам, побеседовать с комендорами, торпедистами, радистами, среди которых оказались старые знакомцы, спуститься в машинные и котельные отделения, а тут немало сверхсрочнослужащих, которых хорошо знаю, а еще я помню весь экипаж по Одессе, когда они в этом году приходили многократно защищать, громить своей артиллерией вражескую пехоту.

Кораблем командует мой бывший подчиненный капитан 3-го ранга П.И. Шевченко – отменный командир.

Сейчас эсминец конвоировал танкер «Эмба» (капитан Авдеенко), который буксировал в Поти большой плавдок. Этот док оказался большим приобретением для Потийской базы. Всю войну мы будем в нем ремонтировать поврежденные корабли, вплоть до крейсеров. Еще в Туапсе я предложил Шевченко собрать экипаж корабля, разъяснить, какой большой ценности объект предстоит охранять, и поставить каждой боевой части боевую задачу на поход. А я дополнил командира, пояснив матросам и командирам, что с самого начала войны им еще не приходилось конвоировать ничего более важного для всего флота, чем этот док. Командир П.И. Шевченко, комиссар И.С. Осадчий, экипаж корабля успешно выполнили задание и были отмечены похвалой командования базы.

Эсминец вошел и ошвартовался в Северной гавани Потийского порта на исходе ночи. Я подумал: дождаться подъема флага или идти сразу в штаб базы? В Одессе ночь как время для почивания не признавалась, отдыхали в паузах между боями, урывками и частенько за столом, положив голову на руки. И тут, мне сдается, должны быть ночные бдения, хотя бы части людей. К

тому же посчитал неудобным прохлаждаться без дела на корабле и теперь уже, можно сказать, в своей базе. Скорее к работе. Не стал вызывать машину и пешком пошел в штаб, загоревшись тайным намерением заодно и проверить бдительность здешнего начальства, живут ли тут по законам военного времени: введен ли комендантский час, какова патрульная служба в городе?

И был приятно поражен, а заодно и проучен за задумки. На полпути меня остановил патруль и потребовал пароль – узнаю почерк генерала, и это похоже на одесские строгости. Так как пароля я не имел, то я предъявил удостоверение личности и служебное предписание. Но при всем уважении к подписи наштафлота и его печати начальник патруля, строго руководствуясь гарнизонной инструкцией, признавал только силу пароля и потому счел обязательным препроводить меня в военную комендатуру города. Куда я и тронулся с почетным эскортом. Но на нашем пути стоял штаб базы, а у его входа случайно оказался комендант гарнизона майор А.С. Ткачев, проверявший ночной порядок в гарнизоне, что меня совсем умилило. Приняв на свое попечение, Александр Сергеевич провел меня к оперативному дежурному базы, которым оказался капитан В.И. Горев, он меня и сопроводил к командиру базы. А Ткачеву я успел сказать, чтобы он отблагодарил патруль за бдительное несение службы.

В штабе базы стояла непривычная для меня тишина – все, находясь на казарменном положении, отдыхали в кабинетах. Не будем торопиться и осуждать. До этих дней, пока сюда не пришло сообщение о печальном исходе боев за Крым, все тут считали, что противник далеко на Перекопе, и законно причисляли себя к глубокому тылу, вдалеке от фронта. При такой ситуации можно согласиться, что на то она и ночь, чтобы спать.

И я подумал: пусть отдохнут, скоро на них навалятся перегрузки. И не потому, что прибыл беспокойный начштаба, а потому что война придвинулась ближе к Поти, она уже не на Перекопе, а у Керченского пролива, а от него сюда уже достанут вражеские самолеты. На днях к нам придет весь Черноморский флот, заполнит все наши порты, его надо будет прикрыть и обеспечить безопасность стоянки и плавания в операционной зоне базы.

Я представился командиру Потийской военно-морской базы генерал-майору береговой службы М.Ф. Куманину в его спальне. Он сразу оживился и взбодрился. Мы встретились как старые знакомцы по совместной довоенной службе в Одессе – он был начштаба базы, а я его заместителем – начальником оперативного отделения штаба.

Интересна судьба этого человека. Человек дореволюционной закалки, сильный служака. В Первую империалистическую войну был командиром полевой батареи в армии. Видно, нашим кадровикам показалось достаточным, чтобы с должности помощника командира 22-й стрелковой дивизии назначить его на крупный пост коменданта укрепленного района в Советской Гавани Тихоокеанского флота, когда там при создании флота в начале 30-х годов была большая нужда в кадрах. Хотя для этого поста – командовать береговой артиллерией с ее сложными правилами ведения огня по морским целям и придаваемыми кораблями и для обеспечения базирования надводных и подводных сил – требовался человек с высшим образованием берегового или корабельного артиллериста и с большим морским опытом. Это был уникальный случай.

После двухгодичного перерыва в службе и полугодичных флотских курсов он после Одессы прибыл в Поти. А теперь сюда идет большой флот. Было от чего волноваться и растеряться, не имея большого опыта, который можно приобрести только при нормальном прохождении флотской службы, и тут требовалась постоянная, с большим тактом и прилежанием опора на коллективный разумный опыт работников штаба базы, с проявлением к ним уважительности и доброжелательности, без кавалерийских наскоков. А они скоро начнутся и будут нарастать по мере возрастания движения кораблей в нашу базу. И мне придется – плотно прикрыв двери командирского кабинета, предварительно приказав адъютанту никого к нам на впускать – поднимать нелицеприятный откровенный разговор и добиваться отмены тех волевых решений, которые были приняты без заслушивания штаба. И все будет становиться на свои места, как положено – по-флотски.

Я не помню случая, чтобы он как умный человек оставлял в силе свое приказание, которое, как говорят, не лезет ни в какие флотские ворота. Мне служить с ним было очень тяжело, мы с величайшем трудом, с частыми уступками с моей стороны, как младшего (конечно, не по принципиальным вопросам, не в ущерб делу). И все равно наши отношения были сложными. У меня и самого характерец, я вам доложу. Иногда я терял контроль над собой. Наши отношения в будущем настолько обострятся, что комфлот в интересах дела сочтет за благо, с разрешения наркома, разлучить нас, с назначением меня помощником наштафлота. Но это будет потом. А сейчас и в последующем я руководствовался святым воинским законом: воспитывай себя, побуждай себя считать приказы начальника непогрешимыми и неоспоримыми, но… с одним поправочным коэффициентом на особое место

начальника любого штаба в военной иерархии, которое дает ему право по оперативным вопросам – за которые он несет равную с командиром ответственность – выдвигать свои предложения, отстаивать и добиваться их принятия, ибо они плод коллективного разума штаба, и, если требуется, вступать с командиром в творческий спор, пока не принято решение.

Во всех оперативных делах голос штаба должен звучать на полную, уверенно, с опорой на науку и грамотные расчеты. Если, конечно, этот голос хотят подавать, и если при этом есть мысли, и если есть гражданское мужество – не бояться потерять пост из-за расхождений с командиром. Если же не так, то начштаба может подвести своего командира своим поддакиванием ему, поддерживая ошибочность в целях поддержания добрых отношений, и этим погубить дело, которому вы оба клялись честно служить, становясь на многотрудную военную стезю.

Но подавать смелый голос, ходить к командиру на доклад и тем более выступать перед своим командиром и нижестоящими командирами с предложениями на бой надлежит во всеоружии, с картами, таблицами, схемами, с папками, полными всевозможных расчетов. И неплохо перед этим начальнику штаба пообщаться с командиром, устранить разночтения, чтобы на докладе предложений штаба и при принятии решения на бой, операцию в присутствии подчиненных командиров и своего штаба и политотдела все видели единство командира и начштаба, может, достигнутое за закрытыми дверями ценой длительных и мучительных творческих обсуждений сложных оперативных вопросов, связанных с жизнью многих тысяч воинов.

А сейчас, узнав от оперативного дежурного базы (ОД базы), что уже часть флотских сил начинает движение из Севастополя к нам, я счел нужным попросить командира немедленно обсудить наши дела. Памятуя наказ наштафлота Елисеева, я доложил его и мои соображения по размещению флота в базе и просил дать мне установку. Командир ответил, что все это во многом совпадает с указанием комфлота, который побывал здесь позавчера, но есть и расхождения, открытым остался вопрос о пункте базирования линкора. Командир приказал мне до исхода суток доложить предложения штаба с планом и схемами размещения кораблей в портах базы, а расквартирование тыла флота он берет на себя. Это последнее дало потом пищу корабельным острословам пустить шутку: у ворот порта проходит меридиан, к востоку – Куманин, а к западу – Деревянко. Что в некоторой степени отражало действительность. Хотя я должен быть объективным и сказать, что генерал должен понимать, что если он не станет немедленно более глубоко осваивать сложности на стыке суши и

моря и глубоко вникать в вопросы базирования крупных сил флота, то быть ущербу делу, а ему в личном плане, неприятностям перед начальством. Понимая его затруднения, я как мог помогал ему освоить сложности флотских дел, да и сам он нет-нет да и попросит разъяснить ему иные морские замысловатости. Все мы шли ему навстречу в интересах дела.

Свою новую службу в базе я начал с внезапного подъема личного состава штаба и всех начальников служб базы, подчиненных начштаба. И через полчаса на общем сборе был зачитан приказ командира о моем вступлении в должность. Я ознакомил своих подчиненных с сухопутной обстановкой в Крыму, о действиях флота, и что отныне мы начинаем жить новой жизнью, полной тревоги и беспокойства за благополучное базирование флота в нашей базе, ибо в море – вражеские подлодки, а авиация противника – на крымских аэродромах, в 600 километрах, что позволяет немецким бомбардировщикам Ю-88 с подвешенными двумя бомбами по 250 килограммов достигать Поти. Это вызвало на лицах моих подчиненных оживление и озабоченность.

Дав указание о перестройке своей работы, отвечающей сложившейся обстановке и интересам флота, я уединился с работниками штаба и с вызванными командирами частей и работниками управления базы, которым надлежало отныне заниматься непосредственно флотскими делами. И прежде всего составить план надводных и подводных сил флота. Собрались люди, с которыми мне придется прослужить (полтора года) бурной боевой работы, на этом пути будет всякое: и удачи, и просчеты, и похвала, и порицание – все было, ничего не вычеркнешь. И все-таки больше было удач – достаточно сказать, что за время нашей совместной службы она не будет омрачена ущербом нашему делу, никаких потерь в силах и средствах, и это-то при такой бурной деятельности базы и флота. Это говорит об усердии и умении и работников штаба базы.

За план засели операторы капитан-лейтенанты Г.В. Хованский, И.А. Дышлевой, Б.В. Бурковский, Н.К. Носов, майоры А.Д. Симоненко и М.И. Перебасов, флагманские специалисты капитаны 3-го ранга С.Е. Ануфриенко и Я.С. Гискин, капитаны С.С. Макаров и С.В. Смирнов, связисты майоры Г.М. Пясковский и В.Ф. Есипенко, гидрографы и военные лоцманы капитан-лейтенанты А.Ф. Александров, М.Б. Кравченко, Ф.И. Родионов, И.М. Письменный, Ф.Ф. Пеньков, командир охраны рейдов капитан-лейтенант И.А. Олейник, командир 57-го зенитного артдивизиона майор К.Н. Попов и командир 164-го артдивизиона береговой артиллерии майор А.П. Рожковский, прикрывавшие

Потийский порт с воздуха и моря. Их работу над планом возглавил многоопытный и энергичный работник, мой заместитель, начальник оперативного отделения штаба базы, мой однокашник, капитан 3-го ранга И.В. Прохоров, он хорошо знал порты и условия базирования в них. Сообщив ему установки наштафлота, командира базы и мои, я занялся лично другим важным делом, которое я не мог кому-либо передоверить и которым придется заниматься не сегодня завтра: как ввести линкор в Потийский порт? Именно в Потийский. Так я твердо доложил командиру базы. С чем он согласился без обсуждений.

С тем я и направился в управление торгового морского порта – хозяина всех причалов. И вот тут я встретился с двумя очень интересными и нужными мне мореходами: капитаном порта Н.И. Мушбой и старшим лоцманом Л.И. Гацерелией, с которыми меня познакомил начальник порта К.В. Реквава.

Засекречиваться уже не было смысла – событие должно вот-вот наступить, и я сообщил им о необходимости вводить в Потийский порт линейный корабль. Они, не приступая к обсуждению, тут же вызвали капитана буксира «Партизан» В.Д. Букию. Он, представившись, тут же спросил данные линкора. Я ответил: водоизмещение 24 тысячи тонн, осадка 10 метров, ширина 29 метров, длина 195 метров. Букия аж крякнул: с такой громадой впервые сталкивается, чтобы избежать касания грунта днищем и бортом о бровку канала, желательно уменьшить осадку корабля метра на полтора. Зная возможности линкора, я гарантировал это – если понадобится, подадим на рейд топливные и водяные баржи и откатаем мазут, котельную и питьевую воду: уменьшим осадку до 8,5 метра. А капитана порта Мушбу смущала не только осадка и ширина, но и длина корабля – как он впишется при втягивании его с рейда вокруг головы мола на портовый канал и дальше от боковых ворот к пассажирскому причалу. Он не дал мне сразу ответа и просил дать время на раздумья и расчеты. Я с пониманием встретил такую осторожность и капитальный подход к делу большой важности. Николай Иванович Мушба настолько серьезно отнесся к заданию военного командования, что предложил вместе и сейчас же выйти на «Партизане» на внешний рейд для рекогносцировки и пройти, маневрируя, тем предполагаемым путем, которым будут двигаться линкор и буксиры. Это демонстрирование вызвало много сомнений в успехе дела, которое мы задумали, но и не лишало надежд. При обмене мнениями я старался, чтобы Мушба и Букия мыслили только одним: ввести линкор в гавань. Они продолжали, как и положено сынам Грузии, горячо между собой говорить, перейдя на грузинский язык, – я так подумал, что они

не хотят тревожить мою душу своими сомнениями. И к этому я отнесся с пониманием, не подключался к разговору. Меня даже растрогала такая забота обо мне. Но они преувеличили тонкости моей души, я очень хотел быть втянутым в обсуждения, так как по складу характера склонен был всегда считать, что если уж дело касается моего участия в чем-то, то тут вода не освятится без меня.

По возвращении в управление порта Мушба подтвердил просьбу дать время на размышление, но сразу добавил: на буксировку линкора потребуется три буксира: два – тянуть, а один в конце подправляет направление. О! Это уже что-то значит для моей задумки. И я пообещал подать два буксира, один есть в Поти, а второй вызовем из Батуми.

Я попросил Мушбу освободить для боевых кораблей все причалы от портовых судов, поставив их к внешнему молу, и предупредил: быть готовыми к встрече линкора и других кораблей в ближайшие часы, давая этим понять, что ходу назад нет. И при нем позвонил ОД базы капитану 2-го ранга М.М. Резнику и приказал вызвать, и немедленно, из Батуми буксир «Стахановец», подтвердив, для Мушбы и Букин, серьезность моих намерений и неотвратимость ввода линкора в Потийский порт.

С капитаном порта Н.И. Мушбой и начальником службы базы инженер-майором А.В. Щербаковым осмотрели акваторию порта и состояние причалов. Щербакову было приказано немедленно обновить деревянные привальные брусья и настилы причалов. Анатолий Владимирович Щербаков, человек высокого долга, не нуждался в понуканиях: по тревоге поднял свои подразделения и приступил к работе по-фронтовому, круглосуточно, а через трое суток пригласит меня принять работу его инженерно-строительных воинов по обновлению причалов. Ничего не скажешь, отличная работа. Командиры и экипажи высоко оценят эту, одну из первых, заботу базы о кораблях. И командующий эскадрой лично отблагодарит Щербакова за усердие. Скоро мы лишимся такого старательного работника – он уйдет сражаться за Севастополь, до последнего часа, раненым попадет в плен, перенесет все ужасы немецко-фашистского плена, из которого будет многократно бежать, и только раз удачно. По возвращении на флот Анатолий Владимирович Щербаков будет удостоен очень высокой награды – ордена Красного Знамени. А вместо него к нам сразу назначен инженер Л.В. Зубарев – усердный и знающий офицер.

Начальник аварийно-спасательной службы базы (или, как поначалу называли, ЭПРОН) получил экстренное задание своими водолазами обследовать дно у всех причалов, и ими будет

поднято много всяких подводных препятствий в виде брошенных и затопленных неряхами-моряками емкостей, тросов, бревен, металлических изделий, представлявших опасность для корпуса и винтов корабля.

Непорядок на акватории и на причалах был явным недосмотром начальника торгового порта, о чем ему и было указано на очередной встрече с командованием базы. А вообще, в дальнейшем мы были недовольны его дельностью, связанной с воинскими перевозками.

Представителю инженерного отдела флота при Потийской базе военинженеру 1-го ранга Н.И. Гвозду было поручено поправить и укрепить цементо-бетонные причалы, что и будет сделано за неделю.

Аналогичные меры были предприняты и в портах Батуми и Очамчира. В считанные дни Потийская база подготовится и встретит надводные корабли и подлодки надежной и удобной стоянкой, за которой последует аккуратное снабжение, политико-массовое обеспечение и боевое обеспечение стоянки и плавания кораблей.

Военно-морскому коменданту порта и его помощнику капитан-лейтенантам В.И. Розенгольцу и М.И. Приземному было приказано с сегодняшнего дня установить строгий режим охраны порта по военному времени, пресечь свободный доступ всем в порт и хождение по нему. И порядок в этом был наведен немедленно. Подобная мера была проведена и в Батуми.

Еще далеко не закончился день, а мой заместитель Прохоров доложил о готовности Плана базирования кораблей флота в Потийской военно-морской базе (ПВМБ).

Я попросил начальника политотдела базы полкового комиссара И.С. Кученко, начальника тыла базы подполковника ГС. Емельянова, начальника артиллерии базы С.И. Маркина зайти ко мне ознакомиться с этим Планом, совместно обсудить его и определить меры по организации встречи кораблей, чтобы экипажи их чувствовали себя уютно, как в родней базе, следовало также уточнить организацию прикрытия кораблей от нападения с моря и воздуха, при стоянке в портах, обеспечения их всеми видами боевого и интендантского снабжения, а также культурно-массового обслуживания.

План базирования был одобрен с некоторыми уточнениями: необходимо усилить ПВО порта Очамчира двумя зенитными батареями; в Сухуми иметь зенитный артдивизион для прикрытия временной стоянки транспортов и кораблей; возбудить ходатайство перед высшим командованием о создании в Поти, как главном пункте базирования кораблей флота, нового

формирования – базового района ПВО в составе зенитной артиллерии, истребительной авиации, подразделений аэростатов заграждения, прожекторных и задымления порта (по опыту Одессы); просить выделить для Поти радиолокационную станцию (РЛС) типа «Редут», для дальнего обнаружения самолетов противника.

Начальник артиллерии полковник Маркин подтвердил, что наличие береговых батарей обеспечат надежное отражение нападения вражеских кораблей артиллерией на наши порты и попытки противника высадить морской десант в районах портов.

Начальник тыла подполковник Емельянов доложил, что до окончания развертывания тыла флота его тыл обеспечит корабли флота всем необходимым; время покажет, что Григорий Степанович не бросает слов на ветер – он вообще усердно служил и позже будет выдвинут на пост одного из руководителей флотского тыла.

Начальник политотдела Кученко информировал, что для обслуживания матросов кораблей флота готовится базовый клуб, это рядом с портом, а для Дома офицеров имеется лучшее здание города. Несмотря на большие базовые заботы, видно было, что Иван Сидорович загорелся флотскими делами и ждет встречи с людьми флота с большим душевным подъемом.

Заглядывая вперед, скажу, что личный состав кораблей эскадры и подводных лодок после длительных изматывающих штормовых походов и боев при увольнении на берег встречал радушный прием в клубе и Доме офицеров, который обслуживал также и матросов. Кученко отменно наладил культурно-массовую и политическую работу с экипажами кораблей. Организовал лекции и доклады, с которыми выступали флотские и московские лекторы. Он также задействовал театр, ансамбль и художественную самодеятельность. Приезжавшие к нам начальник Главполитуправления ВМФ И.В. Рогов, член Военсовета флота Н.М. Кулаков и начальник политуправления флота П.Т. Бондаренко дали высокую оценку деятельности нашего политотдела.

А мы с Иваном Сидоровичем еще будем долго служить и вместе сражаться, когда я стану командовать передовой базой флота, а он будет начальником политотдела в звании полковника. С большим удовлетворением вспоминаю нашу с ним совместную службу и добрые наши взаимоотношения, переросшие в большую боевую дружбу, которые, не побоюсь этих эпитетов, могли бы стать эталоном во взаимоотношениях строевого, да еще с крутым и тяжелым характером, командира и политработника, о чем, кстати, и скажут нам приезжавшие с

инспекцией московские и флотские политработники, что я высоко оценил, как лестную для меня похвалу моей деятельности, как единоначальника. Не подумайте, что между нами царил мир со взаимопрощением. Нет.

Как сейчас помню – Иван, довольно-таки не из ласковых воинов, приходил ко мне и, приказав моему порученцу никого не принимать, поплотнее поприкрыв двери моего кабинета, выговаривал мне по поводу какой-либо моей промашки или резкости, допущенной мной в горячности служебного рвения, и добавлял: лучше давай вместе порешим, чем кто-либо другой будет разбираться в наших делах. И все становилось на свои места. И когда Кученко (он потом мне расказывал) спрашивали работники политуправления флота: как это ты ухитряешься так ужиться и сработаться с таким сложным человеком, как Деревянко, от тебя ни одного донесения о недоразумениях? Он с достоинством, что сумел познать меня и влиять на меня, отвечал: надо уметь видеть принципиальность и усердие в работе человека.

Вот в этом был весь мой друг Иван Кученко, вскоре после войны безвременно ушедший из жизни. А бывало и такое, когда я ему выговаривал: как бы это так, товарищ начполитотдела, нам совместно поэнергичнее выправлять положение в дисциплине, усерднее помогать мне в укреплении порядка в базе, и мы еще дружнее брались за дело. Не было между нами размолвок по службе. Больше того, мы крепко сдружились и семьями, и с его обаятельной супругой Натальей Казимировной, большой общественной работницей. Ну, это все потом.

А вот сейчас Иван Сидорович удумал то, что мы, штабисты, упустили – послать группу работников штаба, политотдела и тыла в Очамчир, заботливо встретить прибывающие туда лодки. И мы тотчас это реализовали.

Закончив обсуждение Плана базирования и внеся в него дополнения, мы все направились на доклад к командиру базы, у которого находился и комиссар базы полковой комиссар В.И. Орлов. Совместно выработанный План был утвержден без поправок. Тогда же командир базы дал такую установку: до сформирования управлений ПВО и Охраны водного района (ОВР) управление кораблями и частями, осуществляющими прикрытие портов базы, то есть противолодочной, противоминной и противовоздушной обороной и корабельными дозорами базы осуществляет штаб базы непосредственно.

Только мы собрались уходить, вошел помначсвязи и подал командиру базы радиограмму наштафлота из Севастополя, прочитав которую, он воскликнул:

– Ну вот и начинается! К нам следует эскадра в составе линкора, крейсеров, эсминцев и бригады подводных лодок для базирования в наших портах. В свете этого приказываю перестроить всю деятельность базы в соответствии с нашим Планом. Главное сейчас – образцово встретить корабли и ввести их в гавани. За ввод линкора и крейсеров возлагаю персональную ответственность на начальника штаба базы, операцию по вводу линкора в Потийский порт лично возглавить вам, товарищ Деревянко.

Этой принципиальной установкой командир базы определил место и роль своего штаба в управлении корабельными делами и на будущее, что меня полностью устраивало. Любил я самостоятельность. Не терпел опеки и вмешательства, когда, получив приказ, приступал к его исполнению, считал допустимыми отныне только дельные советы ближайших своих помощников. А грешен – любил властность. Собственно говоря: почему грешен? Ведь властность – это атрибут администрирования, величайшая добродетель военного человека. Да и не только военного. Ленин, определяя качества руководителя, подчеркивал значение администраторских способностей его – без этого нечего и ожидать успехов. Даже на гражданской работе, и в политической, и в хозяйственной сфере, после коллективных обсуждений и принятия решений на каждого ложится персональная ответственность за выполнение их и своих функциональных обязанностей. И вот тут успех дела решают администраторские данные руководителя.

Администрировать – значит приказывать. Но всякое приказание должно подкрепляться большой личной организаторской работой отдающего приказание: всевозможными видами обеспечения и заботой о людях в быту, обучении и воспитании. Только при этом можно ожидать наилучшего выполнения приказания. Употребление кем-либо слова «администрирование» как ругательного показывает политическое невежество этого человека, незнакомого с трудами Ленина и о Ленине, его личной практикой в руководстве Советским государством. Ту уймищу устных и письменных распоряжений, отдававшихся за день Лениным твердым и решительным тоном и стилем, сочетаемыми с величайшим ленинским тактом, о которых так много написали его соратники, и которые можно встретить в его сочинениях, еще никто не мог превзойти, ни по количеству, ни по содержанию. О ленинском администрировании в управлении государственными делами мы постоянно помнили и стремились хоть в малейшей степени ему подражать, чтобы наши дела выглядели в наилучшем виде.

Администрирование проявляется через властность, в лучшем понимании и смысле этого слова. Проявлять власть, тебе предоставленную: не лениться, не почесываться, не плыть по течению, а употреблять власть в полной мере в интересах народа и его побед. И помнить умную присказку, пришедшую к нам из глубины веков: никогда, со времен сотворения мира, кроткие поддакивающие, покорные, уступчивые, неповоротливые, непредприимчивые, работающие по подсказке с оглядкой, без гражданского мужества – не приносили в дом своему народу успехов и побед.

Все мои герои, как в первой книге, так и во второй, поданные в широком плане, это люди очень сложные, с душой высокого полета, в непрестанном поиске, с бурным характером, с большими человеческими, духовными страстями, но высоконравственные в исполнении своего воинского долга, который они не декларировали пустозвонством напыщенных ортодоксальных речей, а страстно исполняли свой гражданский долг до конца и порой ценою жизни. И пусть их жизненный и боевой путь был не всегда ровным, со взлетами и спадами, как у людей с дерзким полетом мысли, имеющих на все происходящее собственные взгляды, без подгонки к флюгеру соседней крыши; пусть они были несколько угловатыми, резко прямолинейными, часто горячими, не признающими компромиссов, реверансов и изящной словесности; но зато они никогда не были бездуховными, безыдейными и спокойными к судьбам Родины и делу партии и народу, которым беззаветно служили, отдавая свои жизни не задумываясь, когда этого требовали обстоятельства. Их героизм, устремленность, дерзость и благородный риск в поступках и бою – и рядовых, и командиров – всегда вдохновляли меня в моей боевой деятельности.

Вот и сейчас, получив такое категорическое приказание не просто руководить, а лично возглавить, я подумал: по сравнению с тем, что совершают наши воины сейчас в Крыму, под Севастополем – на суше, в море и воздухе, – в обстановке непрерывных и мощных ударов превосходящего нас в силах противника, мы здесь просто обязаны выложиться полностью, идти на любой расчетный риск и выполнять даже сверхвозможное.

И все-таки я не мог не подумать: если бы кто-нибудь до войны предложил ввести линкор в Потийский порт, его посчитали бы не в своем уме. Все, даже славные наши мореходы, заявили бы: это невозможно, ибо порт строился для захода транспортов гораздо меньших размеров, чем линкор, в два-три раза.

И сейчас, несмотря на то, что я уже несколько дней вынашивал эту необходимость и даже возможность, когда дело дошло до реализации этой задумки под мою персональную ответственность, до моего сознания дошла в полном объеме сложность этого предприятия, за которое я так горячо ратовал и всем внушал реальность его исполнения. Все, в том числе и такой отчаянный мореход, как Л.А. Владимирский, знавшие, что такое Потийский порт, какой туда вход, и что до войны мы входили в него только миноносцами, продолжали до последнего часа думать и считать: неизвестно, чем все это закончится.

Но долой эмоции и мнения даже авторитетов! Линкор должен быть в Потийской гавани, другого не дано, не оставаться же ему бесконечно в море, рискуя попасть под удары подлодок и самолетов, надо больше решимости. Для этого я должен всего себя мобилизовать – все свои способности и волю: это надо сделать. И сделать успешно. Хотя и с остаточным риском. Ну так на войне всегда много риска. Только его надо свести к минимуму расчетами и умением. А остаточный, но расчетный риск всегда был и будет во всяком новом малоизвестном деле.

Так как приход эскадры ожидался утром 2 ноября, приказываю своему заместителю Прохорову оповестить об этом корабли дозора, летчиков самолетов, разведчиков и береговые батареи; с рассветом произвести тральщиками разведтраление мин на внешнем рейде, которые противник может поставить скрытно в темное время подлодкой; выставить катера малые охотники за подлодками (МО) в противолодочный дозор на подходе к рейду; повысить готовность зенитных батарей, а с подходом линкора к рейду перевести их в боевую готовность номер один и вызвать истребители для прикрытия линкора.

Звоню капитану порта Мушбе и назначаю у него встречу с капитанами всех буксиров и с лоцманами, за которыми я послал своего порученца старшину 1 – й статьи Кронштадтского на своей машине, чтобы скорее их доставить в управление порта, куда и сам направился.

Все в полном сборе и в состоянии напряжения и ожидания чего-то необычного. Кроме Мушбы, Гацерелии и Букин здесь командир военного буксира «Красный Октябрь» старший лейтенант В.И. Голиков, капитан буксира «Стахановец» К.Ф. Каранадзе, командир Охраны рейдов И.А. Олейник, лоцманы Н.С. Хибиков, Л.Г. Чхартишвили, В.К. Удовиченко, Ю.М. Гогитидзе. Я объявил, что с утра будем вводить в гавань линейный корабль. У некоторых вытянулись лица от удивления. Да и все были озадачены необычной задачей. Я вынужден был повторить сказанное и добавил: так надо, повелевает обстановка. Но тут

меня выручил Мушба. Он встал и торжественно, как отрезал, заявил: мы с Букией обсудили и пришли к выводу, что этими буксирами, с этими капитанами, можем дать гарантию на благополучный исход операции, при двух условиях, что осадка корабля будет уменьшена до 8,5 метров и чтобы командир линкора ни в коем случае не пытался помогать нам своими машинами, мы берем на себя ответственность и пусть полагается на нас полностью. Трудно меня растрогать, а тут я был готов расцеловать моих милых грузинов за такую смелость, за такой душевный порыв помочь нам, военным морякам. Смею утверждать: браться за ввод такого огромного корабля, в такой порт, да впервые, да еще и давать гарантии, нужно обладать и высоким мастерством и незаурядной храбростью.

Я спросил Мушбу:

– Какие можно ожидать неприятности, против которых не могут быть даны гарантии?

– Касание подводной частью линкора о бровку портового канала, но тремя буксирами мы сдернем его, – ответил Мушба.

– Не забывайте, что в этом случае мы можем подать баржи, откачать мазут и воду, этим уменьшить осадку корабля, и это поможет стягиванию его с бровки; и еще одно – корабль может путем перекачки жидких грузов с борта на борт раскачиваться и этим помочь буксирам стянуть его с бровки; имейте все это в виду.

Я сообщил, что ответственность за ввод линкора в порт возложена на меня и я назначаю капитана порта Мушбу начальником отряда буксиров, он будет командовать маневрами всех буксиров. Мушба объявил, что линкор будем вводить кормой вперед, ведущим буксиром будет «Партизан», вторым тянущим – «Стахановец», а концевым с носа направляющим – «Красный Октябрь». Затем он провел подробный инструктаж и проигрыш на карте-плане порта. Тут все учились, и я в том числе, ведь я имел опыт буксировки корабля своим кораблем и только в море, а сейчас предстоит все намного сложнее. Конечно, Мушба и Букия сами впервые осваиваются с мыслью, как это они будут делать, это было видно по их спорам между собой на грузинском языке.

Я объявил, что буду находиться на головном буксире рядом с Мушбой и Букией, в связи с этим я попросил их подавать команды в машину и на руль и разговаривать между собой на русском языке, чтобы я оценивал, как и что делается; вмешиваться в их действия не буду, хватит на мостике одного начальника. Но я предупредил о своем положении – если что-то случится, то спрос будет не только с них, а в первую очередь с меня. Поднялся гвалт, все разом заговорили – и протестующим, и

успокаивающим тоном: мы не допустим, чтобы что-либо произошло неприятное.

Далеко за полночь мы расходились отдохнуть и к рассвету изготовиться. Мы с Кронштадтским пошли в штаб пешком, надо, чтобы улеглись волнения. Встречные патрули, услышав от меня ночной пароль, следовали своим путем. Город спал под надежной охраной.

Зная из радиограммы, что эскадра подойдет к Поти к утру 2 ноября, я к рассвету уже был на наблюдательном мостике-вышке Охраны рейдов (рейдовый мостик ОХРа). Только взошло солнце, и на расстоянии 18 миль дальномером были обнаружены корабли эскадры. На фор-марсе (фок-мачта) – флаг командующего эскадрой. Я тотчас выслал буксиры на рейд. А сам на катере-охотнике вышел в море навстречу эскадре. Командиру МО приказываю швартоваться к борту линкора на ходу, так как большому кораблю не положено стопорить ход в море, чтобы не оказаться удобной мишенью для атаки вражеской подлодки.

Поднявшись по штормтрапу на борт линкора, я доложил командующему эскадрой контр-адмиралу Л.А. Владимирскому: готов тремя буксирами ввести линкор в гавань, для него подготовлен пассажирский причал.

Каково же было мое удивление, когда он ответил: я еще не принял решение, меня больше привлекает Батуми. Я с пониманием отнесся к намерению моего бывшего командира и наставника, он знал по себе сложные условия входа в Потийский порт. Будучи командиром эсминца «Петровский» – а я был его помощником, – он вводил и выводил из порта корабль, правда, в жестокий 10-балльный шторм. И все-таки это было на эсминце, да и тогда требовалось искусство, а сейчас – линкор! А если при вводе посадим на канале на мель линкор, да надолго? При угрозе-то нападения с моря и воздуха. Никого не погладят по головке, ни командира базы, ни меня, ни тем более его, как принявшего окончательное решение. В Батумский порт все же легче входить – нет длинного рейдового волнолома с подходным каналом, как в Поти, прямо с моря, с больших глубин подходишь к воротам порта, а дальше один поворот влево на 90 градусов к причалу. И его не зря туда тянуло. Но вот эта легкость входа, без защитного рейдового мола, ломающего волну при шторме, и таила большую угрозу. Корабль мог оказаться в ловушке. При западном ветре волна напрямую вкатывалась в порт, не защищенный волноломом, стремительно прижимала с ударом корабли к причалам, разрушались причалы, появлялись вмятины в бортах кораблей, затем волна, выходя из гавани, тянула за собой корабли, рвались швартовы, тросы, ломались палы на

причалах, кнехты на кораблях (на них крепятся швартовы). Все повторялось с периодом до двух раз в минуту. Батумский тягун намного сильнее потийского и более разрушительный: если в Поти с ухищрениями можно отстояться, то в Батуми командиры, капитаны уже по опыту и лоции в начале шторма покидали гавань и выходили в море. Отштормившись несколько суток, возвращались. Но линкор, прихваченный внезапным штормом, не выведешь буксирами, и он разрушит причалы и повредит борта.

Я изложил Владимирскому свои соображения:

– Начинаются свирепые осенне-зимние шторма от запада, линкор может оказаться в ловушке, настоятельно рекомендую Поти.

– Подумаю, а сейчас проследую к Батуми, – было ответом.

Опять я пожалел, что отсутствовал начштаба эскадры В.А. Андреев – он остался в Севастополе во главе отряда кораблей артподдержки нашей морской пехоты, отбивавшей вражеские удары, – может, вдвоем мы склонили бы адмирала в пользу Поти, ведь все равно получится так, как предлагается сейчас.

На прощанье Лев Анатольевич в нескольких словах рассказал об обстановке под Севастополем. Войска противника 30 октября подошли к селу Николаевка, что стоит на побережье между Севастополем и Евпаторией, и рядом стоявшая там 54-я береговая батарея, под командованием старшего лейтенанта И.И. Заики, открыла огонь по врагу, обозначив этим начало обороны Севастополя. Флотские войска выдвинуты на передовой рубеж и прикрыли Севастополь, будучи поддержаны огнем береговой артиллерии и кораблей эскадры из отряда Андреева. Где находятся войска Приморской армии и ее командующий генерал Петров – неизвестно. Обороной Севастополя руководит Военный совет флота – Елисеев и Кулаков – и заместитель командующего флотом по обороне Главной базы контр-адмирал Жуков (имевший богатый опыт руководства успешной обороны Одессы), а непосредственно флотскими войсками командует комендант Береговой обороны Главной базы генерал-майор Моргунов. До ухода эскадры комфлот еще не возвратился с Кавказа. Противник начал бомбить Севастополь.

Позже мы узнаем, что авиация противника после ухода линкора обрушила массированный удар по месту стоянки линкора, где была оставлена маскировочная сеть, прикрывавшая корабль. В этом сказалась проницательность наштафлота Елисеева, он своевременно вывел линкор из-под удара.

Я ушел. А Владимирский повел эскадру в Батуми. Я тут же вслед направил туда все буксиры для ввода линкора в Батумский порт. Но эскадра встала на якорь на внешнем рейде Батуми. А для

меня это пытка и постоянное беспокойство: не атакуют ли ее подлодки противника. И мне пришлось быстро организовать противолодочную оборону стоянки кораблей. Хорошо, что в Батуми грамотные старший морской начальник (старморнач) и его начштаба, из береговых артиллеристов, по моему приказанию они сноровисто выслали и умело расставили катера МО на подходах к рейду. И несмотря на это, сутки меня не покидали треволнения, пока эскадра не снялась и не вышла в направлении Поти. А я отозвал буксиры назад. На рассвете эскадра снова у нас. Тем временем подошли буксиры. И я, теперь уже с Мушбой, на мостике линкора. Владимирский заявил, что он согласен на ввод линкора в Потийский порт. Рядом – командир корабля. Я осведомился: какая осадка корабля? 8,8 метра. Очень хорошо. Оказывается, они экстренно уходили из Севастополя, не дозаправляясь. Я сообщил наше требование, чтобы командир не подрабатывал своими машинами во время буксировки, это только осложнит дело. Капитаны буксиров лучше справятся с безопасностью корабля.

Очень сложным был разворот корабля вокруг головы волнолома и выравнивание его на портовом канале, но это было настолько искусно сработано, что линкор точно оказался на оси канала. Безусловно этому способствовала тихая погода. Разворот корабля в Северной гавани порта прошел гладко.

Линкор – у пассажирского причала. Все мы испытывали огромную радость от успеха дела, за которое так беспокоились.

Это была блестящая операция, и понять ее может только настоящий моряк, да еще знающий кавказские порты. Безусловно, героем дня был капитан буксира «Партизан» Варлам Джутуевич Букия. Фактически он, подавая гудком сигналы другим буксирам – как нужно действовать, какие совершать маневры, – сделал главное. Но и Мушба в сложные моменты подавал свой голос и Букин тут же исполнял. Я же, стоя рядом, слушал, смотрел и учился. Да и для них обоих, больших специалистов, это было великим испытанием в высший класс суперасов по буксировке. Букин не форсировал котел и машину, умышленно не разгонял линкор, ибо в случае неточности направления невозможно было бы этими буксирами погасить инерцию корабля, и он выскочил бы на бровку канала. Мы настолько медленно продвигались, что надо было не меньше минуты наблюдать береговые створы, чтобы убедиться, что мы не стоим на месте.

Виртуозность Варлама Джутуевича буквально покорила меня, и отныне мы с ним – друзья. Отлично сработала машинная команда буксира, которую возглавлял старший механик Иван Иванович Хорава. Вот уж когда надо было выровнять корабль,

устремившегося к бровке, быстрее погасить инерцию, Хорава со своими машинистами выжимали из своих котла и машины такое, чего им не приходилось делать за всю свою жизнь, сетовал капитан среднего буксира «Стахановец» и его старший механик А. Гвасалия: он помогал «Партизану» тянуть за корму эту махину в 24 тысячи тонн и удерживать корабль на оси канала.

Командование эскадрой и линкора настолько расчувствовалось в связи с тем, что они наконец обрели себе пристанище, да еще так удачно, что в честь капитанов буксиров устроили банкет, на котором тамадой был старпом командира линкора капитан 2-го ранга М.З. Чинчарадзе. Я заприметил, что Михаил Захарович, как и положено настоящему грузинскому тамаде (ведущему застолье), произносил только тосты, а рюмочку, и то с сухим вином, только пригублял. И вообще непьющий. Как это чрезвычайно важно и крайне необходимо для корабельного человека – иметь в любую минуту трезвую, ясную голову, чтобы уметь управлять сложной и чувствительной техникой; да и потому что ты на пятачке, на виду у всего экипажа.

Я знал Чинчарадзе по училищу, как образцового курсанта, а потом по совместной службе на флоте, и отовсюду о нем шла хорошая слава. Он корабельный артиллерист с высшим образованием – мы, вслед друг за другом, закончили после высшего училища еще и высшие артиллерийские классы. Он, строгий требовательный офицер, как истинный моряк всей душой был предан морской службе и Корабельному уставу и потому любил строгий корабельный порядок, умело укрепляя дисциплину и организацию на корабле. Сущая находка для линкора – в сложившихся условиях на Михаиле Захаровиче многое держалось в жизни и деятельности этого могучего корабля. Чинчарадзе на флоте слыл лучшим старпомом, а уж за ним следовали старпомы крейсеров и эсминцев И.А. Чверткин, К.И. Агарков, Н.И. Масленников, Ф.В. Жиров, В.А. Пархоменко, Л.Г. Леут, И.И. Орловский, В.Г. Бакарджиев. Позже М.З. Чинчарадзе станет командиром крейсера, затем будет командовать военно-морской базой в звании контр-адмирала и вскоре возглавит тыл флота. Мне очень импонировал этот человек, как близкий по духу и взглядам на методы повышения боеспособности флота. Михаил Захарович Чинчарадзе был высокопорядочный и добродушный, но упаси вас бы рассердить его какой-нибудь недисциплинированной выходкой, нерадением, вульгарностью – засверкают молнии из-под нависших бровей, и вы потеряли его уважение к вам как к человеку!

Вслед за линкором в Потийский порт вошли лидер «Ташкент», которым командовал капитан 3-го ранга В.Н.

Ерошенко, и три новых эсминца. Это все недавно сражавшиеся за Одессу корабли, и мне приходилось там ставить им боевые задачи. А теперь мы снова вместе, и мне придется много раз провожать их в огненный Севастополь, к Крыму, в Новороссийск и встречать израненными, чтобы, отремонтировав, снова в бой.

В этот же день мы ждали и крейсера. И я, уверовав в способности Мушбы и Букин, решил не стеснять их своим присутствием на мостике буксира. По моему приказанию они ввели в порт крейсера «Ворошилов» и «Красный Кавказ». «Ворошилов» подвергся в Новороссийске массированному удару вражеской авиации, и в его корму попали две бомбы. Это новейший крейсер с сильной системой живучести, созданной советской теорией кораблестроения, поэтому корабль и остался на плаву. Но повреждения были настолько серьезными, что только героическими усилиями аварийных подразделений, под непосредственным руководством командира крейсера капитана 3-го ранга Ф.С. Маркова, старпома, старшего инженер-механика и главного боцмана удалось спасти корабль. А здесь его уже поджидали буксиры «Партизан» и СП-Ю (капитан А.М. Оводовский).

Вводить новый крейсер оказалось ненамного легче, чем линкор, хотя он короче и осадка его 7 метров. Но у него винты расположены ниже (глубже) киля – висят, если так можно выразиться, и если он навалится на бровку канала, то борту и днищу ничего особенного не станет, а вот винты можно помять. Об этом были предупреждены все буксировщики. Но все обошлось благополучно, так как включился мощный буксир флота типа «СП».

Крейсер «Ворошилов» – в Южной гавани порта. И после долгой разлуки мы с командиром встретились, как старые друзья. Филипп Савельевич Марков – сильный командир во многих отношениях. Комфлота высоко его ценил. А так как я на многое смотрел глазами Октябрьского, то у нас совпадало мнение; я с большим уважением относился к Маркову. В 1939 году мы вместе служили на бригаде эсминцев: я был начштаба бригады, а он – командир лидера «Харьков». Это был образцовый корабль бригады по дисциплине, организации, чистоте, боевой подготовке. И прежде всего – стараниями командира. Человек он высокого долга – интересы Родины, народа, партии для него превыше всего, и в этом не становись ему поперек.

Его исполнительность и повиновение – неподражаемы, что уже само по себе стало сильной стороной его личности и выделяло в выгодном свете. Бывало, отдашь ему приказание, и можно не проверять исполнение (об этом и сейчас можно только

помечтать), ибо он воспринимал приказы начальника как неоспоримые, больше того, как непогрешимые, и они должны выполняться стремительно, в срок и безукоризненно. Он считал проверку исполнения по отношению к себе и ему подобным выражением в определенной степени недоверия к подчиненному, но признавал ее необходимость на данном этапе, пока существует нечеткость в работе кадров, хотя эта проверка страшно отвлекает драгоценное время старшего начальника и его штаба, так нужное для творческой работы. Мы часто с ним вели полезные беседы, и он мечтательно говорил: счастливое то поколение, при котором проверка исполнения изживет себя – отдал приказание и будешь уверен в своевременном его выполнении.

Так как свои суровые приказания Марков непременно подкреплял своей личной большой организаторской работой в обеспечение отданного приказания, подкреплял также большой заботой о людях, вниманием к подчиненным, что само по себе уже взывало к благородным порывам в исполнительности, то все это дало ему моральное право выдвинуть и утверждать девиз: на нашем корабле приказания начальника выполняются бегом и с радостью. Тем более, что сам являл пример исполнительности.

Марков не допускал излишеств – спиртное не употреблял и пьянство искоренял беспощадно. Всегда подтянут, чисто выбрит, в отглаженной, как новой, форме одежды, с отличной строевой выправкой – залюбуешься, когда идет. Величайшего усердия по службе – неизвестно, когда он спал: в постоянном движении по кораблю, в кубриках, на боевых постах, в орудийных башнях и машинах. И частенько в комбинезоне бывал в трюмах – сухо ли, чисто ли там? Сам проверял, не надеясь на корабельную комиссию, состояние переборок на водонепроницаемость. Сам хорошо знал оружие, тактику, морской театр, он многому учил подчиненных. Всем своим обликом и действиями он являл пример, достойный подражания. Подавая добрый пример, требуя от себя, он не щадил вокруг себя никого, кто отходил от святых принципов военной службы, добросовестного служения народу. Все это нужно признать величайшими добродетелями военного человека.

Порой приходилось слышать: Марков чрезмерно крут и резок. Не согласен. Такое говорили от непонимания принципов воспитания, от зависти, из-за личной неприязни, а это неавторитетно. Безусловно, Филипп Савельевич – не сахар и не мед, не из покорно податливых – такие, как я говорил уже, не приносят в дом побед, – бывало, что и он крепко бодался. Человек он сложный, а потому и интересный: с кремневым характером, железной волей и необычайно строгой требовательностью к

подчиненным. Пожалуй, он был построже меня. А это как раз и нравилось мне! Нравилось и комфлоту, и наркому, и начальнику Главполитуправления ВМФ И.В. Рогову, поборнику крепкой дисциплины, которая порой хромала на флотах, потому он и был направлен Центральным

Комитетом партии из армии на флот, и он поддерживал таких, как Марков.

Для Ф.С. Маркова разгильдяй, подрывающий боеспособность, стало быть, благополучие народа, был личным врагом. И пусть он не ждет от него пощады. Поговаривали, что с Марковым тяжело служить. Точно. Но только – разгильдяю. А дисциплинированному и требовательному – одно удовольствие, в охотку! И таких на кораблях подавляющее большинство, почти все, за редким исключением.

Где лучше и интересней служить: где меньше строгости и порядка или где высока требовательность? Спросите у старого солдата и матроса. И он не задумываясь отрежет: у строгого командира и старшины. И будет этого желать своему сыну, уходящему в армию и на флот. Там, где строгость и организованность, всегда легче служилось и жилось, там меньше нервотрепки, меньше наказаний, больше удач и побед, а стало быть, и больше радостей. Мы в войну порой из-за недостаточной собранности и как раз в этих случаях и несли потери; как кто допускал небрежность, так неотвратимо получал удар. Это я уже успел познать в Одессе и потому повышал спрос.

А Маркову потому и доверили крупный, новый корабль, что перед этим он сделал «Харьков» образцовым кораблем.

Интересный штрих в его службе. Как-то в штормовую погоду он швартовался на лидере в Севастополе кормой к Минной пристани, с отдачей якоря, и навалился на причал, образовалась вмятина на корме. Он немедленно пригласил из мастерской тыла флота, рядом расположенной, мастеровых, они в течение двух часов все исправили и покрасили. А когда подали счет за работу, он на нем написал: «Удержать из моего денежного содержания».

У него не было никаких ссылок на непогоду или промедление машинистов в даче нужного хода. Это ведь тоже военная добродетель – благородство, принятие на себя ответственности. Это шло у нас от советского воспитания. Мы были наслышаны, что в русском флоте бытовала традиция: за повреждение корабля, к которому причастен командир даже в малейшей степени, он расплачивался из своего кармана. В связи с этим я вспоминаю, как при швартовке в Ялте, при ураганном ветре 32 метра в секунду, мой корабль бросило к причалу, разошлись швы в борту, полетело пять заклепок. Вызвали мастеровых из портовой

мастерской. Заделав шов, рабочие получили по счету наличными из моего кармана. Я посчитал, что промедлил с отдачей якоря, а сделай это вовремя, можно было самортизировать удар на более длинной якорь-цепи. Наверно, и сейчас так поступают командиры, не отягчая казну, списывая за счет непогоды.

Ф.С. Марков и новый крейсер сделал образцовым. Смею утверждать, это был наиболее подготовленный корабль к бою на всем флоте. В чем большая заслуга и матросов, и командиров, и политработников. И конечно же и комиссара крейсера М.П. Колеватова, и старпома И.А. Чверткина – строго требовательного человека и сильного организатора, на нем многое держалось.

Крейсер вел бои в интересах армии, поддерживая ее артогнем, совершая походы и прорыв в блокированный Севастополь последних недель его обороны.

Мы уже завершали нашу беседу с Марковым, как прибыл начальник технического отдела флота инженер-капитан 1-го ранга И.Я. Стеценко, флагманский инженер-механик флота инженер-капитан 1-го ранга Б.Я. Красиков и с ними инженеры флота и базы С.И. Ставровский, Я.С. Гискин, С.М. Черный, М.Л. Корец, для определения размеров повреждения и ремонта корабля. И наутро на его борту захлопотали рабочие базовской мастерской, вместе с матросами корабля.

В последующие дни перебазирования флота в Батуми пришли эсминцы и другие боевые корабли. В Поти и Очамчиру шли одна за другой подводные лодки, другие корабли, их поток нарастал. И в гаванях сразу стало тесно. Но это было только начало. В Севастополе, в Новороссийске его противник интенсивно бомбил, в Туапсе, который был под ударами вражеской авиации, находилось еще много кораблей, и они вскоре перебазируются в нашу базу.

Но было бы упрощением сводить перебазирование флота на Кавказ только к размещению боевых кораблей. Это часть дела, хотя и важная, и значительная, но только часть. Боевой флот не может просуществовать и недели без вспомогательного флота. И вот к нам потянулись многие десятки вспомогательных судов: плавбазы, военные танкеры и сухогрузные транспорты, буксиры, сухогрузные и наливные топливные и водяные баржи, судоремонтные санитарные транспорты, плавкраны, плавмастерские – без них боевой флот остановился бы. И вот это ценнейшее и многочисленное хозяйство надо было уметь встретить, приютить, рассовать, да не как-нибудь, а поставить в наиболее тихие места гаваней как нуждающееся в наиболее спокойной стоянке. Но это не все. Наши заботы нарастали.

Буксиры СП-1, СП-2, СП-3, СП-6, СП-13, СП-14, которыми

командовали капитаны В.Д. Кузнецов, М.П. Семенов, Г.Е. Фалько, А.И. Фролов, С.А. Найден, Т.Г. Сапега, двумя рейсами привели корпуса недостроенных крейсеров и эсминцев, выведенных с Николаевских заводов, и их пришлось поставить на якоря в аванпорту. А в этом году будет свирепая зима и в аванпорту будут бушевать волны, и за корпуса будет болеть душа, ведь это же в будущем боевые корабли.

Вслед буксиры СП-18, СП-25 и военные транспорты «Красный водолей», «Красная Кубань», «Петраш», «Севастополь», под командованием капитанов и командиров С.Е. Покрышева, Т.Ф. Мазура, Э.Я. Берзина, И.Г. Шонина, Ф.С. Дурова, М.М. Родионова, Э.П. Амерова, Михайлова, несколькими рейсами привели большое число корпусов недостроенных подлодок и транспортов, и мы уже не знали, куда их поставить. И вот тут нас осенила хорошая мысль: искать новые возможности для стоянки недостроенных корпусов, а также малых кораблей и катеров в реках и озерах.

Была создана большая группа из гидрографов и инженеров техфлота, под руководством капитан-лейтенанта А.Ф. Александрова, гидротехника А.В. Вишневского, военинженера К.И. Гвозда (специалиста по дноуглубительным работам), которая обследовала устья всех рек и озера в нашей зоне и внесла предложение использовать для стоянки судов и кораблей реку Хоби с притоком Циви, что чуть севернее Поти, и реку Чурия, далее к северу. Требовалось только убрать бары (мелководье) перед входом в устья рек и расширить устья. Я пошел туда на «охотнике» и сделал для себя целое открытие: Хоби и Циви – глубоководные реки, по берегу последней огромные развесистые деревья – лучшей маскировки с воздуха не придумаешь; чудесная стоянка. Река Чурия тоже глубоководная, и только устье узкое и мелкое, при мне всадник-грузин легко на лошади преодолел его.

Константин Иванович Гвозд получил задание, как специалист по дноуглубительным работам, углубить и расширить устья рек. Он загорелся этим делом, с азартом взялся за него. И как человек высокого долга, не нуждающийся в понуканиях, он уже через день запустил землечерпалки в работу. Он со знанием и энергично повел дело, и через две недели мы освободили Поти и Батуми от недостроенных корпусов кораблей и транспортов, уведя их в реки.

Но нас захлестнул поток торговых и военных транспортов с оборудованием флотских ремонтных предприятий, с грузами тыла флота и гражданских предприятий и организаций, эвакуированных из Севастополя и других портов Крыма. Ими были завалены причалы портов Поти и Батуми, и они стали помехой. И я вспоминаю один курьезный случай.

Выполняя решения вышестоящих органов – ничего не оставлять врагу – увозить в тыл, руководители знаменитого винокомбината «Массандра» ухитрились одновременно с ранеными и населением погрузить на транспорты в Ялте свою драгоценную коллекцию высокомарочных вин, заложенных еще в начале нынешнего и в конце прошлого века и известных во всем мире. Я до сих пор помню стоявший на Ялтинском рейде крупный французский пассажирский пароход, доставивший в 1937 году виноделов всего мира в «Массандру» на вселенскую конференцию для обмена научной информацией с дегустацией массандровских вин и для закупки образцов вин из винограда, произрастающего именно и только на южных склонах Крымских гор, только тут создается слава массандровских вин. И сейчас, при полном воздержании от вин, как вспомню массандровский черный мускат «Красный камень», его букет запахов, идущий на несколько метров, его сладостный вкус, слегка пьянящее действие, так и сейчас захватывает дух. Ну, это все блажь, не относящаяся к делу.

А сейчас я приказал коменданту порта выставить оцепление для охраны причала, где шла разгрузка вин и погрузка в вагоны, во избежание великого соблазна. И вот с этим я потерпел фиаско.

Так как все офицеры базы семьи не эвакуировали и они проживали в Поти, моя семья прибыла также в Поти и поселилась в доме напротив штаба, через улицу. Я посещал семью раза два в неделю на часик-другой, а детей – Игоря, Наташу и Алену – видел только спящими. Однажды слышу с балкона квартиры истошный голос Наташи: «Папа!» Ну несмышленыш, что с нее взять – два годика от роду. Звоню домой: в чем дело, почему такая вольность? А нужно сказать, что я сидел над очень срочным делом и запретил порученцу меня отвлекать и соединять по несрочным и неслужебным делам. Жена, не дозвонившись, использовала голос дочки.

– Есть одно щепетильное дело, затрагивающее нашу честь, по телефону нельзя говорить, желателен твой приход минут на пять, – сказала Евгения Ивановна и положила трубку.

Через пару часов я дома. На столе расставлена батарея бутылок с массандровской этикеткой.

– Эти бутылки в перевязанном свертке принес и передал мне для тебя это письмо неизвестный человек и тут же испарился, не дав мне возможности задать вопрос, – сказала запинаясь жена и вручила мне конверт.

А в нем записка, написанная от руки печатными буквами, и довольно ядовито-саркастического с юмором содержания: «Благодарим начальника штаба базы за бдительную охрану соблазнительных ценностей и подтверждаем свою

признательность этим преподношением». Подумай, какая рыцарская галантность с реверансами и издевательствами! Я потерял дар речи. Заговорила жена.

– Я знаю, что делается в порту, и это похоже на воровство, куда прикажешь отправить это вино?

Меня душила настоящая злость на коменданта порта и вперемежку раздирал смех: как меня, такого организатора, смогли предерзко обойти какие-то умельцы.

Порученец отнес вино в штаб. Я вызвал коменданта порта, «ткнул его носом» в подарочек и приказал тотчас возвратить вино хозяевам; потребовал заменить охрану.

История с преподношением вина имеет свое продолжение, но с другим сюжетом. Руководители винкомбината «Массандра», особенно его главный винодел Егоров, высочайшего класса специалист (награжденный орденом Ленина), кстати, не употреблявший спиртное, – он только подносил вино к носу, определял запах, букет, набирал в рот, не глотая, определял вкус и выплевывал, затем ставил оценку вину (виноделам противопоказано питие), настолько расчувствовались за теплую встречу, быструю разгрузку и отправку вина в глубь страны, что приехали поблагодарить, и с ними ящик сухого, многолетней выдержки, вина в подарок. Я замахал руками – ни в коем случае. Они отреагировали обидой. Во-первых, это из дегустационного фонда, а во-вторых: видели бы вы реки вина, которые мы выпустили в море, чтобы не досталось врагу. Я пригласил начполитотдела Кученко, и мы порешили – сдать вино в Дом офицеров для угощения офицеров кораблей от имени командования базы: с прибытием на новое место базирования.

Но это все разговоры для разрядки. В войну, рядом с трагичным, немало было комичного, веселого. Воины проливали свою кровь, а в паузы между боями и походами находили место для шутки и веселья. Жизнь есть жизнь. Да иначе организм не выдержит таких перегрузок, надо было их снимать.

ОД базы Хованский доложил, что получено извещение: буксиры СП-5, СП-15, СП-16, которыми командовали капитаны В.С. Ершов, В.М. Адамов, А.А. Гарматин, буксируют к нам величайшее богатство – второй плавдок водоизмещением 5000 тонн. А по второму оповещению к нам идут суда с оборудованием Морского завода, крайне нужным для создания производственной базы, чтобы проводить крупный ремонт кораблей. Но куда все это ставить и где размещать? С тем я и поехал к начтехотдела флота Стеценко решать эту головоломку.

Иван Яковлевич Стеценко намного старше меня – наверняка рождения 90-х годов прошлого века. Вдумчивый, я бы сказал,

глубокомыслящий, мудрый руководитель, он на лету схватывал суть любого сложного технического вопроса, характерного для флота, с ним легко решались все дела, касающиеся технической готовности кораблей к боевым действиям. Военный интеллигент – в полном смысле этого слова. Большого обаяния и душевности человек. Деликатный в обращении, он не допускал фамильярности и обращения на «ты» к людям любого звания. Прост во взаимоотношениях. Но когда требовалось, мог действовать жестко и власть употребить. Величайший знаток корабельной техники – энергетики и устройства корабля, вопросов живучести.

А сейчас на него навалилась куча дел по аварийному ремонту кораблей и размещению флотских ремонтных предприятий в портах Потийской базы. Приезжаю, а у него ближайшие его помощники инженер-капитаны 2-го ранга С.И. Ставровский и Н.А. Грушин и директор Морского завода М.Н. Сургучев. А вскоре подъехал и командир базы. Решено: док в Поти, а Морской завод разделить: в Потийском порту – основная база, а в порту Батуми – филиал. И я послал приказания командирам конвоев: кому, куда следовать.

А вскоре в Поти прибыла настоящая находка для флота – плавмастерская «Металлист» во главе с инженер-капитаном 2-го ранга В.А. Капниным. Это крупное судно, фактически завод на плаву с многочисленными цехами.

Если сложить все технические предприятия, сконцентрированные сейчас в Поти, Батуми, Очамчире – Морской завод, плавмастерские, (завод) «Металлист», мастерские базы, бригад подлодок, торговых портов, в которых работали большие мастера судоремонта, то все вместе взятое представляло собой мощную производственнотехническую базу для непрерывного и высококачественного восстановления боеспособности надводных и подводных сил флота, торговых и вспомогательных судов. Надо помнить, что противник непрерывно наносил по нашим кораблям и судам ощутимые удары, ежедневно к нам приходили подбитые, поврежденные или просто из длительных походов с сильно изношенными механизмами корабли и суда, требовавшие экстренного ремонта. У нас в ремонте одновременно находилось до двух десятков больших и малых кораблей и судов, в том числе и из соседних баз. Ремонтные предприятия работали с большой нагрузкой круглосуточно и обеспечивали своевременное вступление в бой кораблей. Со всей силой подчеркиваю: боевой флот успешно сражался на Черном море в интересах армии и страны в целом благодаря героическим усилиям экипажей и работавших на ремонте людей. Поэтому и слава, добытая в боях,

принадлежала и судоремонтникам.

Флотские, базовые и корабельные инженер-механики, под руководством начтехотдела И.Я. Стеценко, флагмеха флота Б.Я. Красикова (впоследствии оба стали адмиралами), флагмеха эскадры А.А. Шапкина, флагмеха и начтехотдела базы Я.С. Гискина, И.Я. Карпова и В.В. Игнатова, своей самоотверженной работой сумели возглавить быстрый ввод в строй поврежденные корабли и снова, тут же, в бой-поход. А через несколько дней все вновь повторялось – они опять возвращались израненными и около них, уже в какой раз, начинали хлопотать инженеры Налайда, Сысоев, Шрайбер, Ивицкий, Сокирко, Депелевич, Очигов, Купец, Терещенко, Мима, Видуэцкий, Цуцкий,

Белов, Изиор, Проценко, Локтев, Иорж. Ввод в строй кораблей – это большой ратный труд инженеров, матросов и рабочих, и корабельный народ по достоинству его ценил, деля с ними свои боевые успехи по-братски.

Константин Иванович Гвозд получил новое боевое задание: вырыть землечерпалками котлованы под оба плавдока в Южной гавани у мола и во Внутреннем бассейне. Это было очень тонкое дело, оно потребовало от Константина Ивановича больших теоретических расчетов, чтобы при выемке грунта землечерпалками не поползли стенки причалов и мол, находящиеся рядом.

Не представляю, что произошло бы, не окажись у нас плавдоков. Наверняка многие корабли были бы поставлены на прикол.

Наши хлопоты с перебазированием флота на этом не закончились. И не только потому, что мы ожидали еще многие корабли из Туапсе, Новороссийска и Севастополя. Торговые суда и в целом пароходство тоже нуждаются в солидном базировании. Суда нуждаются в ремонте и снабжении, а экипажи – в отдыхе. Наиболее подходящим портом, в качестве основной базы пароходства, оказался Батуми. Сюда и пошли тылы и управление Черноморского пароходства во главе с его начальником Г.А. Мезенцевым. Это весьма интересная личность. Герой борьбы за республиканскую Испанию, Георгий Афанасьевич, будучи капитаном транспорта «Комсомол», доставлял в Испанию советских волонтеров, танки, самолеты, оружие, боеприпасы. Фашисты не простили этого, взяли имена «Комсомол» и «Мезенцев» на заметку, и когда судно в последующем шло через Гибралтарский пролив в Бельгию уже с мирным грузом, оно было перехвачено мятежными фашистскими кораблями, утоплено, а экипаж пленен. Только через год советское правительство, с помощью международных организаций, выручило моряков. И

боевой капитан Г.А. Мезенцев возглавил Черноморское пароходство. Впервые я с ним близко сошелся в Одессе, в бытность начальником штаба Одесской военно-морской базы, когда нам приходилось совместно решать морские дела. Началась война, а вслед и осада Одессы, порт был подчинен базе, торговыми судами распоряжались мы через начальника порта П.М. Макаренко. Мезенцев избрал местопребыванием управления Феодосию, позже Новороссийск, а теперь вот Батуми. Кстати, в настоящее время управление Грузинского пароходства находится также в Батуми.

Сюда были переведены ремонтные предприятия и сюда пошли подбитые суда на ремонт.

И теперь батумский порт буквально был забит боевыми кораблями и торговыми судами.

В Батуми переехало и управление Военно-транспортной службы флота во главе с капитаном 2-го ранга Б.В. Бартновским и его заместителем майором И.И. Тарапунько. Им подчинялись все военно-морские коменданты портов Черного моря. И, как в Одессе, мы по-прежнему вместе продолжили нашу дружную работу по использованию судов торгового флота в интересах войны для боевых действий – в десантах и морских перевозках войск, оружия, боеприпасов и продовольствия для армии.

Борис Викторович Бартновский будет непосредственно курировать Батумский порт и суда. А Иван Иванович Тарапунько, видя нашу запарку в Поти, как основном пункте сосредоточения перевозок, переедет сюда и поможет мне наладить работу комендатуры порта и коммуникации Поти – Севастополь. В условиях напряженных контактов мы с ним хорошо сработаемся и крепко сдружимся – наша боевая дружба, зародившаяся в Одессе, перерастет в личную дружбу. Только когда в Поти будет назначен комендантом порта капитан 3-го ранга П.П. Романов, с которым мы сражались за Одессу, где он был комендантом порта, и он крепко возьмется за погрузки, только тогда Тарапунько уедет от нас, полагаясь на данные Романова.

А Иван Иванович Тарапунько в последующем будет назначен начальником военных сообщений Азовской флотилии, где мы с ним снова встретимся в сорок третьем и будем сражаться за Крым. И снова наша боевая и личная дружба даст знать в успешном выполнении боевых задач.

Хорошую память оставил о себе Иван Иванович – своей дисциплинированностью, отвагой и трудолюбием. Я не помню случая каких-либо недоразумений с ним. Всякую мою просьбу, поручение, порой в горячности, в пылу событий, подаваемых в приказном тоне, он воспринимал как должное и выполнял с такой

быстротой и четкостью, что я считал неудобным торопить его или напоминать ему о задании. Вот уж он не нуждался в проверке исполнения. Таких людей, как он, это ранило. Когда бы ни приехал в порт, он всегда там на посадке войск или погрузке боеприпасов для Севастополя, а на Керченской переправе – для Приморской армии. Он всех торопил, взбадривал, а иного подстегивал, а чаще хвалил, и при этом всегда улыбался присущей только ему улыбкой. Комендатуре порта тяжело было угнаться за ним в работе – за ним надо было здорово поспешать. Когда он приезжал в Поти, я сокращал свои поездки в порт и не беспокоился о своевременном окончании погрузки судов, чтобы точно в назначенный срок отправить конвой в Севастополь, ибо подход к нему был жестко оговорен в приказе по флоту в часах и минутах. Иван Иванович Тарапунько был человеком высокого гражданского долга, который он честно исполнил до конца, не щадя своей жизни.

Только мы управились с приемом первых кораблей и судов с грузами, из сражавшегося Севастополя пошли первые санитарные транспорты с большим числом тяжелораненых. И во всю мощь заработали наша базовская медицинская служба и госпиталь, возглавляемые Р.М. Григорьяном и А.П. Бажиновым.

Не раз наши хирурги Г.А. Сарафьян, В.А. Фирсов, А.А. Попов, С.Ф. Клямурис, Т.В. Пылинская скальпелями отгоняли от стола и кроватей обнаглевшую за войну «курносую с косой», спасая воинов. А затем их выхаживали терапевты, и среди них наш милый доктор Павел Иванович Соколов, беспредельно влюбленный в человека, и ради него он лишал себя сна и покоя. Его знания, опыт, душевность выходили далеко за пределы терапии. Это был настоящий земский врач, искусный диагностик. Павел Иванович прожил яркую жизнь во имя людей и до глубокой старости врачевал моряков в Москве. Конечно же, было бы неверно говорить, что это был единственный такой врач и человек. За войну выжили и вернулись в строй миллионы воинов только потому, что наша земля полнится искусными и добрыми врачами, медсестрами, санитарами, нянями.

В первой половине ноября в порты Потийской базы перебазировался корабельный флот, вспомогательные суда, часть торговых судов. Гавани портов были забиты битком, пришлось ставить суда и малые боевые корабли бортами друг к другу.

В Поти прибыл тыл флота со складами, арсеналами и предприятиями, прибыла часть управлений флота.

Фактически наша база становилась главной в базировании флота.

Командующий флотом оставался в Севастополе с небольшой

группой операторов штаба флота, работников тыла, инженерного отдела, отдела связи, других флотских органов. Начальник штаба флота Елисеев с отделами штаба флота разместились в районе Туапсе и оттуда в качестве заместителя комфлота осуществлял управление флотом.

Все командиры соединений и начальники учреждений флота, базирующиеся в Потийской базе, осуществляли связь с комфлотом, наштафлота и политуправлением флота по радио– и линейным средствам связи нашей базы, к чему они и не предназначались по своим штатам и емкостям.

Но наши связисты, под руководством майоров Г.М. Пясковского и В.Ф. Есипенко, вышли из положения, быстро перестроились, изыскали резервы в людях и средствах и совершили чудо: поставили дополнительную радио– и линейную аппаратуру, установили вахты в полторы-две смены, с отдыхом по скользящему графику, как на фронте. И связисты нас никогда не подводили ни в проводной, ни тем более радиосвязи. Особенно был перегружен телефонный узел. Я до сих пор помню наших безответных тружениц ратного труда телефонисток Лидию Бараненко, Галину Ильченко (Елисееву), Павлину Саранчу (Лопушан), Александру Тюрину (Лыскан), Марионну Федорицеву (Рязанцеву). Они самоотверженно, как на фронте, трудились до самозабвения, искусно выполняя свои сложные обязанности: не просто соединит с абонентом и забудет, а проверит – говорим ли мы. А если на месте нет нужного человека, телефонистка разыщет его хоть «под землей» сама или через местный коммутатор в Поти, Батуми, Очамчире, Сухуми, Хоби и даже передаст приказание начальника и доложит исполнение. Это были творческие помощники мои и оперативного дежурного. Телефонистка знала каждый шаг начштаба базы, в течение всех 24 часов, куда бы он ни выехал, и могла соединить с ним любого, кто хотел срочно переговорить.

Служба связи Потийской базы обеспечила деятельность флотских соединений и управлений и боевое управление соединениями базы и портами, хотя база имела большую протяженность и стала самой крупной на флоте.

Операционная зона Потийской базы удалением от берега в море на 150 миль простиралась по урезу воды (по берегу) от границы с Турцией на север до реки Псоу, где граничила с Туапсинской базой. Наша база имела шесть пунктов базирования: Поти, Батуми, Очамчира, река Хоби с притоком Циви, Сухуми, река Чурия.

В Поти базировались: большая часть эскадры во главе с командованием Л.А. Владимирским, комиссаром В.И. Семиным,

начштаба В.А. Андреевым – линкор, два крейсера, лидер, до восьми эсминцев; 1-я бригада больших подлодок (во Внутреннем бассейне), под командованием контр-адмирала П.И. Болтунова (комиссар В.И. Обилии, начштаба А.В. Крестовский); дивизион канонерских лодок базы капитана 2-го ранга Г.А.Бутакова (потомка знаменитого русского адмирала Бутакова); дивизион торпедных катеров базы капитана 3-го ранга А.Н. Шальнова (начштаба В.Я. Волчков); 6-й дивизион малых охотников капитана 3-го ранга К.Н. Самойлова, которого сменил Г.И. Гнатенко (герой обороны Одессы); дивизион подлодок базы. Здесь ежедневно стояло под погрузкой 5–6 судов и кораблей для доставки войск, боеприпасов, вооружения в Севастополь. В Поти порой сосредотачивалось до 60 кораблей и судов больших и малых.

В Батуми базировалась меньшая часть эскадры – два крейсера, лидер, до шести эсминцев во главе с командованием Отряда легких сил: командир – капитан 1 – го ранга Н.Е. Басистый и начштаба – капитан 2-го ранга Е.Н. Жуков.

Евгений Николаевич Жуков – мой давнишний сослуживец по бригаде эсминцев: он командовал лидером «Ташкент», и на нем держал свой флаг комбриг С.Г. Горшков, а я размещался со своим штабом. Евгений Николаевич – славный мореход, командовавший на своем веку надводными кораблями почти всех классов: тральщиком, сторожевым кораблем, эсминцем, лидером, крейсером, и по искусству управления кораблем шел рядом с А.И. Зубковым и В.Н. Ерошенко. Это были не только асы-кораблеводители, но и боевые и личные друзья, прошедшие всю войну вместе, я бы сказал, в обнимку Я с ними близко подружился еще с довоенного времени.

По совместному решению командования эскадры и базы после каждого пролета самолета-разведчика противника над нашими портами, которые фотографировались с воздуха и чтобы сбить с толку противника, мы меняли пункты базирования крупных кораблей – например, переводили линкор в Батуми, и вот тут нам помогал капитан Батумского порта Г.А. Габуния, старший портовый лоцман Н.И. Дондуа, капитаны буксиров «Стахановец» и «Красный Батуми» К.Ф. Каранадзе, Н.Т. Потехин и В.Н. Элиава и их механики А.Г. Гвасалия и В.А. Ткецишвили. На них ложилась вся ответственность за безопасность ввода и вывода линкора и крейсеров. Клементий Федорович Каранадзе был опытным капитаном буксира, а так как он был командиром запаса флота, то вскоре был призван на флот, отличился в боях и был удостоен двух орденов Красного Знамени – а это не каждому было дано.

В Батуми базировались и корабли базы: 7-й дивизион

тральщиков капитана 3-го ранга Г.И. Малиновского и 8-й дивизион малых охотников капитана 3-го ранга А. А. Жидко. Здесь был расположен нефтеперегонный завод, к нему поступала бакинская нефть по трубопроводам, отсюда шло снабжение горючим флота, торговых судов, а также армии и авиации, сражавшихся в Причерноморье, и поэтому тут ежедневно стояли танкеры и 2 судна-сухогруза под погрузкой горючего, боеприасов (неприятное соседство), а также войск и вооружения для Севастополя. В Батуми иногда скапливалось около 50 кораблей и судов.

Батумский порт жил такой же напряженной боевой жизнью, как и Потийский. Тут фактически была военно-морская база в миниатюре со всеми ее функциями. Старшим морским начальником здесь был командир Батумского укрепленного сектора (БУС) Береговой обороны Потийской базы, в состав которого входили четыре береговых батареи и Охрана рейдов (командир ОХРа капитан-лейтенант А.А. Керн). Сектору придавались корабли базы – тральщики и «охотники». Сектором командовал подполковник А.А. Рюмин, а затем полковник В.Л. Вилынанский, уже отважно повоевавший за Севастополь, и после ранения назначенный сюда. Комиссаром БУС являлся П.С. Свирин. Начальник штаба Сектора майор Н.М. Валан – мой надежный помощник в управлении не только обороной побережья своего Сектора с моря, но и безопасностью плавания кораблей и судов в своем районе и в управлении таким крупным пунктом базирования кораблей, как Батумский порт.

Николай Михайлович Балан – большого ума человек, высокодисциплинированный и исполнительный воин – дашь ему задание и можешь быть уверенным, что оно выполняется в срок и в полном объеме. Поразительной работоспособности – работал до самозабвения и плодотворно. Когда бы ни позвонил, он либо у телефона, либо в порту на посадке войск или погрузке боеприпасов или руководит вводом-выводом кораблей. Как-то я спросил его: «Когда вы отдыхаете?» Он стеснительно ответил: «Урывками и часто за столом». Не корабельный человек, но как умный береговой артиллерист с морским образованием, он с помощью штаба базы быстро усвоил необходимые навыки в корабельных и чисто морских делах. Бдительно следил за безопасностью плавания по фарватерам Батумского минного заграждения, ежедневно проводя разведтраление тральщиками, устанавливал корабельные дозоры и осуществлял противолодочную оборону, используя выделенные для этого малые охотники. Когда сложились морские коммуникации из Батуми в Севастополь, Туапсе, Новороссийск, он лично

формировал конвои в составе транспортов и боевых кораблей, инструктировал командиров и капитанов по вопросам перехода морем, предварительно получая указания и наставления из штаба базы. Я не помню ни одного случая происшествия в Батуми, связанного с морем, или нарушения сроков выхода конвоев или кораблей.

Балан сумел своими грамотными действиями, настойчивостью, требовательностью в сочетании с деликатностью создать деловые отношения с корабельными моряками и заставить каждого выполнять в срок боевые задания, памятуя, что не каждый из них подчинялся нам, а только базировался у нас.

До сих пор храню в своем сердце добрую память о безупречной службе моего боевого товарища Николая Михайловича Балана за его большой вклад в нашу борьбу и ратный труд во имя нашей Родины.

Под стать ему был и его ближайший помощник и мой сослуживец по Одесской базе капитан А.В. Носырев – весьма усердный и боевой командир, отличившийся при героической и блистательной обороне Очакова в августе-сентябре 1941 года, когда крохотный морской гарнизон с пограничниками и ополченцами приковал к себе на длительное время отборную 50-ю немецкую дивизию, победно прошагавшую по всей Европе и споткнувшуюся у небольшого городка у слияния Днепро-Бугского лимана с Черным морем.

Н.М. Балан и В.А. Носырев исправно возглавляли оперативную службу в Батуми с ее огромным объемом работы на море, рейде, в порту и в своем соединении. Достаточно сказать, что им приходилось не просто отдать распоряжение кораблям и судам о выполнении боевого задания на переход морем, но и прикрыть боевым обеспечением (траление, поиск подлодок) до тридцати выходов и входов кораблей и судов в сутки, и обо всем этом оповестить по радио другие корабли и донести в штаб базы.

В порту Очамчира стояла 2-я бригада подлодок, под командованием капитана 1-го ранга М.Г. Соловьева (начштаба – капитан 2-го ранга А.С. Куделя). Навигационную безопасность плавания кораблей в этом районе обеспечивал гидрограф А.Р. Азаренок.

В реке Хоби с притоком Диви (что рядом с Поти) помимо недостроенных кораблей базировалась 1-я бригада торпедных катеров базы капитана l-ro ранга А.М. Филиппова (начштаба – капитан 2-го ранга В.А. Ларионов). Позже тут будет поставлена бригада траления и заграждения, которой командовал контр-адмирал В.Г. Фадеев (начштаба – капитан 1-го ранга В.И. Морозов).

Сейчас Владимир Георгиевич Фадеев командует соединением Охраны водного района Севастополя, сражается за него на море. Если генерал Петров отвечает перед Октябрьским за оборону Севастополя с суши, то адмирал Фадеев несет ответственность за морской сектор обороны Севастополя. В.Г. Фадеев – крепкий мореход, знаток флотских дел. Много лет служа с ним, я наблюдал его деятельность, принимал от него корабль и убедился в его высоких данных, глубоких морских знаниях и отваге в штормах. И сейчас о нем идет добрая слава из Севастополя. Фактически он командует Севастопольской базой и на равных с генералом Петровым подчиняется Октябрьскому, неся ответственность за противоминную, противолодочную, противокатерную оборону базы, кораблями встречает и провожает в море конвои и корабли и поддерживает порядок на рейде и в бухтах, которые осатанело бомбит и обстреливает противник. И уйдет он из Севастополя в последний час.

После углубления входа в реку Хоби, чтобы его не заносило илом и чтобы прикрыть его от волн, около устья, перпендикулярно к берегу, были затоплены в ряд корпуса недостроенных судов, а позже – и отслуживший свой срок старый крейсер «Коминтерн» – получился защитный мол, и корабли свободно заходили в реку Хоби. Здесь базировалось около ста кораблей, катеров и судов.

В Сухими была временная стоянка кораблей. Здесь пристань открыта для атак подлодок, ее часто бомбили вражеские бомбардировщики. Поэтому мы стремились здесь держать суда и корабли накоротке, выставляя противолодочный дозор. Всем этим руководил старморнач, которым в разное время были капитаны 2-го ранга А.М. Непомнящий и И.Е. Абрамов, капитан 3-го ранга К.П. Валюх и полковник А.Г. Дацишин. Они исправно несли службу, и это предотвратило потери.

Стоянка корпусов недостроенных судов в реке Чурия не оборонялась. Ставя туда «коробки», мы задавались и камуфляжными целями: отвлечь внимание противника на ложное направление – пусть бомбит не корабли в Очамчире, а корпуса в Чурии, чего мы и достигли. Но мы и Чурию не давали в обиду, ведь там люди, – охрана корпусов при вражеском налете направляли туда истребители, и они имели на своем счету сбитые бомбардировщики противника.

Все порты базы, забитые до предела кораблями и судами, являлись соблазнительной приманкой, хорошим объектом для нанесения ударов авиацией и кораблями противника, а частые выходы и входы большого числа кораблей и судов – удобной целью для атак подлодок. И командование базы принимало

капитальные меры для обороны портов базы и охранения кораблей и судов при выходе и на переходе.

С моря порты базы были прикрыты кораблями и береговой артиллерией базы с пушками калибром 130–180– 203 миллиметра и дальностью стрельбы до 25–37 километров.

Готовность к развертыванию сил базы и флотских соединений к бою с надводными силами противника обеспечивалась непрерывно авиаразведкой моря гидросамолетами базы. Чтобы исключить внезапное нападение с моря на наши порты артиллерией кораблей и высадкой морского десанта на наше побережье, при любой погоде ежедневно проводилась предвечерняя авиаразведка моря на удаление до 200 миль (370 км), а в 30–50 милях от берега были выставлены корабельные дозоры (подлодки и катера МО). В готовности в портах находились торпедные катера и подлодки базы, корабли эскадры и береговые батареи, а на кавказских аэродромах – флотские бомбардировщики. Чтобы все это задействовало в считаные минуты базы по сигналу авиаразведки и дозора, подтвержденному приказанием, было составлено Наставление, утвержденное Военсоветом флота.

Никакой силы вражеский флот не мог внезапно и безнаказанно атаковать базу, ее порты и побережье с моря артиллерией и десантом. Понимая это, враг и не решился за всю войну обстрелять нашу базу или высадить десант на наше побережье.

Для противолодочной обороны мы имели два дивизиона малых охотников за подводными лодками. Для разведывательного траления мин, которые противник мог выставить скрытно подлодками у наших берегов, на фарватерах и рейдах, мы имели дивизион тральщиков.

Малые охотники МО и тральщики действовали круглосуточно.

Для руководства противолодочной и противоминной обороной базы, ее портов и рейдов и поддержания морского порядка в гаванях порта вскоре было у нас сформировано соединение Охраны водного района (ОВР) во главе с капитаном 1-го ранга В.С. Грозным. Василий Семенович – старый большевик, участник Гражданской войны, награжденный еще тогда орденом Красного Знамени, а в довоенное время редко кто имел такую награду, и это расценивалось нами, как величайшая воинская доблесть. Я служил с ним на бригаде эсминцев, когда он командовал эсминцем «Фрунзе», – усердный воин, и вообще, оставлял о себе хорошее впечатление. Сейчас у него начальником штаба ОВРа капитан 3-го ранга А.Д. Николаев – сильный,

старательный штабист. А командиром Охраны рейдов Поти стал капитан 3-го ранга А.И. Зедгенидзе – он отвечал за порядок в гаванях порта и оборону рейда. Все они хорошо вели дело и освободили меня от огромного объема работ, которыми полна эта хлопотная служба, – до этого мне самому приходилось ее возглавлять.

Наиболее надежной, фундаментальной силой в обороне наших портов и побережья с моря была Береговая артиллерия – ее батареи могли открыть огонь немедленно после обнаружения цели и быстро переходить на поражение.

У нас береговыми батареями командовали очень грамотные и опытные командиры – капитаны, старшие лейтенанты. В Батумском укрепленном секторе это были И.Г. Тромбовецкий, Г.П. Журбенко, Е.Е. Новиков, А.С.Удодов, А.А. Макаров, А.В. Репин. В Поти – И.К. Бобух, Г.А. Лаптев, Я.С. Венецианов, Г.В. Ясинский, Н.Н. Купцов, Г.Д. Лопатин; их батареи были сведены в дивизион под командованием майора А.П. Рожковского. От Очамчиры до Сухуми стояли батареи Г.Н. Тарнопольского, А.И. Гайворонского, И.И. Калюжного, Д.А. Хлебникова, М.И. Шеина, входившие в состав дивизиона майора П.И. Скрипкина. База была надежно прикрыта с моря артиллерией. А во главе ее стоял полковник – эрудированный артиллерист с большими человеческими достоинствами. Нас, конечно, больше всего беспокоило прикрытие портов с воздуха. И по нашему представлению нам утвердили новую организацию ПВО – был открыт штат и нами сформировано новое соединение: базовый район ПВО, под командованием полковника А.А. Федосеева. Это был весьма образованный зенитчик, большого усердия человек и высокодисциплинированный воин. С ним легко работалось. Он настолько хорошо знал и видел, что я ездил к нему не для проверок, а учиться у него сложному делу защиты базы с воздуха. Именно Александру Андреевичу я благодарен за глубокое познание всех тонкостей противовоздушной обороны базы в широком плане. По характеру он спокоен, уравновешен, а в делах – вдумчив. Высокой нравственности и порядочности человек – никогда не присвоит себе единолично какой-либо успех дела, отнесет это к заслугам подчиненных и, наоборот, упреки и обвинения в просчетах его службы брал на себя прежде всего: я всему голова, за все держу ответ. Случится неприятность с подчиненным, и он при моей поддержке отстоит его перед трибуналом, приняв на себя всю ответственность.

Начальником штаба у него майор А.А. Сорокин – сильный штабист и знаток зенитного дела. С ним приятно было работать. Оба они – и А.А. Федосеев, и А.А. Сорокин – впоследствии станут

генералами.

Комиссаром базового района ПВО был назначен полковой комиссар И.Р. Романов, большой души человек.

Сперва в составе ПВО базы был один зенитный артполк и приданный армейский истребительный авиаполк, а в следующем году появится второй зенартполк и другой авиаполк.

122-й зенитный артиллерийский полк, под командованием подполковника Аркадия Васильевича Мухрякова (комиссар Г.Ф. Сорокин, начштаба П.И. Трушкин), пришел к нам опаленный огнем войны. Он проделал с боями длиннейший путь по всему побережью Черного моря – от Николаева до Поти. Сперва, в составе Николаевской военно-морской базы, прикрывал Николаев. Начался отвод наших войск к Днепру, и он прикрывал арьергарды 9-й армии, отходившей от Николаева к Херсону, отражая вражеские самолеты и танки прямой наводкой, прорываясь из полуокружения. Потом прикрытие Днепровской переправы, где переправлялись наши войска на левый берег Днепра. После этого отход: частью сил на Тендру, а двумя дивизионами на Перекоп. Здесь сражался за Крым, в боевых порядках славной 156-й дивизии генерала Черняева, в небе и на земле. Затем бои на ишуньских позициях. После их потери – полк в рядах защитников Севастополя на самых опасных направлениях. И наконец – Новороссийск, в боях с вражеской авиацией. Во всех этих боях зенитчики артдивизионов и батальонов полка, которыми командовали Егоров, Болухов, Калинин, Шубаев, Алексеев, Терехин, проявили героизм и мастерство, отражая удары вражеских самолетов, танков и пехоты. Наконец в начале сорок второго полк у нас переформировался, и артдивизионами командовали капитаны Е.С. Тучкин, Т.С. Лях, Б.А. Юрханьян.

Но одной зенитной артиллерией, без истребительной авиации, надежно не защитишь даже город на суше при круговом наблюдении за воздушным пространством, а тем более военно-морскую базу, ведь ее порты с кораблями находятся у уреза воды, а все силы и средства ПВО размещены на суше – как бы на флангах и в тылу портов. Здесь не создашь круговой зенитно-артиллерийской обороны и не построишь аэродромы для истребителей, для перехвата вражеской авиации на дальних подступах. Морской сектор, откуда наиболее вероятен подход бомбардировщиков, не был надежно защищен от самолетов – это наиболее уязвимое направление в ПВО военно-морских баз.

Совсем плохо обстояло с Потийским портом. Он своими гаванями выступает в море, и даже прибрежные зенитные батареи стояли восточнее линии, проходящей через гавани, как бы сзади, справа и слева. А с аэродромами для истребителей еще хуже

получалось. Поти – ведь это Колхида, вокруг на десятки километров болота и озера, и только за ними можно было оборудовать аэродромы. Ближайший аэродром был у села Мериа, в 35 километрах на юго-восток от Поти. Как раз в обратной стороне от направления возможного подхода вражеской авиации. Для нас складывалась такая ситуация, что только оповещением с выставленных в море дозорных кораблей можно своевременно изготовить зенитную артиллерию и вызвать истребителей для боя на ближайших подступах к порту, а также приподнять аэростаты и начать задымление порта.

По указанию Москвы командование Закавказским фронтом придало базе для ПВО 790-й истребительный авиаполк. Его и посадили у села Мериа.

Мы с А.А. Федосеевым поехали на аэродром познакомиться с летчиками, их боевой выучкой, и поставить боевую задачу полку. Встретил нас рапортом командир полка майор, Герой Советского Союза. Присматриваюсь – что-то отдаленно знакомое в лице. Называет себя: Рыкачев. Спрашиваю: сражались за Одессу? Да, – ответил. Вот где применима поговорка: мир тесен. Это же старый мой знакомец по обороне Одессы. Юрий Борисович Рыкачев защищал небо Одессы в июне – октябре сорок первого, будучи заместителем командира 69-го истребительного авиаполка, которым командовал Л.Л. Шестаков.

Немного воспоминаний с Рыкачевым об Одессе, где он заслужил почетное звание Героя, и мы приступили к делу.

В 790-м иап две эскадрильи (тогда, в 1942 году, были такие сокращенные составы полков). Но зато – какие самолеты! Самолеты ЛаГГ-3. С пушками. В Одессе я познакомился с Як-1. А ЛаГГ-3 вижу впервые. От него веет мощью, и я радуюсь за летчиков, что в их руках такая мощная машина и они с большей уверенностью будут бросаться на вражеский самолет, разваливая его. Резко повышается вероятность уничтожения вражеского самолета и летчика, а не повреждения и ранения от пули. Радуюсь я и за Рыкачева, ведь в Одессе он сражался на устаревшем самолете И-16, с пулеметами, и то сколько накрошили вражеских самолетов, а теперь у него грозный ЛаГГ.

Знакомимся с руководящими кадрами полка. Комиссар полка Ф.Н. Дубковский, замкомандира полка П.В. Полоз, начштаба полка В.С. Никонов. Эскадрильями командуют бравые капитаны М.И. Калугин и И.Н. Песков, уже хорошо повоевавшие, и молодым летчикам приятно, в охотку идти за такими в бой. Выясняется, что командир эскадрильи Песков Иван Николаевич, оказывается, тоже сражался за Одессу под началом Рыкачева, и у него на груди два ордена Красного Знамени.

Рыкачев собрал летчиков. Почти все они уже побывали в боях, у многих боевые ордена. Последние месяцы полк был на переформировании и переобучении на новых машинах. Летчики соскучились по боям, от них веяло боевым задором, и они горели желанием вновь схватиться с врагом. Это вселяло уверенность, что наша база будет надежно прикрыта с воздуха.

На вывешенных морских и сухопутных картах я познакомил летчиков с районом их будущих боевых действий. Показал аэродромы противника в Крыму, где дислоцируются его бомбардировщики, расстояния до Крыма. Показал на картах-планах Потийский порт, реку Хоби, порт Очамчира, Батуми, где стоят наши корабли. А так как подходить к базе с моря, то бои не над сушей, а над морем, и надо свыкнуться с этой мыслью и не исключать возможность приводнения на парашюте. Однако не страшиться этого, так как для их спасения во время боя в море всегда будут находиться корабли, специально высланные нами в момент обнаружения самолетов противника.

Командир базового района ПВО полковник А. А. Федосеев поставил боевую задачу полку на отражение налетов авиации противника на порты базы в различных условиях дня и ночи, во взаимодействии с зенитной артиллерией и при поднятых аэростатах. Он ответил на многочисленные вопросы летчиков, новичков воздушно-морской стихии. Затем провел инструктаж по части взаимодействия с зенитной артиллерией. И в заключение провел короткую игру-летучку с командирами полка и эскадрилий. И я окончательно убедился в высоких данных А.А. Федосеева – на месте этот человек, у него и знаний много, и организатор хороший, и строгости достаточно.

Сегодня мне представилась возможность совсем близко присмотреться к Рыкачеву. Характер Юрия Борисовича уравновешенный, в ответах и в решениях быстр, как и положено летчику. Вдумчив, а потому и решения принимает грамотнее. Умный человек. Собран и подтянут и того же требует от подчиненных, без попустительства. А сейчас, в период наших неудач на фронтах, это играет колоссальную роль. Хороший командир полка во всех отношениях.

По возвращении я так и доложу командиру и комиссару базы, с учетом того, что нам уже известно: наша ПВО в надежных руках, а на Федосеева, Рыкачева и Мухрякова можно полностью положиться – отразят они врага.

На другой день мы привезли летчиков в Поти, ознакомили с объектами обороны – портом и кораблями, посетили линкор, крейеер, эсминец, подлодку. Мы организовали встречу летчиков с командованием зенитного артполка, с командирами

зенартдивизионов и батарей, в ходе которой было согласовано взаимопонимание в будущих боях. Решено, что зенитные батареи не прекращают огня в момент атаки нашими истребителями бомбардировщиков противника. На заключительной встрече Федосеев и Рыкачев установили, что основным повседневным методом прикрытия Поти является дежурство двух звеньев истребителей на аэродроме, и только в отдельных случаях, например, при выводе и вводе линкора и крейсеров, – патрулирование над портом. Для полка было установлено несколько номеров готовностей. Так как бомбардировщики противника придут без своего истребительного прикрытия (из-за большого удаления мы полностью исключили приход истребителей к Поти), то само по себе отпадало деление нашего авиаполка на группы: ударную, прикрытия, отвлекающую. Проведенные учения по ПВО, с обозначенным противником, в последующие дни покажут понимание зенитчиками и летчиками своих задач.

Скоротечен бой с воздушным противником, секунды приобретают решающее значение, и связь, особенно радиосвязь, становится важным элементом в ПВО. И связисты базы, под руководством майоров Г.М. Пясковского и В.Ф. Есипенко, с предельной ответственностью отнеслись к такому пониманию значения связи. В течение двух суток была установлена надежная радио– и телефонная связь между штабом базового района ПВО и 790-м истребительным авиаполком. А до этого была установлена такая же связь с зенитным артполком. На аварийный случай связь была продублирована и из штаба базы в эти полки.

Продолжая совершенствовать ПВО Поти, мы добились получения подразделения аэростатов заграждения, и мы сразу подняли аэростаты на боевую высоту до пяти тысяч метров – обычно немцы делали налеты в пределах таких высот, хотя мы по получении донесения о подходе вражеской авиации могли быстро и изменить высоту. Нам утвердили штаты, и мы сформировали дивизион дымомаскировки порта. По опыту Одессы. Дивизион, защищавший дымами порт с кораблями при налете авиации противника, чтобы лишить ее возможности прицельно бомбить корабли. По периметру территории порта (немного отступя) и на внешнем молу были установлены дымаппаратура и дымшашки. Все эти посты были обеспечены связью. Для задымления порта со стороны моря был создан отряд катеров-дымзавесчиков с дымаппаратурой и дымшашками, и по сигналу тревоги они выходили на рейд, чтобы по сигналу ставить дымзавесы. Ввиду сложности вопроса задымления порта, связанного с помехами дыма зенитной артиллерии, было решено, что этим делом будет

руководить командование базы. Опыт Одессы показал, что задымление порта весьма эффективное средство – противник не только не видел корабли, но и точные очертания порта, и сбрасывал бомбы наугад, как попало, а при этом мала вероятность попадания в намеченную цель, каковой для него являлись линкор и крейсера. Вот почему они и не пострадали.

Для обнаружения самолетов в сухопутном секторе у нас имелись посты ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь). А вот для заблаговременного обнаружения вражеских самолетов, идущих с моря, мы начали готовить специальные корабли дозора – морские плавающие посты, снабдив их надежной радиолокационной станцией, чтобы придать всей этой системе стройность в бою – организовать взаимодействие всех сил ПВО, в том числе и корабельной зенитной артиллерии, было написано Наставление по ПВО Потийской военно-морской базы и разослано в части и на корабли, имеющие зенитные средства.

Было сделано все необходимое для успешной ПВО Потийского порта. Но мы не оставляли без внимания и другие порты и стоянки. Река Хоби с кораблями прикрывалась в общей системе ПВО Поти. Порт Очамчира обороняли две зенитные батареи и истребительная авиация флота и армии, в том числе и наш 790-й ПАП. Сухуми прикрывался 248-м зенитным артдивизионом сокращенного состава под командованием майора Н.И. Савельева и флотской истребительной авиацией.

В Батуми находился государственного значения объект – нефтеперегонный завод, до войны снабжавший все российское и украинское Причерноморье и работавший на экспорт, и его с мирного времени с воздуха надежно защищала 8-я бригада ПВО страны в составе зенитной артиллерии и истребительной авиации, и ею командовал полковник Н.К. Васильков (начштаба майор А.М. Кузьминский).

Такова была система всех видов обороны Потийской военно-морской базы (ПВМБ), а также кораблей и судов, совершающих плавание в ее зоне. И это требовало квалифицированного руководства этим делом со стороны командования и штаба базы.

Военно-морская база является оперативно-тактическим соединением, предназначенным не только для базирования сил флота, но и для решения самостоятельных и совместных с сухопутными войсками, авиацией и войсками ПВО оборонительных и наступательных, тактических и оперативных задач. Помимо таких задач база выполняет огромный объем повседневной боевой деятельности. База – динамичное соединение, и потому весьма хлопотное. В ней ни на минуту не замирает жизнь, в ее операционной зоне непрерывное,

круглосуточное движение кораблей и судов.

Из пяти пунктов базирования Потийской базы ежесуточно совершалось до 50 выходов, и столько же входов: уходили и приходили конвои, выходили корабли на операции в Севастополь, Новороссийск, Туапсе, Керчь, к Крыму, к западным берегам моря, в дозоры, в полигоны на боевые задания, на боевую подготовку, на испытания, совершались переходы между портами, производились полеты самолетов базы. Каждого надо прикрыть или обеспечить.

От работников штаба базы требовались величайшая бдительность, трудолюбие, мужество и мастерство, чтобы обеспечить безопасность кораблей и при стоянке кораблей и судов в порту, и при плавании в зоне базы, и уметь проводить корабли в бой, а конвои – в далекий бой-поход. И всему этому голова – оперативная служба штаба, которую исправно вел капитан 3-го ранга И.В. Прохоров, а затем сменивший его С.П. Петров.

В силу особой флотской специфики на флотах огромную роль играет оперативное дежурство в штабах флота и соединений, особенно военно-морских баз. Постоянно кто-то выходит и входит, совершает внутренние переходы между портами или переходы между базами, находится в полигоне боевой подготовке или на мерной линии (замеряет скорость с помощью береговых створных знаков для определения соответствия оборотов машин) кто-то подходит с моря, возвращается с операции, часто подбитый, и требуется выслать помощь. В такой ситуации надо было поставить дело так, чтобы корабли знали друг о друге, не перебили друг друга, приняв за противника; для этого требовалось о каждом сделать оповещение по радио, в адрес каждого корабля, находящегося в море, средствами скрытой связи. И еще: чтобы корабли из-за нераспорядительности штаба базы не столкнулись при входе-выходе, в гаванях, на подходах к порту, то есть чтобы берег не создавал аварийных ситуаций для кораблей. Надо было следить, чтобы боновые ворота порта открывались для входа корабля на самое короткое время, дабы ротозейством не воспользовалась подлодка.

И вот тут будь бдителен и расторопен ОД базы, иначе получишь удар от врага или от столкновения кораблей, и по меньшей мере нагоняй от начштаба или его заместителя. Тяжело было на оперативном дежурстве: до ста раз выпустить и впустить, проводить и встретить, столько же отдать распоряжений и написать радиооповещений. И я заметил, что люди не выдерживают таких перегрузок в течение суток. Люди просто выходили из строя. Надо было менять общепринятый порядок на

флоте – суточное дежурство. И несмотря на то, что это приводило к некоторому нарушению преемственности, так как действовал суточный план, я приказал менять ОД каждые 12 часов, а было и по восемь несколько раз. Дежурство стало намного качественнее, сразу поуменьшились недоразумения и оплошки. В выигрыше оказалась служба.

И сейчас с большой теплотой вспоминаю великих тружеников, оперативных дежурных Потийской базы: Т.В. Хованского, И.А. Дышлевого, Б.В. Бурковского, Н.К. Носова, Я.В. Кузьмина, А.Д. Симоненко, С.С. Макарова, С.В. Смирнова, М.И. Перебасова, В.И. Горева, М.М. Резника, Г.А. Дрыкина, С.Е. Ануфриенко и В.Л. Ильича, прибывшего после Одессы с хорошим боевым опытом, которым он делился со своими товарищами. Все они не только много трудились, но и не боялись принимать мгновенные решения для действий, выходивших за рамки их прерогатив. Лучшей оценкой их деятельности является отсутствие в Потийской базе происшествий по их вине за все время нашей совместной службы. Велик их вклад в дело обеспечения благополучного базирования Черноморского флота в Потийской военно-морской базе.

Тревога за Крым и Севастополь

Несмотря на то что мы были поглощены большими заботами по перебазированию флота и обеспечению его боевой деятельности, по совершенствованию обороны нашей базы, мы с постоянной тревогой следили за событиями в Крыму, под Севастополем и Керчью, получая сведения по многим каналам: из оперсводок, информаций, донесений и докладов командиров, прибывающих оттуда. Вот уже полтора месяца события в Крыму – одно горше другого. Еще в Одессе мы узнали о бедственном положении наших войск на Перекопском валу, а затем – что он потерян. В самом Севастополе мне стало известно о донесении Военного совета флота, посланном в конце сентября Верховному Главнокомандующему, в котором говорилось, что положение 51-й армии на Перекопе на грани катастрофы, несмотря на помощь армии, оказанную нашим флотом, директива Ставки о восстановлении положения на Перекопе не выполнена, войска отходят на Ишунь, не имеющий оборонительных сооружений. Далее последовало ходатайство о прекращении обороны

Одессы и переброске одесских войск на помощь крымским[27]. В конце октября при встрече с командованием Приморской армией в крымской степи я увидел размеры катастрофы: генерал Петров, при всех его способностях, знакомый мне по Одессе, уже ничем не мог помочь группе войск Батова, которая имела задачу, вытекавшую из московской директивы: до подхода приморцев удерживать ишуньские позиции, прикрывавшие Крым у Пятиозерья. 23 октября, когда Приморская армия подошла к левому флангу группы войск генерала Батова, эта группа уже была сбита со своих позиций. Вице-адмирал Г.И. Левченко принял в этот день от командующего 51-й армией генерала Ф.И. Кузнецова (который отзывался в Москву) потрясенный наш фронт у Ишуни (Пятиозерье). Он был взломан противником вдоль побережья Каркинитского залива еще 18–20 октября. Здесь вражеские войска, выходя 23 октября на крымские просторы, напоролись на Приморскую армию. Она в своем контрнаступлении 24–25 октября вела встречные бои. А в них выигрывает тот, у кого больше войск, оружия и инициативы.

Велик был порыв воинов и Приморской армии, и 51-й армии: они наносили отчаянные удары во имя спасения Крыма. И даже немного продвинулись, но огромной массой свежих, только что подтянутых вражеских войск – отброшены.

С 26 октября 51-я армия Батова в составе девяти дивизий и Приморская армия Петрова в составе шести дивизий – все

понесшие огромные потери – под ударами противника поспешно отходили, порой теряя связь и управление. Армия Батова – на юго-восток в сторону

Феодосии и Акмонайских позиций, что к северо-востоку от Феодосии, а армия Петрова – на юг к Симферополю. Так как противник перехватил пути на Севастополь и захватил Симферополь, армия Петрова под вражеским натиском будет отброшена на восток и, отбиваясь, будет отходить под ударами на юго-восток.

Тем временем противник стремительным ударом через Саки на юг вдоль побережья 30 октября вышел к приморскому селу Николаевка, где его встретила огнем флотская 54-я батарея старшего лейтенанта Заики, положив начало обороны Севастополя.

В последующем: 51-я армия отходила на восток к Акмонайским позициям для обороны Керчи – это предусматривалось и ранее, как один из вариантов, при неудачном исходе боев за Перекоп. Генерал Петров, имея цель пробиваться к Севастополю, с юго-восточного направления отхода круто повернул дивизии Приморской армии вправо и начал отходить на юго-запад, чтобы через Крымские горы выйти на Приморское шоссе, по нему подойти к Севастополю с востока и вместе с моряками оборонять его. С этого времени (с 1–2 ноября) физическая связь между армиями и их командующими окончательно прервется.

Логично было предполагать, что генерал Батов отходит во главе своей 51-й армии, как ее командующий и как заместитель командующего Войсками Крыма, тем более что сам адмирал Левченко со своим штабом отходил с частью сил Приморской армии (кавалерией и тяжелой артиллерией) на Алушту, с намерением проследовать по Приморскому шоссе в Севастополь и организовать его оборону. Время покажет, что 51-я армия будет отходить без командующего, что не могло не сказаться на ее отступлении, полном драматизма из-за отсутствия организующего начала.

Пытаясь спасти положение, в которое попали отходившие армии, установить связь с войсками и организовать управление ими, Левченко решил усилить свой штаб и назначил его начальником генерал-майора Г.Д. Шишенина, хорошо известного ему по Одессе. Он был начальником штаба Одесского оборонительного района у Жукова и отлично себя зарекомендовал как грамотный, глубокомыслящий штабист и хороший организатор. Сдав дела начштаба Приморской армии полковнику Н.И. Крылову, генерал Шишенин со своим

неразлучным адъютантом старшим лейтенантом Г.А. Колесниковым пробивается через горы к Левченко и приступает к делу.

Но увы – слишком далеко зашли события. В обстановке неразберихи непрерывного многодневного отступления, под ударами противника наших войск, хотя и чередовавшихся с отчаянными контратаками наших частей, наладить устойчивое управление войсками обеих армий новому начштаба не удалось. Тому была причиной и несовершенная радиосвязь в армии. И если в Приморской армии был определенный порядок и с ее командованием удалось связаться, а затем и встретиться, то о 51-й армии не было ясности, и неизвестно где находится ее командующий генерал Батов. Известно было, что в составе 51-й армии отходит корпус (три дивизии) генерала Дашичева, и он сейчас на подходе к Акмонайским позициям. Связи с Батовым не удалось установить, чтобы выяснить, а что происходит с дивизиями армии, где они.

И у Левченко, и в штабе флота не было ясной картины на каждый день: в каком состоянии армии, где и как они продвигаются. Мы это чувствовали в Поти, читая флотские сводки. Многое прояснилось в середине ноября, когда в Поти прибыл начальник Главного политического управления ВМФ армейский комиссар 2-го ранга

И.В. Рогов. Он прибыл для ознакомления с размещением флота для встреч с личным составом базы и корабельных соединений, чтобы нацелить людей на образцовое выполнение боевых задач и активное боевое обеспечение операций в интересах сражающегося Севастополя.

Рогов недавно из Севастополя. На его глазах происходило многое из начала обороны Севадтополя. Свою работу у нас он начал с информации руководства базы о событиях, что наши войска отошли от Перекопского перешейка в направлении Севастополя и Керчи. Но своевременно ли они подойдут и надежно ли защитят, мы не представляли.

Правильно считалось и в верхах, и в низах, что Крым, Керченский полуостров, в случае их захвата противником, могут послужить трамплином для броска противника через Керченский пролив на Кавказ, который был записан в планах войны врага как важнейшая стратегическая цель борьбы. Гитлер считал, что захват единственного источника топлива для нас означал бы конец войны.

Вот почему нас одинаково интересовало и тревожило положение на обоих направлениях. Севастополь был близок нашему сердцу, а Керчь – географически: оттуда к нам могла

прийти вражеская авиация, оттуда шла угроза Кавказу.

Горько было слушать повествование Рогова о Крыме. Его информация была грозной, но без драматизма. И.В. Рогов – человек без эмоций, по крайней мере без внешних их проявлений, к тому же человек высокого должностного и общественного положения: член ЦК партии и заместитель наркома ВМФ. Ему даже по долгу службы не положено драматизировать. Он этого и не делал. Отдавая должное воинам обеих армий, он не щадил виновников происшедшего. Прежде всего он начал с того, что не могло не вызвать у нас недоумения.

– Меня удивило и встревожило, – говорил Рогов, – когда на совместном заседании Военных советов Войск Крыма и ЧФ, проходившем в Севастополе 4 ноября под руководством адмирала Левченко, я вдруг увидел обоих командармов – Петрова и Батова. И это в то время, когда их войска, истекая кровью, отбиваясь контратаками, непрерывно, уже вторую неделю, отступали. Надо было не заседать вдалеке от поля боя, а искусно управлять на месте отходом войск, памятуя, что отступление является (в отличие от наступления и обороны) наиболее сложным видом боевых действий сухопутных войск. Здесь роль командующего, как организующей силы, неимоверно велика. И если присутствие на заседании Петрова еще можно было как-то объяснить, так как его войска уже в предгорьях и почти отбились от противника, пробивались через Крымские горы к Севастополю, а командарм прибыл сюда, чтобы вместе с моряками подготовить для них рубежи, встретить их и заполнить ими траншеи и окопы, то присутствие на заседании другого командарма – Батова – было необъяснимым и неоправданным. Оставить без руководства войска в обстановке столь беспорядочного отхода под ударами, когда твои войска поспешно откатывались на восток и к моменту заседания 4 ноября уже были на Акмонайских позициях. Если бы там был командарм, то он должен был, по примеру Петрова, встречать подходившие дивизии и их полки и искусно расставлять для обороны Керченского полуострова на Акмонайских позициях, заранее подготавливаемых силами 320-й дивизии в 75 километрах от Керченского пролива. Но все очень было похоже на то, что контакты командарма с армией были прерваны давно, так как пути из этой армии на запад: Феодосия – Судак – Алушта, для следования в Севастополь, были перехвачены противником со 2 ноября и с этого времени из 51-й армии никак нельзя было попасть в Севастополь. Да и сам Батов по прибытии в Севастополь не докладывал адмиралу Левченко о местонахождении своих дивизий, а спрашивал у него: где 9-й корпус его армии и кто обороняет Акмонайские позиции?

Неприятно и тяжело било это слушать от командарма-51, – продолжал Рогов. – Так как Батов каким-то образом оказался на южном берегу Крыма, а затем в Севастополе, оторванным от своих войск, его предстояло перебросить к ним морем.

Рогов – из армейских политработников высокого ранга, понимал толк в сухопутных делах и со знанием происходящего рассказывал нам о событиях в Крыму.

После заседания Военных советов адмирал Левченко подписал приказ, которым предусматривалось создание в Крыму двух Оборонительных районов – Севастопольского и Керченского. Во главе их поставлены командармы: Приморской – Петров в Севастополе, 51-й – Батов на Керченском полуострове, чтобы держать Акмонайские позиции. Ему подчинялась Керченская военно-морская база, под командованием контр-адмирала П.Н. Васюнина. Согласно замыслу, предстояло оборонять Керченский полуостров, чтобы не допустить противника к Керченскому проливу, оборонять в самой узкой части полуострова, у села Акмонай (Каменское), очень удобный рубеж, так называемые Акмонайские позиции, длиною всего 20 километров – это в 25 километрах к северо-востоку от Феодосии. Для ускорения организации обороны Левченко немедленно отправил кораблем в Керчь генерала Батова (где ему надлежало быть все время во главе 51-й армии), а для укрепления руководства обороной назначил к Батову начальником штаба своего начальника штаба генерала ГД. Шишенина. Но время было упущено. Генерал Батов прибыл в Керчь морем, когда бои шли на подступах Керчи. Вокруг нее, оказывается, не готовили надежных рубежей, хотя за нее тревожились с самого начала: как бы сюда враг не высадил воздушный десант.

– Судьба Керчи была предрешена всем ходом предыдущих событий. Весь отход 51-й армии от Перекопского перешейка, начиная с 26 октября, и до Акмонайских позиций – 4 ноября, а потом после сдачи их и до Керчи – 7 ноября, проходил крайне неорганизованно, отсутствовало единое руководство боями в крымских степях. На Акмонайских позициях подходившие части никто не встречал из командования армии, рубежей не назначал дивизиям – войска не расставлял для обороны. Командарм не использовал период отхода армии с 26 октября по 4 ноября для совершенствования выгодного рубежа обороны на Акмонайских позициях и Турецком валу (подобный Перекопскому), хотя там была резервная дивизия и рядом рабочая сила в соседних селах. Несмотря на инициативные попытки командиров и политработников дивизий, полков, батальонов задержаться здесь, организуя очаговые узлы обороны и сопротивления, несмотря на

героизм воинов, бросавшихся в отчаянные контратаки, враг выбил наши части с Акмонайских позиций и они разрозненными подразделениями отошли к Керченскому проливу, где их тоже никто не встречал и оборону Керчи не организовал. Требование высшего командования оборонять Керчь на Акмонайских позициях силами 51-й армии не было выполнено, – закончил рассказ Рогов.

Позже мы сами узнаем, что в Генштабе тяжело восприняли весть о быстрой потере Акмонайских позиций, на которые возлагалась надежда в обороне Керченского пролива. Есть даже такое выражение направленца по югу генерала П.П. Вечного (вскоре станет заместителем начальника Генштаба): «Мне будет тяжело докладывать начальнику Генштаба об оставлении Акмонайских позиций».

Заканчивая свою информацию по Керчи, Рогов сказал, что одной из причин катастрофы на Керченском направлении явилось отсутствие командующего Батова при войсках 51-й армии на всем пути ее горестного отхода до Керчи.

Наиболее сложным, требующим величайшей организованности и стойкости войск видом боевых действий сухопутных войск является отступление. Когда противник на преследовании – параллельном или последовательном – отсекает, окружает, уничтожает отступающих, роль командующего отступающих войск приобретает здесь огромную морально-политическую значимость. Вспомним отступление русской армии через Альпы и запечатленную художником фигуру Суворова среди войск в горах. Вот вечный пример – где находиться командующему в бою и операции, в частности, при отступлении. И я тотчас вспомнил события недавних дней и имена командующих 6-й, 12-й, 18-й армий генералов И.Н. Музыченко, П.Г. Понеделина, А.К. Смирнова, разделивших судьбу своих армий, попавших в окружение. Кто бывал при отходе, знает: находиться в арьергардных частях очень опасно для военачальника: можно запросто угодить в плен. При мне 28 октября Петров из села Айбары поехал не на правый фланг своей армии, где было относительно спокойнее, а в левофланговую 25-ю Чапаевскую дивизию, которой когда-то командовал, и левый фланг которой уже обошел противник, рвавшийся к Евпатории, заходя в тылы нашей дивизии, она попала в кризисное положение. И Петров поехал навстречу грозной опасности, помочь комдиву генералу Коломийцу организовать контрудары по врагу, оторваться от противника и, выйдя из боя, отходить более организованно.

В ходе отступления Петров, как в старое доброе время,

собрал на военный совет руководящих работников армии и командиров и комиссаров дивизий – своих трех и трех дивизий, присоединившихся к нему от 51-й армии, – чтобы обсудить дальнейшие действия. После обмена мнениями командарм подтвердил свое прежнее намерение и решение: пробиваться любыми путями только к Севастополю. Почему прежнее? Сейчас увидим.

После войны приходилось встречать суждения, что это был акт благородства и добрые пожелания Петрова, Военсовета армии, руководящих работников управления армии, командиров и комиссаров дивизий, и не иначе как результат бурных дебатов о направлении отхода: из двух – Керченского и Севастопольского – было выбрано последнее. Идти к Севастополю на выручку моряков. Как сейчас помню: Рогов сказал – это упрощение. Командарм и комдивы, исходя из обстановки и военной целесообразности, руководствовались глубокими соображениями. Как выразился Рогов: тут действовали многие факторы, влиявшие на поступки и решения Петрова.

Первый и главный, решающий фактор. Личная, персональная ответственность Петрова, как командующего левофланговой армией. Приморская армия сражалась у Ишуни фронтом на север и у нее в тылу, за спиной, прямо на юг находились два крупных города и Главная база флота. И Петров стоял перед выбором: коль скоро левый фланг его армии обойден противником и она оттесняется на восток, то вроде бы безопаснее, сместившись к 51-й армии, вместе с ней отходить к Керчи или с боями преодолевать более тяжкий путь к Севастополю. Петров сразу, с началом отхода, посчитал для себя обязательным только последнее, так как не мог не понимать, что Севастополь – средоточие всего ценного, что есть на флоте. И в этом вопросе, как он потом скажет, он не нуждался ни в чьих советах и тем более подсказках, и это понимали его подчиненные. Сама постановка на совещании вопроса о первичном выборе, еще неосмысленного, направления отхода, с обсуждением вариантов, с дискуссией на тему – куда идти, вообще не в характере Петрова, и она могла бы вызвать сумятицу в умах комдивов, раздвоение, колебания, сомнения. Петров прибыл на совещание с давним своим намерением и готовым решением: только к Севастополю[28]. И на совещании он не от растерянности, в поисках выхода, подсказок – не из таких Иван Петров – спросил: куда? А произвел, как он выразился, зондаж, зондировал намерение и настроение комдивов – тверды ли они будут прокладывать себе путь боями через горы к Севастополю?! И они оказались на высоте в понимании ответственности командарма и

своей боевой значимости Севастополя, и не только как Главной базы, но и объекта, к которому можно приковать крупную группировку противника.

Я лично не придаю этому совещанию решающего значения, определяющего судьбу Севастополя, так как Петров предрешил это дело и поступил бы так, как задумал. А вы думаете, в 1812 году в Филях на военный совет Кутузов пришел для проведения дискуссий и голосования, по результатам которого он, прозрев, отдал приказ: оставить Москву? Не много бы стоил такой командующий. Историческая роль Кутузова и состоит в том, что у него, как у выдающегося военного деятеля, на все происходящее было свое собственное мнение. Оставление Москвы предрешил сам Кутузов, а голос Военного совета – это для успокоения общественности: мол, решили сообща коллективным разумом. Это ведь тоже большая мудрость с таким ходом. Кутузову было дано видеть дальше и глубже всех присутствующих на военном совете вместе взятых и каждого в отдельности. Видеть прежде всего военную целесообразность.

Велико значение коллективного разума во всяком деле, и без этого не прожить, не будет успеха. Но при принятии коллективного решения в определенной степени понижается персональная ответственность каждого участника, взятого в отдельности, за принимаемое решение, а тем более за его реализацию через приказ. Да, как видно, так устроен человек. Поэтому роль старшего на «совете», сама жизнь этого требует, должна быть ведущей, определяющей, решающей. Его мнение должно быть возобладающим. Если не так, то надо менять командующего.

Петров фактически не решения Военного совета ожидал о выборе направления отхода, а как бы заручался согласием комдивов, в чем он был уверен, на мой взгляд. Он даже не имел права, по сложившейся обстановке, угрожавшей Главной базе флота, ставить вопрос о выборе направления отхода на обсуждение, как дискуссионный: идти на защиту Севастополя или не идти. Такая мысль бросает тень на Петрова, человека умного, волевого и уже решившегося на что-то. Боевым девизом Петрова стало одно: пробиваться к Севастополю, чего бы это ни стоило. И его поддержали комдивы.

Ценность совета Петрова с комдивами в селе Экибаш 31 октября состояла в том, что на нем были обсуждены пути и способы отхода каждой дивизии к Севастополю. Вот в этом требовался и коллективный разум, и даже творческие споры с самим командующим, и тут вредны были бы поддакивания старшему.

Как я понял, на совещании даже не обсуждалась выгода отхода на Керчь, совместно с 51-й армией, чувствуя локоть соседа. На нем торжествовала идея защиты Севастополя, с отвлечением на себя побольше вражеских сил, торжествовала ответственность командарма и комдивов перед Ставкой за судьбу Главной базы Черноморского флота.

Второй фактор. Отход на Керчь выглядел бы перед историей и совестью и был бы воспринят как попытка уйти от опасностей сражения под Севастополем в отрыве от 51-й армии. И Петров отдавал себе отчет в этом, на мой взгляд.

Третий фактор. Тут сработала мудрость Петрова в выборе главного направления. Для нас были главными объектами обороны Керченский пролив и Севастополь, и для противника они были главными для захвата. К первому отходит 51-я армия, стало быть, нельзя туда отходить и второй армии, надо только к Севастополю. И тут решалась еще одна оперативная задача: оттянуть на себя крупную вражескую группировку войск – 11-ю армию Манштейна, приковать ее к Севастополю и этим ослабить удары по нашим войскам Южного фронта, отходившим в Донбассе на восток, и 51-й армии, отходившей к Керчи. Талант полководца проявляется во многом, но главное в нем: дар предвидения и способность искусно выбрать главное направление в действиях своих войск, а перед этим определить возможное направление главного удара противника. У Петрова они проявились в полной мере. И это не каждому дано. Да что там говорить: Иван Ефимович Петров – талантливый полководец Великой Отечественной войны.

Четвертый фактор. Конечно же, Петров понимал, что его могло ожидать в Керчи – она не крепость. А в Севастополе он знал, что идет не на пустое место, там огромная силища: мощная береговая артиллерия, крупные артиллерийские корабли, сильная флотская авиация, а главное – большое флотское войско – морская пехота, подготовленные рубежи обороны, большие запасы снарядов. И во главе всего этого стоят сильные военачальники: Октябрьский, Кулаков, Жуков, Моргунов. Они уже начали крепко держать Севастополь, отбивать вражеские атаки. Петров по Одессе помнил, как ей сильно помог флот, и сейчас для Главной базы флота он выложится полностью. И Петрова магнитом тянуло в Севастополь.

Пятый фактор. Петров помнил устный наказ Левченко о важности обороны Севастополя.

Ну и шестое. Никогда не сомневался в рыцарских достоинствах Петрова, зная его по Одессе. Помню, как сейчас: командир Одесской базы И.Д. Кулишов послал меня доложить

Петрову о задержке подхода из Севастополя в Одессу трех последних транспортов для эвакуации Приморской армии из Одессы на помощь Крыму.

Когда я ему об этом доложил, он взорвался, осерчал и бросил вгорячах: если не хватит судов для подъема всех моих войск и создастся угроза хотя бы одному полку, моряки могут уходить, а я останусь в Одессе с армией. И дело тут не в горячности, в самой постановке вопроса, с благородных позиций. В этом весь Петров. Тогда с транспортами все обошлось, они прибыли вовремя. И если бы не было бы тех, выше описанных мною, факторов, Петров все равно, из одного только чувства, того самого великого чувства, без которого немыслима ни одна священная война – чувства боевой товарищеской взаимовыручки: сам погибай, а товарища выручай, – бросился бы на помощь флоту. К тому же он уже сроднился с флотом, даже обязан ему своим служебным ростом.

Фактически тут задействовали все факторы в совокупности, и они определили поведение Петрова: движение на Севастополь.

Через несколько часов после совещания в Экибаше стало известно, что противник у Симферополя перехватил шоссе на Севастополь, прямой путь Приморской армии к Севастополю был закрыт. Петров приказал своим войскам изменить направление отхода и двигаться в обход Симферополя на юго-восток. Петров еще раз подвергся большому искушению: двигаться в этом направлении, чтобы присоединиться к 51 – й армии и продолжить с ней отход на Акмонайские позиции, вместе оборонять Керченский полуостров. Но Севастополь… Нет, его бросать нельзя, к нему уже устремились вражеские войска, оседлав все удобные дороги. Оставался только один тяжкий путь: через горы. И через день Петров круто поворачивает свои войска на девяносто градусов, направление на юго-запад, чтобы через Крымские горы спуститься к Приморскому шоссе и по нему выйти к Севастополю уже с юго-востока. Тут же Петров принимает еще одно мудрое решение: надо сохранить для обороны Севастополя тяжелую артиллерию. И он посылает ее в обход, по шоссе на Алушту и далее по Приморскому шоссе к Севастополю. Туда же посылает кавалерию и тылы армии. А матушка-пехота с носимым оружием и легкой артиллерией должна пересечь горы по проселочной дороге, мимо горы Ай-Петри, выйти к Ялте.

Рогов поведал, что весь этот марш-маневр тяжко дался Приморской армии, она его совершала под ударами противника с контратаками с предгорий и это довершило большие ее потери.

– Меня сперва смутило, – говорил Рогов, – почему Петров оставил войска и прибыл в Севастополь. Но потом, узнав, что он

организовал отход дивизий, каждой определил пути отхода к Севастополю, назначил комдива-25 Коломийца старшим, по которому равняются при отходе, и что в предгорьях противник ослабил нажим, а сам он отходил кружным путем через Алушту, спешил в Севастополь с целью рекогносцировки местности, ознакомления с рубежами и для встречи своих войск, чтобы быстро и рационально расставить их по рубежам с ходу, то я подумал, – сказал Рогов, – что в действиях Петрова есть свой резон.

Нужно сказать, что этот поступок Петрова вызвал тогда и вызывал позже немало толков, да и сейчас муссируется. Хотя я, и не только из-за личных симпатий к Ивану Ефимовичу, а исходя из военной целесообразности, не присоединяюсь к этому, так как на его месте, пожалуй, поступил бы так же. Почему? В горах противник уже не атаковал наши части, опасности разгрома наших войск нет, каждая дивизия, полк знали, какими путями выходить к морю на шоссе, выходили они на широком фронте Алушта – Ялта – Балаклава, это 100 километров, и командарму везде поспеть невозможно, это грозило бездарной потерей времени, а в Севастополе ждали важные дела. Управлять же переходом частей по шоссе, согласитесь, это уже не дело командарма.

Петров рвался в Севастополь не только для того, чтобы выбрать и подготовить рубежи каждой дивизии, встретить и расставить их быстро, он руководствовался еще одним важным соображением. Его не покидало опасение, что противник ударом с севера начнет охватывать город с востока и юга и замкнет вокруг него сухопутное полукольцо у Балаклавы, а с ней захлопнет и Байдарские ворота. Захватит их противник – и всей армии на Севастополь дорога будет закрыта. Надо во чтобы то ни стало силами флотских частей держать за собой проход у Балаклавы и Байдарские ворота, пока их не пройдет

Приморская армия. Вот ведь что важное еще было на уме у Петрова. Он очень всего этого боялся. Потому и заторопился в Севастополь. И правильно сделал. К тому же он не хотел, чтобы какая-то его часть опередила его, ибо она могла быть поставлена на рубеж не по его плану. Кстати, получилось, что вслед за Петровым, через день, к Севастополю вышел 31-й полк Чапаевской дивизии, и Петров сразу ввел его в бой.

С учетом всего сказанного в этих условиях появление командарма у намеченного им объекта обороны раньше своих войск не только оправдано, но даже обязательно, не противоречит военному искусству и даже согласуется с ним. Ибо там оговорена необходимость встречи отходящих войск и расстановка их на

новых рубежах, объектах обороны.

Время покажет, что Петров действовал разумно. Он не бросал войска под ударами врага, не прекращал лично управлять ими, пока они вели бои, и только когда они оторвались от противника в предгорьях, он отбыл, приказав комдивам вести войска за ним к Севастополю. Это не тот случай, когда надо критиковать. А нам, морякам, тем более нужно быть осторожными, вторгаясь в тонкости сухопутного дела. Только съев пуд соли в совместной с армейскими товарищами борьбе и познав, что такое общевойсковой бой, можно, и то с трудом, разбирать их ошибки, имея в виду пользу делу и будущему поколению.

Для меня Рогов – большой авторитет. Зная Петрова по Одессе, не сомневался, что он не мог так сильно ошибиться, тем более из-за малодушия бросить войска под ударами врага. Перед моими глазами и сейчас стоит его автомашина-пикап, продырявленная насквозь осколками мин и снарядов, потому что комдив Чапаевской Петров в Одессе (как и здесь, в Крыму) не любил сидеть на КП, а, следуя примеру своего великого предшественника, всегда рвался в полки и батальоны, особенно когда там становилось тяжко. Его любимое занятие – стоя на подножке пикапа, разъезжать вдоль линии окопов и траншей под огнем, и упаси тебя бог дрогнуть под ударами врага, тогда ты будешь иметь дело с самим Петровым, с его крутым характером, непримиримым к неустойкам в бою.

Чапаевцы всегда, и особенно в грозный час, чувствовали на себе дыхание сзади вплотную стоящего своего комдива Петрова, жар его души, игру его страстей, страстей возвышенных и благородных: стоять до последнего дыхания. И этим девизом он не щадил прежде всего себя самого.

Командарм Петров, прибыв в Севастополь, не мог не порадоваться тому, что увидел: вокруг Севастополя в траншеях и окопах крепко стоят флотские войска – морская пехота, и в немалом количестве – до 23 тысяч воинов береговых частей и добровольцев с кораблей, которые были сведены в батальоны и полки и выдвинуты на рубежи еще до возвращения комфлота из похода на Кавказ решением Елисеева, Кулакова и Жукова, как заместителя комфлота по обороне Главной базы флота с суши[29].

Четыре дня они возглавляли оборону Севастополя, затем два дня Октябрьский, а сейчас вот прибыл Петров. Октябрьский поднимал людей силой своего слова, Петров – горячим дыханием своей души. Но непосредственно боями на суше руководил комендант береговой обороны Главной базы генерал-майор П.А. Моргунов (комиссар К.С. Вершинин, начштаба И.Ф. Кабалюк). Петр Алексеевич Моргунов – большой знаток береговой

артиллерии, общевойскового боя и сухопутно-инженерного дела. Прямо скажем: патриарх в этих делах на флоте. К тому же старый воин – участник Октябрьской революции и Гражданской войны. Под руководством его и начальника инженерного отдела флота военинженера 1 – го ранга В.Г. Парамонова были созданы вокруг Севастополя полевые инженерные сооружения с ДОТами на задействованых сейчас рубежах. Вспоминаю южнокрымскую каменистую землю под палящим солнцем юга и проникаюсь большим чувством уважения к воинам-строителям, матросам, труженикам города и возглавляющим их инженерам, за то, что помогли бойцам устоять на этих рубежах и успешно отражать первые натиск врага. Петров дал высокую оценку севастопольским полевым сооружениям, хотя это не означало, что они не нуждаются в совершенствовании, учитывая одесский опыт, который начали внедрять под руководством армейских инженеров генерала А.Ф. Хренова и полковника Г.П. Кедринского.

Выставленную на рубежи морскую пехоту активно поддерживала береговая артиллерия Моргунова, которой непосредственно командовал начальник артиллерии подполковник Н.А. Файн.

Вступила в бой с вражеской пехотой и артиллерия отряда кораблей капитана 1-го ранга В.А. Андреева. Ее огонь корректировали корпосты, созданные по опыту Одессы и действовавшие под руководством флагарта флота капитана 1-го ранга А.А. Рулля, флагарта эскадры капитана 2-го ранга А.И. Каткова и его помощника капитана 3-го ранга Н.Я. Сидельникова, получившего у нас в Одессе большой опыт по корректировке артогня кораблей по сухопутным целям.

С пригородных аэродромов задействовала флотская авиация, под командованием генерал-майора авиации Н.А. Острякова.

Рогов со свойственной ему твердостью в суждениях заявил:

– Организацию начала обороны Севастополя осуществило командование Черноморским флотом самостоятельно своими флотскими силами, которые начали отражать атаки врага и отбили его попытку с ходу захватить Севастополь.

В эти первые дни борьбы ушли в бессмертие пять моряков: К.Д. Фильченков, И.М. Красносельский, Д.С. Одинцов, Ю.К. Паршин, В.Г. Цыбулько, вступивших в единоборство с танками противника и не пропустивших их в боевые порядки морской пехоты, за что были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза, им воздвигнут памятник на месте их последнего боя с танками.

– С уверенностью можно утверждать, – заявил Рогов, – не выступи Черноморский флот на суше, в качестве сухопутного

войска, своей морской пехотой, артиллерией и авиацией против дивизий 11-й немецкой армии Манштейна, рвавшейся в Севастополь форсированным марш-маневром, Севастополь пал бы в первые дни ноября, до подхода Приморской армии. Само собой разумеется, что в этом случае Приморская армия была бы блокирована на южном берегу Крыма с печальным исходом. Таким образом, флот, удержав за собой Севастополь и Балаклаву, обеспечил Приморской армии свободный проход через Байдарские ворота и у Балаклавы для воссоединения с флотскими защитниками Севастополя. Это большая победа Черноморского флота.

Повторюсь, еще раз поясню, почему Петров заторопился в Севастополь. В 1943–1944 годах генерал армии М.Е. Петров командовал войсками на Керченском плацдарме. Я, вступив в командование Керченской переправой, отправился на КП Петрова – представиться ему. После официальной части Иван Ефимович выкроил время для воспоминаний об Одессе и Севастополе, о делах, уже ставших историей, но время от времени дававших себя знать колкостями и попреками в его адрес. Коснувшись причин спешного своего прибытия в Севастополь, он сказал: «Я прибыл в Севастополь и для выбора рубежей для своих дивизий, следовавших вслед за мной, и для того чтобы включиться в борьбу, имея в виду одну очень важную цель – удержать за нами Байдарские ворота, через которые должна проследовать Приморская армия от Ялты по шоссе к Балаклаве и Севастополе, я хотел нацелить флотские части на удержание этого узенького горлышка-прохода для моей армии, спешившей на помощь морскому гарнизону, сражавшемуся с гитлеровцами».

Утверждаю, что Петров был прав, приняв такое разумное решение, тем более, что делать ему на марше своих войск по Приморскому шоссе было совершенно нечего.

Рогов поведал, что Петров буквально воспрял, убедившись, что моряки надежно держат рубежи в этих первых боях, он уверовал, что их оборонительные позиции у Балаклавы обеспечат благополучный подход Приморской армии к Севастополю.

Вступив, в соответствии с приказом Левченко, в должность командующего Севастопольского оборонительного района, Петров приступил к руководству боями на суше, но так как у него тут не было своих войск, то свое руководство морской пехотой на первых порах он осуществлял через генерала Моргунова, который в этих целях был назначен заместителем Петрова, и находились они оба на КП Моргунова.

7 ноября была получена директива Ставки: руководство обороной Севастополя возложить на командующего

Черноморским флотом Октябрьского[30]. Командующий Приморской армией Петров стал заместителем Октябрьского по сухопутной части. Контр-адмирал Жуков оставался заместителем командующего флотом по обороне Главной базы и являлся первым заместителем Октябрьского. В Севастополе оказались вместе те, кто отвечал за оборону Одессы, – руководители, оправдавшие доверие Ставки.

В тот же день к Севастополю начали подходить части армии, и Петров вместе с Моргуновым и Крыловым, после одобрения Октябрьским, искусно объединяя с флотскими частями, расставляли их на рубежах: по секторам обороны, которых было создано решением Октябрьского – четыре.

Рогов, говоря об этом, особо подчеркнул, да мы потом и из других источников узнали о принципиальной линии Октябрьского в организации сил обороны: в жестоких условиях борьбы на осажденном приморском плацдарме должна соблюдаться строгая соподчиненность во всех звеньях – кто кому подчинен, кто перед кем и за что отвечает. Поэтому он сразу же приказал: никакого деления на наших и ваших не должно быть, все флотские и армейские части на суше объединяются воедино и подчиняются единому начальнику – генералу Петрову. Но все принципиально важное на суше делается и проводится с одобрения и даже по приказу командующего обороной Октябрьского – такова воля Ставки и того требовали интересы дела: никакой раздвоенности. За Севастополь перед Ставкой персональную ответственность нес тот, чья фамилия была обозначена в директиве Ставки, – Октябрьский. И в этом не должен отходить от установок Ставки, допускать вольные толкования смысла ее директив, в зависимости от симпатий к той или иной личности; тут твоя вольность кончается там, где начинается сила директивы. Говоря об Октябрьском как высшем начальнике в обороне Севастополя, я подчеркиваю, что на главном направлении борьбы за Севастополь на сухопутном направлении главными силами были сухопутные войска – теперь уже объединенные войска флота и армии, – которыми командовал Петров, тут он выступает как второе ответственное лицо в обороне Севастополя. Я подчеркиваю – второе. Но важное. От армии и ее командующего многое зависело, чтобы оборона протекала успешно. Но не всё. Ибо армия – будем теперь считать в целом, как объединенную с флотскими войсками – не продержалась бы длительное время без огневой мощи флота: береговой и корабельной артиллерии и флотской авиации, без морских коммуникаций. А по ним потоком пошли с Кавкааа в Севастополь боеприпасы и войска – маршевые части, дивизии и

флотские бригады.

Обладал ли Петров самостоятельностью? И да, и нет. Ведь Приморская армия не самостоятельно, в одиночку сражалась за Севастополь. Его оборона была возложена на флот, но с приданной Приморской армией, подчиненной комфлоту. Приморская армия, как в Одессе, так и в Севастополе, была составной частью, хоть и главной, но составной частью нового в истории войны – по форме и содержанию – оперативно-стратегического объединения двух видов Советских Вооруженных сил: Оборонительного района, во главе с моряком. Разумное предложение наркома ЧФ адмирала Н.Г. Кузнецова о возложении ответственности на командующего флотом было поддержано начальником Генштаба маршалом Б.М. Шапошниковым, одобрено Ставкой и объявлено ее директивой от 7 ноября[31].

Это мудрое решение Ставки (жаль, что подобное не было сделано в обороне Крыма в целом), по которому армия переходила в подчинение Военсовета флота, было единственно правильным в применении к изолированному, осажденному с суши, приморскому плацдарму. Оно гармонично сочетало все сильные стороны каждого вида и рода войск и морских сил. Оно объединяло в единую семью воинов флота и армии всех национальностей нашей великой страны, что в морально-политическом плане имело основополагающее значение в борьбе с фашизмом ничуть не меньшее чисто военных, оперативных факторов. Только такому оперативно-стратегическому объединению стало под силу решать масштабные задачи, выдвигавшиеся Ставкой, и оба объединения – и Одесский оборонительный район, и Севастопольский оборонительный район – оправдали доверие Ставки и Генштаба. Севастополь и Одесса оттянули на себя с главного направления войны и приковали к себе на длительное время: одну (11-ю) немецкую и две (4-ю и 3-ю) румынских армий, без которых захлебнулось стратегическое наступление гитлеровских войск летом и осенью на юге, с целью выйти к зимним холодам к Волге и на Кавказ.

И вот героями этих масштабных событий войны стали воины Черноморского флота и Приморской армии и три видных военачальника: Октябрьский, Петров и Жуков. И в Одессе, и в Севастополе Петров подчинялся адмиралам – Жукову и Октябрьскому. И отчитывался перед ними. В Одессе это я сам наблюдал, а по Севастополю это свидетельствует маршал Крылов в своих воспоминаниях. И Жуков, и Октябрьский – из тех людей, что требовали строжайшей субординации и не позволяли держать их в неведении по делам, за которые они держали ответ перед Ставкой.

Петров имел полную самостоятельность, действовал он в своем духе, без оглядки, я сужу по Одессе, все что затрагивало оперативные вопросы масштабных событий, например вражеские штурмы или нанесение нами контрударов, это брал в свои руки командующий оборонительным районом: в Одессе – Жуков, а в Севастополе – Октябрьский, не вмешиваясь в тактику сухопутных войск, так же, как и на море. Ну и конечно, воздух и море были в компетенции адмиралов.

Возникали ли затруднения и недоразумения при такой организационной форме, как оборонительный район? Были. Потому что борьба идет на стыке суши и моря, где стыкуются действия различных видов вооруженных сил со своими большими различиями в тактике, применении оружия и т. д. И уж если организация взаимодействия различных родов войск требует искусства, то организация различных видов – дважды. Новая форма организации борьбы не была и не могла быть идеальной, как нет в мире ничего идеального. Ведь мы только постоянно стремимся в своей деятельности к совершенству, к идеалу и останавливаемся на оптимальном варианте, отвергнув остальные. Но что новая организационная форма борьбы – оборонительный район, – рожденная в стремительном темпе, оказалась наилучшей из всех возможных организационных форм ведения вооруженной борьбы на стыке суши и моря, – об этом говорит длительная оборона двух городов-героев и успех войск Южного фронта, которые, будучи сильно ослабленными отступательными боями, можно сказать, на последнем дыхании, с величайшим героизмом воинов остановили врага, повернули его вспять у Таганрога. Это с помощью и Одессы, и Севастополя Черноморский флот и приданная ему Приморская армия, выполнившие замысел Ставки, оттянули на себя десятки вражеских дивизий из южной группировки вражеских войск и этим ослабили удары врага по нашим войскам Южного фронта.

Были ли трения между командующим флотом и армией при этой организации? Были. Да еще какие! А вообще-то творческие споры в сложных военных делах, когда речь идет о жизни людей, тут до принятия решения даже противопоказаны. Всякое поддакивание по всякому случаю, когда решаются судьбы тысяч людей и всего дела, может привести к крупным потерям и даже поражению. В ходе войны, как нам стало известно намного позже, споры были и на самом высшем уровне, иные командующие фронтами вступали в полемику даже с самим Сталиным, с которым, по их же словам, не каждый хотел встречаться. Спорили, стояли на своем и добивались своего.

Меня до сих пор спрашивают и по Одессе, и по Севастополю:

чей же все-таки был больше вклад в оборону этих городов-героев? Я твердо стоял на своем раньше и стою сейчас и не менее твердо отвечаю: эти поиски приоритетов сродни детским забавам. Главное – никогда подобные поиски не приводили к выяснению истины, а она в спорах дороже всего. И на мое разумение: Красная Армия и Военно-Морской флот в тесном взаимодействии с максимальными усилиями держали оба города-герои.

И все-таки между Октябрьским и Петровым возникали серьезные разногласия, и, как мы позже узнали, из-за взаимного непонимания. Мне по-человечески прискорбно писать об этом – ведь я к обоим питал высокие чувства уважения. Оба они оставили в моей жизни глубокий след. Я многим им обязан своим становлением, как командир крупных соединений. Я не только усвоил от них много полезного, подражал в возвышенном, но и перенял их слабости. И все-таки несколько слов о них.

У них немало схожего. Оба старые коммунисты и воины Гражданской войны. С сильной политической, жизненной позицией. Для них интересы народа и партии – всё, остальное в подчинении им. Оба от природы с острым умом и железной волей – такое счастливое сочетание как раз больше всего необходимо крупному военачальнику.

Упорные в труде, а потому свое неполное высшее военное образование пополняли усердием в науках; самостоятельной учебой превзошли многое и многих. Оба энергичные, подвижные, устремленные вперед к победе. Любили быть в гуще масс и это их роднило с подчиненными. Врученное им партией дело вели усердно и потому были ценимы в верхах. Оба они были сверх меры эмоциональны, и это вносило коррективы в их правильную генеральную линию служебной деятельности и отношений к людям. Но было у них и несходственное.

Петров шел ровно, последовательно по службе и даже с отставанием. Он заслуженно, имея уже большой жизненный и служебный опыт, получил в командование в начале войны кавалерийскую дивизию, а вскоре стрелковую. Через полтора месяца жестоких боев контр-адмирал Жуков, присмотревшись к нему, выдвигает его на высокий пост командующего Приморской армии. В Одессе, под началом моряка Жукова, ценившего в людях мастерство и отвагу, произошел стремительный взлет И.Е. Петрова. При участии и по инициативе адмиралов Жукова и Октябрьского о нем в верхах утвердилось мнение как большого военачальника, да и дела об этом говорили. Позже Ставка поставит его командующим фронтом. Все правильно, логично, заслужено в боях.

По-другому получилось у Октябрьского. От рождения он

Иванов. Но в революционное время взял фамилию Октябрьский. Уже одним этим он определил свою жизненную позицию – жить во имя революции. После ускоренных курсов Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе (они были созданы для старых матросов) – я, будучи курсантом этого училища, видел его не раз там – он служит на торпедных катерах, командует Амурской флотилией, где много крупных артиллерийских кораблей, дело которых ему незнамо. Но усилием воли, мобилизуя свой острый аналитический ум, он быстро осваивает сложное артиллерийское дело и управление крупными кораблями. А через год – в апреле 1939 года – он уже командующий Черноморским флотом. А командующему – 39 лет. Никакого опыта, а без него нельзя успешно руководить большим делом. Да разве тогда он был один такой.

Наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову при назначении было 36 лет. Да, некоторым и другим наркомам и командующим тогда было 34–38 лет. И это не благо, страдало дело из-за отсутствия жизненного и служебного опыта. Молодые кадры, вместо безвременно ушедших, испытывая немалые трудности, брали умом, энергией и преданностью делу партии.

Я про себя желал Ивану Ефимовичу больше выдержки и терпения, как младшему, а Филиппу Сергеевичу – сдержанности. Октябрьский мог сказать резкое слово, а Петрова я уже в Одессе знал – он мог вспылить, не выдержав субординацию. Конечно же с Петровым, как человеком взрывным, своенравным, я бы сказал: человек-порох, впадавший в крайности, и он их допускал и к младшим, и старшим, с ним требовалось особое обхождение, к нему требовался деликатный подход. Но Октябрьский из тех военачальников, которые признавали прямой подход ко всем в вопросах дисциплины. Он считал, и это правильное толкование устава, что в Советских Вооруженных силах существует единая для всех дисциплина, которой должны все покоряться и не рассчитывать на снисхождения, служебное положение.

К сожалению, Октябрьский привносил иногда в эту стройность и четкость дисгармонию своей острой постановкой вопросов, что у Петрова вызывало отрицательную реакцию. Что говорить, Октябрьский мог подать повод к протесту. Когда в будущем я стал непосредственным подчиненным Октябрьского, я на себе испытал характер, нрав, горячий темперамент нашего комфлота. Прежде всего о деле – за ним надо было уметь угнаться в труде. Работая под его началом – не напрохлаждаешься. Он постоянно искусно подливал масло в Лампу Жизни, поэтому вокруг него всегда все кипело и пылало. Не из-за карьеризма искусственно, а только из лучших

побуждений верно служить народу и партии он настойчиво и постоянно поддерживал в рядах командных кадров высокий тонус и разумное напряжение в работе. И с ним – будь всегда начеку. Он враз заметит фальшь, промашку и сделает телеграммой или лично, а то и при людях, внушение, от которого горели уши. Какими-то загадочными для меня способами он многое узнавал, что делается в низах, и тотчас реагировал на промашку. Он мог глубоко проникать в суть дела и быстро отделять сорняк от пшеничного зерна. Он обладал редчайшей способностью прочтения донесений, чтобы тут же обнаружить фальшь. Поэтому я остерегался посылать ему телеграмму с ходу, только что написанную, а написав, переписывал, потом, если она не экстренная, откладывал на несколько часов или наутро, чтобы не пропустить оговорку, двойное толкование вопроса. И – срабатывало. Один командир, не показав обстановки, доносил о преждевременном отводе батарей, другой собрался уничтожать запасы перед отходом, а третий преувеличил страхи перед наступающим противником, и, главное во всем этом – имели неосторожность преподнести это в безапелляционном духе своей правоты. Скоро полвека тем событиям, а я и сейчас помню громовые ответы Октябрьского: наши войска удерживают Бессарабию, а Жуков собрался уходить; другого осудил за поспешность, а третьему указал на нервозность и растерянность. Комфлот ответил в своем духе всем, ничего не забыв, не пропустив. И это он отвечал отменным служакам. А тем, кто не все дорабатывал, допускал частые ошибки, тому совсем худо было служить с Октябрьским, особенно в сложной обстановке реагировал особо резко. Получая упреки от комфлота, надо было уметь проявлять выдержку, усилием воли подавлять эмоции, а личные обиды, как дело второстепенное, – под каблук, и считать сказанное Октябрьским непогрешимой истиной. На деле оно так и было. Наш комфлот, несмотря на обилие эмоциональности, почти всегда прав, а им задуманное работало на победу. И получалось: ему перечить – значит вредить делу.

Если Октябрьский осознавал, что нанес человеку незаслуженную обиду, он искал пути к его сердцу, чтобы загладить свою ошибку. А это уже такая человеческая добродетель, которую надо уметь ценить. Не каждый на такое способен. Несмотря на эмоциональные наскоки, Октябрьский ценил кадры, боевой настрой, отвагу и преданность делу, и таких людей он оберегал и никому не позволял дергать по мелочам. Он был справедлив, мог перед высшим начальником отстоять подчиненного, заступиться. А за это хлопотное и рискованное дело не всякий брался – надо было обладать большим

гражданским мужеством, и за этим не следует далеко ходить. История с заменой Петрова тому пример. О ней мы еще поговорим.

Предметом своей особой заботы в начавшейся войне Октябрьский считал воспитание руководящих кадров флота, а через них и всего личного состава, в стойкости перед врагом – громить его везде и всюду, стоять насмерть, вместе с армией отстаивать каждую пядь советской земли и чтобы слава ЧФ приумножалась в боях с фашизмом. В связи с этим он бдительно следил за боями на суше и продвижением противника и заблаговременно настраивал нас, моряков передовых прифронтовых флотских соединений, отстаивать приморские города и базы.

Он присылал нам в Одессу, Очаков, Николаев, на Дунайскую флотилию телеграммы директивного характера, полные страстного огня, со специфическими вставками, выражениями, архитектоникой, присущими, характерными только Филиппу Сергеевичу и никому другому За многолетнюю в его подчинении службу я настолько изучил его стиль, что, читая телеграмму, я, не заглядывая в ее конец на подпись, сразу определял ее составителя и подписавшего. Если сложить на столе все телеграммы за подписью Октябрьского и разделить на две стопки – написанные рукой начштаба флота Елисеева и написанные лично Октябрьским, – это небо и земля.

Во-первых – деловитость, краткость, рациональность, предельно четкая мысль, но суховато по-штабному, непроникновенно. Для Октябрьского такое не всегда приемлемо. Писанное им лично выглядело совсем иначе.

Когда надо было поднять людей на сверхвозможное, на смертельно опасное дело, вдохновить, он лично брался за перо, не доверяя свои мысли никому. Он считал, что никто другой не сможет уловить всех нюансов, извилин в ходе его мыслей, что только с кончика его пера сможет сойти то, что он хотел донести своим флагманам. Ведь он не просто начальник, он политический вожак. Он не только властно приказывал, но и убеждал: тяжело, но надо выполнить. Приказывая, он агитировал и призывал, и поэтому его телеграммы пространные и для убедительности с повторами. Он считал – и нас этому наставлял, что истина и важное заслуживают повторения. Порой он не замечал и вставлял острое слово вроде упрека, и чувствительные воспринимали как обиду; я же, как грубо сработанный, не придавал этому значения, относя к второстепенному.

Я видел в его телеграммах главное: огонь, страсть, великое служение народу. А все это вдохновляло на беспощадную борьбу с

врагом. И подкреплялось такими его словами: «моряки никогда не отходили, получив приказ стоять», «пока не будут разбиты противником пушки наших батарей – не отходить», «независимо от положения на сухопутном фронте, вам, морякам, отход запрещается», «победить или умереть».

Получать такие приказы хотя жутковато перед лицом рвущихся вперед превосходящих сил противника, но все равно мне нравились телеграммы Октябрьского с сильными повелительными выражениями, которые он искусно вставлял, когда хотел передать нам всю ту гамму переживаний и чувств, которые владели им в тот момент, внушить подчиненным неотвратимость выполнения приказа любой ценой. Пусть будет остро, но зато проникновенно, и отражало наше положение неудач на суше, передавало атмосферу того грозного для нас времени, соответствовало накалу борьбы и давало боевой настрой даже тем, кто не видел в отходе морских частей ничего предосудительного на фоне отступления нашей армии.

Филипп Сергеевич Октябрьский, являясь сильным воспитателем и психологом, умело поднимал людей на великие свершения в борьбе с врагом, и с его именем связаны крупные успехи Черноморского флота. Суровые воины, военачальники с сильно выраженной волей в управлении боями и сражениями всегда импонировали подчиненным, особенно в лихую годину. И Октябрьский нравился нам. Вместе и рядом с ним было интересно служить и воевать.

Да что говорить: я вспоминаю нашу совместную службу, как жизнь кипучую и бурную, наполненную большими творческими страстями, как лучший период моей военной деятельности. Но все это было потом.

А тогда в ноябре 41-го Октябрьский был доволен, что рядом будет опытный военачальник И.Е. Петров, за которым начали подходить его головные части. Все это сулило устойчивость в обороне города.

К 10 ноября подошли последние подразделения Приморской армии. Но как она ослаблена, как мало от нее осталось после кровопролитных боев у Перекопского перешейка и в крымских степях на отходе – тысяч одиннадцать – тринадцать боевого состава, а активных штыков намного меньше, присоединившихся за эти дни к защитникам Севастополя.

Действительно в ноябре на севастопольских рубежах было до 18–20 тысяч боевого состава морской пехоты и около 11–13 тысяч боевого состава армии. Но каких воинов! Пропахших порохом в боях за Одессу и Крым. Не просто остались номера дивизий, а в каждой из шести дивизий от 500 человек (в кавалерийских) и до

3–4 тысяч в стрелковых). И немало артиллерии. А во главе – отважные комдивы, закаленные в боях: В.Ф. Воробьев, Т.К. Коломиец, И.А. Ласкин, П.Г. Новиков, В.В. Глаголев, Ф.Ф. Кодеров (погибнет он скоро в боях за Севастополь). Они со своими штабами немедленно приступили к управлению боем своих и флотских частей, и это сразу сказалось на организации контрударов по врагу, ибо во флотских войсках были соединения, и ими непосредственно управлял сам Моргунов и его начштаба Кабалюк, а современный бой требовал на каждом участке обороны объединения усилий всех частей пехоты и артиллерии.

Да что там говорить: с прибытием командарма и комдивов бои по отражению вражеского наступления, которые флотские войска проводили с 30 октября самостоятельно, под командованием Октябрьского, Жукова и Моргунова, стали принимать уставную четкость и стройность.

А еще имело значение, что в ряды защитников Севастополя пришел бывалый солдат, понюхавший пороху под Одессой и у Перекопа. Бывалый солдат! Какие емкие слова, как много они вмещают в себя. Поэт Александр Твардовский обозначил это высокое воинское звание: БЫВАЛЫЙ СОЛДАТ – огненным русским именем Василий Теркин, вошедшим навеки в историю советской классической литературы, выражающим величественный дух нашего народа. Бывалый солдат – это прежде всего неунывающий боец, он неуязвим и первым поражает врага, потому что умеет ловко окопаться, умеет маскироваться, хитрить, применяться к местности, незаметно подползти и повести огонь или забросать врага гранатами или с короткой дистанции броситься в атаку. То есть делать то, чего не хватало нашей героической морской пехоте. И вот тут в Севастополе бывалый солдат оказался находкой. Ведь бывалый солдат – не только опора командира взвода в бою, он и учитель перед боем и в бою, словом и примером он наставляет новичка в пехотном бою, как умеючи разить врага.

Только Петров, Жуков и Моргунов расставили, объединяемые теперь воедино, флотские и армейские войска по рубежам – грянул жестокий бой.

11 ноября начался первый вражеский штурм Севастополя крупными силами. И неизвестно, чем бы он закончился, если бы не подошла Приморская армия, если бы отражение штурма на суше не возглавили опытные командарм и командиры дивизий. Мне так сдается: одним морякам не пережить бы его. В свою очередь, одной Приморской армии, в том составе, в котором она подошла, не устоять бы. Наши войска выстояли, потому что были объединены армейские и флотские части под единым

командованием генерала Петрова, потому что войскам были подготовлены флотом рубежи с инженерными сооружениями, потому что крепко поддержали береговая и корабельная артиллерия и флотская авиация. И нужно принять во внимание, что Приморской армии не было дано передышки после изнурительных боев в Крыму и после преодоления Крымских гор, она вступила в жестокие бои с ходу в ходе уже начавшейся обороны Севастополя силами флота двенадцать дней тому назад.

В заключение беседы с командованием Потийской военно-морской базы Рогов информировал нас, что отражение натиска противника сейчас проходит успешно: воины бьются отважно, руководители чувствуют себя уверенно.

Закончив с нами встречу, И.В. Рогов убыл на корабли эскадры, которые вскоре все вступят в борьбу за Севастополь.

Это уже третье посещение Роговым нашего флота за время войны, да трижды он побывал до войны. И подолгу, не наездами. Тогда, теперь и позже я наблюдал его в работе, на совещаниях при личных встречах и вне службы, и у меня есть что рассказать о нем: И.В. Рогов – исключительная личность в ряду политических работников армии и флота, он заслуживает, чтобы о нем сказали доброе слово, и я постараюсь дать несколько штрихов к его портрету.

В силу своих высоких политических и деловых качеств он быстро продвигался по службе. В 1937–1838 годах он – комиссар Генерального штаба Красной Армии и участвовал в военных форумах высокого уровня с присутствием Сталина, был очень осведомленным человеком в военных делах. Затем получил высокое назначение членом Военного совета Белорусского военного округа. В 1939 году на XVIII съезде партии был избран членом ЦК партии и решением Политбюро ЦК партии назначен начальником Главного политического управления ВМФ и заместителем наркома ВМФ.

В связи с отъездом члена Военсовета ЧФ к месту новой службы он прибыл к нам на флот в 1940 году и с ведома ЦК партии больше месяца исполнял обязанности члена ВС флота, имея целью досконально изучить сложности флотского дела – ведь он из армейских и не хотел быть дилетантом в порученном ему деле. И преуспевал. Он изучал флот, а мы изучали его, тем более, что этому способствовало его влечение к общению с массами.

Внешне Иван Васильевич – неброский. Но – глаза! Они о многом говорят. При встрече с ним ты сразу становишься прикованным к ним. Взгляд у него остропронзительный, говорящий, он весь – внимание к собеседнику, смотрит ему в

глаза и не сводит с него своего взгляда до конца беседы и этим заставляет и тебя так же делать.

Худощав. Аскетического сложения. Спиртное не употреблял. Заодно хочу сказать о всех наших флотских высших руководителях. Точно такими же были и нарком Кузнецов, и его ближайшие помощники Исаков и Галлер, и наш комфлот Октябрьский. А это ох как благотворно влияет на кадры, особенно на тех, кто не прочь приложиться к чарке. Рогов не терпел застолья и праздного времяпрепровождения, наскоро покончив с несложным обедом военного времени – и за ним даже в этом надо было поспешать, – он удалялся, чтобы продолжить работу. Он не признавал флотского послеобеденного отдыха для себя. Ну а по корабельным традициям кают-компании – все тут же за ним поднимались, чтобы вновь за дело, ибо в работе за Роговым надлежало уже вдвойне поспешать.

И.В. Рогов – немногословен. Молча слушал собеседника. В его выступлениях характерное – краткость и изложение только главного, делового и большого политического звучания.

Огромной выдержки человек, я бы сказал – неподражаемой. Никогда не взрывался, даже при разбирательстве чрезвычайного происшествия, и свое неудовольствие он обозначал суровым взглядом. Он не позволял своим эмоциям прорываться наружу, как это было у Октябрьского и Петрова. Большим усилием воли он загонял эмоции внутрь, этим подчеркивалась его выдержка. Подавляя эмоции, внутренне переживая его волновавшее, лишая себя спасительной разрядки, он этим наносил непоправимый вред своему здоровью. Последний раз мы с ним встретимся в Риге в качестве делегатов X съезда латвийских коммунистов (кажется, в 1949 году) и конечно же предадимся воспоминаниям о боевых делах Черноморского флота.

Если у нашего члена Военсовета Н.М. Кулакова часто увидишь улыбку, то Рогов не щедро ее раздаривал, обозначал потеплевшими глазами. В редкие минуты коротенького досуга он любил побеседовать непринужденно, вставить разумную шутку глубокого смысла, ответить на умелую шутку других легкой улыбкой уголками рта. Но он был беспощаден к распущенности, неисполнительности, разгильдяйству, и особенно к неисполнению долга перед Родиной. И в этих делах он прежде всего навел надлежащий порядок в своем доме – среди политработников. Он, как и все, считал, что политработник – образец для командиров и воинов во всем, всюду, всегда и особенно в войну. Политработник постоянно впереди и ведет за собой всех. На малейший отход от этих принципов он бурно, остро реагировал. И тут не жди от него пощады. Ох как сильно

наказывал, вплоть до суровых мер. А так как он еще и Иван Васильевич, то его часто величали: Иван Грозный. А что? Точно. И пошло это от политработников, но от тех, кого он поделом и сильно взгрел. А как же иначе! Я полностью одобряю и разделяю линию поведения Рогова. Вот вам пример.

Находясь в Москве, он получает донесение из Астрахани, что там объявился немалого чина политработник с Черноморского флота, разыскивающий свою семью. Как оказалось, в это самое время его артдивизион вступил в бой. Это же вопиющее безобразие, хотя и единичное. Мы в войну годами не знали, где наши матери, братья, сестры, и не пытались искать их даже по почте – некогда было написать письмо, месяцами не знали, живы ли жена и дети. Считали: коль скоро сейчас миллионы наших людей терпят бедствие, то и нам не до своих детей, пусть сама жена спасает детей, уходя на восток из-под удара врага. А наше дело – бить врага. Что и делала моя жена Евгения Ивановна: после эвакуации из морского гарнизона объявилась на Ставрополье и, продолжая горестный путь скитаний, прибыла в Поти, и только потому, что сюда съехались семьи черноморцев.

Рогов справедливо отреагировал бурно на возмутительный поступок политработника, применив к виновному суровую, но не крайнюю меру, с учетом того, что он заручился согласием старшего на выезд. А Кулакову прислал телеграмму острого содержания. Кулаков, как искренний и откровенный человек, поведал нам потом в назидание на будущее содержание этого внушения, оно приблизительно гласило следующее: если вы хотите быть сильным политическим руководителем флота, вы обязаны освободиться от либерализма, терпимого отношения к поступкам, позорящим звание политработника. Вот оно, кредо Рогова, которое он утверждал в своем доме и на всем Военно-Морском флоте.

Чуть по-иному Рогов относился к нам, строевым командирам. Не скажу, что с послаблениями, нет, он этого слова не терпел. Там, где речь шла о политическом кредо человека, спрос был одинаков. А вот в остальном он, я бы сказал, не то что проявлял терпимость, а порой ограничивался суровым внушением, но после которого у виновного горели уши.

Скажу больше: зря брал он под защиту двух командиров, которых скорее надо было снять с постов, и их все равно пришлось отстранить. Но делал он все из благородных побуждений, считая, что с этими людьми нужно еще поработать. Однако они не оправдали его доверия, и флот с ними распрощался.

Рогов был внимателен к кадрам, замечал усердие, отвагу,

честность в выполнении долга и, главное, предпринимал меры для вознаграждения отличившегося наградой или продвижением по службе.

Рогов всегда считал, и не раз говорил об этом, что главным методом руководства у политработника является убеждение словом, а взыскание должно быть осмотрительным и соответствовать характеру проступка.

Рогов – душевный человек, ценивший в людях усердие и преданность делу партии, к таким он особенно бережно относился, остерегаясь суровым словом ранить их. Он знал весомость своих слов с упреком и не разбрасывался ими. У меня самого, при всем старании, не все и не всегда шло гладко по службе, бывали и срывы. Но я никогда при личных встречах и беседах с Роговым не услышал в мой адрес от него ни одного слова упрека. А так как продвижение по службе в ранге командира базы проводилось с его согласия, а однажды и по его инициативе, то для меня его внимание и поддержка были особо весомы, высоко ценимы мною.

Да что там говорить, Рогов был строгим, но очень справедливым политработником, талантливым политическим вожаком флотских и всех военных моряков. Выражая мнение своих сослуживцев, скажу: нам, морякам, сильно повезло, что Центральный Комитет партии направил на флот этого человека, ставшего выдающимся политработником того времени. Достаточно сказать, что он пробыл на своем посту бессменно всю войну, а это не каждому было дано. До сих пор перед моими глазами стоит светлый образ Ивана Васильевича Рогова, верного сына своего народа.

В войну, когда полностью отдаешься боевым делам, да еще в обстановке общей беды, как-то притупляется чувство печали по ближнему. Помню в Одессе: похоронив близкого, хорошо тебе известного человека, отдав ему воинские почести, сразу же переходили к очередным делам. Да и нельзя было терзаться и предаваться печалям, погубив общее дело в непрерывных личных горестях. И все-таки ко мне одно за другим пришли горестные сообщения.

Из боевого похода к вражескому – румынскому – берегу не вернулась подлодка, а ею командовал мой двоюродный брат Коля Елисеев. Официально объявлено о гибели экипажа во главе с капитан-лейтенантом Николаем Васильевичем Елисеевым. Моя семья минутой молчания помянула славного воина.

Под Симферополем погиб герой Одессы, близкий мой товарищ, командир 1-го морского полка полковник, славный воин Яков Иванович Осипов. Как он просился у контр-адмирала

Жукова с тыловой должности на передовую! И вот его нет. С ним погиб и отважный комиссар полка И.М. Демьянов. Храбрый и преданный шофер Петя Широков не растерялся – на полном ходу прорвал вражескую засаду автоматчиков, вывез тела своих начальников, похоронил под Симферополем, а уже после войны он добился разрешения, перевез их прах в Одессу, где они были с почетом похоронены в аллее Славы парка имени Шевченко. Всяк живущий может сейчас поклониться и отдать должное Якову Ивановичу Осипову – неустрашимому воину Гражданской и Великой Отечественной войн.

А вот пришло страшное сообщение, которое и сейчас не уходит из памяти. После выхода из Ялты теплоход «Армения», на борту которого находилась около 5000 человек раненых, эвакуируемого населения и основной состав врачей и медсестер флотских центральных медицинских учреждений, был потоплен самолетами-торпедоносцами. Погибли почти все. Это была большая трагедия. Погиб мой товарищ капитан теплохода Владимир Яковлевич Плаушевский, храбро сражавшийся за Одессу. Могу себе представить, как этот отважный воин, уже удостоенный высокой государственной награды, до последней секунды оставался на своем боевом посту – капитанском мостике. У погибших в море нет могил и надгробий, и пусть им будет памятником наше доброе слово о них.

Погиб в авиакатастрофе на Кубани мой бывший начальник по штабной линии в Одессе генерал Г.Д. Шишенин. Я многому у него научился по общевойсковому делу и штабной службе, за что благодарю его и склоняю свою голову перед его памятью.

А вот пришла весть о гибели крейсера «Червона Украина» в севастопольской Южной бухте от попадания бомб. Тут был недосмотр штаба оборонительного района – надо было после пролета вражеского самолета-разведчика немедленно приказать командиру крейсера переменить место стоянки. Это на нашем флоте была единственная потеря крупного корабля за всю войну.

На помощь Севастополю

Положение под Севастополем продолжало оставаться сложным, противник стремился штурмом овладеть городом.

А из этого вытекали новые оперативные задачи Потийской военно-морской базы и Черноморской эскадры, базировавшейся в нашей базе: в полном объеме задействовать в интересах Севастополя – помочь устоять защитникам будущего города-героя.

С первой задачей – принять и разместить флот – Потийская база справилась: корабли обрели удобную и безопасную стоянку

Но корабли строятся не для того, чтобы отстояться в базах. И коль скоро на Черном море нет сильного противника, а дела нашей армии осложнились до крайности, то надлежит всю мощь корабельного огня повернуть на сушу, стало быть, место кораблей у фланга Красной Армии. Так и сделал Октябрьский.

Только мы ввели корабли в порты, как вскоре поступили его приказания: линкору, крейсерам и эсминцам вступить в бой с вражеской пехотой, поддерживая наши войска под Севастополем.

На наших глазах, на протяжении двух последних месяцев, у нашего комфлота произошла разительная эволюция во взглядах на использование корабельной артиллерии при стрельбах по суше. В начале сентября он прислал нам в Одессу радиограмму с запретом использовать корабельную артиллерию для поддержки пехоты – нужно стрелять только по «особым, специальным объектам» в тылу противника. Это было навеяно ему каким-то невеждой в артиллерии, возвратившимся из Одессы в Севастополь, который когда-то прочитал в старых учебниках о классическом использовании корабельной артиллерии для стрельб по особым целям в тылу противника, куда не достает полевая артиллерия. Ну а если таких целей нет, а вражеская пехота теснит нашу пехоту и у нее не всегда есть в достатке боеприпасов и даже полевой артиллерии? Что – не стрелять, искать в тылу особые объекты, ждать, когда враг разгромит нашу пехоту и ворвется в город? Кому нужны будут тогда наши корабли и их артиллерия?!

Когда в Одессу прибыл сам Октябрьский, мы, корабельные артиллеристы по образованию, доложили ему, доказали свою правоту, теоретически обосновали и, исходя из сложившейся обстановки, действовали в полном согласии с руководителями армии. Мы убедили комфлота, что нельзя жить в плену старых классических артиллерийских догматов, и на деле показали, что только благодаря артподдержке наша пехота выстояла в августе и

что вся прелесть морской артиллерии, ее значимость в этой войне и состоит в том, что она рядом и вместе с нашей пехотой громила вражеские сухопутные войска, и для этого мы сформировали и разместили в боевых порядках батальонов морские корректировочные посты, чтобы каждый морской снаряд в цель разил живую вражью силу И что в артподдержку нашей пехоты мы привлекли даже крупнокалиберную артиллерию до 180-миллиметровой включительно, предназначенную против крейсеров, но для поражения пехоты она имела фугасный снаряд.

Наш комфлот – большая умница. Он сразу схватил суть вопроса, он согласился с нами и теперь уже сам приказал нам действовать, как и прежде, он отменил свой запрет, досадуя на невежду, который ввел его в заблуждение, – а такую добродетель с полным основанием можно отнести к рыцарской.

Да, для нашего флота война была особенная, война континентальная, неудачная вначале для нашей армии, и требовалось спасать положение всеми наличными силами, не рассуждая о записанном в учебниках предназначении того или иного рода морских сил. Наша судьба решалась на суше, и надо было некоторым морякам побыстрее прощаться с устарелыми флотскими канонами обязательного во всех случаях деления флотской артиллерии на группы: поддержки пехоты и дальнего действия. Не выискивать мифические дальние цели для бесплодной траты снарядов. Быстрее поворачивать все калибры против реально атакующей нас вражеской пехоты, штурмовавшей наши города. Что мы и сделали в Одессе первыми в Военно-Морском Флоте.

Главная заслуга Военно-Морского Флота в Великую Отечественную войну и состоит в том, что он своей морской пехотой, морской авиацией и мощным огнем береговой и корабельной артиллерии всех калибров, возмещая нехватку в армии живой силы, авиации, полевой артиллерии и боеприпасов к ней, разил вражескую пехоту и танки и этим помог Красной Армии устоять там, где она своими флангами упиралась в морские укрепленные районы, приобретала стойкость и вместе с флотом месяцами держала приморские плацдармы, прославляя свои знамена в обороне городов-героев.

Вот и сейчас Октябрьский, правильно оценив обстановку на суше под Севастополем, вызвал к себе эскадру – помогать Приморской армии устоять, и теперь он уже сам прикажет открыть огонь по вражеской пехоте всеми калибрами корабельной артиллерии, вплоть до 180–305 миллиметров, именно в поддержку нашей малочисленной пехоты. Вот что значит познать войну на себе – быстро угасли иллюзии о морских сражениях,

поиски мифических целей, «специальных сухопутных объектов» в тылу противника, якобы ожидавших ударов нашей морской крупнокалиберной артиллерии. Не было у нас на юге этих целей, но зато была – вот она, непрерывно атакующая нас вражеская пехота с танками, под ударами которых отходили наши войска! Надо было, спасая положение, бить врага всем, что было в нашем распоряжении, не распределяя нашу артиллерию, да и авиацию, по классическим группам предназначения – линкоры и крейсеры снарядами, минно-торпедная авиация и гидросамолеты бомбами громили вражескую пехоту.

Октябрьский в Севастополе пошел по нашей, проторенной в Одессе дорожке, забыв свою посланную нам радиограмму с обидными для нас, корабельных артиллеристов, поучениями, полностью использовал наш одесский опыт и даже превзошел нас в калибрах при стрельбе по пехоте. Все правильно. Наши устояли, не пустив врага в город. А генерал Моргунов и его помощник подполковник Файн, не испрашивая ни у кого разрешения и опередив комфлота, с самого начала использовали всю береговую артиллерию, до 305 миллиметров, в поддержку нашей пехоты. Тоже все правильно. Кому бы была нужна береговая артиллерия, как и корабли, если бы враг, сбив нашу пехоту без надлежащей артподдержки, прорвался бы в город и овладел им?! Это же очень хорошо, что наши флотские артиллеристы, учтя тяжелую обстановку на сухопутном фронте, быстро перестроились, распрощавшись с устаревшими флотскими догматами, повернули предназначавшуюся против линкоров и крейсеров артиллерию на сушу против пехоты. Быстро перестроился и наш комфлот.

И мне приказано выводить из гаваней линкор и крейсера, направляющиеся в бой с вражеской пехотой. Эти выходы и входы стали настолько частыми, что задействовали все портовые и флотские буксиры и всех наших специалистов по буксировке. Помимо Мушбы, Гацерелии, Хибикова и Букин, подключились еще и лоцманы В.М. Ошанин, И.М. Письменный, Ф.Ф. Пеньков и начальник вспомогательных судов базы капитан 3-го ранга Денис Францевич Каминский, знатный мореход, бывший капитан пассажирского теплохода «Аджария». А позже в это включился и начальник вспомогательных судов флота капитан 1-го ранга И.Л. Кравец, опытный моряк; он привлек к этой работе своего помощника Н. А. Мунаева и все свои мощные буксиры типа «СП» с опытными капитанами, в числе которых были Г.К. Максимов, С.П. Багмет, В.М. Ошанин, М. Мальцев, В. Галкин. Но больше всего мне запомнились по своей боевитости капитаны буксиров С.А. Найден, Г.Е. Фалько, В.М. Адамов – ведь я с ними знаком еще с Одессы: они сильно помогли нам в последнюю ночь при

эвакуации, доставляя войска на внешний рейд на крейсера, выводили подбитые крупные суда из порта, а затем, следуя в конце колонны конвоев, находились в готовности броситься на помощь судну с войсками, если оно будет терпеть бедствие в случае повреждения противником.

А вообще я хочу сказать о роли и значении вспомогательного флота: танкеров, сухогрузов, буксиров, спасательных судов. Без него не может жить боевой флот, он питает его и оказывает помощь ему. И он не отстаивается в тихих тыловых портах и гаванях, а почти всегда рядом и вместе с боевыми кораблями и в самых горячих точках боевых действий флота, в таких как Одесса, Севастополь, Керчь, Новороссийск, Феодосия. И обязательно во всех десантах участвовал. И в непрерывных переходах по всему морю, часто без охранения, еще чаще кого-нибудь буксирует. А чем эти суда были вооружены? Пулеметами, и самое большее – 45-миллиметровыми пушками. Гибли они на равных с боевыми кораблями, и даже чаще. Из капитанов вспомогательных судов погибли Т.Г. Сапега, Т.Ф. Мазур, А.С. Иванчук, Э.Ш. Амеров, и с ними погибли многие матросы – в боевых походах, в операциях и боях. А на стороне других было военное счастье.

Капитан буксира СП-13 Сергей Анисимович Найден славился как отважный и искусный мореход, не боявшийся никаких жестоких штормов. 44 года жизни он отдал флоту и служению Родине. Избороздил все Черное море, знал до мельчайших подробностей все порты. Всю войну в непрерывном движении, да еще вел кого-нибудь на буксире, лишенный маневра уклонения от самолета и подлодки, представляя собой хорошую мишень. Его судно прошло в боевых и огненных походах 50 тысяч миль, под ударами авиации и артиллерии противника. На него в море было сброшено 214 авиабомб, по нему было выпущено 8 торпед, и от всех этих бомб и торпед капитан увернулся, а экипаж отбился своими пушками и пулеметами, хотя были и убитые, и раненые. Но судно выжило. И тут, помимо отваги и мастерства, большое военное счастье. С.А. Найден – участник защиты всех четырех городов-героев Черноморья. За отвагу и мастерство он награжден орденами Отечественной войны обеих степеней и многими медалями. Награжден орденами и медалями весь экипаж буксира.

Успехам судна в боевых действиях способствовали не только мастерство, но и идейная стойкость экипажа, которую утверждал замполит капитана А.Г. Канивец.

Такой же большой боевой путь проделал и другой капитан буксира – Георгий Елизарович Фалько, славный мореход, проявивший отвагу и уменье в боях, за что был удостоен боевых орденов.

Не все гладко проходило у нас с вводом кораблей в порт, особенно с линкором. Было и касание грунта на бровке канала, были и опрометчивые, неграмотные, нервозные действия командира линкора, давшего ход своими машинами, что привело к гибели буксира и его замечательного командира лейтенанта В.И. Голикова. Командование базы опротестовало перед командующим эскадрой бездумные действия командира линкора и потребовало, чтобы командиры кораблей эскадры при буксировке полностью полагались на искусство буксировщиков, хорошо изучивших инерцию и поворотливость линкора

Однажды линкор вернулся из Севастополя с топливом на исходе в жестокий 11-балльный шторм от северо-запада. Волнолом порта весь скрывался под волной. Нечего было и думать о вводе линкора в гавань. Линкор больше не мог находиться на ходу в море – топлива осталось только для поддержки пара в двух котлах для работы вспомогательных механизмов, обслуживающих внутрикорабельные надобности: освещение, отопление, приготовление пищи, обеспечение живучести корабля и т. п. И корабль стал на якорь на внешнем рейде, недалеко у головы волнолома. Но якорь пополз, и линкор начал приближаться к волнолому, ему надо сниматься с якоря и менять место, а это дополнительная трата топлива, а оно осталось на критическом пределе, когда насосы едва захватывали топливо в цистернах.

Трое суток не спали на корабле, и мы на берегу в треволнениях. Чуть стихло, удалось подвести баржу с топливом, пополнить корабль. А вскоре, при большом волнении, с большим риском, наши асы-буксировщики ввели линкор в порт. Но и в гавани не было покоя. С новой силой разыгрался жестокий шторм, и в гаванях порта задействовал «тягун». Препротивнейшее явление природы. Огромнейшая волна (пусть это будет называться девятым валом) накатом вталкивает, с поворотом, в порт большую массу воды (уровень воды в гаванях даже чуть-чуть повышается), которая прижимает корабли к причалам, с ударом. От этих ударов в бортах малых кораблей появляются вмятины и трещины, а большой корабль рушит привальные деревянные брусья на стенках причалов или баржу, поставленную между ним и причалом. Когда большая волна отходит от берега, она тянет за собой воду из гаваней, а та тянет за собой корабли: рвутся швартовые тросы, ломаются корабельные кнехты и причальные пади, за которые крепятся швартовы. Никакая замена тросов, их ремонт не давали выхода из положения. Выручила находчивость, природная мудрость человека. Так как происходило приливо-отливное явление в миниатюре, но в темпе, с частой сменой,

нужно было смягчить его воздействие на большую массу корабля, гасить инерцию корабля. И тогда старпом линкора М.З. Чинчарадзе, теоретически обосновав все, приступил к делу. То же делали и на крейсерах в Южной гавани. И так – сутками. А то ведь не было покоя даже во Внутреннем бассейне, где стояла большая плавбаза подлодок «Волга». В Батуми тоже работал «тягун», там тоже применили этот способ. В связи с частыми выходами и входами больших кораблей в неспокойную погоду увеличился риск посадки их на мель и бровки канала порта, и штаб базы поручил военинженеру К.И. Гвозду углубить и расширить землечерпалками входной канал Потийского порта, что он и сделал быстро. Это облегчило работу буксировщикам, а нам спокойнее стало на сердце за безопасность кораблей.

А с линкором вообще совсем полегчало. Его командиром был назначен капитан 1-го ранга Ю.К. Зиновьев, человек с большим опытом управления новым крейсером «Слава». Легко было с ним работать командованию эскадрой, а мне было приятно общаться с ним. Юрия Константиновича я давно знал, когда он был еще командиром крейсера «Коминтерн». Несколько грузноват – с «морской грудью». Флегматичен, в поведении ровен, в беседах спокоен. Вдумчив. Дисциплинированный воин и отважен в бою. Сильный мореход, искусно управлял кораблем. Хорошо знал Черноморский театр.

Зима 1941–1942 годов выдалась повсеместно суровой: замерз Керченский пролив и по льду была устроена переправа, а Грузию завалил снег. На море свирепствовали штормы с морозами. Однажды в марте сорок второго линкор возвратился из северо-восточного района моря, где задували морозные норд-осты, с обледенелой носовой частью и орудийной башней, на палубе бака – сплошной лед, прямо как в Арктике. В Туапсе недосмотрели, упустили момент, заблаговременно не выслали в море корабли отштормиться, к вечеру северо-западный ветер сильно покрепчал до жестокого шторма и ночью в порту развел большую толчею и «тягун». Были помяты корпуса крейсеров и эсминцев, не отошедших засветло от причалов. Комфлот законно сильно осерчал, с оргвыводами. И по приказу наркома командование базы было сменено. За то, что плохо изучили условия стоянки кораблей в этом капризном порту, которые опытные мореходы знали, так как испытали на себе, за то, что неприлежно читали лоцию, а в ней прописано: если по прогнозу или фактически сильно заштормит от запада – корабли надлежит загодя, особенно не оставляя на ночь, выслать в море отштормиться на малых ходах, а оставшись в порту – повредишь корпуса кораблей и причалы. Я помню, как в 1937 году нас застиг у турецких

берегов жестокий шторм, в бытность мою командиром сторожевого корабля «Шквал», и мы с превеликими трудностями выгребли с происшествием к Крыму, но все-таки за сутки выгребли и благополучно пришли в Севастополь, а в это время в Туапсинском порту танкер «Азнефть» выбросило на волнолом. Вот вам и стоянка в гавани, не всегда она спокойная. При штормовой погоде, в предвидении толчеи в гавани – надо идти на неприятное решение: уходить в море отштормиться и этим спасти корабль от аварии, и даже от катастрофы в самой гавани.

И у нас эта зима доставила нам много хлопот и волнений с выходом и входом крупных кораблей, часто мы в базе и командиры кораблей были на волосок от крупных происшествий. Как-то из боевого похода возвратился крейсер «Ворошилов». Шторм 8 баллов. Буксиры держу в готовности в порту и только для очистки совести – вводить буксирами крейсер невозможно. Сам я на мостике рейдового поста. Сообщаю командиру: вводить корабль в порт буксирами нет никакой возможности. Этим даю понять, что надо рисковать, не становиться же на якорь, при подводной и воздушной угрозе, хватит нам один раз страхов за линкор, но у того не было выхода, ибо линкор ни при каких обстоятельствах сам входить не мог. А крейсер… это еще можно рискнуть. Старый крейсер А.И. Зубков лихо водил во все порты. А это новый крейсер, с висящими винтами, с ним такого опыта не было. Но когда-то и кто-то должен же рискнуть попытать счастья. И почему бы не такому бравому командиру, как Марков!

Вижу по маневру крейсера – курсом к голове волнолома, – что Марков таки решился на отчаянный шаг, при таком безвыходном положении он остановился на том, когда риску меньше. А вот от него и ответ: вхожу своим входом. Ай да молодчина Филипп Савельевич! Храбрый воин, и принял мудрое решение. Но какое рисковое! Так ведь в нашем морском деле без риска, без расчетного риска никак не можно. Морская служба даже вне боя несет в себе множество опасностей, что диктует морякам: будьте бдительными и собранными. А рисковать – только при безвыходном положении, и то с расчетом, сводя до минимального предела побочные и остаточные явления риска.

Хорошо, что мы углубили и расширили входной канал в порт – теперь сведен к минимум риск посадки корабля на мель. Но при таком боковом ветре 20 метров в секунду для входа нужен большой ход. И Марков правильно сделал, он дал ход 18 узлов, чтобы идущий вдоль берега корабль не снесло на отмель. Подойдя к голове, он немного повернул вправо от волнолома, укрывавшего от волны, немного подвернул вправо и уменьшил ход до 12, а затем до 6 узлов, при котором корабль слушает руля,

чтобы не разогнать корабль. Но если бы командира подвел глазомер (а без него нечего соглашаться на командование кораблем), а рулевой допустил бы неточность в перекладке руля и удержании корабля на румбе и корабль рыскнул бы в сторону волнолома, то никакая мощность турбин – в 110 тысяч сил – не спасла бы корабль, турбинисты не успели бы даже сработать маневровыми клапанами (пропускающими пар в турбины), чтобы дать задний ход. На корабле в море бывали моменты, когда от одного или двух человек может зависеть даже судьба корабля. Так вот этот случай и является тому подтверждением. Тогда проявились величайшее искусство и талант командира крейсера и главстаршины рулевых – только двух человек с особо высокой ответственностью за корабль. Ну и конечно, удача турбиниста на маневровых клапанах, от молниеносных действий которых во многом зависит исполнение маневра корабля. У ворот Марков скомандовал: стоп машина. И сразу – задний ход. Подскочили буксиры и завели крейсер в Южную гавань к причалу.

А перед этим к нам прибыл мой старый знакомец крейсер «Красный Крым», так славно поработавший на защиту Одессы. Им командует мой давнишний друг Александр Илларионович Зубков. Когда-то он командовал эсминцем «Дзержинский», а я – сторожевиком. Его внезапно вызвали в Москву, в связи с новым назначением, перед отъездом он назвал комбригу эсминцев мое имя: вести его корабль в длительный поход. И я получил большую практику управления эсминцем в штормовую погоду, посетив все кавказские порты, а Новороссийск – когда там буйствовал ураган по кличке «Бора».

Сам Зубков настолько виртуозно швартовался, что мы, все командиры кораблей, собирались на Минной пристани полюбоваться и поучиться ювелирной работе. Ему хватало 8 минут на то, чтобы, отдав якорь, развернуть корабль и задним ходом втиснуться между кораблями в полосе 15 метров чистой воды, впритирку, и за 10 метров до стенки, дав передний ход, остановить эсминец как вкопанный. Позже он стал командиром дивизиона эсминцев, а я – начальником штаба бригады эсминцев. И мне легко работалось именно с ним. К нам в Одессу он привел крейсер «Красный Крым», чтобы громить вражескую пехоту своими пятнадцатью пушками. Как начштаба базы я выслал ему навстречу буксиры помочь ему ошвартоваться. И что вы думаете? Получаю изысканнейший ответ просвещенного марсофала: благодарю за внимание, в буксирах не нуждаюсь. И буксиры отскочили с его пути, Зубкову понадобилось 7 минут на швартовку крейсера. Правда, с ходу, без отдачи якоря, бортом к стенке причала. Война обостряет порывы, и командиры, осмелев,

проявляли виртуозность в швартовках.

Вот и сейчас, в Поти, я уже и не собирался посылать буксиры ему на помощь. Он с ходу, как в обжитую гавань (потому что хорошо знал ее с довоенных времен), вошел и за 12 минут поставил крейсер с разворотом на выход, с отдачей якоря, бортом к причалу в 10 метрах. И сошел с мостика. А остальное – подача швартовых тросов, подтягивание корабля к стенке – это дело его старпома И.И. Масленникова и главного боцмана. В соответствии с давним флотским порядком к борту крейсера тотчас подошли баржи с топливом и котельной водой, а на машинах подано продовольствие, так как корабль в любой момент мог получить новую боевую задачу, с экстренным выходом на ее выполнение.

Смотрел я на последнюю швартовку Зубкова и окончательно утверждался в мысли: а ведь Зубкова, хотя ему и наступают на пятки в этом многие командиры, пока еще никто не превзошел в кораблевождении. Что ни говори, а он настоящий суперас, патриарх в этих делах на флоте, он и по другим делам мастер: корабль содержал в отменном состоянии, экипаж подготовлен и сражался за Одессу, Севастополь и Крым весьма успешно. Им всегда и все были довольны, и во всем, что касалось исполнения долга перед Родиной.

Задачу обеспечения надежного базирования флота Потийская военно-морская база решала успешно, и такую оценку в будущем дадут Военсовет флота и нарком ЧФ. И это заслуга всего личного состава базы. Положительно решались и задачи обороны базы с моря и с воздуха.

Но осложнившаяся обстановка под Севастополем выдвинула перед базой новую боевую задачу: организовать «морские коммуникации Поти – Батуми – Севастополь. Питать Приморскую армию и весь Севастопольский оборонительный район всем необходимым для успешной защиты Севастополя».

Обеспечив всем необходимым базировавшийся флот, база вступала в борьбу за Севастополь.

Еще продолжался первый – ноябрьский – штурм Севастополя, а уже стало ясно, что защитники Севастополя нуждаются в большой помощи. В связи с обращением Октябрьского в Москву за войсками и боеприпасами Закавказский фронт получил приказание подавать войска и боеприпасы в Поти. А нашей базе приказано все это доставлять в Севастополь. И так, чтобы в пути не было потерь.

Пожалуй, в базе с вопросами морских коммуникаций – работа порта по погрузке войск и боевой техники, формирование конвоев – практически был знаком только я один, по одесскому опыту. И свой опыт мне надлежало передать работникам штаба,

портовым работникам, личному составу кораблей, привлекаемых к охранению судов, и экипажам судов, привлекаемых к перевозке войск. И сделать в полном соответствии с уже сложившимися у руководящих флотских кадров взглядами, понятиями и положениями о морских коммуникациях по опыту начавшейся войны.

Первый для черноморцев (да и для всего Военно-Морского Флота) опыт Одесских и Севастопольских дальних морских коммуникаций – Кавказ – Одесса – Севастополь, Кавказ – Севастополь – позволил штабам флота и военно-морских баз сформулировать целый ряд теоретических положений (претворенных в приказы, наставления, инструкции) о морских коммуникациях и их защите и выработать практические выводы по руководству морскими коммуникациями. Вкладывая в содержание этих положений и выводов научное, расширительное понятие о морских коммуникациях, выходящее за пределы бытовавших толкований (в том числе и словарями) их только как пути сообщения, что совершенно недостаточно для флотской теории и практики.

Морские коммуникации включают в себя несколько компонентов, и водные пути сообщения в них не являются главным элементом.

Первым и ведущим средством морских коммуникаций являются транспортные суда – пассажирские, сухогрузы, танкера. В зависимости от рода войск и грузов их надо умело подобрать и не грузить на одно судно все боеприпасы и всю боевую технику – артиллерию, танки – полка, дивизии, ибо в случае гибели этого судна вся пехота полностью останется без огневой поддержки в первом же бою на суше. К перевозкам войск привлекаются и боевые корабли, и они являются хотя и дорогостоящим (большой расход машиноресурсов), но надежным и быстрым средством морских коммуникаций.

Вторым важным средством морских коммуникаций являются порты с кранами для погрузки тяжеловесов, отсутствие береговых кранов может компенсироваться плавкранами. При посадке войск и погрузке боеприпасов надлежит ПВО базы держать в повышенной готовности, а над портом вести патрулирование самолетами-истребителями.

Третьим непременным средством морских коммуникаций являются боевые корабли охранения судов на переходе – эскорт. Они должны быть подобраны так, чтобы отбиться от вражеских сил на переходе: подлодок, самолетов, торпедных катеров, а в миноопасных районах проводить суда за тралами. Корабли эскорта также можно загружать войсками, но так, чтобы не было

помех для использования оружия, однако этот частный случай может иметь место в спокойной обстановке, ибо корабли охранения в случае гибели судна занимаются спасением людей.

Транспортные суда и корабли охранения для перехода морем объединяются в конвой. Таким образом, конвой представляет собой временное, только на один поход формируемое боевое соединение судов и кораблей эскорта для перехода морем в походном ордере из порта в порт в условиях атак авиации, подлодок, торпедных катеров и минной опасности. Поэтому ордер должен отвечать требованиям всех видов обороны: ПВО, ПЛО, ПКО, ПМО или каким-то из них, наиболее угрожаемым. Командиром конвоя назначается один из командиров кораблей охранения. Так как суда вооружены зенитными пушками и пулеметами, и при них штатная команда зенитчиков, во главе с комендантом судна, то каждое судно осуществляет и ПВО судна. На каждый поход на суда назначаются военные лоцманы, ответственные за проводку судов по фарватерам минных заграждений.

Четвертым элементом морских коммуникаций являются морские пути сообщения, в том числе и особенно фарватеры, рекомендованные курсы, каналы, рейды, которые должны быть под постоянной и надежной охраной и обороной. На них должны систематически проводиться разведтраление мин и поиск подлодок противника, и они должны прикрываться корабельными дозорами. Навигационная безопасность плавания по ним должна обеспечиваться скрытыми радио– и световыми береговыми и плавучими гидрографическими средствами.

Пятое. При явной угрозе нападения крупных сил противника на наши особо важные конвои – к примеру, с войсками – назначаются корабельные и авиационные силы прикрытия конвоя от кораблей, авиации и подлодок противника. Силы прикрытия в состав конвоя не входят. Прибрежные конвои прикрываются береговой артиллерией. Например: прибрежные конвои между Поти и Туапсе прикрывались береговыми батареями артдивизиона П.И. Скрипкина.

Важным слагаемым в защите коммуникаций и обороне конвоев является подготовка экипажей судов и кораблей, с учетом самих последних новшеств в тактических приемах атак противника, которые он ведет на всем пути следования конвоя, и его переход превращается в сплошной бой-поход. Для этой цели узаконили так называемую конференцию командиров кораблей охранения, капитанов и комендантов судов и военных лоцманов, на которой начштаба базы проводил тщательный инструктаж участников с проигрышем на картах всевозможных вариантов

отражения атак противника. Без конференции конвой выйти в море не мог.

Из сказанного видно, что нельзя сводить понятие «морские коммуникации» к географическому понятию о путях следования конвоев. Морские коммуникации – это категория оперативная, включающая в себя: конвои (транспортные суда и корабли охранения), порты, пути следования конвоев и силы прикрытия. Морские коммуникации охватывают весь морской театр военных действий и вовлекают для своей защиты все рода сил флота. Если бы глянуть с большой высоты (к примеру – из космоса) на Черное море в период обороны Одессы и Крыма, а затем и Севастополя, то можно было бы увидеть многочисленные пунктирные линии, протянувшиеся от кавказских портов к осажденным городам и крымским портам, обозначавшие движение конвоев. И все это в интересах армии и страны в целом, так как осуществлялись и хозяйственные перевозки.

Какое же место в деятельности флота занимают морские перевозки и защита своих морских коммуникаций? Одно из основных. Возьмите любой воевавший флот. У каждого были две основных оперативных задачи: защита своих морских коммуникаций и огневая поддержка армии; а еще была задача – действия на вражеских коммуникациях. И чтобы все было понятнее, есть необходимость познакомиться с теорией вопроса.

Корабельный флот создается и существует не для уничтожения себе подобного, то есть флота противника, как самоцель, а для выполнения поставленных военно-политическим руководством флота страны таких стратегических и оперативных совместных с армией или самостоятельных задач, которые быстрее и наикратчайшим путем ведут к достижению конечных военно-политических целей войны. А эти цели в конечном счете земные: разрушение экономики, поражение армии, овладение территорией агрессора. Как видим, они достигаются на суше, но общими усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск и родов сил флота и авиации. И флот, действуя на море, борется во имя этих земных целей: в интересах армии и страны в целом – содействуя армии огнем, десантами, живой силой, питанием, осуществляя воинские и государственные хозяйственные перевозки морем по внутренним водным путям, а также разрушая военно-экономические цели на суше и на море и обороняя свой берег от вторжения противника.

Обобщая, можно заключить, что боевые действия флота сводятся к борьбе за берег: то ли он нападает на вражескую территорию и армию (огнем, десантами, пресечением питания войск и страны), то ли он обороняет свою территорию и армию

(недопущение вражеских обстрелов, десантов, обеспечение питания войск и страны). Отсюда вытекают главные оперативно-стратегические, совместные с армией и самостоятельные, задачи флота, связанные исключительно с борьбой за берега, сушу и на суше: высадка десантов, защита своих морских коммуникаций, огневая поддержка армии, нанесение ударов по важным береговым военным и экономическим объектам противника, по десантам, по морским коммуникациям (конвоям, портам, путям сообщения), по кораблям противника, наносящим удары по нашим береговым объектам и флангу армии.

Все это – главные, основные задачи флота, и они решаются в интересах суши: армии и страны. Как видим, у флота никакой самоцели в борьбе нет. Все делается в общих интересах ведения государством вооруженной борьбы.

Для любителей экзотики и романтики вроде бы и нет места романтике морских сражений. Это так и не совсем так.

Да, повторю еще раз, чтобы никаких поисков морских сражений не было там, где их не может быть: основные задачи флота безусловно связаны с общей борьбой государства на суше, основные флотские задачи решаются во имя берега, суши, во имя конечной цели войны – капитуляция агрессора и оккупация его территории.

Но вот противник ударами кораблей по нашим конвоям, флангу нашей армии, по важным береговым объектам начал срывать выполнение нами своих основных задач или может кораблями угрожать проведению нами десантной операции или крупной разовой операции по перевозке большого количества войск, или может помешать нашей набеговой операции на его коммуникации, то есть флот противника станет помехой в решении нами своих основных задач или будет угрожать вторжением на нашу территорию морским десантом; вот тогда может встать задача: ослабить корабельный флот противника, лишить противника ударной силы, этим создать благоприятные условия для решения нами своих основных задач. Вот тогда нанесение ударов по кораблям противника в базах и в море, уничтожение или хотя бы ослабление его корабельных сил, которое может вылиться в морской бой и даже перерасти в морское сражение, может стать главной задачей флота на какое-то ограниченное время.

Я сделал этот маленький экскурс в морскую теорию, чтобы тут же со всей силой подчеркнуть, что в ряду всех основных задач флота морские перевозки и защита своих морских коммуникаций, работающих на армию, а часто и на всю страну, являются наиболее емкой задачей флота, она втягивает в ее решение весь

корабельный надводный торговый флот, ПВО, авиацию, береговую артиллерию, частично армию и некоторые отрасли экономики страны. Морские коммуникации действуют с первого и до последнего дня войны, не затихая ни на час. Круглосуточные боевые действия на протяжении всей войны на морских коммуникациях (оборона портов, охранение транспортных судов, охрана путей сообщения) настолько изматывающие, что ведутся на пределе возможностей флота и физических сил экипажей кораблей и судов. (По своей напряженности к этой задаче примыкают задачи артподдержки армии и высадка многочисленных десантов.)

Все это мы испытали на себе на Черном и Азовском морях, и в личной моей деятельности большая половина моего служебного времени была отдана руководству именно морскими коммуникациями.

И вот здесь, в Поти, мне пришлось продолжить работу, начатую в Одессе. Весь одесский опыт по морским перевозкам и защите морских коммуникаций я передал своему штабу и прежде всего ближайшим своим помощникам операторам И.В. Прохорову Г.В. Хованскому, начальнику конвойной службы базы Л.К. Носову и сменившему его Я.В. Кузьмину а также руководителям торгового порта и работникам военно-морской комендатуры порта, ведающими воинскими перевозками.

С делами, связанными с формированием конвоев, их подготовкой к бою-походу, организацией обеспечения их выхода и прикрытия на переходе, работники штаба базы справлялись весьма успешно, и мы никогда не получали по этим делам серьезных замечаний от штаба флота и начальника конвойной службы флота капитана 2-го ранга И.М. Нестерова. Это касается другой части морских коммуникаций: посадки войск и погрузки техники и боеприпасов в Потийском порту, здесь я опирался на большую группу знатоков этого дела и преданных делу работников: заместителя начальника Военно-транспортной службы флота майора И.И. Тарапунько, коменданта порта и его помощников, которыми в разное время были В.И. Розенгольц, П.П. Ромажов, Н.В. Хухаев, К.Б. Михеев, И.И. Гринфельд, С.Е. Никитин, М.И. Приземный. В торговом порту был сильный коллектив работников: начальники районов А.Д. Лабарткава, И.К. Болквадзе, И.Г. Цагурия, крановщики и портовые рабочие В.Г. Белов, а остальные были женщины, заменившие ушедших на фронт мужей – А.В. Авдеева, М.П. Буряк, А.К. Казакевич, Н.Г. Лысак, Е.А. Псел, К.Е. Трофименко, А.С. Шинкарюк, К.С. Бажова, – они самоотверженно трудились на Севастополь. Порт возглавлял К.Ф. Реквава, но вот к нему лично у нас были претензии, и дело

доходило до серьезных разбирательств. В Батуми выполнение задач по морским перевозкам и обеспечению морских коммуникаций в своей зоне возлагалось на старшего морского начальника – командира Батумского укрепленного сектора – подполковника А.А. Рюмина, а затем сменившего его полковника В.Л. Вилынанского. Но основная нагрузка в этом деле легла на его начальника штаба майора Н.М. Балана и его помощника майора В.А. Носырева, военно-морского коменданта порта и его помощников, а ими в разное время были Л.М. Магнер, В.Х. Хантадзе, С.Л. Львин, С.В. Кудрявцев, Н.Н. Кубенин. Большую работу по погрузке техники и боеприпасов проводили начальник порта Г.М. Сарчимелия со своими помощниками Л. Гуджабидзе, В. Кошевым, А. Мелкадзе, А. Осепашвили, Б. Хомерики, С. Сахновым (последние четверо вскоре ушли на передовую и погибли в боях). Самоотверженно работали крановщики порта Н. Карпов, Г. Псарос, А. Сердюк.

В Батуми работа облегчалась тем, что там находилось управление Военно-транспортной службы флота во главе с капитаном 2-го ранга Б.В. Бартновским, и он лично включался в перевозки.

А вот перевозками через порты Очамчира и Сухуми руководили военно-морские коменданты В.Х. Хантадзе и М. Вагапов, они хорошо справлялись с этим делом, и я там был наездами.

В Потийской базе сложилась стройная организация морских перевозок, и мы были готовы к выполнению задач по перевозкам войск в крупном масштабе.

Во второй половине ноябре мы получили известие, что немцы захватили Ростов-на-Дону. Это была большая потеря, грозная опасность нависла над Северным Кавказом и Черноморским флотом. Но вот прошло десять дней, и гитлеровцев выбили из Ростова. Войска Южного фронта начали теснить их к западу, к Таганрогу, где они потом и зазимуют. Это большая победа Советских Вооруженных сил, и впервые за войну была объявлена благодарность Ставки командующему Южным фронтом генералу Я.Т. Черевиченко и его войскам. А мы, черноморцы и приморцы, посчитали и себя причастными к этим успехам. Ведь Одесса и Севастополь оттянули на себя две румынские и одну немецкую армию и этим ослабили ударную силу немецких войск, и поэтому те не удержались в Рогове и в излучине Северского Донца, были отброшены нашими войсками, хотя они были ослаблены тяжелыми боями в Донбассе.

А в это время Севастополь отбивал первый жестокий штурм врага и взывал о помощи. И она готовилась.

Начальник штаба флота контр-адмирал И.Д. Елисеев (находившийся, в качестве заместителя командующего флотом, на Кавказе, со своим штабом в районе Туапсе, в приморском местечке Магры) сообщил нам, чтобы мы приготовились к массовой перевозке войск в Севастополь, Поти и другие порты-базы. В декабре прибудут три дивизии, маршевые части и боеприпасы, последние будут непрерывно поступать в Потийскую базу, куда также стянут все транспортные суда. Базе будут придаваться для конвоирования транспортов боевые корабли флота: эсминцы, тральщики, малые охотники. Вскоре меня уведомил начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2-го ранга О.С. Жуковский, что командующий получил приказание о выделении в распоряжение Потийской базы кораблей для конвоирования, по нашей заявке. А начальник конвойной службы флота (или, как его еще называли, начальник отдела коммуникаций) капитан 2-го ранга И.М. Нестеров сообщил мне наименования судов, выделяемых для перевозок войск.

Чуковский и Нестеров – мои однокашники, еще в училище они выделялись своими способностями и уже на флоте показали себя образцовыми командирами, они были на хорошем счету у комфлота. Отныне все наши помыслы были направлены на одно главное: помочь выстоять защитникам Севастополя, скорее отправить им подкрепление и продолжать непрерывно подавать боеприпасы. И теперь я прикипел к порту, чтобы наилучшим образом выполнить важное боевое задание Военного совета флота по боевому обеспечению Приморской армии – укрепить ее живой силой и снабдить боеприпасами. На это благородное дело нацеливал весь свой штаб и экипажи кораблей и судов конвоев, идущих в Севастополь.

Нацеливал на борьбу за Севастополь!

Первыми поступили к нам маршевые части и боеприпасы.

Чтобы быстрее пополнить и подкрепить Приморскую армию, понесшую большие потери в первом штурме противника, решено пополнение направить на боевых кораблях, на Севастополь полными ходами ушли крейсера, лидер «Ташкент», эсминец «Смышленый» под командованием Ю.К. Зиновьева. Они уже побывали в боях за Одессу и Севастополь, понимали нужды армии, поэтому торопились и на другой день, отбившись от авиации противника, доставили подкрепления.

На поездах прибыла первая дивизия – 388-я сд, – которой командовал полковник А.Д. Овсеенко (комиссар К.В. Штанев). В первых числах декабря, по мере прибытия частей дивизии, в Поти стали сосредотачиваться транспортные суда, мы тотчас загружали

их войсками и тут же формировали конвои в составе судов, эсминцев, тральщиков и малых охотников. Избегая сосредоточения войск в Поти и большого числа судов в одном конвое для перехода морем (ибо большой конвой – соблазнительная приманка для подлодок и самолетов противника), мы отправили дивизию шестью конвоями. В их составе были транспорты «Калинин», «Димитров», «Абхазия», «Зырянин», «Фабрициус», «Белосток», «Котовский», «Серов», «Островский», «Ногин», «Чапаев», «Украина», «Красный Профинтерн», которые повели многоопытные капитаны, уже закаленные в боях за Одессу: И.Ф. Иванов, Л.С. Борисенко, А.И. Ребрик, Е.М. Михальский, М.И. Григор, Г.И. Рымкус, М.И. Безродкин, А.А. Орлов, М.И. Фокин, П.Л. Безайс, А.И. Чирков, П.А. Половков, А.С. Полковский, В.Г. Молочков, Свириденко. Все эти капитаны хорошо мне знакомы по Одессе – много раз приходилось ставить им сложные, опасные для них боевые задачи, и они блестяще справлялись с ними; особенно яркую страницу они вписали в историю Великой Отечественной войны своим активным участием в доставке войск в Одессу и в замечательной операции по эвакуации Приморской армии из Одессы в Севастополь, блестяще проведенной военными и торговыми моряками 15–17 октября 1941 года.

И сейчас мы верили в них, что боевое задание будет выполнено образцово, а торговые и военные моряки были уверены в себе, что доставят войска в сохранности и подкрепят защитников Севастополя. Настолько были уверены в благополучном исходе боевых походов с боями, что вскоре на военно-санитарном транспорте «Абхазия», когда им стал командовать Михаил Иванович Белуха, накануне походов в Севастополь сыграли две свадьбы – женились молодые лейтенанты и медсестры. Вот она, жизнь, какая штука: люди шли в смертный бой, а она – жизнь – брала свое. И я пожелал молодым благополучия. У Г.Л. Надточиева и Т.В. Величко сложилась хорошая семья. Их счастье подверглось суровым испытаниям жестокой войны, и из них самое трагическое: «Абхазия» была потоплена в Севастопольской бухте, загруженная боеприпасами, доставленными защитникам, в результате массированного удара вражеской авиации. Чудом уцелевших подобрали ранеными, контуженными, оглушенными и доставили на Кавказ в госпиталь.

Капитаны А.Н. Доценко, Г.Д. Стуруа, В.К. Шабля, Н.И. Плявин, М.А. Ригерман, В.П. Осташевский, П.И. Сорока, И.Х. Шевченко начали водить в Севастополь с горючим свои катера: «Серго», «Москва», «Кремль», «Сталин», «Вайян Кутюрье», «Совнефть». Эти танкеры входили в состав пароходства

Совтанкер, которым руководил И.Г. Сырых, очень сильный хозяйственник, отменно содержавший свой наливной флот.

Для Севастополя настолько много было задействовано транспортов, что я даже тревожился, как Севастополь справляется с приемом и разгрузкой такой большой армады. У нас ушли в поход на судах все наши военные лоцманы, и я запросил у начальника гидрографии флота капитана 1-го ранга А.В. Солодунова пополнения нашего отряда лоцманов. И фамилии некоторых из них я запомнил: Самойлов, Гришин, Довбыттт, Баглан, Панфилов, Фоменко, Григоращенко. Суда обязаны их мастерству своей безопасностью в сложных условиях плавания по фарватерам баз.

Для охранения судов с войсками и танкеров с горючим были назначены эсминцы «Сообразительный», «Способный», «Бойкий», «Безупречный», «Железняков», «Незаможник», сторожевые корабли «Шквал», «Шторм» и тральщики, которыми командовали уже крепко повоевавшие под Одессой и Севастополем С.С. Борков, Е.А. Козлов, Г.Ф. Годлевский, П.М. Буряк, В.С. Шишканов, П.А. Бобровников, Д.Я. Баранов, В.Г. Бакарджиев, А.И. Несмеянов, В.Г. Трясцин, П.Н. Щербанюк, В.А. Паевский, И.И. Сенкевич. Они же были и командирами конвоев.

Пока суда загружались войсками, техникой, горючим, мы, штабисты, формировали конвои, учили и наставляли капитанов судов и командиров в вопросах совместного плавания и осуществления всех видов обороны на переходе, проигрывали с ними на картах возможные варианты боевых эпизодов. По мере загрузки судов мы отправляли очередной конвой в Севастополь.

Длинным и тяжким был путь в осажденный город. Против наших конвоев с крымских аэродромов действовали вражеские самолеты пикировщики и торпедоносцы, и они далеко залетали в море. И мы маневрировали, уклоняясь от них, удаляя маршруты движения конвоев. Мы начали направлять их кружным путем. Конвои из Поти и Батуми сперва шли на запад, как бы вдоль турецких берегов, в середине моря они поворачивали на север к Севастополю. Получалось около 550 миль. И хотя стремились подойти к Севастополю в темное время, все равно перед вечером конвои попадали под удары авиации. Но командиры и капитаны проявили большое искусство в отражении авиационных атак и благополучно доставляли подкрепления по назначению. Мы не понесем потерь.

Но не только враг досаждал. Суровая, морозная зима сопровождалась жестокими штормами, сила ветра доходила до 27 метров в секунду, это одиннадцать баллов. Плавая до войны на «Шквале», как раз по этому маршруту, как раз в зимнее время, я

познал на себе черноморские шторма, а однажды попал в 11 – балльный жестокий шторм и подвергся суровым испытаниям за выживание. И теперь я сочувствовал корабельным людям, особенно на малых кораблях. Шторм ураганной силы – это тоже немалой силы враг.

Как бы мы ни сопереживали нашим корабельным морякам, все равно без колебаний мы отправляли малые корабли в дальние походы, ибо Севастополь взывал о помощи. В условиях тревожных запросов из Севастополя о помощи отстаиваться в портах, когда шторма не утихали неделями, было бы преступлением. И мы посылали эту помощь, на грани риска погибнуть от шторма малому кораблю. Это ведь тоже война – борьба с рассвирепевшей слепой стихией.

Мы понимали положение в Севастополе, и никто даже не заикался о погодных условиях. Всем кораблям нелегко штормовать, но как тяжело было катерам малым охотникам, когда мы, исчерпав возможности привлечения других, более крупных кораблей, начали назначать и их в дальние конвои. Это было впервые: на такие дальние расстояния, на такое большое удаление от берега, на длительные сроки плавания в зимние шторма посылать таких малюток в 55 тонн водоизмещением. Нужда заставила: я предложил, наштафлота одобрил, командир базы согласился, и старшие лейтенанты Н.П. Анищенко, Н. Аскеров, А.Ф. Борисенко, И.А. Видонов, Ф.С. Дьяченко, И.Ф. Кардаш, М.А. Киндяков, И.Н. Молодцов, Е.П. Павлов, Ю.Л. Пакарин начали водить своих «охотников» в составе конвоев в дальние походы, в Севастополь, а затем в Феодосию и Керчь, в зимних штормовых условиях. Хотя в корабельных тактических журналах и приказах о мореходности малых охотников были указаны пределы: удаление от берега до 100 миль и ветер до 7 баллов, выше которых эти катера-крохи использовать запрещалось. Война и сами катерники пересмотрели эти нормы. Опаленные войной моряки с «охотников» настолько осмелели, так притерпелись к штормам, что, бывало, и в 10 баллов от командира не дождешься просьбы прервать поход или несение дозора и укрыться в гавани. За всю войну я не получил ни одной такой радиограммы. Это говорит о высокой моральной стойкости и морской выучке советских моряков. Их политическое кредо состояло в том, что при любых обстоятельствах боевая задача должна быть выполнена, без ссылок на погоду.

А черноморская волна нехорошая: короткая и с опрокидывающимся гребнем – иностранным морякам не нравилось плавать в Черном море в штормовую погоду, на малых кораблях. А каково нашему малышу? Танкер в 13 тысяч тонн

водоизмещением в непогоду идет, заметно покачиваясь, а «охотник», охраняющий его, падая носом с гребня на подошву волны, зарывается в следующую волну до самого мостика, а на него опрокидывается огромная темно-зеленая многотонная масса воды. И тогда все цепко хватаются за надежные предметы и устройства, чтобы волна, пронесшаяся по палубе и мостику, не унесла с собой, а командир, «вынырнув» из этой волны, напившись соленой воды до предела, быстрым взглядом окидывает: а все ли целы, не смыло ли кого? У пушек стояли в непромокаемой одежде со спасательными поясами, и даже привязывали себя к пушкам, чтобы не смыло за борт. Тяжко, очень тяжко было служить и воевать на катере-охотнике. Но упаси тебя не досмотреть, прозевать, не обнаружить своевременно вражеские самолеты или подлодку и упустить время открытия огня или для сбрасывания глубинных бомб, и ты будешь нести суровый ответ за охраняемый объект, а еще больше казнить себя за упущение.

А катерный быт! По теперешним взглядам и комфорту, даже на малых кораблях, – просто жестокий. Крохотные кубрик, кают-компания, командирская каютка, обогреваемые электрогрелками, на них и обсушивали одежду, как могли. В миниатюрном камбузе по очереди стряпали, а в шторм, когда кастрюли ударами волны по корпусу катера выбивало из гнезд, переходили на сухой паек, а это в холод – не еда. Возвратившись из похода, многие отправлялись в новый бой-поход. И представьте себе: списать матроса с такого катера для службы на большом корабле или на берегу стоило больших хлопот – воспринималось как недоверие и смертельная обида. Вот такие были наши воины с этих самых всепогодных катеров малых охотников за подводными лодками.

В ходе обороны Севастополя нас не покидала тревога за судьбы нашей Родины. После летне-осенних наших оборонительных сражений и задержки противника на длительный срок от одного до двух с половиной месяцев на реке Луга, у Смоленска, под Киевом и Одессой немецкая армия, удерживая инициативу, продолжила наступление. На севере она захватила город Тихвин, перерезала единственную оставшуюся в нашем распоряжении железную дорогу, идущую к Ладожскому озеру, через которую питался Ленинград, и рвалась к реке Свирь, навстречу к финским войскам, это грозило Ленинграду вторым блокадным кольцом, что означало бы конец. Нас это сильно волновало, а меня – вдвойне, ибо в блокадном Ленинграде мои родные брат Борис и сестра Антонина. А еще один брат – Леонид – водил поезда с углем Воркуты для Ленинграда. И мои мысли частенько были с ними в эти тревожные дни для Ленинграда.

Но вот враг, после первой ростовской осечки с отступлением, по-настоящему споткнулся. Мы получили радостную весть: враг выбит из Тихвина и оттеснен. Тревога за Ленинград поулеглась. И наконец наступило историческое волнующее событие: весь мир был потрясен невиданным и первым во Второй мировой войне оглушительным поражением гитлеровской армии под Москвой, врага погнали вспять.

Нам совсем стало веселее. Мы вдвойне стали биться за Севастополь, помогать ему выстоять: подавать быстрее войска и боеприпасы.

И тут как раз начали поступать железной дорогой головные полки второй по счету дивизии – 345-й сд. Ею командовал подполковник Н.О. Гузь (комиссар А.М. Пичугин, начштаба И.Ф. Хомич, начполитотдела А.М. Савельев). Вместе с Гузем я пробыл всего два дня: на посадке войск и погрузке боевой техники на суда. Питались вместе в нашем штабном салоне – выкраивали время для обмена мнениями по различным делам. Николай Олимпиевич оказался интереснейшим человеком, самобытной натурой и приятным собеседником. Мы с ним быстро и близко сошлись. Так как он был старше меня возрастом, то я проникся к нему большим уважением. А еще он понравился мне тем, что не давал мне покоя: скорее сажать его войска на суда. Он рвался в бой за Севастополь. А такой боевой настрой тогда всеми нами высоко ценился. Но, как на грех, в нашем районе разыгрались жестокие шторма со снегопадами, командование флотом приказало вторую половину этой дивизии перенацелить железной дорогой в Туапсе и оттуда в Севастополь. И Н.О. Гузь от нас убыл. Я постоянно интересовался: а как в Севастополе сражаются те, кого доставили туда, не потеряв в море ни одного человека? И мне стало известно, что командование обороной Севастополя довольно комдивом Н.О. Гузем и ему уже присвоено звание полковника.

Части 345-й дивизии пошли на транспортах «Калинин», «Курск», «Десна», «Серов», «Березина», «Ураллес», «Крым», «Ленинград», «Красный флот»; ими командовали капитаны Э.Л. Соловьев, В.Я. Труш, Д.С. Сариев, К.К. Третьяков, А.К. Кравченко, И.Ф. Короткий, Р.Ю. Слипко, А.А. Зеневич, И.В. Грань. В их охранение были назначены эсминцы «Бодрый», «Бдительный».

И опять же в дальних походах в Севастополь, а вскоре и в Феодоссию, и в Керчь участвовали «охотники» старших лейтенантов С.М. Амеличкина, Н.В. Волошина, С.В. Галиленко, Н.В. Завьялова, А.И. Кеба, Н.В. Иванникова, Л.П. Лысакова, Ф.Я. Решетника, В.И. Лысенко, А.С. Фролова. Многие из этих командиров сражались за Одессу на ее морских коммуникациях –

это были закаленные огнем кадры. И мы без колебаний вверяли им драгоценные суда с боеприпасами, горючим на длительные переходы морем.

А вот подошла в Поти и третья – 386-я – дивизия, которой командовал полковник Н.Ф. Скутельник – боевой комдив. Он рвался в бой, и мы отправили его быстро на транспортах «Ворошилов», «Абхазия», «Красная Кубань», «Василий Чапаев», «Львов», «Пестель», «Белосток», «Коммунист», «Восток», «Ян Томп», капитанами которых были А.Ф. Шанцберг, Ф.И. Родионов, В.В. Анмстратенко, В.Н. Ушаков, С.И. Кушнаренко, К.Е. Крамаренко, Л.Г. Кабаненко, В.И. Вацаценко, А.Г. Алферов, а охранение им опять дали мощное: эсминцы «Москва», «Громов», «Передовик», командовали которыми В.А. Казьмин, М.В. Фомин, М.Д. Кардашев, Н.К. Фоменко, Ф.Л. Танин, Зумбадзе.

Все дивизии, предназначенные для Севастополя, были по увеличенным штатам и табелям, и для них потребовалось много судов и кораблей. И отправили мы их быстро, в течение трех декабрьских недель. Мы не давали себе покоя и торопили всех с подачей судов, выделением кораблей, с погрузкой боевой техники, боеприпасов, отдыхали урывками прямо на судах. Все эти декабрьские дни из Поти в Севастополь потоком шли конвои и большие боевые корабли с войсками. И они пришли вовремя, как раз когда враг повел декабрьский, второй штурм Севастополя, но получил отпор от защитников города, с помощью войск, подоспевших из Поти, направленных нами. В этом и состоит определенный вклад нашей Потийской базы в борьбу за удержание Севастополя. Но я со всей силой подчеркиваю, что быстрая, своевременная доставка войск является заслугой не только личного состава базы, то есть тех, кто сноровисто грузил и отправлял, удачно и продуманно формируя конвой – я имею в виду работников штаба базы, комендатуры и порта, – а прежде всего – заслуга экипажей судов и кораблей, которые в жестоких боях, искусно отбившись от врага, в целости доставили в Севастополь все войска, доверенные им Потийской базой.

Флот, с приданной ему Приморской армией, общими усилиями отстоял в декабре Севастополь. Это было большой победой, влиявшей на ход событий и на других фронтах, способствовавшей войскам Южного фронта успешно отбросить на втором дыхании врага к Таганрогу; его свидание в 1941 году с Кавказом и Волгой не состоялось, а это дало время лучше подготовить Сталинград к будущим грозным событиям. Этому способствовало то, что Приморская армия своей стойкостью приковала к себе надолго крупную вражескую группировку войск, не смогшую прийти на поддержку своим войскам на юге и в

центре.

Конечно, в отражении декабрьского штурма под Севастополем заслуга прежде всего тех, кто своей грудью первым встречал врага: пехоты, воинов полевой, береговой, корабельной артиллерии, морской авиации. Но не устоять бы им, не приди помощь морем вовремя. Вот почему мы, потийцы, посчитали себя в определенной степени сопричастными к этому успеху севастопольцев. Потийская база жила боевой страдой Севастополя, работала на него. Действовала в интересах сражавшегося города, активно боролась за Севастополь, считая себя активной участницей обороны славного города.

Получаемая нами обширная информация по многим каналам позволяла нам судить о происходящем в Севастополе.

В Севастопольском оборонительном районе сложилась примерно такая же боевая организация обороны, как и в Одесском оборонительном районе. Осажденный плацдарм был разделен на сектора обороны, и войска в них возглавили уже хорошо повоевавшие командиры дивизий: полковники П.Р. Новиков и И.А. Ласкин (чуть позже оба стали генералами, а Ласкин в будущем будет принимать капитуляцию германского фельдмаршала Паулюса в Сталинграде и в сорок третьем станет начальником штаба Северо-Кавказского фронта у Петрова), а также генералы Т.К. Коломиец и В.Ф. Воробьев. Новиков и Коломиец хорошо мне знакомы по Одессе, где они командовали дивизиями. А Воробьева я близко знал, потому что он до дивизии был начальником оперотдела штарма Приморской, и мы с ним были коллегами. А когда он стал командиром 95-й дивизии, я видел в бою на КП его дивизии.

В.Ф. Воробьев – большой знаток тактики общевойскового боя: закончил две военные академии, был преподавателем в Академии Генштаба. Свои теоретические знания он основательно подкрепил в практике боев за Одессу. Достаточно сказать, что его дивизия наиболее цепко держалась за рубежи обороны, меньше всех отходила, а бой 18 августа – когда 95-я од накрошила десятки вражеских танков и на поле боя осталось около тысячи вражеских трупов – бой, который я в течение двух часов наблюдал в стереотрубу с КП дивизии, может быть образцом и примером, как на практике требовалось осуществлять наши великие девизы: стоять насмерть и ни пяди нашей земли – врагу. А в последнюю ночь эвакуации из

Одессы он заехал на наш ФКП Одесской базы и – отказавшись от удобств, увез в 3 часа ночи два полка. Он настоял, чтобы я приказал командиру арьергардного отряда кораблей, увозившего уже под утро последние батальоны прикрытия дивизии, принять

его с оперативной группой на концевой малый охотник, хотя существовало строгое расписание, утвержденное командованием: кто, на чем и когда уходит. Он меня буквально покорил желанием уходить из Одессы со своим последним подразделением и чуть ли ни одновременно с нами, морским командованием, он хотел убедиться, что ни один его солдат не остался брошенным. И я написал капитан-лейтенанту П.И. Державину (ныне капитан 1-го ранга, Герой Советского Союза, проживает в Одессе) приказание командира Одесской базы принять Воробьева на свой катер-охотник. И они ушли перед нами, на наших глазах.

То, что войска всех секторов обороны Севастополя, и особенно на Северной стороне севастопольской Северной бухты, где сражались дивизии Воробьева и Коломийца – и где был наибольший нажим противника, – устояли в ходе вражеских штурмов, говорит о высокой морально-политической стойкости советских воинов и высокой квалификации командного и политического состава, командиров и комиссаров наших дивизий, полков, бригад. С самой хорошей стороны показал себя командир 345-й дивизии Н.О. Гузь, которого с дивизией мы отправляли из Поти. Геройски дрались две морских бригады полковников Е.И. Жидилова и В.Л. Вильданского (последнего потом сменил полковник П.Ф. Горпищенко), а также морская бригада А.С. Потапова, комиссаром которой был И.А. Слесарев, – оба они отважно и умело сражались за Одессу; начальниками штаба этой бригады были: сперва И.А. Морозов, а когда его сразило, стал В.П. Сахаров – оба близкие мне люди.

В Севастополе воевало много защитников Одессы и Крыма, и это сказалось на успешном отражении вражеских штурмов. К концу декабря противник, получив отпор, поугомонился, хотя бои и продолжались.

В ходе боев за Севастополь проявился военный талант командующего Севастопольским оборонительным районом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, как сильного организатора и руководителя обороны Севастополя, сумевшего, с помощью своего небольшого штаба, возглавляемого капитаном 1-го ранга А.Г. Васильевым, организовать взаимодействие всех родов войск и морских сил и направить все их усилия, используя сильные стороны каждого, на отпор врагу. Успех дела решили совместные и строго согласованные усилия армии и флота (в том числе и Потийской базы, работавшей на Севастополь) по месту, времени и цели, направляемые твердой рукой комфлота Октябрьского и члена Военсовета флота Кулакова, на которых Ставка возложила персональную ответственность за Севастополь.

Бои на суше под Севастополем показали, что в лице генерала

И.Е. Петрова мы имеем дело с сильным военачальником. Коли в Одессе он за короткий срок, на наших глазах, сформировался как боевой, крепкий командир дивизии с задатками на большее, и это было замечено командующим обороной Одессы контр-адмиралом Г.В. Жуковым, и он выдвинул его командующим Приморской армией, то в ходе первых боев за Севастополь произошло становление Петрова как командарма. Там и тогда расцвел его полководческий талант, с таким блеском проявившийся в отражении первых штурмов Севастополя 11-й немецкой армией Манштейна, в ходе которых она поломала зубы. Как сильный полководец генерал Иван Ефимович Петров сложился уже в Севастополе, начав с Одессы.

Конечно, успешной деятельности Петрова способствовали многие благоприятные обстоятельства: над Петровым был мудрый военачальник – Октябрьский, у которого было чему поучиться; Петрова окружали достойные соратники, такие как наштарм Н.И. Крылов (впоследствии ставший Маршалом Советского Союза), заместитель командарма – комендант Береговой обороны – флотский генерал П.А. Моргунов, начальник артиллерии армии генерал Н.К. Рыжи, крупный специалист инженерного дела Т.Л. Кедшинский, ему было на кого опереться, было с кем посоветоваться; и наконец – начальник политотдела армии Л.П. Бочаров, вместе со всеми политработниками поднимавший воинов на свершение подвигов в условиях сверхчеловеческих возможностей, когда иным казалось: все кончено. Безусловно, здесь сказывались и мудрые советы, помощь, благотворное влияние таких одаренных политработников, как член Военсовета флота Н.М. Кулаков и начальник политуправления флота дивизионный комиссар П.Т. Бондаренко, возглавлявший политработу в Оборонительном районе. Успешным действиям Приморской армии способствовали: действия морской авиации, возглавляемой храбрым и умным генералом Н.А. Остряковым, непрерывная артподдержка береговых батарей и отряда кораблей капитана 1-го ранга В.А. Андреева, а также кораблей, систематически приходивших в Севастополь под командованием контр-адмирала Л. А. Владимирского; огонь всех этих кораблей корректировали корпосты, которые возглавил флагарт флота капитан 1 – го ранга А.А. Рулль. Фланг и тыл армии были надежно прикрыты с моря соединением контр-адмирала В.Г. Фадеева.

И при всем этом Петров оставался Петровым, как самобытная одаренная личность, самородок в военном деле, человек умной храбрости, а это последнее в те времена высоко ценилось. Не знаю, может, я пристрастен к герою моей книги, будучи влюблен

в него, но и тогда считал, и сейчас, на склоне лет, считаю: не будь этого талантливого самородка – наши дела под Севастополем могли, сложиться по-иному, к худшему. Выросший вместе с флотом, выдвинутый адмиралами и ограждаемый ими от нападок, Иван Ефимович Петров оказался счастливой находкой для нашего общего дела борьбы с сильным врагом в Причерноморье, и прежде всего для флота и флотского командования, на которое была возложена Ставкой ответственность за оборону двух черноморских городов-героев.

В середине декабря от Октябрьского пришла телеграмма, из которой явствовало, что он находится в Новороссийске. И это – в то время, когда враг повел второй штурм Севастополя. Похоже, что его туда вызвало высшее командование по какому-то важному делу, которое тут же прояснилось. Наштафлота Елисеев передал нам приказание: немедленно направлять в Новороссийск и Туапсе транспорты, сейнеры, малые охотники Гнатенко, канлодки Бутакова. И мне больше ничего не нужно, чтобы понять: готовится высадка десанта. Мне только не дано было знать: когда и куда. Но, судя по тому, как часто меня вызывали к аппарату помощник Елисеева – Жуковский и корабли эскадры, я сделал вывод: готовится масштабное в ближайшие дни. Но до этого произошли события, о которых мы узнали позже.

По приказанию Ставки комфлот был вызван с осажденного плацдарма в Новороссийск для совместного планирования с командующим Закавказским фронтом десантной операции, которая получит наименование Керченско-Феодосийская операция. Но в это время наши дела в Севастополе обострились до крайности[32]. Оставшийся за Октябрьского во главе обороны Севастополя контр-адмирал Жуков и член ВС Кулаков донесли Сталину Кузнецову и Октябрьскому о критическом положении в обороне, и предложили Октябрьскому прервать участие в подготовке морского десанта, возвратиться в Севастополь, чтобы лично возглавить отражение вражеского штурма всеми родами сил; оборону Севастополя подчинить командующему Закавказским фронтом; усилить Севастополь войсками; направить в Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями[33]. Вот это последнее сразу же реализуется и вызовет крайнее недоумение.

Комфлот во главе отряда крейсеров и эсминцев, с морской стрелковой бригадой на борту поспешил в Севастополь и на другой день уже был там. Бригада и корабли – сразу в бой. А тут начали подходить дивизии Закфронта, отправленные нами из Поти. Враг был остановлен, и вскорости его штурм захлебнется. Воины армии и флота проявили в этом декабрьском сражении

героизм и величайшее мастерство.

Ф.С. Октябрьский, опираясь на своих опытных помощников Петрова, Жукова, Моргунова, Острякова, Фадеева, показал свой незаурядный организаторский талант по координации усилий всех родов сил. На высоте оказались наши политработники во главе с Кулаковым, Бондаренко, Бочаровым. А Петров, управляя своими войсками на главном направлении, стяжал славу искусного полководца.

И вот на этом фоне происходит событие, совершенно непонятное для всех нас. На лидере «Ташкент» в Севастополь проследовал генерал с предписанием командующего Закффронтом: сменить Петрова. Ничего не скажешь – сильный военачальник, уже крепко повоевавший, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант.

Другой на месте Октябрьского воспользовался бы удобным случаем и расстался с ершистым подчиненным, на законном основании, не будучи втянут в интриги. Но вот тут-то во всем блеске проявились партийность, благородство, высокопорядочность Филиппа Сергеевича Октябрьского. Да, между ним и Петровым уже пошли разногласия. Младший, в вопросах теории и практики, защищая свое мнение, перечил старшему, порой в недозволенной форме, проявляя самолюбие. Ну и что ж, Октябрьский не мог не видеть, что Петров отстаивает правое дело, которому они оба усердно служат, цель борьбы у них общая. И Октябрьский ставит себя выше мелочности – злорадства, мести. Это недостойно его лично, как человека, занимающего высокий пост. Он решает отстоять Петрова, хотя и преемник – достойный военачальник.

И Октябрьский посылает прочувствованную радиограмму в защиту Петрова человеку очень занятому крупномасштабными делами, от которого исходила инициатива этой замены. Нужно было обладать горячим чувством справедливости и большим гражданским мужеством, чтобы по такому делу обращаться к самому Сталину и отнимать у него время по вопросу, им же решенному. Редко кто тогда на такое решался.

И сейчас мне доставляет большое удовольствие изложить это обращение, написанное лично Октябрьским, ибо оно сверхнеобычно для того времени. Думаю, что такое полезно и приятно почитать всякому, воспринимая как урок благородства.

«Экстренно. Москва. Товарищу Сталину. По неизвестным для нас причинам и без нашего мнения, командующий Закавказским фронтом, лично совершенно не зная командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И.В., снял его с должности. Генерал Петров толковый, преданный командир, ни в чем не

повинен, чтобы его снимать. Наоборот, Военный совет флота, работая с генералом Петровым под Одессой, а сейчас под Севастополем, убедился в его высоких боевых качествах и просит вас, товарищ Сталин, присвоить Петрову И.Е. звание генерал-лейтенанта, чего он безусловно заслуживает, и оставить его в должности командующего Приморской армией. Ждем ваших решений. Октябрьский. Кулаков»[34]. Тут Филипп Сергеевич слукавил – он ведь четыре дня тому назад в Новороссийске, вместе с командующим Закфронтом, читал телеграмму Сталина, в которой указано о замене; немедленно направить в Севастополь крепкого общевойскового командира. В этом и состояла рискованность такого обращения. Его авторы сделали вид, что это все идет от командующего Закфронтом. Наивный ход и святая ложь, которой есть полное оправдание, во имя чести человека.

На второй день было получено приказание: Петрову продолжать командовать армией. Но Октябрьский мог нарваться на неприятность за попытку опротестовать решение начальства. Но его ничто не остановило, и он отстоял Петрова. Да перед кем! Вот в этом весь Октябрьский: честный, благородный, мужественный, не терпевший несправедливости, не признававший мести, ценивший военные доблести в человеке.

Только вот этот один штрих к портрету Ф.С. Октябрьского вызывает восхищение и обязывает нас быть снисходительными к некоторым неровностям в характере Филиппа Сергеевича. Этот случай еще раз подтверждает, что Октябрьский – сильная личность.

Кто знает, вошло бы в историю имя Ивана Петрова, если бы Октябрьский проявил покорность и смирился бы с несправедливым решением или, еще бы хуже, воспользовался им в низменных целях. Думаю, что после снятия с высокого поста в осажденном городе, да еще самой Ставкой, уже никто не выплыл бы наверх. И потеряли бы человека, вклад второго в защиту Родины стал весьма весомым. В судьбе Петрова роль Октябрьского неоценима.

Бывший начальник штаба Приморской армии, в будущем Маршал Советского Союза Н.И. Крылов сделает честную запись в своей книге «Огненный бастион» (с. 204): «Я сознательно привожу полный текст телеграммы Сталину, дабы отдать должное Филиппу Сергеевичу Октябрьскому, хотя отношения у него с Петровым были сложными, срабатывались они не легко».

К величайшему сожалению и прискорбию для И.Е. Петрова, это происшествие оказалось испытанием в его жизни.

Вот как бывало в истории крупных военных деятелей не раз, когда их восхождение чередовалось со спадами, связанными,

скорее всего, с их характером. Иван Ефимович, говоря откровенно по-человечески, стал просто трагической фигурой. Обладая завидным военным талантом, заслуженно в будущем трижды возглавит фронт, объединения, будет трижды освобождаться – то ли за незначительную промашку объективного характера, то ли по недоразумению, то ли не задумываясь о последствиях личного порядка. И все-таки было видно, высоко ценили его полководческие данные и питали к нему уважение – он закончит войну на главном направлении, и его имя мы будем многократно читать в благодарственных приказах Верховного Главнокомандующего. Своим восхождением на высокий пост командарма Иван Ефимович обязан не только своему безусловно большому, военному дарованию и подвигам своих воинов, но и тому, что он связал свою судьбу с флотом, где он был замечен адмиралами – командующими обороной городов-героев, возвышен, а потом и защищен от нападок своего же сухопутного начальства и представлен Ставке в таком образе, что его взяли на заметку, приняли во внимание аттестацию Октябрьского при дальнейшем назначении.

Но во взаимоотношениях с Октябрьским Петров, оставаясь высокопорядочным человеком, руководствовался не столько личными факторами, сколько высшими интересами с их высокими принципами.

Жизнь сложна. Сложны взаимоотношения людей. А на войне, особенно на уровне, где решаются судьбы тысяч и миллионов, а порой и всего нашего дела, там отношения могут обостряться до крайности при решении принципиальных крупноплановых вопросов, и ничего удивительного, если они выплескивались через край. И тут надо уметь не губить взаимоотношениями общее дело. Длительная защита Севастополя показала, что оба военачальника, преодолевая размолвки и недоразумения личного порядка, мудро вели дела, которые сами за себя говорят.

И все-таки втайне, про себя я – прав или не прав – считал тогда и считаю сейчас, что лучше поступили бы, если бы всю сложившуюся, отработанную, оправдавшую себя успехами одесскую боевую организацию полностью перенесли в Севастополь, во главе с бывшим руководством обороны Одессы, уже сработавшимся и притертым до мелочей, то есть Жукова, Петрова, Воронина, Шишенина, Крылова. А Октябрьский, находясь на Кавказе во главе флота, осуществлял бы боевое обеспечение защитников Севастополя. Собственно говоря, Октябрьский это и предлагал в самом начале. Но это только из области мечтаний и утерянных возможностей.

А пока усилиями советских воинов, под руководством

Октябрьского и Петрова, над Севастополем, в далеком вражеском тылу, реяло Красное знамя нашей Родины. И теперь уже стала меняться роль Севастополя, цель его удержания. Когда-то она в первой задумке была ограниченной: защищать Главную базу флота. Но ведь таковой с начала ноября фактически стала Потийская база.

К Севастополю прикипела целая вражеская армия – 11-я немецкая, состав которой колебался от 7 до И дивизий, в том числе румынские. Она очень нужна была гитлеровскому командованию в Донбассе и Приазовье, чтобы ударом в излучину Дона пробиться к Волге и на Кавказ. Но немцам не хватило сил осуществить эту цель плана «Барбаросса». Таким образом, Севастопольская оборонительная операция уже в самом начале приобрела другую, более крупную значимость и крупномасштабную оперативную цель: отвлекая с главного восточного направления (к Волге и на Кавказ) крупную вражескую группировку войск, приковать ее к Севастополю на долгое время и этим облегчить положение наших войск Южного фронта в задержании продвижения немецких войск на восток и к Кавказу. Что и было достигнуто благодаря доблестным защитникам Севастополя.

Было бы упрощением и умалением роли Севастополя продолжать считать, что мы тратим такие огромные силы и средства, несем большие потери и бьемся за Главную базу, какой она перестала быть с момента ухода оттуда корабельного флота.

В это время наштафлота Елисеев совместно с армейскими военачальниками продолжал готовить десантную операцию.

Мы находились под сильным впечатлением от успехов наших войск под Москвой, отпала тревога за столицу, врага теснили на запад. А тут у нас самих большая радость: успешно отражен второй, декабрьский вражеский штурм Севастополя. А в канун нового – 1942-го – года произошло исключительное по своей важности и масштабности событие. Черноморский флот силами Азовской флотилии, которой командовал контр-адмирал С.Г. Горшков, начал высаживать 51-ю армию генерала В.Н. Львова на Керченский полуостров. Прорыв в прикрытый боновыми воротами порт кораблями, а затем и транспортами, и высадка войск на причалы, стремительный захват порта и города под ударами врага – это была предерзкая морская операция, создавшая славу военным и торговым морякам.

За Феодосийскую операцию последовала благодарность Верховного Главнокомандующего.

В Феодосии противник оказал сильное сопротивление, ведя массированный огонь по кораблям и транспортам из орудий и

минометов, и наши понесли потери в людях и судах.

По возвращении кораблей в Поти мы узнали подробности. И мне было приятно услышать знакомые имена отличившихся в этой операции. Похвально действовали канонерские лодки капитанов 3-го ранга Г.В. Катунцевского, П.М. Покровского, Л.С. Шика, катера охотники 8-го дивизиона и дивизиона Г.М. Гнатенко. Выше всякой похвалы, как всегда, действовал крейсер «Красный Крым» и его командир капитан 1 – го ранга А.И. Зубков. В ночь на 29 декабря он лихо, искусно, в темноте подвел вплотную к порту крейсер и, как было намечено, стал на якорь, точно в пятистах метрах от мола, чтобы на коротком плече быстро высадить десант. На большом корабле – так мог сделать только он. Да, во всем, что касалось управления маневрами корабля, Зубков считался на флоте суперасом.

Не впадая в мистику, скажу прямо: он обладал какой-то чудодейственной интуицией, подкрепленной быстро срабатываемыми в его мозгу расчетами, и у него мгновенно рождалось решение. Он точно знал, в какой момент, где и какую подать команду на руль и в машины, чтобы корабль проделал самый оптимальный маневр для атаки, уклонения, швартовки, постановки на якорь и бочку. В бою, совместном плавании, при швартовке не будешь непрерывно заглядывать в книжку или постоянно орудовать приборами, чтобы совершить тот или иной маневр, особенно в стесненных условиях: в узкости, вблизи кораблей – здесь командира выручает глазомер, как природный дар, развитый и закрепленный опытом и наукой.

Во всем этом можно найти объяснение: почему из всех крейсеров единственный «Красный Крым» не получил за вою войну ни одного серьезного повреждения, хотя он постоянно сражался в самых горячих точках. Конечно, тут и выучка, отвага экипажа (как результат деятельности командира), тут и кусочек военного счастья (зависящего от действий командира), но главное в успехе шло от командира корабля, от его умения, отваги, способностей вести за собой людей.

Вот и в Феодосии – поставив крейсер вблизи входа в порт, в точно рассчитанной штабом эскадры точке, Зубков содействовал быстрой доставке десантных войск внутрь порта. Командир – на мостике, а на палубе сноровисто задействовали матросы под руководством комиссара корабля Ф.П. Вершинина и старпома Н.И. Масленникова. Быстро были спущены баркасы и катера, на которых пехота передового отряда десанта несколькими рейсами, на коротком плече, была доставлена в гавань и с боем захватила причалы, а затем и плацдарм в городе.

В боях за Феодосию искусно и отважно действовали

командиры эсминцев П.А. Бобровников, С.С. Ворков, Е.А. Козлов, Г.Ф. Годлевский, К.П. Валюх, В.С. Шишканов и командир отряда кораблей высадки десанта и его артподдержки В.А. Андреев.

Их корабли вместе с тральщиками и охотниками штурмом взяли Феодосийский порт, а потом начали конвоировать транспорты с десантом.

Особую роль в этой десантной операции сыграли наши политработники. В десант, да еще головными, в первом броске, в передовом отряде, с прорывом в укрепленный противником порт могут идти только сильные духом. Тут мало одного мастерства. Пожалуй, на первом плане я поставил бы морально-политическую стойкость воина. Вдохновенно тогда работали политические руководители кораблей, соединений, частей, воодушевляя воинов на примерах стойкости Ленинграда и Севастополя и побед под Москвой и Ростовом. Непосредственное участие в политическом обеспечении операции принял начальник Главполитуправления ВМФ И.В. Рогов. А на кораблях политработу возглавил комиссар эскадры В.И. Семин. Ведомые своими командирами и политработниками советские воины армии и флота проявили массовый героизм, ворвались ночью в порт и город и захватили их.

Керченско-Феодосийская десантная операция, в которой участвовали Черноморский флот с Азовской флотилией, 51-я и 44-я армии и торговый флот, проведенная по директиве Ставки, имела в виду снять осаду с Севастополя и изгнать немцев из Крыма. Это была единственная в этой войне такого крупного масштаба, совместная – армии и флота – операция, с доставкой войск и на транспортах, и на боевых кораблях, и с высадкой прямо в порт; а у Керчи – на необорудованный берег. Золотой страницей она вписана в историю Советского Военно-Морского флота.

Сразу же были созданы морские коммуникации в Феодосию и Керчь, куда пошли потоком войска, оружие, боеприпасы, продовольствие.

Теперь флот имел три морских коммуникации, на которых задействовали все боевые корабли, транспорты и вспомогательные суда флота. Черноморский флот, втянувшись в эти изнурительные перевозки, совершаемые под ударами врага, действовал на пределе своих сил и возможностей. Корабли – это сплошная техника, и поддержание ее в исправности всегда стояло в центре внимания всех руководящих кадров. Графики планово-предупредительного, профилактического, текущего ремонта являлись непререкаемым законом, и никто не имел права их нарушать. Сейчас все это было нарушено – ремонтировались на

ходу и в паузах, урывками. Армия взывала о помощи, и флот, в ущерб техническому состоянию, шел на крайние меры. Десантные армии получили все сполна и своевременно.

В боях за Феодосию боевой и транспортный флот понес ощутимые потери, в том числе был сильно поврежден крейсер «Красный Кавказ», и только героические усилия аварийных подразделений, под руководством командира корабля А.М. Гущина, инженер-механика Г.И. Купца и старпома К.И. Агаркова, спасли корабль, он прибыл к нам, а тут за него взялись инженеры, руководимые К.Я. Стеценко. Но так как наши плавдоки только водоизмещением пять тысяч тонн и поднять крейсер не могли, начались поиски. Инженеры проявили изумительную находчивость: ввели в док крейсер поврежденной кормой, когда док всплыл, корма поднялась, а нос остался на плаву и корабль оказался с дифферентом на нос, что и предусматривалось. Но с этим мы пережили тревожные дни, когда жестокий шторм вызвал «тягун» и началась подвижка корабля в доке. Мы предприняли срочные капитальные меры, смягчавшие удары стихии, и все обошлось благополучно.

В Керченско-Феодосийской операции и на вновь созданных морских коммуникациях огромную роль сыграл наш славный морской торговый флот, и, как всегда, он вновь в самых горячих точках, рядом с боевыми кораблями. Тут задействовали все большие и малые транспорты, и в их числе «Азов», «Шахтер», «Ленинград», «Зырянин», «Потемкин», «Ульянов», «Котовский», «Севастополь», «Куйбышев», «Ялта», которыми командовали Ф.Г. Родити, А.К. Святенко, Толбузин, Т.М. Морозов, П.И. Степанов, П.Г. Платонов, В.Г. Собко, А.П. Есипенко, Михайлов, Рындик. От ударов авиации и артиллерии была сильно повреждена «Кубань» и погиб ее доблестный капитан ЕИ. Вислобоков, отличившийся еще при защите Одессы, и орден Ленина был ему посмертной наградой. Погибли «Ташкент» – а его капитан К.И. Мощенский был тяжело ранен, позже был награжден орденом Ленина, – и «Красногвардеец», которым командовал славный капитан Д.В. Кнаб, большой храбрости человек, впоследствии награжденный четырьмя орденами, в том числе орденами Ленина и Красного Знамени, позже он вступит в командование «Кубанью» и будет водить ее в самые горячие точки войны на Черном море. На мине подорвался «Жан Жорес», капитаном которого был Г.Н. Лебедев (механик – А.И. Звороно).

Новый год мы встретили с большими надеждами на то, что теперь будем повсеместно наступать и освободим Крым. Но, видно, мы, моряки, плохо знали возможности и подготовленность командования Крымским фронтом к крупномасштабным

операциям.

Флотская авиация частью сил базировалась на севастопольских аэродромах, а частью – на кавказских приморских аэродромах. За чертой города Поти, на озере Палеостоми базировалась 16-я (вскорости – 60-я) авиаэскадрилья гидросамолетов МБР-2 Потийской базы, которой командовал майор Н.М. Смирнов. Она вела ежедневную авиаразведку моря, и этим полностью исключалась внезапность появления надводных сил противника у берегов Потийской базы. Противник своими самолетами с крымских аэродромов вел поиск наших кораблей, летая до турецких берегов. При встрече с этими самолетами наши гидросамолеты-разведчики несли потери – за полгода из разведки не вернулось четыре самолета.

Задумал штаб базы приблизить к Потийскому порту для его прикрытия, небольшое число истребителей, не требующих взлетно-посадочной полосы. Поехали мы с инженером Зубаревым за окраину города и нашли ее, где и роза ветров была подходящая. Конечно, новые истребители ЛаГГи и Яки здесь не посадишь, им для подъема требуется до 600 метров и даже И-16 требовал 500 метров. А вот неприхотливый биплан И-153, или, как его величали, «Чайка», – впишется. Требовалась консультация специалиста.

На нашу удачу, из Севастополя на Кавказ для инспектирования своей авиации прибыл командующий ВВС флота генерал-майор авиации Н.А. Остряков. Добрался он и до нас. Так как командира базы не было, он ко мне. Входит молоденький генерал, моложе меня, лет тридцать ему, наверное, подумал я. У меня звание капитана 2-го ранга. То ли из-за уважения к моему возрасту, то ли воспитан хорошо, а скорее всего, и то и другое, но никакого чванства, никакого подчеркивания в разнице званий и служебного положения. Сперва – часик о ходе обороны Севастополя. А затем к нашим делам. Первый его вопрос: как воюют летчики Смирнова? Хорошо, говорю, воюют и гибнут на равных с фронтовыми. Иной раз причины не дознаемся: почему, например, на днях с разведполета не вернулись два самолета, летавших в паре. Вдвоем, по карте рассмотрев район их полета – а его северная кромка доходила до параллели Адлера, – пришли к единому мнению: наши самолеты сбиваются самолетами «Юнкерс-66», залетающими в нашу зону. Решили: уменьшить высоту полетов наших самолетов и не залетать севернее параллели Гудаута, там разведка будет поручена скоростным самолетам. Мне понравилась такая быстрая реакция на наши происшествия. Принятые меры исключили потери самолетов.

После посещения гидроэскадрильи я пригласил его проехать

на участок, выбранный нами для аэродрома. Он одобрил выбор и обещал прислать инженерную часть для строительства аэродрома. А вскорости пришлет к нам и эскадрилью истребителей И-153. Самолет не ахти какой мощи – только пулеметы, да и скорость только 400, но зато маневренная машина. С немецким бомбардировщиком Ю-88 вполне справлялась. Все, что обещал Остряков, – все выполнил. Его оперативность и обязательность – а это наилучшие качества руководителя – меня покорили.

За обедом Николай Алексеевич рассказал о боях в небе Испании, где он воевал «волонтером». Он признал, что уже тогда наши летчики испытывали большие трудности в боях при встрече наших устаревших истребителей И-16 с немецким истребителем Ме-109. Я так понял: 1937 и 1936 годы были упущены, и только в 1939 году были даны указания на проектирование новых самолетов. Вот почему – опоздав с этим – мы не успели к войне обновить авиапарк.

Остряков оказался приятным собеседником. Он оставлял хорошее впечатление о себе и знанием своего дела, и манерой обращения с людьми – скромный до застенчивости, вежлив и остроумен. Пробыли мы с ним полдня (до этого я не видел его – он недавно назначен), а какой глубокий след в моей памяти он оставил на всю жизнь. Потеряем мы его скоро – он погибнет в Севастополе. До сих пор черноморцы, и не только авиаторы, вспоминают его теплым и добрым словом. Вскоре я узнал, что он втайне, в нарушение запрета частенько поднимался в воздух на истребителе, чтобы схватиться с вражескими самолетами. А вот погибнет он на земле, при налете вражеской авиации. Да, такое часто случается с асами – в воздухе они менее уязвимы. Наградой Острякову будет посмертное присвоение звания Героя Советского Союза. Севастопольцы увековечат память о нем, назвав одну из улиц именем Николая Алексеевича Острякова. Севастополь сражался, истекал кровью и требовал от нас повышенного внимания. А ходить туда стало все труднее. Противник пришел к выводу: одними штурмами с суши трудно взять Севастополь, надо пресечь питание Приморской армии живой силой, боеприпасами, оружием, продовольствием. И с этой целью началась блокада Севастополя с моря подлодками, торпедными катерами и самолетами: торпедоносцами и пикировщиками.

В первые месяцы сорок второго нам удалось еще послать грузовые суда с войсками и снабжением, и в их числе ходили «Судком», «Райкомвод», «Красная Молдавия», «Одесский горсовет», «Работник», «Земляк», «Тракторист», «Делегат», «Игарка», «Рот Фронт», «Новороссийск», которыми командовали

Л.И. Долголенко, Л.Ф. Школенко, В.М. Адамов, Ю.А. Дудэ, И.К.Омельянов, Н.В. Хухаев, Н.В. Фомичев, В.Г. Попов, К.С. Гораненко, М.И. Родионов, В. Субботин, Руднев, Ботто, Я.Р Шульга, а механиком у него был Г.О. Третьяк. С большим искусством под ударами авиации и торпедных катеров они прорывались в Севастополь. Для их охранения на переходе задействовали все эсминцы эскадры и были привлечены севастопольские тральщики под командованием А.М. Рацнера, А.М. Кроля, В.В. Гусакова, Г.П. Кокка, Г.С. Вартоша, а командирами конвоев ходили комдивы тральщиков и малых охотников В.Я. Янчурин, А.П. Иванов, Г.И. Гнатенко.

Чуть позже в Севастополь успели проскочить и вернуться: «Украина», «Василий Чапаев», «Черноморец» (капитаны – П.А. Доловков, В.В. Анистратенко, С.А. Перлов). А вот следующим уже не удалось. Утоплен «Ян Томп» (капитан А.Г. Алферьев). Был подбит танкер «Куйбышев» (капитан В.Г. Собко). Погиб «Чапаев» вместе со своим отважным капитаном А.И. Чирковым. Андрей Иванович еще в Одессе показал свои бойцовские качества, особенно в последний день эвакуации. Он шел к нам в Одессу последним и знал, что в наступающую ночь мы оставляем Одессу и что на счету каждое судно, и что его судно очень нужно нам для вывоза войск. Поэтому он решился на отчаянный поступок – прорываться в Одессу в дневное время. А это запрещалось делать специальным приказанием по флоту, которое гласило, что в операционной зоне Одесской базы можно плавать только ночью, иначе утопят вражеские самолеты, постоянно рыскающие здесь днем, – что и происходило со всеми, кто нарушал это приказание, пытаясь пройти к нам днем. Чирков думал так: если он переждет, дождется темноты для перехода в Одессу, то он опоздает и предназначенные ему войска останутся без судна. Руководствуясь высшими интересами, Чирков решил испытать военное счастье, а оно, как известно, строгое и капризное. И он пренебрег личным благополучием, жизнью, во имя высокой цели поднял предназначенные ему войска. И начал дневной прорыв в Одессу, а цена этому – жизнь экипажа и прежде всего капитана. В 3 часа дня он вошел в Одесский порт, ошеломив всех находившихся в порту своей безумной храбростью, ибо еще никому не удавался дневной прорыв. Краешком тогда обошли «Чапаева» вражеские самолеты, не заметив его. Это я отношу к военному счастью, ничем не объяснимому, относящемуся к причинной случайности. Вечером Чирков принял свои войска и своевременно покинул Одессу.

Вот и теперь Чирков оставался верен себе. Несмотря на жестокие атаки вражеской авиации, он прорывался с Кавказа в

блокированный Севастополь. А когда поврежденное судно начало тонуть, Андрей Иванович, следуя веками освященным традициям и морским законам, не сошел с капитанского мостика и погиб, а часть экипажа была спасена судами охранения. В Аллее Славы парка Шевченко в Одессе увековечен подвиг славного капитана Андрея Ивановича Чиркова памятной доской. В конце апреля начальник штаба флота контр-адмирал И.Д. Елисеев сообщил нам свое решение: в связи с усилением противником блокады Севастополя с моря авиацией и торпедными катерами и уменьшением ночного времени грузовые тихоходные транспорта не направлять в Севастополь с боеприпасами и грузами, а использовать только быстроходные пассажирские теплоходы. А их осталось мало: помимо двух крупных – «Абхазия» и «Грузия» (капитаны М.И. Белуха и В.А. Габуния) – еще несколько средних, и среди них «Сванетия» и «Чехов», которыми командовали И.С. Беляев и З.В. Соболев.

Но не только на переходах гибли суда. Противник, штурмуя Севастополь с суши, приблизился с севера к Северной бухте и усилил артобстрел кораблей в бухтах, а с воздуха приступил к полному разрушению города и, прежде всего, уничтожал все, что было на воде. Были потоплены почти все плавсредства, в том числе и мощные буксиры СП-3 и СП-5, которыми командовали Г. Фалько и В.С. Ершов. А когда в Севастополь были посланы с боеприпасами быстроходные теплоходы «Абхазия» и «Грузия», под командованием М.И. Белухи и М.И. Фокина, то они, охраняемые эсминцами «Бдительный» и «Сообразительный» (командиры А.Н. Горшенин и С.С. Ворков) и тральщиками К.С. Белокурова, И.В. Коровкина и В.И. Царевского, на переходе отбились от врага, а в Севастопольской бухте были потоплены массированными ударами авиации противника.

Еще в январе наши войска были выбиты противником из Феодосии. И Крымский фронт держал оборону у основания Керченского полуострова. Огромную массу войск надо было питать пополнением, оружием, боеприпасами, и флот организовал мощную морскую коммуникацию в Керчь. И сюда пошли и крупные, и малые суда, среди них «Адлер», «Червоный казак», «Кубань», «Петраш», «Егурча», «Севастополь», «Сызрань», «Днепр», «Буг», «Стахановец», «Белобережье», «Спартаковец» и танкера с горючим. Под непрерывными ударами авиации противника их водили С.А. Бублик, В.В. Белоконенко, И.А. Кожухарь, Ф.С. Буров, Г.И. Рослик, Э.П. Амеров, А.Я. Божченко, Н.П. Говоренко, Д.Л. Шквыря, С.В. Котляров, В.А.Калинин, В.Ф. Кудинов, И.Г. Шонин, К.Т. Ильченко, Г.Т. Яковлев. В охранении этих транспортов задействовали все малые охотники дивизионов

К.Н. Самойлова, Г.И. Гнатенко, П.И. Державина Потийской и Туапсинской баз, под командованием старших лейтенантов Г.А. Акимова, В.П. Бондарева, А.М. Ванина, А.И. Закииного, М.Ш. Кауфмана, Ф.И. Коренного, Я.Ф. Неверова, Я.В. Портянко, Н.М. Рудмана, В.М. Торопкова.

Я просто перечисляю наименования судов и кораблей, их капитанов и командиров, не имея возможности описать каждый их поход, на это потребуются тома. Это был сплошной бой-поход, полный драматизма на всем пути следования конвоев, и надо уметь представить себе морскую специфику такого боя. В трюмах судов тысячи тонн боеприпасов, а на палубах войска – люди со всеми их переживаниями, не могущие применить себя в этом бою, они созерцали все происходящее, будучи не способными ничем помочь. А часто при взрыве бомбы у борта их окатывало водой и засыпало осколками, и они инстинктивно шарахались к другому борту, и экипажу судна, отстреливаясь, приходилось успокаивать людей и руководить этой тысячной массой. Совсем трагично было, когда от судно тонуло. Тогда море становилось братской могилой неизвестных солдат и матросов. Конечно, не с каждым судном такое случалось, большинство было доставлено по назначению без потерь.

Уже длительное время все мы находились в ожидании: вот-вот наши войска Крымского фронта с Керченского полуострова и Приморской армии от Севастополя поведут наступление с целью изгнания врага из Крыма.

И вдруг в середине мая приходит печальное сообщение: противник сильным ударом взломал оборонительные рубежи Крымского фронта и начал теснить наши войска к Керченскому проливу.

С большим напряжением, с немалыми потерями Черноморский флот блестяще провел Керченско-Феодосийскую операцию, осуществив высадку многочисленных десантов, отмеченных благодарностью Ставки; затем были созданы морские коммуникации, перевезена огромная масса войск 44, 51, 47-й армий с вооружением, техникой, боеприпасами, продовольствием, для чего были мобилизованы все силы и средства флота, пароходства и гражданских организаций, вплоть до рыбацких сейнеров. А теперь, похоже, все это пошло прахом. Видно, некоторые наши военачальники только начинали учиться воевать. Да только наука такая дорого нам обходилась – большой кровью.

Меня экстренно вызвали на ФКП флота в Геленджик, приказав взять с собой справочные данные по составу и состоянию сил и средств базы. Я так понял, что речь будет идти о

питании Севастополя, помощи Крымскому фронту, в том числе и эвакуации войск через пролив, а также об обороне базы. Так оно и было. Там я ознакомился с плачевным положением войск Крымского фронта, требовалось вновь поднять все малые средства и направить в Керченский пролив для обратной перевозки войск. И в Поти я послал приказание своему заместителю капитану 3-го ранга С.П. Петрову немедленно высылать катера и рыбацкие сейнеры.

Наштафлота Елисеев дал указание, что отныне основные перевозки в Севастополь будут осуществлять корабли эскадры, только они пока способны прорываться туда. И предупредил, что в ближайшее время задействуют подлодки для доставки в Севастополь боеприпасов, продовольствия и горючего, а чтобы выполнять совершенно необычную для них задачу, уже даны указания для их переоборудования.

Мне были даны подробные указания о совершенствовании ПВО базы, так как нужно ожидать налетов вражеской авиации на Поти с крымских аэродромов.

Возвращаясь через Туапсе, я навестил своего бывшего командира по Одессе контр-адмирала ЕВ. Жукова, который сейчас командовал Туапсинской базой. Мы вспомнили Одессу, защитой которой мы оба гордились. Он рассказал о боях под Севастополем. Расчувствовавшись, Гавриил Васильевич подарил мне нашу общую с ним фотографию, написав на ней: «Боевому другу товарищу Деревянко – в память об Одесской эпопее. Жуков. 16.06.42». Храню эту дорогую для меня реликвию, памятуя о том, что Г.В. Жуков всегда и у каждого воина высоко ценил прежде всего боевые качества, что своих фотографий с дарственными надписями зря не раздавал.

Вскоре мне довелось участвовать в Кутаиси и Сухуми в военной игре на картах с армейскими товарищами Закавказского фронта, связанной с возможной обороной Закавказья. После игры была проведена полевая поездка, точнее – горная.

Разбившись на две группы, мы двинулись к Кавказскому хребту.

Наша группа остановилась в селе Омаришара (у начала подъема на хребет), дальше на машинах ходу не было. Другая группа на повозках и верхом на лошадях двинулась на Клухорский перевал.

То, что я испытал на себе, увидел своими глазами, убеждало меня: даже здесь, в высоком предгорье, можно надежно обороняться и держать крепко рубежи, оседлав дорогу и тропы. Через три месяца это подтвердит весь ход событий. Что касается самого Клухорского перевала, то там, как мне показали на карте

и рассказали вернувшиеся с перевала, можно одним усиленным батальоном с пулеметным взводом и двумя батареями малокалиберных пушек отбить любую вражескую силу. Ведь с одной стороны гора, а с другой – ущелье. Только в дополнение надо своих людей еще посадить на нависающую над перевалом гору, так как она может оказаться подвластной солдатам горной части противника.

Изучив тогда на сухопутных картах Кавказский хребет, я увидел немало перевалов, проезжих на повозках и вездеходах, много проходов для вьючных лошадей и большое количество людских троп. Кавказские народности издавна и интенсивно общаются через хребет. Я пришел к глубокому убеждению, что Кавказский хребет – это не каменный щит, за которым можно просто в безопасности отсидеться, пребывая в беспечности и лености. Правда, это надежный рубеж обороны, подаренный природой, труднопробиваемый, при одном условии, что все перевалы, проходы, тропы заняты горными войсками с техникой, а на них усердно работает маленькое неприхотливое животное – ишачок, он все доставляет к перевалу: и боеприпасы, и продовольствие, и пушки в разобранном виде, а с перевала увозит раненых.

Короче: блокировать перевалы, проходы в обороных целях не составляет никакого труда даже небольшой армии в 5–6 дивизий, все зависит от сноровки и чувства долга, начиная от командующего до командира взвода, при наличии обученных командиров взводов, рот и батальонов сражаться в одиночестве, на изолированных участках, полагаясь только на свои резервы, ибо подать резервы с других участков невозможно, да и выдвинуть из тыла сложно.

Тогда я не допускал мысли, что сюда пустят врага, а с учетом возможности надежного удержания перевалов и проходов я и вовсе находился в состоянии покоя и благодушия: наша армия не подпустит врага к перевалам. Когда я по возвращении доложил командиру базы о результатах игры и горной поездки и поделился своим мнением о неуязвимости перевалов, он не то чтобы опровергнул мой розовый оптимизм, а как-то уклончиво проговорил: поживем – увидим, противник опять берет инициативу в свои руки.

По приказанию Октябрьского, переданному Елисеевым, мы отправили из Батуми в Севастополь 9-ю морскую стрелковую бригаду полковника Н.В. Благовещенского на крейсере «Ворошилов» (командир – Ф.С. Марков) и на эсминцах «Сообразительный» и «Свободный», которыми командовали капитаны 3-го ранга С.С. Ворков и П.И. Шевченко. Отбив все

торпедные атаки противника, отряд кораблей благополучно доставил бригаду и в ту же ночь покинул Севастополь, забрав раненых. Филипп Савельевич Марков, как всегда, и здесь проявил новаторство. Он правильно определил, что главной опасностью для крейсера являются самолеты-торпедоносцы – их труднее всего отражать: они атакуют в утренних и вечерних сумерках, заходя с темной половины горизонта, подходят к цели на высоте 100 метров и с расстояния 1000 метров каждый выпускает по две торпеды. Обнаружить их очень трудно. Ночью лучше всего наблюдать, находясь как можно ниже, – ближе к воде, земле. С высокого мостика крейсера ночью самолеты не обнаружишь. По приказанию Маркова на палубу с обоих бортов были уложены матросы для наблюдения лежа за самолетами с винтовками, заряженными патронами с трассирующими пулями. При обнаружении самолета наблюдатель открывал огонь в его направлении для целеуказания. Это гарантировало своевременное открытие артогня по самолету и осуществление командиром маневра уклонения от самолета и сброшенных торпед, это нововведение было принято и на других кораблях и судах, хотя там тоже уже начали применять нечто похожее.

Наши части Крымского фронта оставили Керченский полуостров и переправились через Керченский пролив на Таманский полуостров. И не солдат, командир и политработник тому причиной. Уже дважды за полгода флоту пришлось заниматься эвакуацией из Крыма через пролив наших войск, в большой спешке, с большими потерями; и в первом, и во втором случае нашим командующим и их штабам не хватило мастерства и организаторского таланта, чтобы искусно удержать очень удобные рубежи на Акмонайских позициях и Турецком валу для обороны Керченского полуострова или организовать оборону Керчи по примеру Одессы и Севастополя, имея в тылу надежные морские коммуникации через пролив.

Сразу же эту беду с потерей Керченского плацдарма почувствовал на себе Севастополь. Освободившиеся войска противника от Керчи были переброшены к Севастополю. И начался третий – июньский – штурм Севастополя с суши. А с моря его блокада самолетами, торпедными катерами и подлодками настолько стала жесткой, что теперь уже каждый переход в Севастополь считался не просто боевым походом, а прорывом блокады. Это были поистине огненные рейсы боевых кораблей на борту с войсками и боеприпасами. В прорыв ходили корабли эскадры. И несли потери. В Севастопольской бухте массированным ударом авиации был потоплен новый эсминец «Свободный» (командир – капитан 3-го ранга П.И. Шевченко).

После этого в Камышовой бухте (у Херсонеского мыса) был оборудован причал, и к нему начали принимать корабли.

Если в апреле корабли совершили 18 прорывов в Севастополь, то в мае уже 22, а в июне – 28. Это были полные драматизма переходы на полных ходах, с форсированием котлов и турбин и в непрерывных боях. По выходе из Новороссийска и Туапсе, чтобы подальше обойти Крым, корабли уходили на юг, затем следовали на запад, а выходившие из Поти и Батуми сразу шли на запад. Перед вечером поворачивали на север к Севастополю, чтобы в полночь прибыть туда – выгрузиться, принять раненых, одновременно нанести контрудар по врагу – и через 2 часа уйти, стремясь к рассвету подальше оторваться от берега на юг. Все это помогало, но не спасало. Уже по выходе из кавказских портов наши корабли обнаруживались самолетами-разведчиками противника, летавшими над всем морем, они по радио вызывали своих бомбардировщиков, и те бомбили корабли весь день. С наступлением сумерек атаковали самолеты-торпедоносцы, а у Севастополя ночью атаковали торпедные катера. При возвращении – картина повторялась в обратном порядке. И, несмотря ни на что, моряки прорывались в обложенный со всех сторон город, доставляя пополнение и боеприпасы истекавшей кровью армии, сражавшейся уже в городских кварталах. Да, так надо было, так требовали высшие интересы, ибо каждый день обороны Севастополя в июне сорок второго означал задержку большой вражеской армии под Севастополем, так нужной гитлеровскому командованию для начала летнего наступления на юге к Волге и на Кавказ.

Вслед за «Ворошиловым» уже в июне в Севастополь прорвался крейсер «Красный Крым», ведомый своим отважным командиром Александром Илларионовичем Зубковым. Для старого крейсера – это подвиг. А то, что он за последние месяцы совершил 10 рейсов туда и столько же обратно, отбился и остался невредим, – это уже величайшее мастерство и героизм всего экипажа и его командира. За ним дважды прорвался еще один крупный корабль – новый крейсер «Слава», под командованием капитана 1-го ранга М.Ф. Романова. Но этого спасли и мастерство, и героизм, и мощное зенитно-артиллерийское вооружение с автоматическим управлением, и конечно же большая скорость. Что вы хотите: на испытаниях показал ход 35 узлов. Стремительный маневр уклонения от ударов многое значил. И вот тут героями становились люди электромеханической боевой части – они выжимали из котлов и турбин сверхвозможное. Тяжек их ратный труд. Никогда они не знали покоя. В бою и походе на горячих вахтах у машин. А придут в базу – всем отдых, а они за ремонт

машин. Когда в бою корабль получал пробоину, они первыми бросались спасать его, а приходило время спасения уже только экипажа, то по приказу «покинуть корабль» они из чрева корабля поднимались последними, вместе с теми, кто работал в артпогребах, и печальное шествие замыкал командир корабля, а чаще они разделяли судьбу командира, остававшегося на мостике до того рокового момента, за которым следовало мгновенное опрокидывание корабля, при котором редко кто спасался. Так было со многими. Так погиб эсминец «Смышленый» и его славный командир В.М. Шегула с большей частью экипажа. А впереди нас ожидало еще худшее.

Конечно, не все корабли, прорывавшиеся в Севастополь, гибли или получали тяжкие повреждения. Есть же на войне кроме мастерства, героизма и хорошего оружия еще и такая штука, как военное счастье, когда угроза, гибель по необъяснимым случайностям краем обошли. Сторожевой корабль «Шквал» – мой дорогой «Шквалик», которым я командовал четыре года назад, а теперь им командовал капитан-лейтенант В.Г Бакарджиев – имел максимальный ход 29 узлов и слабое зенитное вооружение, но он благополучно прорвался в Севастополь с подкреплением и возвратился с ранеными невредимым. И не когда-нибудь, а 20 июня, за две недели до окончания обороны Севастополя, в самый жестокий период блокады города. То же произошло и с некоторыми другими кораблями.

Безусловно, тут помимо всего прочего срабатывало военное счастье, оно из многого складывается: тут и нелетная погода – туман, низкая облачность с дождем; и краем обошли самолеты, не заметили; и удачное попадание во вражеский головной, командирский самолет; и рассеивание бомб; и бомба не взорвалась, упав рядом; и множество других закономерностей и случайностей – причинных и беспричинных, – которыми полна война. И все же военное счастье чаще посещает того, кто опирается на науку, усердно готовит экипажи и содержит их в надлежащей готовности. Тогда закономерности войны будут на нашей стороне, а счастливый случай – да будет нам наградой за усердие в ратном труде, дополнительным вознаграждением за отличную выучку.

Так оно и произошли со многими. Эсминцы «Сообразительный» и «Бойкий», которыми командовали С.С. Борков и Г.Ф. Годлевский, совершили 5 удачных рейсов в Севастополь; эсминец «Незаможник» под командованием П.А. Бобровникова – 7 рейсов; лидер «Харьков» (командир – П.А. Мельников) – 8 рейсов; а эсминец «Свободный» (командир – П.И. Шевченко) погиб на десятом рейсе в Севастопольской бухте,

будучи лишен маневра уклонения. Ведомый капитаном 3-го ранга А.Н. Горшениным эсминец «Бдительный» 11 раз благополучно прорывался, а в июне побил рекорды: с 5-го по 25-е, за 20 суток совершил шесть прорывов туда и шесть обратно, под непрерывными круглосуточными ударами врага. Это было чудовищным перенапряжением физических и моральных сил, которое могли вынести только советские воины. В эти дни все котлы находились под парами, стоянка длилась столько, сколько требовалось на погрузку и разгрузку (2–3 часа), и в это время турбины держались прогретыми, а у пушек – комендоры в готовности. В прорыв ходили форсированными скоростями, когда стрелки манометров на котлах часто заходили за красную черту, в водотрубных котлах деформировались трубки. И непрерывный бой. Прямо скажу: в севастопольской эпопее «Бдительный» оказался прямо заговоренным, везучим кораблем – тут и мастерство, и героизм, и военное счастье.

Но все рекорды побил лидер «Ташкент». У него было больше шансов на выживание, чем у кого-либо. Чего вы хотите – на испытаниях развил скорость 44 узла («Харьков» – 42 узла). С такими скоростями сейчас не строит корабли такого тоннажа ни одна страна мира. Вооружение мощное и новое, с автоматическим управлением, с таким экипажем, да с таким командиром – они уже опалены огнем в боях за Одессу и Севастополь. «Ташкент» совершил 18 рейсов с войсками и боеприпасами и столько же обратно с ранеными. Из них пять огненных прорывов в июне. И был в Севастополе последним – 27 июня. И уже не заходил в Севастопольскую бухту, так как ее северный берег был в руках противника. Он швартовался к шаткому причалу в Камышовой бухты. А входить в нее и выходить ночью мог только такой ас, как В.Н. Ерошенко, командовавший лидером.

Василий Николаевич – интереснейшая личность. Он – частичка истории Черноморского флота. Его, как героя войны, знал весь флот. Но на флоте не было двух других, так знавших друг друга, как я и он, на протяжении сорока лет. И мне хочется сказать о нем слово.

Мы – земляки, с Кубани. Близко сошлись в училище. Вместе служили на Черноморской эскадре. В бытность мою начальником штаба бригады эсминцев он последовательно командовал четырьмя кораблями. Его служба проходила на моих глазах до войны и в ходе ее. А так как человек он бесхитростный, непотаенный – чуждый скрытности, интриганству, честолюбию и душа у него нараспашку, то все ее жизненные извилины были у всех на виду, а мне знакомы в подробностях. Он обладал широкой гаммой воинских и человеческих добродетелей: железная воля,

безумная храбрость, мастерство, вера в непогрешимость приказов начальников, властность, правдивость, бескорыстие. Вне службы мог расслабиться и дать волю своей широкой натуре. На многое имел собственное мнение и во многом жил своим умом. К умным и волевым людям тянулся, и мог с ними крепко сдружиться. Но упаси вас бог покуситься на его профессиональное достоинство. По этой части с ним надо было обращаться деликатно.

Он беззаветное служил Родине, не щадя своей жизни. И это он пронес через всю войну. Комиссар эскадры В.Н. Семин доносил начальнику Главполитуправления ВМФ И.В. Рогову: Ерошенко – стойкий большевик и сильный командир. Да, могу подтвердить: В.Н. Ерошенко – жизнеутверждающая натура, эталон флотского командира.

Василий Николаевич не подходил для службы в штабах, его стихия – командирский мостик и море. Он командовал надводными кораблями почти всех классов, от тральщика до крейсера. В искусстве управления маневрами корабля он шел на флоте вслед за Зубковым, и в этом наступал ему на пятки. И такой же – колдовской – морской глазомер.

Восторженно описываю моих любимых главных героев: Зубкова, Ерошенко, Маркова, а вспоминаю всех командиров кораблей и соединений, с которыми я прошел войну, и поминаю в своей книге добрым словом: Фадеева, Болтунова, Соловьева, Крестовского, Зиновьева, Бутакова, Грозных, Воркова, Бобровникова, Горшенина, Годлевского, Козлова, Шегула, Буряка, Державина, Гнатенко. В них, как и в других командирах тральщиков, подлодок, торпедных катеров, «охотников», а также авиаторов, береговых артиллеристов, зенитчиков, морских пехотинцев, меня покоряли преданность долгу, мастерство, отвага и другие добродетели, перед которыми снимешь шапку.

О последних походах в Севастополь «Ташкента» и «Безупречного» мы получили обширную информацию, а еще больше рассказал В.Н. Ерошенко по прибытии в Поти, вступив в командование крейсером «Красный Кавказ».

Доставив в Камышовую бухту стрелковый батальон и боеприпасы, «Ташкент» принял на борт более 2000 раненых, женщин и детей, а также национальную реликвию – полотно художника Рубо из Севастопольской панорамы, и в ночь на 27 июня вышел в Новороссийск. С утра начались атаки вражеской авиации. Корабль развил ход около 40 узлов, и командир непрерывно совершал маневр уклонения от самолетов. Артиллеристы вели беспрерывный огонь, пушки раскалились так, что их пришлось поливать водой. Бомбы рвались вокруг корабля. А он, как заколдованный, стремительно шел сквозь строй

водяных свечей, поднятых разрывами бомб. Водопады вместе с осколками обрушивались на палубу, забитую беспомощными пассажирами. А самолеты шли и шли волнами в надежде, что теперь-то от них не уйдет «голубой крейсер», как прозвали «Ташкент» не раз бомбившие его немецкие летчики (ведь их радиопереговоры прослушивались нашими корабельными радистами). Рекомендую почитать интересную книгу В.Н. Ерошенко «Лидер». От разорвавшихся вблизи бомб корабль получил пробоины, и вода стала поступать внутрь корабля и распространяться по кораблю. А последнее – самое страшное, пострашнее, чем сама пробоина. Корабль уже принял около 1000 тонн забортной воды. Увеличилась осадка и дифферент на нос. Резко упала скорость хода – до малого. А это чрезвычайно опасно – за этим, как правило, следовало добивание. Корабль шел и медленно тонул. А до Новороссийска еще не близко. Среди пассажиров смятение, и они сотнями шарахаются от одного борта к другому при очередных взрывах бомб вблизи, а это очень опасно при большой потере запаса плавучести и начальной остойчивости корабля. Невесело на душе и у личного состава. Наступил критический момент, когда многое зависит от личного поведения командира корабля, его властности, принимаемых решений и разумности отдаваемых приказаний в кризисных ситуациях (это я помню по себе, когда на сторожевике попал в жестокий 11-бальный шторм в центре моря и вышло из строя рулевое устройство и корабль начало дрейфовать к турецким берегам). Стоит дрогнуть нервам командира, проявить признаки растерянности и начать подавать неуверенные неумные команды, считай, все пропало. Кончилась твоя власть над людьми, распространится растерянность, и, считай, конец кораблю.

И вот в кризисной обстановке наш умница Вася Ерошенко, донеся командованию в Новороссийск о состоянии корабля, применяет чудодейственный психологический прием. Приказал вестовому принести его новый китель с только что полученным за Одессу и Севастополь орденом Красного Знамени – снял рабочий и надел его. В паузах боя его примеру последовали офицеры и матросы, находившиеся на мостике.

А с палубы уже давно все – и пассажиры, и матросы – поглядывали на мостик: а как там ведет себя командир? А Ерошенко у них на виду, он в движении и постоянно появляется то на правом, то на левом крыле мостика. И когда его увидели «при полном параде», у всех отлегло, люди даже перестали шарахаться от взрывов бомб. Он не только продолжал подавать властные команды, но и всем своим внешним видом и обликом показывал свою твердость духа и волю к победе.

И вот тут уместно вспомнить слова Ф. Энгельса: «Как нельзя более очевидна необходимость авторитета – при том авторитета самого властного – на судне в открытом море. Там в момент опасности жизнь всех зависит от немедленного и беспрекословного подчинения всех воле одного». Точно сказано; в том огненном прорыве судьба «Ташкента» и людей, добавлю, зависела от ума и воли командира, моральной стойкости и мастерства экипажа.

А тем временем налеты вражеской авиации и бой с ней продолжались. Немецкое командование, видно, решило добить корабль и бросило на него всю свою авиацию, которая базировалась совсем близко, на крымских аэродромах, и самолеты могли перезаряжаться и вновь вылетать на бомбежку. Уже четвертый час длится неравный бой «голубого крейсера» с целой, по нашим меркам, авиационной дивизией. 90 самолетов сбросили на корабль более 300 бомб, и ни одна – в корабль. Вот оно, искусство маневра уклонения по-ерошенковски и мастерство экипажа. И конечно же, тут не обошлось без военного счастья.

И в конце концов происходит чудо, каких немало на войне, ибо есть непознаваемые наперед тайны войны, непредсказуемые явления, события случайного характера. Одной из последних бомб противник достиг-таки попадания в лидер. Но как! Бомба ударилась о лапы якоря, втянутого в полуклюз, и, не взорвавшись, скользнула за борт в воду. Все ахнули! А молоденький лейтенант воскликнул: «Да после такого обидно будет не дожить до победы!» Вот оно какое бывает военное счастье. В данном случае – не сработал взрыватель.

За спасение корабля, принявшего более 1500 тонн воды, боролся весь личный состав и особенно аварийные подразделения под руководством инженер-механика П.П. Сурина, помощников командира И.И. Орловского и О.К. Фрозе, комиссара Г. А. Коновалова и главного боцмана С.Ф. Тараненко. С помощью распорок и специальных устройств были укреплены и загерметизированы переборки и пресечено распространение воды по кораблю из затопленных отсеков в сухие. А это в борьбе за непотопляемость корабля является главным условием успеха – кто приостановил распространение воды по кораблю, то этим приостанавливает и ее поступление в корабль, то есть победил воду и спас корабль.

Навстречу лидеру вылетели истребители для прикрытия, на пределе радиуса своих действий, подошли эсминцы, сняли пассажиров, взяли лидер на буксир. Прибыло под командованием Л.А. Романова спасательное судно «Юпитер» с начальником аварийно-спасательной службы флота С.Я. Шахом, и они

помогали заделывать пробоины и откачивали воду.

В поединке с вражеской авиацией «Ташкент» вышел победителем.

Так закончился легендарный прорыв из Севастополя героического корабля.

Восхищенный подвигом «Ташкента» командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С.М. Буденный прибыл на борт корабля и поздравил личный состав с победой. По его представлению весь экипаж лидера – более 360 человек – был награжден орденами и медалями, В.Н.Ерошенко был удостоен высшей награды – ордена Ленина.

Одновременно с «Ташкентом» в Севастополь прорывался эсминец «Безупречный». Он уже девять раз ходил в Севастополь а в июне совершил пять прорывов и чудом уцелел, отбившись от самолетов и торпедных катеров на пределе возможностей, ибо к концу июня морская блокада Севастополя стала особенно плотной. А тут на корабле начали сдавать механизмы, требовался срочный ремонт и чистка котлов. Так долго испытывать военное счастье нельзя было. Но кому-то надо было идти с подкреплением. Пришла очередь «Безупречного». Я хорошо знал этот корабль и до мельчайших подробностей помню то воскресенье 1939 года, когда на нем, в присутствии комфлота Октябрьского, впервые поднимался Военно-морской флаг СССР – вновь построенный корабль вступал в строй Черноморского флота. Тогда Филипп Сергеевич, обращаясь к личному составу эсминца, сказал: «Имя вашего корабля обязывает вас к большому усердию по службе».

И сейчас, готовясь к прорыву на корабле, многие знали, что наступает развязка и, похоже, это последний поход.

Перед выходом из Новороссийска офицеры посоветовали командиру корабля Петру Максимовичу Буряку не брать в этот крайне опасный поход своего сына Володю, плававшего на корабле в качестве юнги, но не по приказу командующего флотом, а с разрешения командира соединения – он не числился в составе экипажа, хотя действовал в орудийном расчете. Он мог ходить в походы, а волен был оставаться в Новороссийске с матерью. Да разве таких удержит мир и покой, и Володя рвался в бой. Командир эсминца «Сообразительный» Сергей Ворков упрашивал своего друга Петра Буряка: отдай мне твоего сына на наш корабль, если суждено одному погибнуть, то другой, может, выживет. Нет, отвечал Буряк, пусть сперва у отца поучится, а потом посмотрим. А своим офицерам он резонно ответил: если я поступлю по вашему совету и оставлю сейчас сына на берегу, то что подумают матросы: выходит, нас посылают на верную

погибель, нет, мой сын пойдет со мной в интересах дела. Петр Максимович, хороший психолог, просвещенный человек, понимал значимость морального фактора именно в этом прорыве. И при его политическом кредо и не могло быть другого решения. Он пошел на смертельно опасный риск потерять единственного сына. А Володя, узнав, что о нем идет разговор, запротестовал: только в поход – так велит честь его и отца. Ничего не могла поделать и мать, Елена Тихоновна; да она давно смирилась с рискованной, опасной службой сына.

Приняв пехоту и боеприпасы, эсминец «Безупречный» пошел в прорыв. На исходе дня 26 июня к югу от Ялты начались атаки вражеских самолетов. Это был хорошо спланированный массированный удар пикировщиков с продуманным тактическим приемом: одновременная атака с различных направлений, чтобы ограничить возможности маневра и огня корабля. Несмотря на форсированную скорость (а на испытаниях новые эсминцы показали скорость 38 узлов) и интенсивный огонь корабля, он получил несколько попаданий, разломился и затонул.

Это был неравный бой одного корабля, не прикрытого своими истребителями (они сюда не доставали с Кавказа), с большим числом пикировщиков, только что появившихся здесь со Средиземного моря, где они набили себе руку в атаках по кораблям английского флота. Через три дня проходившие наши подлодки и катера подобрали трех членов экипажа эсминца – И. Миронова, Г. Сушко и И. Чередниченко. Они и поведали, как могли, о разыгравшейся драме. Большинство людей погибло сразу. Часть оказалась за бортом. Фашистские мерзавцы из немецкого люфтваффе, попирая честь и законы войны, снижали свои самолеты до бреющего полета и расстреливали тех, чье право на спасение освящено веками. Оставшиеся в живых плавали в мазуте, вытекшем из корабля, под палящим июньским солнцем и погибали мучительной смертью. Володя Буряк, выброшенный взрывной волной за борт, долго, пока не иссякли его силы, искал и звал отца. Но ведь тот, как человек высокого долга, остался там, где повелевали ему честь и закон, и он разделил участь оставшихся на корабле.

По взаимному уговору отец взял юного единственного сына в опаснейший бой-поход, шансы на выживание в котором заведомо были ничтожны. Этот подвиг можно сравнить с подвигом генерала Раевского в 1812 году, когда он с юными сыновьями бросился в атаку впереди дрогнувших было его мушкетеров. Но то была легенда, в основе которой лежала уточненная поэтом Батюшковым правда. А сейчас – это чистая правда, засвидетельствованная историей и скрепленная смертью отца и

сына.

Тихо, без рисовки, в боевых хлопотах и заботах об укреплении боевого духа экипажа, Петр Буряк совершил свой исторический подвиг – подвиг воина и отца, схожих с которым нет в истории войн.

Трагична, но полна благородства и самопожертвования судьба экипажа «Безупречного», его доблестного командира и его сына, славных защитников городов-героев Одессы и Севастополя.

Героический подвиг «Безупречного», Буряка-отца и его юного сына Володи всегда будет владеть умами людей, ищущих истоки возвышенных побуждений во имя великих свершений, ибо эти побуждения обладают всемогущей притягательной силой и служат воспитанию гражданственности и патриотизма у людей всех возрастов и всех профессий в ратном и мирном труде во все времена.

Вместе с кораблями эскадры для питания Севастополя были задействованы десятки подводных лодок бригад Болтунова и Соловьева. Они доставляли боеприпасы, горючее, продовольствие. И для них нелегок был туда путь: их преследовали авиация и охотники за подлодками. Но они ходили до последнего дня обороны Севастополя.

Все мы в Поти, кто до последнего дня помогал Севастополю войсками и боеприпасами, кто был посвящен в севастопольские дела, тяжело переживали горькие сообщения о последних днях героической борьбы защитников города.

В полдень 1 июля ко мне внезапно прибыли начальник связи базы майор Г.Л. Мясковский и его помощник майор В.Ф. Есипенко с экстренным сообщением: севастопольская радиостанция командования флотом внезапно прервала работу и на многочасовые наши вызовы не отвечает.

Все ясно: с Севастополем – все кончено.

Приходилось встречать суждения о якобы имевшей место эвакуации частей, оборонявших Севастополь. Нет, не было из него такой вот эвакуации, как из Одессы, – она была уникальна, заранее спланирована, с вывозом из Одессы всех до единого воина.

Согласно требованиям Ставки Севастополь сражался до последнего снаряда и патрона, чтобы как можно дольше удерживать 11-ю немецкую армию у Севастополя – на максимально долгий срок, выигрывая каждый день. Поэтому-то туда до последнего дня посылались подкрепления. Даже если бы кто и решил эвакуировать войска, то в тех условиях – непрерывного штурма с суши и плотной блокады с моря, этого не удалось бы сделать: войскам не удалось бы оторваться от

противника, на отходе к берегу они были бы смяты и сброшены в воду, а эвакуирующие корабли с рассветом подверглись бы массированным ударам, если вообще им удалось бы дойти до Севастополя в требуемом количестве.

Как нам стало известно, Ставка разрешила вывезти руководителей обороны уже тогда, когда к Херсонесскому мысу были отброшены остатки разрозненных частей Приморской армии. Старшим начальником над ними был оставлен командир 109-й дивизии генерал-майор П.Г. Новиков, которого я знал по Одессе, как умного и отважного командира полка и дивизии, ушедшего из Одессы в числе последних на одном из концевых транспортов. Старшим морским начальником в Севастополе остался капитан 3-го ранга Д.К. Ильичев, мой товарищ по училищу и службе, отчаянной храбрости воин, жизнерадостный, никогда не унывавший человек, оптимист с ярко выраженным кредо биться с врагом до последнего дыхания. В его распоряжение наштафлота Елисеев направлял последние подлодки и малые корабли, подходившие вплотную к берегу, чтобы как можно больше вывезти людей. Многие вплавь добирались до этих кораблей. Ильичев, распоряжаясь посадкой, имел возможность уйти на последних кораблях, но он остался верен долгу: он сажал воинов и разделил участь оставшихся в последней схватке с врагом.

Генерал Петр Новиков и моряк Анатолий Ильичев, оказавшись в обстановке трагической необходимости возглавить остатки войск и завершить борьбу на маленьком плацдарме у Херсонесского маяка, находясь на грани жизни и смерти, вели себя с величайшим достоинством и погибли, не уронив чести, выполнив свой долг до конца. Они оставили в наших сердцах память о себе.

Еще две недели мы посылали из Поти в море гидросамолеты на поиск мелких судов, вышедших из Севастополя с людьми, но не дотянувших до наших портов, оставшись без топлива. И для их буксировки мы высылали корабли.

В числе прибывших мы не встретили нашего славного доктора Михаила Захаровича Зеликова, возглавлявшего медицину в Одессе и Севастополе. И его жене, другу нашей семьи, врачу Вере Шарутиной пришлось сообщать горькую весть. Не прибыл и мой бывший подчиненный инженер Анатолий Владимирович Щербаков, и его супруге Любови Осиповне, нашему семейному другу, также пришлось сообщать печальную весть. Щербаков перенес все муки ада гитлеровских лагерей, неоднократно убегал, наконец вырвался; и за храбрость в боях за Севастополь был удостоен ордена Красного Знамени.

В заключение повествования о героической севастопольской эпопее хочу высказать свое личное суждение о ее горестном исходе. Я никому его не навязываю, оно не в конфликте со здравым смыслом.

Как-то так получилось, что мы незаметно для самих себя начали считать, что длительная и успешная оборона Севастополя закончилась нашим поражением на суше. Это упрощение.

Мне, как моряку, сподручнее высказать несколько иное толкование причин и обстоятельств трагического исхода обороны города. Поражение в обороне Севастополя пришло с моря, а закончилось на суше. Оно произошло в результате плотной морской блокады Севастополя воздушными и морскими силами противника, нанесения массированных ударов по морским транспортам, как главному средству питания войск. В марте и апреле закончились походы в Севастополь грузовых судов, самых емких по вместимости, в начале июня погибли пассажирские экспрессы, а в конце июня уже не могли пробраться быстроходные боевые корабли. Несмотря на мощь нашего корабельного флота, наши морские коммуникации, пути которых пролегали вблизи берегов, занятых противником, были полностью прерваны. Приморская армия, при надлежащем пополнении и снабжении способная противостоять врагу, с апреля месяца осталась без регулярного пополнения живой силой, боеприпасами, продовольствием, горючим. Ни одна армия мира не продержалась бы и недели в такой ситуации, а советские воины бились еще два месяца. Никакие инъекции – доставка пополнения и снабжения боевыми надводными кораблями и подлодками – не могли помочь устоять нашим воинам, а только продлевали агонию. Противник, используя многократное, не поддающееся подсчету, превосходство в силах и средствах, нанес массированными ударами тяжкие потери нашим войскам на подступах и в городе, а остатки, уже без припасов, оттеснил к Херсонесскому мысу.

Огненные прорывы кораблей эскадры и подлодок к Севастополю поражали воображение и изумляли величием духа советских моряков. Никакой другой флот не способен был на подобное и не совершал такого. А Черноморский флот совершил сверхвозможное, но в конце концов не выдержал – враг закрыл ему пути к Севастополю. И этому есть объяснение, позволяющее утверждать: а все-таки наши неудачи на последнем этапе обороны Севастополя пришли с суши, только с другого направления, они не севастопольского происхождения.

Когда в ноябре сорок первого армия генерала Батова поспешно отошла от Перекопского перешейка к Керчи, а затем на Тамань, противник сразу же посадил на крымские прибрежные

аэродромы свою авиацию, в том числе и морские пикировщики, переброшенные со Средиземноморья, подтянул самолеты-торпедоносцы, начал базировать торпедные катера в Ялте и Феодосии. Ходить транспортам по кратчайшему пути вдоль южного берега Крыма из Новороссийска и Туапсе в Севастополь стало невозможным – пришлось обходить Крым по центральной части моря. Мы было воспряли духом, когда флот высадил большое войско в Феодосию и Керчь и образовался Крымский фронт у основания Керченского полуострова, и наши коммуникации вдоль Крыма обрели устойчивость. Но в результате крупных ошибок руководства фронтом он рухнул. Рухнули и все наши надежды: и на изгнание врага из Крыма, и на удержание Севастополя.

Потеря Керченского полуострова означала конец обороны Севастополя. Противник, освободившись от Керченского направления, стянул все дивизии, что обеспечило ему успех при штурме Севастополя. Он усилил свою авиацию и морские силы и с новой силой обрушился на наши суда и корабли. Были перехвачены все пути и подступы к Севастополю. Пути к нему удлинились до 900 километров. А подходить к нему можно было только с юга ночью в узкой полосе и под непрерывными дневными и ночными ударами. Оставаться в Севастопольской бухте, а затем и в Камышовой на день нельзя было – все уничтожалось с воздуха. На стоянку в Севастополе отводилось два часа ночного времени. Такая плотная морская блокада оказалась непреодолимой, что повлекло истощение сил Приморской армии. Все это привело к трагическому исходу обороны Севастополя, как следствие поражения войск Крымского фронта и потери Керченского полуострова.

Черноморский флот и Приморская армия исполнили свой долг до конца и с честью, приковав к Севастополю на 250 дней крупную вражескую группировку что значительно ослабило возможности гитлеровского командования на главных направлениях войны.

Оборона Кавказа

Когда еще шла борьба за Севастополь, а войска Крымского фронта, казалось, надежно удерживают рубежи на Керченском полуострове, на флот прибыл нарком ШФ адмирал Н.Г. Кузнецов. До этого, как он потом рассказывал нам, он посетил осажденный Ленинград и Балтийский флот, где дела так обернулись, что его присутствие там было крайне необходимо.

Надо было лично разобрать крупные неудачи при переходе из Таллина в Кронштадт Балтийского флота и транспортов с войсками в августе сорок первого (тогда на минах и от авиации погибли почти все транспорты и много людей) и присмотреться, как флот вступает в оборону Ленинграда. Затем посещение Северного флота, решавшего крупные оперативно-стратегические задачи: совместно с 14-й армией удерживать за нами Заполярье и прикрывать северные морские коммуникации, по которым шли союзнические конвои из Англии и США с боевой техникой и продовольствием.

В нелегкий для нас час он прибыл в Краснодар, где находились главнокомандующий Северо-Кавказским направлением Маршал Советского Союза С.М. Буденный и его заместитель по морской части адмирал И.С. Исаков (начальник Главморштаба). А потом к нам в Поти, где средоточие флота. И мне представился хороший случай еще ближе присмотреться к нашему наркому,

Я знал Николая Герасимовича с начала 30-х годов, когда он был старпомом на крейсере «Красный Кавказ», а затем командиром крейсера «Червона Украина». Тогда это были образцовые корабли на флоте. Я в этом уже знал толк, бывал на этих крейсерах, видел порядок на них, а в совместном плавании наблюдал маневрирование «Червоной Украины». О ее командире тогда много добрых слов было говорено в кают-компаниях, и каждому из нас хотелось ему подражать в усердии по службе. Потом он ушел волонтером в республиканскую Испанию и стал советником ее морского министра. Спустя год – заместителем командующего Тихоокеанским флотом (ТОФ), а вскоре и командующим ТОФ. Еще год – и он народный комиссар Военно-Морского флота СССР. А наркому – 36. Какой стремительный взлет! Было от чего вскружиться голове или растеряться – никакого опыта в таком большом государственном деле. Были сбои. Но молодой нарком брал природным острым умом, аналитическим мышлением, молодой энергией, усердием, преданностью делу Ленина. Его политическое кредо: обеспечить

неприкосновенность морских государственных границ Страны Советов, строящей социализм. Его жизненная позиция для нас, моряков, стала образцовым примером. Смею утверждать: время показало, что несмотря на кадровые встряски тех времен, болезненно сказавшимся на состоянии войск в критический момент, нам, флотским, в определенной степени повезло, что флот возглавил такой человек, впоследствии удостоенный высшего воинского звания страны – Адмирала флота Советского Союза и почетного звания Героя Советского Союза.

Но и Н.Г. Кузнецову повезло: ему было на кого опереться, все три его заместителя – адмиралы И.С. Исаков, Галлер, Г.И. Левченко – опытные моряки, послужившие на флоте в Первую мировую войну и воевавшие в Гражданскую войну, с нормальным прохождением службы: командир корабля, командир соединения, начальник штаба флота, командующий флотом, заместитель наркома. А начальник Главполитуправления ВМФ И.В. Рогов! Это же находка для флота. Сильным был заместитель начальника Главморштаба – контр-адмирал В.А. Алафузов: умница, с академическим образованием, испанский волонтер. Вообще, Главморштаб был укомплектован сильными кадрами. Да и на флотах было на кого опереться. Командующие флотами И.С. Юмашев, Ф.С. Октябрьский, В.Ф. Трибуц, А.Г. Головко пришли на свои посты за 2–3 года до войны и к моменту нападения врага набрались опыта.

Главная заслуга всех флотских руководителей состоит в том, что они, учитывая опыт прошлых внезапных нападений врага на русский флот – в 1904 году в Порт-Артуре ив 1914 году на Черном море, – постоянно ориентировали моряков на бдительность, повышение боеспособности и главное – готовность к отражению внезапного нападения врага.

И, я помню, уже весной 1939 года начальник штаба Черноморского флота капитан 1-го ранга Н.М. Харламов собрал нас, начальников штабов соединений флота (я был тогда начштаба бригада эсминцев), и мы под его руководством впервые создали Инструкции по оперативным готовностям соединений и флота в целом. И если до этого существовали только походные и боевые готовности для кораблей, береговых и зенитных батарей и авиаполков, то теперь появился и новый термин: оперативная готовность. Мы получили документ, утвержденный командующим флотом, об оперативных готовностях соединений и флота.

А после внезапного нападения гитлеровской Германии в 1939 году на Польшу по приказанию наркома Кузнецова Главморштаб, обобщив опыт флотов и усовершенствовав наши документы, создал общие для всего Военно-Морского Флота Инструкции по

оперативным готовностям флотов с тремя номерами готовностей. Это стало крупным нововведением, вытекавшим из новых требований военного искусства, продиктованных обстановкой начавшейся Второй мировой войны. Инструкции были введены в действие специальной директивой наркома ВМФ Кузнецова. Они явились важнейшим уставным документом оперативно-стратегического предназначения, впервые появившиеся в Советских Вооруженных силах. И флоты сразу перешли на ОГ-3 и жили по ней почти до самого дня нападения на нас врага.

По замыслу наркома Кузнецова, заложенному в его Директиву и Инструкции, никакие тайные намерения врага нанести внезапный удар по нашей стране с морского направления не должны застать наши флоты врасплох. Этими документами, воплощенными в готовности флотов, заведомо обрекались на неудачу замыслы врага использовать внезапность со стороны моря. Так оно и произошло.

По приказанию наркома ВМФ Главморштаб в 1940 году создал второй уставной документ оперативно-стратегического значения – Наставление по ведению морских операций. Оно тоже явилось первым такого рода изданием в Советских Вооруженных силах.

Вот такой был у нас нарком И.Г. Кузнецов.

Флоты сразу приступили к учениям по переходу на высшие учебные оперативные готовности: номер два и один. И одновременно отрабатывали основные положения Наставления. В июне сорок первого мы пожинали добрые плоды мудрой деятельности и предусмотрительности нашего наркома и наших трудов с бессонными ночами на учениях на протяжении многих военных месяцев…

Меня неожиданно вызвали к наркому. Прихватив карты с обстановкой и схемы-планы портов базы, с обозначенными на них кораблями базы и флота, базирующимися в базе, береговыми и зенитными батареями, с аэродромами истребительной авиации, прикрывающей Поти, я прибыл в кабинет командира базы и представился наркому.

Дословно помню сказанное тогда наркомом:

– Наслышан о вас и хочу ближе с вами познакомиться. Если не ошибаюсь, мы с вами в позапрошлом году накоротке встречались в Одессе, когда вы, будучи заместителем начштаба Одесской базы, были назначены представителем флота при штабе Одесского военного округа, в канун освобождения Бессарабии. Так ли это?

– Так точно, – ответил я.

Ну и память, подумал я, в таком ранге помнить мимолетную

встречу и беседу двухгодичной давности, да на фоне теперешних событий.

– Продолжим знакомство докладом по обстановке, – сказал нарком.

Я докладывал, а нарком рассматривал карты и планы портов.

– Вижу, – заметил нарком, обращаясь к командиру базы Куманину, – что с базированием флота вы справились неплохо, чувствуется, что понимаете, каким соблазнительным объектом для противника являются ваши порты с огромным количеством кораблей, сосредоточенных на таких пятачках. Продолжайте совершенствовать ПВО, памятуя, что наиболее уязвимое для вас направление – морское, оттуда надо ждать подхода авиации противника для нанесения ударов по нашим портам, предложения по этому вопросу имеются у штаба базы? Что он вынашивает и разрабатывает?

Так как командира базы нарком хорошо знал по совместной службе на ТОФе, то я так понял, что этим докладом и вопросами нарком намеревался убедиться, соответствует ли занимаемой должности этот человек, которого он назначил в прошлом году. Но за моими плечами уже был одесский боевой опыт и я был готов к этому – нашими делами.

– Командир базы утвердил предложения штаба по вопросам обеспечения воздушной безопасности базы с морского направления. Мы подготовили очень мореходные сейнера, способные выстоять перед сильными штормами, вооружили их пулеметами, оборудовали радиостанциями, доукомплектовали рядовыми, провели с экипажами занятия и учения. По обстановке и обязательно после первого появления самолета-разведчика противника вышлем их в море для занятия позиций на подходах к нашим портам в качестве корабельного дозора ПВО базы – это будут наши выносные, подвижные, морские посты ВНОС[35]. Мы уже провели учение, с выходом сейнеров на свои позиции и с вылетом нашего самолета, обозначающего бомбардировщиков противника. Фактически установлено, что по донесениям с сейнеров об обнаружении самолетов противника, идущих с моря, мы успеваем изготовить зенитную артиллерию, вызвать истребителей, начать задымление порта, внести коррективы в высоту аэростатов, подать воздушную тревогу городу, изготовить МПВО.

– Разумно, одобряю. Мне нравятся и дозоры ПВО, и задымление портов. Авиация противника должна быть встречена огнем батарей и самолетов, хотя бы на ближайших подступах вся эта система дозоров и задымления оправдала себя в Одессе? – спросил меня нарком.

– Для нас это было нововведение, и нас буквально это спасало. Об этом опыте мы донесли в штаб флота, и, когда я прибыл сюда служить, здесь уже знали о нем, что облегчило нашу работу. Не знаю, передан ли вообще весь одесский опыт на другие флоты.

– Обо всем, что делалось впервые в Одессе, по моему приказанию Главморштаб информировал все флоты начиная с июля сорок первого. И о первом применении флотских одесских бомбардировщиков СБ и лодочных гидросамолетов для бомбежки вражеской пехоты, и о морских постах ВНОС, и о задымлении гаваней, и о корректировке артогня кораблей в поддержку нашей пехоты, и об использовании всех калибров морской артиллерии против вражеской пехоты, и о контрбатарейной борьбе, и о первых траншеях, которые впервые в армии начали рыть под Одессой. Знаем, как морская пехота под нажимом заменила флотскую одежду на полевую, училась маскироваться, делать перебежки и бросаться в атаку с короткой дистанции, а не ходить в «психические» атаки во весь рост с дальней дистанции, ибо это было на руку врагу. Об образцовой эвакуации морем войск из Одессы в Москве был особый разговор, и Ставка и Генштаб высоко оценили эту крупную морскую операцию.

Я был приятно удивлен поразительной осведомленностью наркома о наших одесских делах.

Затем состоялась полуофициальная беседа, в ходе которой нарком спросил, на каких кораблях я плавал. И когда узнал, что я командовал сторожевым кораблем «Шквал», он искренне, по-человечески тепло заговорил:

– Глядя со своего крейсерского мостика, как сторожевики в шторм зарываются в волну носом до самого мостика, когда крейсер едва покачивается, я сочувствовал их экипажам, но считал такое плавание лучшей школой оморячивания. Скажу откровенно: я дважды ходил в море на сторожевиках и оба раза попадал в шторм, и могу засвидетельствовать, что сторожевик – лучшая платформа для морской выучки личного состава, хотя служить на «Шквалах» и «Штормах» конечно же тяжело. И сколько вы проплавали на сторожевике?

– На том и другом пять лет.

– Это вы побили все рекорды, – рассмеялся нарком и, повернувшись к командиру базы, полушутя спросил: – А не считают ли хозяева, что пора покормить проголодавшихся гостей?!

– Давно порываюсь пригласить вас в салон, адъютант уже трижды подавал знаки: пора обедать.

Впервые за обеденным столом с наркомом. Николай

Герасимович вне службы оказался приятным, задушевным, остроумным собеседником и, следуя корабельным традициям, избегал служебных тем.

После обеда беседа была продолжена, в ходе которой нарком неожиданно спросил меня:

– Как вы по одесскому опыту оцениваете организационные формы в обороне приморского плацдарма и организацию командования? Только откровенно, личное мнение, без подгонки.

– Организационная форма и организация командования хороши те, что кратчайшим путем ведут к победе, точнее те, которые наилучшим образом способствуют выполнению задач в операции и достижению целей в вооруженной борьбе. Мне нравится одесская организация обороны, потому что она принесла успех – враг не прошел. Высшая оценка организации – успех дела. Главное условие: объединение усилий всех родов войск и сил флота под единым командованием моряка, тогда флот повернет всю свою мощь на сушу. Оборонительный район – название правильное. Хорошо, что в Севастополе применена та же организация, что и в Одессе, и то, что в Севастополе командующий флотом выполняет и функции командира базы: это, пожалуй, удобнее, чем в Одессе, – менее громоздко. Но это – частность. Основное – во главе обороны приморского плацдарма должен быть командир базы…

Я чуть не проговорился и не выдал своей потаенной мысли: хорошо было бы если бы оборону и Севастополя возглавил контр-адмирал Г.В. Жуков. Нет, не потому что у него таланта больше, чем у Октябрьского. Ни в коем случае. Октябрьский – это величина. Но в этом конкретном случае у Жукова больше данных: знаток сухопутного дела – воевал в Гражданскую войну на суше, в десантных отрядах Ивана Кожанова (в будущем – командующий Черноморским флотом), и у него опыт сухопутных боев под Одессой; корабельный артиллерист, командир артиллерийских кораблей, волонтер в республиканской Испании, командир базы и в постоянном взаимодействии с армией; за ним – опыт успешного руководства обороной Одессы; отчаянной храбрости человек, и в этом шел рядом с И.Е. Петровым – часто покидал КП и появлялся в боевых порядках полков; дружно работал с Петровым, которого он же и выдвинул в командармы и продолжал с ним в Севастополе по-братски сотрудничать. А если принять во внимание, что у Октябрьского не только Севастополь, а и весь флот, все море, все побережье и необходимость взаимодействия с тремя фронтами (Южным, Северо-Кавказским и Закавказским), а он сидел в изолированном, осажденном, а потом и блокированном городе, а его штаб на Кавказе, и к нам шли

приказания из двух мест, порой дублирующие друг друга, порой противоречивые. Находясь в Севастополе, он не смог совместно с командующим Закфронтом руководить Керченско-Феодосийской десантной операцией. Все говорило за то, что место Октябрьского – на Кавказе. Командовать флотом, быть рядом с командующим фронтом, а Жукову – быть командующим Севастопольским оборонительным районом. И вначале все к этому и клонилось. При мне в октябре Октябрьский объявил Жукову, что тот остается в Севастополе, так как его одесский опыт, вероятно, здесь понадобится. В ноябре Октябрьский предлагал Москве этот вариант. Но нарком Кузнецов придерживался иного мнения: в данный момент спасти положение под Севастополем можно общими усилиями флота и армии под личным руководством комфлота.

Когда после войны Николай Герасимович писал свои воспоминания, он повторил мне тот же вопрос, что и в 1942 году, я ответил ему так, как сейчас пишу, и он записал в книге «На флотах боевая тревога» (с. 156) мое мнение: «В Севастополе следовало иметь такую же организацию, как и в Одессе». Только то, о чем я умолчал в сорок втором, соблюдая субординацию, я на этот раз добавил: «во главе с Жуковым». Перенести в Севастополь одесскую организацию, во главе с Жуковым и со всем сработавшимся аппаратом управления, во главе с генералом Г.Д. Шишениным. Это был идеальный сплав всего лучшего, что сложилось в Одессе: Жуков и Петров, Шишенин и Крылов.

Кузнецов, как умный и честный человек, в ходе обороны начал понимать, что место комфлота – на Кавказе, и сделал попытку это осуществить: поставить во главе обороны Севастополя другого человека, с подчинением комфлоту. Однако на этот раз с этим не согласился уже Октябрьский. Он настолько связал свою судьбу с Севастополем, что теперь он останется здесь до конца. Об этих обсуждениях нам стало известно, и тогда мне стало ясно, почему нарком спрашивал мое мнение об организации командования обороной приморского плацдарма. Оказалось, что не с одним мною он вел подобный разговор. Когда вскоре я встретился в Туапсе с Жуковым, он на мою информацию воскликнул: «Так он и со мной на эту тему говорил». Все понятно – умный военачальник, вынашивая идеи, никогда не пренебрежет мнением подчиненного любого ранга, если он близко соприкасался с обсуждаемым делом.

Но какова бы ни была полемика – а она бывает полезна в сложных делах – вокруг вопроса о командующем обороной, лучший судья этому – конечный результат дела. А он сам за себя говорит: 250 дней стоял Севастополь непокоренным.

Беседа наркома с командованием базы по нашим текущим делам и в перспективе, по которым он дал нам немало ценных советов и рекомендаций, незаметно переключилась на последние предвоенные дни, ведь по ним оставалось кое-что неясное, вызывавшее недоумение, особенно у тех, кто был далеко от западной границы. И комиссар базы В.И. Орлов попросил наркома рассказать о тех днях: что побудило его именно 19 июня сорок первого перевести флоты на повышенную готовность? Меня тоже заинтересовал этот вопрос, хотя многое мне было известно, так как наша Одесская база была приграничной и рядом – штаб Одесского военного округа.

Николай Герасимович охотно и подробно ответил. Он был самокритичен и откровенен, но придерживался рамок дозволенного тех времен и в адрес высшего военного руководства – ни слова, ни намека. Это он потом, после войны, в книге «Накануне» выскажет критику: «Господствовала субъективная точка зрения И.В. Сталина на сроки возможного столкновения с фашистской Германией», «допущение внезапного нападения на свою Родину само по себе уже крупный провал». Жестко, но справедливо,

А сейчас – он больше о себе. И начал с предыстории.

– Было время, когда я, – сказал нарком, – верил в пакт о ненападении с Германией – пакты ведь и заключаются потому, что в них верят, тем более такая честная сторона, как мы. Поэтому-то, направляя весной сорок первого года в правительство донесение нашего военно-морского атташе в Германии о готовящемся нападении Германии на нас, я усомнился в этом и это сомнение записал в выводах, что расходилось с действительностью.

Тут я подумал, что наш нарком не одинок в этом. Есть поважней, чем наркомат флота, государственная организация, несущая ответственность перед правительством и народом за правдивую, точную и реалистичную развединформацию – Разведывательное управление Генштаба, – вот с кого двойной спрос.

А оно допускало не простительные законом просчеты (о них пишет маршал Жуков в воспоминаниях). В выводах последней предвоенной разведсводки Разведуправления (которую мне довелось читать в штабе Одесского военного округа нападения), ориентирующей все инстанции, от высших до низших, для принятия оборонительных мер, начальник Разведупра генерал Ф. Голиков, несмотря на концентрацию немецких войск у нашей границы, сделал следующую запись: скорое нападение Германии на нас не предвидится. Такая успокоительная пропись была

сделана в полном соответствии с концепциями о сроках войны, сложившимися в верхах, и, прежде всего, у самого Сталина[36]. Факты подгонялись под настроения и желания. Дорого нам обошлась эта конъюнктура. Выводы этой разведсводки звучали значимее выводов Кузнецова[37].

Признание Николаем Герасимовичем в беседе с нами своей оплошности звучало благородно. Он говорил, что сомнения в пакте и в своих выводах по сообщению атташе пришли к нему вскоре, и они разрастались по мере нарастания угрозы нападения на нас. И 19 июня стало переломным. Днем раньше повысить готовность было бы опрометчиво, а днем позже можно было попасть под удар неизготовленными. В военном деле выбор момента является одним из решающих факторов. Такое решение созрело только к 19 июня, когда накопилось много признаков скорого нападения на нас. Что это за признаки? Нарком подробно перечислил их.

– Первое: концентрация германских дивизий у нашей границы, показанная в разведсводках Разведупра. Второе: усиленная авиаразведка немцами нашей территории и особенно военно-морских баз. И я приказал сбивать немецкие самолеты-разведчики, хотя это запрещалось свыше, во избежание осложнений, – позже по указанию свыше мне пришлось это отменить; третье: молчание германского правительства по поводу Сообщения ТАСС от 14 июня, опровергавшего слухи о якобы готовящейся войне между СССР и Германией, – это сообщение даже не было опубликовано в германской печати. Четвертое: внезапный уход немецких торговых судов из наших портов, свернув свои дела. Все это было верным признаком скорой войны. Пятое: мне стало известно, что по приказанию наркома обороны из внутренних военных округов были подтянуты ближе к границе несколько общевойсковых армий, а 18 июня командующим приграничных округов приказано убыть на свои КП, ближе к границе, откуда организовать управление войсками, и это меня насторожило. Шестое: я отдавал себе отчет в том, что наши флоты своим боевым составом и тылами находятся на границе, на переднем крае страны, а корабли плавают в международных водах, они могут первыми подвергнутся внезапным ударам, что уже было в истории русского флота в 1904 году в Порт-Артуре ив 1914 году на Черном море, и было бы непростительным благодушием допустить это вновь. Врага надо было упредить. Вот почему я ввел оперативную готовность номер два именно 19 июня – это я имел право делать, не испрашивая разрешения правительства. А в ночь на 22 июня, когда было получено указание правительства о возможном нападении врага, коротким

сигналом флоты были переведены на высшую готовность. Произошло нападение, и товарищ Сталин дал высокую оценку готовности флота.

На всю жизнь в память врезались действия наркома в тревожные дни и часы. Мне довелось тогда возглавлять оперативную службу Одесской базы. Обстановка накалена до предела. И мы ждали решений по армии и по флоту. И оно пришло, но только по линии флота. И не половинчатое, а сразу о переходе на промежуточную оперативную готовность, с которой можно вступать в бой. Телеграмма Военсовета от 19 июня гласила: «Оперативная готовность номер два». И без пометки: «Учебное». Значит, исходит от наркома – только он мог ее ввести. Для нас это означало, что завтра – война. Всего четыре слова, а какие они емкие! За ними стоял большой план действий, которые мы знали назубок, ибо в течение полутора предвоенных лет все было отработано в подробностях на многих учениях, выстрадано в большом ратном труде бессонных ночей. По нашему короткому сигналу в соединениях, частях, на кораблях, в авиаподразделениях, на батареях вскрывались секретные пакеты с инструкциями, согласно которым объявлялась боевая тревога, повышались походные готовности, готовности к вылету, пополнялись все виды запасов, затемнялись боевые объекты. В операционной зоне базы устанавливались корабельные дозоры в море и начиналась авиаразведка моря. Даже в условиях ОГ-2 полностью исключалась внезапность удара врага по нас. А уж в ночь нападения флоты, находясь в ОГ-1, огнем встретили авиацию противника, исключив внезапность.

У нас были все основания быть довольными решительными действиями Н.Г. Кузнецова, настроившего нас, моряков, еще с 1939 года на ОГ-3. И в этом он руководствовался девизом: никто не имеет права быть застигнутым врагом врасплох.

Нельзя забывать, что смелые, решительные и быстрые меры Кузнецов проводил в жизнь в условиях запретов и ограничений, установленных свыше в соответствии с указаниями Сталина: не подтягивать войска к границе, не проводить учений и полетов самолетов у границы, не стрелять по немецким самолетам, летающим в нашем воздушном пространстве, не делать ничего такого, что германское правительство могло бы истолковать как нашу подготовку к войне. Тогда об этом пеклись больше, нежели о высокой готовности к немедленному и гарантированному отражению внезапного нападения. Не вызвать бы провокаций – вот главный тезис.

В условиях стремительного нарастания угрозы, отсутствия указаний свыше, несмотря на ограничения и запреты, несмотря

на то, что армия продолжала жить в повседневных условиях – в казармах и лагерях, Кузнецов решил, в пределах дозволенного, действовать самостоятельно, как говорят, на свой страх и риск. Так как Инструкция по Оперативной готовности номер один предусматривала отмобилизование флота, нарком не имел права без ведома правительства ее вводить. А вот ОГ-2 – да еще скрытно – можно рискнуть. И он взял на себя такую ответственность: ввести в действие то, что не затрагивало запреты.

И в этом сразу проявились качества крупного военного и государственного деятеля: дар предвидения грядущих событий, выбор момента, гражданское мужество. Без этих данных – нет военного гения. Этим в достатке обладал нарком Военно-Морского Флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов. Предвидение скорого нападения подтвердилось. Выбор времени повышения готовности флотов оказался удачным: флоты три дня находились в состоянии ОГ-2, с которой можно было вступать в войну, успешно отражая внезапное нападение. Время, как и пространство (место), признается военным искусством одним из элементов в руководстве вооруженными силами боевыми действиями на всех ступенях командования, но особо важную роль оно играет на стратегическом уровне. Стоит высшему руководителю ошибиться в выборе момента назначении сроков, враг упредит тебя и все обернется поражением, большой кровью, а сам такой просчет лишает руководителя права называться им. Военная наука и военная история не раз подтверждали, что точный выбор и определение момента и главного направления своих и вражеских действий подвластны только военному гению, который может проявляться на любом уровне командования, от командующего до командира. Во всей полноте проявилось гражданское мужество наркома ВМФ Кузнецова при принятии решения о переводе флотов на повышенную готовность. Ведь он, как мы узнали после войны, уже вызывался Сталиным и в присутствии наркома внутренних дел получил строгий выговор за превышение власти – в нарушение запретов он отдал приказание сбивать немецкие самолеты над нашими базами и они были обстреляны, в результате германское правительство заявило протест[38]. Ну а если бы немцы пронюхали об изготовленном советском флоте к войне и воспользовались этим как предлогом для протеста или, еще хуже, ответили бы провокацией?[39] Вторичное ослушание Сталин не простил бы. Но для Кузнецова интересы Родины были выше личного благополучия. После войны Кузнецов говорил и писал в воспоминаниях: «Чтобы меня не обвинили в тайном, от всех, переводе флотов на повышенную готовность, я приказал поместить сообщение об этом в очередной

оперсводке Главморштаба, которая обычно посылалась в Генштаб – там ее прочтет тот, кому следует, и, если нужно, доложит начальству». Такая безобидная, но довольно-таки хитрая уловка вполне оправдана.

«Если бы я, – рассказывал Кузнецов, – попытался предварительно согласовать с Генштабом вопрос о введении ОГ-2, я не получил бы на это согласие, ибо в подобных мерах по армии наркомат обороны уже получал отказ от самого Сталина, о чем пишет в своих воспоминаниях маршал Жуков».

А вот вторая, в ночь на 22 июня, телеграмма наркома ВМФ, такая же лаконичная, как и первая (по ОГ-2), всего в пять слов: «Оперативная готовность номер один. Немедленно», – это итог короткой, но самой блистательной частички, всего в два года, военной службы Николая Герасимовича в качестве наркома перед войной, начала большого пути на высоком государственном посту в качестве члена правительства. Службы – полной тревог, поисков, вдохновенного труда в строительстве и освоении нового большого флота с совершенной техникой, и наконец, в принятии важнейших решений по созданию крайне необходимых в военном деле уставных документов.

Первые потери в начавшейся войне враг понес на море. Первые вражеские самолеты рухнули в море у Севастополя, когда у западной границы еще стояла тишина. Слава черноморцам! Слава черноморским зенитчикам.

Пройдет время, и историки в официальных историях, маршалы Жуков и Мерецков в своих воспоминаниях запишут, что благодаря рациональной системе готовностей флот своевременно был изготовлен к отражению нападения. Это самая лучшая оценка действий моряков и заслуг наркома Кузнецова.

Отдавая должное действиям личного состава флотов, я со всей силой подчеркиваю, что решающее слово и дело в последние дни, часы и минуты кануна нападения были за тем человеком, кто нес перед страной и народом персональную ответственность за безопасность морских границ нашей Родины. В июньские, тревожные, кризисные дни и мгновения кануна нападения Гитлера на нашу Родину, когда все наши руководящие военные кадры подверглись суровому испытанию, экзамену, во всем блеске проявились военный талант, гражданственность и личная отвага народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н.Г. Кузнецова в крупномасштабном плане военного дела: его дар предвидения и политическое мужество подсказали ему правильное решение. И он, преодолев осторожность, характерную для того времени, пошел на большой риск самостоятельных действий, не вписывавшихся в круг настроений, владевших тогда

умами в верхах. И это ставит его в ряду видных руководящих военачальников на особое место в истории Великой Отечественной войны.

Любые эпитеты превосходной степени не будут преувеличением при оценке этой выдающейся личности.

За все свои государственные, служебные и человеческие качества Николай Герасимович Кузнецов пользовался непререкаемым авторитетом и любовью, и не только на флоте. И сейчас единодушно его поминают добрым словом.

…Закончив беседу с командованием Потийской базы, нарком отбыл вместе со своим помощником, начальником управления делами наркомата, контр-адмиралом М.З. Москаленко (бывший мой начальник, командовавший бригадой эсминцев). Нарком отбыл на линкор «Парижская коммуна» и поселился там на время работы у нас. А через день по приказанию Ставки экстренно вылетел в Краснодар к Буденному – это когда до крайности осложнились наши дела на Крымском фронте, наши войска отходили к Керченскому проливу и потребовалась большая помощь флота армии.

В последующем мне доведется не раз встречаться с нашим наркомом в различных ситуациях: слушать его, беседовать при новых моих назначениях – и в частной обстановке, и даже получать боевое задание, – и я все больше утверждался во мнении о высоких добродетелях этого человека, рожденного для совершения больших дел во благо страны и народа…

Черноморский флот обладал большой огневой мощью для поддержки армии, и у противника не могло не возникнуть желания ослабить его корабельный состав, базировавшийся в Потийской базе.

В предвидении налетов вражеской авиации командир базы приказал оборудовать ФКП базы за окраиной города на территории совхоза «Грейпфрут», и мы переехали туда. А вот и первый пролет самолета-разведчика противника, прошедшего мористее порта Поти. Нам не удалось его сбить, после первых залпов зенитной артиллерии он круто отвернул в сторону моря и скрылся, наверняка унося с собой аэрофотоснимки порта.

Так как после падения Керчи и Севастополя весь Крым находился в руках немцев и там они оборудовали аэродромы, следовало после пролета разведчика противника ожидать в ближайшие дни и даже часы попытки вражеской авиации бомбить Поти. В тот же день некоторые крупные корабли эскадры поменяли свои места стоянки Поти – Батуми.

И мы немедленно выслали свои сейнеры в море на позиции в качестве постов ВНОС. С ними штаб базы продолжил учения по

радиосвязи. Чтобы сократить время прохождения радиодонесения, мы перевели радиосвязь сейнеров ПВО напрямую с КП Базового района ПВО. И начальник связи района Г.Ф. Мырко взялся за ее доводку до совершенства. Радиосвязь была настолько крепко отработана, что мы были уверены: авиация противника не подойдет к Поти незамеченной.

Тем временем самолеты-разведчики противника начали подходить со стороны моря к Поти каждый день. А Сухуми подвергся бомбежке. Все говорило о скором налете на Поти. И мы наращивали темпы в совершенствовании ПВО. А.А. Федосеев, А.В. Мухряков и Ю.Б. Рыкачев проводили частые учения с обозначенным противником для тренировки зенитной артиллерии и истребителей.

В полдень 16 июля у меня зазвонил телефон – докладывает начштаба района ПВО майор А.А. Сорокин: по донесению дозорного сейнера к Поти приближается с моря группа самолетов противника, зенитная артиллерия Мухрякова приведена в боевую готовность номер один, истребители Рыкачева вызваны и уже поднимаются, аэростаты приподнимаем еще на тысячу метров, приказано начать задымление порта, даем городу и частям сигнал «Воздушная тревога», приводится в готовность городская местная ПВО, пункты базирования кораблей флота Батуми, Очамчира, река Хоби.

Я бегом к командиру базы с докладом, и вместе мы устремляемся к оперативному дежурному базы, у которого прямая радио– и телефонная связь с КП ПВО и командирами соединений флота и базы. Командир базы высоко оценивает действия сейнеров и считает, что командование ПВО сделало все для отражения налета.

У нас действовало наставление по ПВО Потийской базы, составленное штабом базы, согласно которому командир Базового района ПВО при налете вражеской авиации действует самостоятельно, не запрашивая ни у кого никаких указаний и разрешений. Больше того – командир зенитного артполка имел право самостоятельного открытия огня при внезапном появлении самолетов противника, а по всякому неоповещенному самолету, подлетающему к порту, огонь на его уничтожение мог открыть командир зенартдива и даже батареи, с одновременным докладом по команде. Вот такие широкие права и полномочия имели у нас все начальники, обороняющие базу с воздуха, для чего к ним постоянно шла информация о полетах наших самолетов в учебных целях. Этим Наставлением в общую систему ПВО базы была включена вся зенитная артиллерия кораблей, стоящих в портах, и ею управлял начальник ПВО Федосеев.

Однако командиры корабельных зенитных артдивизионов и батарей имели право открывать огонь самостоятельно по самолету при первом же залпе береговой зенитной артиллерии – для них это был сигнал-приказ к бою. Вообще у нас действовал запрет нашим самолетам в повседневной обстановке приближаться к порту, как особо охраняемому объекту, кроме конечно случаев, когда мы вызывали своих истребителей для прикрытия порта, о чем оповещались все зенитчики. Иначе, чуть что – и зенитчики молниеносно открывали огонь по самолету. У нас произошел даже такой интересный случай. Командир дежурной зенитной боевой батареи линкора, ни у кого не испрашивая разрешения, открыл огонь по пролетавшему вдали в море неоповещенному и неопознанному самолету, а потом доложил – и правильно сделал. Это был самолет противника, и против него Федосеев послал истребителей.

Несмотря на Наставление, командир базы решил его подкрепить, поднял трубку прямого телефона и скомандовал полковнику Федосееву: «Приказываю отразить налет авиации противника на базу».

И потекли тягостные минуты и секунды томительного ожидания – ведь это будет первый для Потийской военно-морской базы воздушный бой.

Командир базы и я уговорились: не ехать на КП ПВО, не стеснять своим присутствием бывалого воина Федосеева, он сам без подсказок в лучшем виде справится со своим делом, да еще с такими командирами полков, как авиатор Ю. Рыкачев и зенитчик А. Мухряков, за плечами которого целый год сплошных и тягчайших боев. А нам нужно со своего ФКП управлять соединениями, кораблями и частями. Ну а Федосееву Наставлением было предписано: в бою безотлучно находиться на своем КП, который располагался на высокой башне, откуда обозревался весь небосвод.

Федосеев отдал два устных боевых приказа: командиру авиаполка Рыкачеву – вылететь полком в район порта и атаковать бомбардировщики противника, а командиру зенартполка Мухрякову – открыть огонь по самолетам противника при входе их в зону огня.

Теперь все наше дело, вся судьба кораблей будет находиться в руках летчиков и зенитчиков, как это было уже много раз в ходе войны. Теперь уже не только мы – командование базы – но и Федосеев мало будет влиять на ход событий, Мухряков и Рыкачев будут управлять боем и перенацеливать силы. Многое будет зависеть от инициативы, мастерства и отваги летчиков, командиров батарей и рядовых зенитчиков.

Федосеев будет только докладывать нам обстановку в воздухе.

А то, что будет происходить в порту и на рейде, да и в воздухе над портом, будет нам докладывать командир

ОВРа капитан 1-го ранга В.С. Грозный со своего НП на мостике рейдового поста – отличный круговой обзор. Ему приказано: выслать катера на рейд подбирать летчиков – своих и вражеских, – спустившихся на парашютах, и оказывать помощь кораблям, получившим повреждения, для чего в его распоряжение поступили спасательные суда И.Д. Кравцова, В.А. Романова, П.И. Крысюка, которые возглавлял начальник аварийно-спасательной службы флота С.Я. Шах.

Все корабли максимально рассредоточены по гаваням порта и находятся в походной и боевой готовности номер один. Госпиталь изготовлен к приему раненых.

Казалось, что нами проделано все, чтобы успешно отразить налет, а на душе все-таки тревожно, особенно за линкор и крейсера, ведь никакая предусмотрительность и тщательность в подготовке к обороне не может гарантировать абсолютную неуязвимость, ибо остается еще уйма случайностей, не предсказуемых наперед, – могут прорваться к порту одиночные самолеты и одна-две бомбы попасть в корабли, даже при бомбометании по площадям, а не прицельно…

В этих раздумьях меня застали дружные звонки телефонов – первые доклады.

Зенитные и береговые батареи, линкор, крейсера своими дальномерами обнаружили самолеты, а командиры зенитных артдивизионов полка Тучкин, Лях, Юрханьян молниеносно распределили цели между батареями. Никакой внезапности у врага не получилось. Увидев перед собой массу аэростатов, ему пришлось перед сбрасыванием бомб совершать дополнительный, не предусмотренный маневр для набора высоты, а это на руку нам.

Вражеские самолеты были встречены дружными залпами прибрежных зенитных батарей, а за ними включились и все остальные, а всего 12 батарей – 48 стволов. Заговорила корабельная зенитная артиллерия, а это мощная сила: от 37-миллиметровых автоматов до 100-миллиметровых пушек с центральной наводкой, с боевыми расчетами, уже получившими большой опыт в боевых походах и в борьбе за Одессу и Севастополь.

К началу боя подоспели истребители 790-го авиаполка, и во главе их сам комполка, герой Одессы, майор Юрий Рыкачев – большой мастер воздушного боя над морем, уже получивший

большой опыт в боевых походах и в борьбе над морем, – а это не то, что над землей, ибо приводниться самолету или летчику – это не то, что приземлиться. Рыкачева я еще год назад наблюдал, как он мастерски разил вражеские самолеты, прикрывая Одесский порт и корабли… А сейчас рядом с ним другой одессит, командир эскадрильи Иван Песков. И подошла еще эскадрилья Михаила Калугина. Крепко они навалились на бомбардировщиков. Завязался воздушный бой.

Чуть выше над аэростатами – сплошные клубочки дыма от разрывов батарейных артиллерийских снарядов-гранат, и в просветах видны вражеские бомбардировщики и наши истребители, атакующие их. Стрельбу самолетов – наших и вражеских – не слышно, так как все заглушала артиллерийская канонада. Сплошной грохот.

Поти – маленький городок, прилепившийся у моря. Со всех его точек было видно все, что делается над портом в воздухе. И жители этого тылового города впервые своими глазами увидели, что такое война. Все было чрезвычайно необычно, и многие, пренебрегая опасностью – от сыпавшихся на землю осколков от рвущихся снарядов, – вышли из укрытий, чтобы созерцать эту зловещую феерическую картину. Гитлеровцы явно не ожидали такой жесткой встречи, подготовленной нами по всем правилам военного искусства, они не ожидали такого организованного и мощного отпора и, попав под сосредоточенный огонь зенитчиков и летчиков, заметались. Было видно как и куда падают бомбы. За время обороны Одессы и массированных бомбежек его порта я много усвоил.

Василий Семенович Грозный, находясь на вышке рейдового поста, которая раскачивалась что дерево на ветру от рвавшихся вокруг бомб, не отрываясь от телефонной трубки, непрерывно докладывал мне наблюдения – свои и наблюдателей – обо всем, что происходило вокруг него. Основная масса бомб упала на внешнем рейде, вокруг порта, на его территории, и немного на акваторию порта. И всему этому есть объяснение. Аэростаты заставили самолеты противника подняться на большую высоту, а это задержало их атаку, порт был задымлен и корабли прикрыты, и наконец встреченные дружным огнем и атаками гитлеровские летчики не только не смогли прицельно бомбить корабли, а начали поспешно вываливать свой груз, освобождаться от бомб, чтобы скорее отвернуть и выйти из зоны огня, удрать от истребителей подальше в море.

В ходе боя поступили доклады о повреждении двух кораблей, которые вскоре вступили в строй, – это из сорока, быших в порту. Такой исход – большая удача, такой прибрежный объект, как

Потийский порт, да еще выдвинутый в море, очень сложно оборонять, он защищен только с тыловой, восточной полусферы, откуда угроза и не шла, а с морского направления, откуда шла угроза нападения, порт не был защищен зенитной артиллерией. Еще хуже с истребительным прикрытием – ни одного прибрежного аэродрома, все они далеко в тылу, за болотами. У нас не применялся авиационный перехват, лишь зенитная артиллерия встречала вражескую авиацию на дальних подступах. С помощью морских постов ВНОС и высокой организованности мы едва успевали атаковать бомбардировщики уже на подходе к порту – за 3–5 минут до сбрасывания бомб вражескими бомбардировщиками. И вот при всем этом – такой исход. Это большая заслуга личного состава Потийской ПВО, начиная от сейнеров, батарей, истребителей и до командования ПВО. В этот день они выполнили свой долг до конца. Слава им.

Бой, как начался, так внезапно и стих. Наступила тишина, и мы начали осмысливать, изучать: подготовку к бою, его ход и исход. Сейнера ПВО действовали безукоризненно – опоздай они с донесением, порт не был бы задымлен, истребители не были бы вызваны своевременно, некоторые батареи не успели бы открыть огонь. Мы понесли бы большие потери. Все звенья командования сработали хорошо. Конечно, были убитые и раненые, но потери небольшие.

По подсчетам В.С. Грозного, в налете участвовало около сорока бомбардировщиков Ю-88. Три из них было сбито, да три задымили и ушли со снижением, безусловно, многие получили повреждения. Противник на много месяцев поугомонился с налетами, мы его здорово проучили – до апреля сорок третьего.

В этом великая заслуга зенитчиков и летчиков. На высоте оказались наши командные кадры ПВО: А.А. Федосеев, А.А. Сорокин, А.В. Мухряков, Е.С. Лучкин, Т.С. Лях, Б.А. Юрханьян, Ю.Б. Рыкачев, Д.В. Полоз, Ф.Н. Дубковский, И.Н. Песков, И.И. Калугин. В бою отличились зенитчики эскадры и зенартполка, под командованием командиров батарей: А.П. Овсянникова, В.И. Сотникова, И.А. Сальникова, А.Ф. Даланцева, И.И. Фротера, А.А. Микитичева, Т.П. Осипенко, Ф.К. Смирнова, П.К. Куприна, И.П. Чевардина.

Героями дня были летчики: Я.О. Ангуров, С.Е. Беседин, А.А. Блишунов, С.И. Богачев, С.И. Буряк, В.Ф. Битюгов, С.Я. Данилевский, Г.Ф. Надин, А.Д. Кучерявый, А.Д. Левченко, В.М. Назаренко, П.К. Серегин, Я.И. Скубицкий, Д.М. Федоренко, Е.Е. Хорольский. Но своими победами в воздухе летчики обязаны и своим наземным братьям – аэродромным техникам и всей инженерной службе полка, которую возглавлял Л.Ф. Федоров:

они хорошо подготовили самолеты к бою.

Успехом удачного боя мы обязаны большой политической работе комиссаров Базового района ПВО, зенитного и авиационного полков И.Р. Романова, Г.Ф. Сорокина, Ф.Н. Дубковского.

Хотя мы успешно отразили налет авиации противника, штаб базы и командование ПВО базы, совместно проанализировав ход боя, пришли к выводу: чтобы уберечь корабли от прямых попаданий, необходимо усилить ПВО Поти зенитной артиллерией и посадить на окраине города дополнительное число истребителей типа И-153. Машина не ахти какой мощи, биплан, но она требует взлетную полосу всего 400 метров длиной и очень маневренный. Конечно, с «мессером» ему не тягаться, но с Ю-68 – перегруженным бомбами и запасом горючего, да не прикрытым своими истребителями, – неплохо управится. Находясь на прибрежном аэродроме (а такой, за окраиной города, длиной в 400 метров, и был нами создан), истребители И-153 пригодятся для раннего перехвата вражеских бомбардировщиков, на дальних подступах к Поти. Такое ходатайство пошло в Военсовет флота, и оно будет удовлетворено полностью.

Но ни эти хлопоты, ни горести, связанные с потерей Севастополя, ни треволнения, вызванные налетом вражеской авиации, не могли заглушить нашего беспокойства о дальнейшей судьбе нашей Родины. И нас неодолимо тянуло знать: а что делается на фронтах, ближних и дальних, ибо нам было дело до всего происходящего. Что у врага в мыслях и что противопоставлено ему у нас?

Слов нет, в прошлом году враг получил сильную острастку под Москвой, Тулой, Ростовом-на-Дону и Тихвином, и миф о его непобедимости был порушен. Но он продолжал блокаду Ленинграда, стоял недалеко от Москвы, держал за собой Харьков, закрепился у Таганрога, захватил территорию шести союзных республик и огромный район европейской части Российской Федерации с их большим экономическим потенциалом. Враг был силен и наращивал свои силы и средства, особенно на юге. И конечно, не для того, чтобы держать их в бездействии, ведь он не достиг своих прошлогодних целей по плану «Барбаросса» – выйти на Волгу и Кавказ – и будет пытаться возобновить их достижение.

Чтобы логично осмыслить все, что происходило на полях сражений летом-осенью сорок второго и хотя бы в малейшей степени, даже отдаленно, и тем более прямо затрагивало наш регион, Закавказье, Черноморский флот и его Главную базу, у меня появилась потребность, в интересах читателя, рассмотреть события не только нашего региона, но и соседнего, и не только по

памяти и личным записям, но и воспользоваться послевоенными историческими публикациями, и особенно трофейными документами. Только такое повествование и в такой взаимосвязи окажется наиболее познавательным и интересным. Да и не одно воспоминание фронтовика не обходилось без этого.

Трофейные документы гласят, что на советско-германском фронте к июню сорок второго находилось 229 дивизий противника, из них 154 немецких, и их наращивание продолжалось. К ноябрю их станет 266, из них 193 немецких, они уже к лету понесли большие потери в людях на поле боя, в технике, территории, мобилизационных человеческих ресурсах (на оккупированной территории осталось 70 миллионов человек населения), в военно-экономическом потенциале – из 18 миллионов тонн стали, выплавленной в 1940 году, потеряно мощностей на 10 миллионов тонн стали, потеряны металлургические заводы, уголь и железная руда. Эвакуированные на восток предприятия только набирали высокие темпы наращивания нового вооружения для армии и авиации. За год войны наши войска не раз попадали в окружения и полуокружения. Наша армия в отходах и контрударах была значительно ослаблена. Предпринятые на юге весной сорок второго наступательные операции не получили развития, закончились неудачами и отходами, что еще больше ослабило войска. Для крупного нашего наступления в летней кампании не было никакой возможности. Только строить крепкую оборону: глубокую, многополосную, с траншеями и отсечными позициями, с сильными минными полями. Ибо с весны инициатива вновь начала переходить в руки противника, и мы находились в тревожном ожидании вероятного наступления немцев. Только нам в низах – да, как оказалось, и в верхах не дано было знать, где враг нанесет главный удар. Почему-то многие из нас – от малого до крупного военачальника – больше тревожились за Москву. Хотя противник наиболее грозной силой стоял на юге, в Приазовье, Донбассе.

Только поулеглись наши треволнения по поводу налета авиации противника на Поти, как мы получили ошеломляющее сообщение. В конце июня – начале июля южные войска противника мощным ударом взломали оборону наших войск Южного и Юго-Западного фронтов, от Таганрога до Харькова и севернее, и высокими темпами вели наступление в восточном направлении, в излучину Дона. Прошло немного дней, и нам стало известно, что в конце июля противник захватил Ростов-на-Дону, форсировал Дон и устремился на юг по Северному Кавказу. Появилось кавказское направление.

Время покажет, что противник продвигался более 20 километров в сутки, это высокие темпы наступления – хотя и не июньские сорок первого (30 км), но и не осенние в Донбассе (7 км). Достаточно сказать, что 600 километров от Дона до Моздока противник преодолеет менее, чем за месяц.

Посредством «блицкрига» к зиме сорок первого года выйти к Волге и на Кавказ не удалось. Не получилось. А сейчас, выходит, Гитлер пытается осуществить это снова. И позже нам станет известен его план захвата Кавказа с прицелом на Индию. На других фронтах – в центре и на севере – немцы не проявляли такой активности.

Я так тогда подумал: стало быть, на нас вновь обрушилась внезапность, коль скоро враг так быстро прорвал нашу оборону и так стремительно продвигается в двух направлениях: к Нижней Волге и по Северному Кавказу. И, видно по всему, ему не была своевременно противопоставлена мощная группировка наших войск с глубокоэшелонированной инженерной обороной с траншеями, которые уже утвердились в Одессе, Севастополе, Ленинграде.

Получается также, что к лету сорок второго надлежащими инстанциями не было хорошо поставленной разведкой (агентурной, войсковой, авиационной) установлено сосредоточение крупных группировок войск противника на юге и их направленность, а если и установлено, то, возможно, были сделаны неправильные выводы о их предназначении[40]. Как выяснилось, от Таганрога до

Харькова и севернее изготовились к удару две немецкие полевые армии (17-я и 6-я) и две танковые армии (1-я и 4-я), а также подтягивались 3-я и 4-я румынские, 8-я итальянская и 2-я венгерская армии. Такого компактного сосредоточения вражеских войск в полосе других наших фронтов не было зафиксировано; может быть, этому сосредоточению не придавалось значения, оно считалось демонстрацией ложного направления, для камуфляжного прикрытия другого, возможно истинного главного направления удара? Но ведь такими крупными группировками манипулировать для обозначения камуфляжной демонстрации – противоестественно: идет против науки, и в истории не наблюдалось.

И в связи с этим, сама по себе, логична мысль о даре предвидения событий, по объективным явлениям, а не по интуитивным соображениям. Выходит, что этот дар не сработал в обоих случаях?

Разведкой всех видов, научным анализом данных, трезвой оценкой обстановки на всех фронтах не были вскрыты намерения

гитлеровского командования на лето сорок второго года. Официальная история назовет это просчетом. А генерал армии Штеменко откровенно и честно запишет в воспоминаниях «Генеральный штаб в годы войны» (т. 1, с. 57): «Прогноз Ставки и Генштаба был ошибочен». Только этот ошибочный прогноз дорого обошелся нашему народу, стоил большой крови и, как и лето сорок первого, поставил нас на грань: быть или не быть. Тогда была мысль, что противник продолжит прошлогоднее наступление в центре, это стало идеей: ждали удара на Москву, что непростительно для того эшелона руководства, которое владеет мощной разведкой и крупным мыслительным аппаратом.

Думали о Москве, а противник устремился через Дон к Нижней Волге и на Кавказ.

И не надо было быть большим мудрецом, чтобы определить мощь сухопутных сил: немецкая авиация начала заваливать Волгу морскими магнитными минами против судоходства.

Обозначилась коварнейшая и смертельно опасная для нас, для ведения нами войны, для народного хозяйства, военной экономики, цель Гитлера: лишить нас кавказской нефти, единственного источника горючего (здесь мы добывали более 90 процентов нефти), путем его захвата и пресечения перевозок по Волге.

Чтобы понять как выглядел этот вражеский замысел, лучше заглянуть в трофейные документы, опубликованные в книге «Совершенно секретно. Только для командования» (составитель – полковник В.И. Дашичев) и почитать дневник начальника германского Генштаба Гальдера, того периода. Посмотреть на события прошлого с послевоенных позиций, тогда более четко станет ясным, что вопросы о захвате наших кавказских нефтеносных районов и пресечении наших перевозок нефтепродуктов по Волге и Каспийскому морю возникли у немцев не внезапно – в 1942 году, – а являлись с самого начала планирования войны против нас стратегическими целями.

Согласно записи Гальдера от 31 июля 1940 года, когда гитлеровцы приступали к планированию войны против СССР, Гитлер уже тогда назвал Баку, как объект, подлежащий захвату. 9 января 1941 года, на совещании у него, Гитлер подтверждает это: «Необходимо овладеть районом Баку». Сразу после нападения на СССР, уже в июле 1941 года, в Ставке германского вермахта (вооруженных сил) был составлен «План наступления через Кавказ», в котором было указано: цель операции состоит в том, чтобы овладеть кавказскими нефтяными районами и занять к сентябрю 1942 года перевалы на ирано-иракской границе; после выхода немецкой армии к Волге к зиме 1941 года, начать с

ноября 1941 года овладение районами Кавказа, чтобы в мае 1942 года закончить стратегическое развертывание сил для наступления в Закавказье, Иран, Ирак (а дальше и в Индию); в плане дается подробная характеристика местности по всем районам Кавказа и дается оценка противника (то есть нас) – русские рассматривают Кавказ (хребет), как последний защитный вал для своих нефтяных месторождений и коммуникации с Персидским заливом (через который потом пойдут для нас поставки наших союзников). 23 июля 1941 года в директиве гитлеровского командования южные немецкие войска впервые в приказном порядке нацеливаются на Кавказ – Гитлер приказывает: «После овладения Харьковским промышленным районом предпринять наступление через Дон на Кавказ». В своем приказе от 21 августа 1941 года Гитлер приказывал: главнейшей задачей до наступления зимы считать не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных районов на юге и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере – окружение Ленинграда. И на второй день в своей записке главкому сухопутных войск Браухичу Гитлер категорически требует: как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть, чтобы лишить ее этой нефти. В директиве от 8 декабря 1941 года о переходе к зимней обороне Гитлер требует за зиму выйти на Дон, чтобы весной наступать на Кавказ. 28 марта 1942 года на совещании по предстоящей летней кампании Гитлер потребовал: не ослаблять наступления на юге; без нефтяных источников русские не могут обойтись. А Геббельс 20 марта записывает в своем дневнике: фюрер хотел захватить Кавказ и тем самым поразить советскую систему в уязвимом месте. 5 апреля 1942 года Гитлер издал директиву о продолжении войны на предстоящее лето, в замысле которой полностью исключалось наступление на Москву, овладение Ленинградом ставилось в зависимость от возможностей, а вот на юге прямо указывалось: осуществить прорыв на Кавказ. И в связи с этим появился термин: главная операция. В директиве так и записано: «Поэтому, в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке, с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет». Кавказ с его нефтью провозглашался главной целью наступления германской армии в лето сорок второго года, а восточное, Волжское направление предназначалось для прикрытия немецких войск, устремившихся на Кавказ, от ударов им в тыл советскими войсками, находившимися на Дону и Волге. И директивой от 23 июля 1942 года Гитлер приказывает основной

удар наносить на Кавказском направлении: туда бросить в наступление крупные силы танковых и механизированных войск, пехотные, егерские и горные дивизии с целью окружить и уничтожить советские войска, отошедшие на Северный Кавказ, после чего захватить нефтяные районы Грозного и Баку. А ударом через перевалы Кавказского хребта овладеть Закавказьем и черноморским побережьем с портами и покончить с Черноморским флотом[41].

Даже сейчас, по прошествии более сорока пяти лет, страшно вспоминать, какой замысел удумал Гитлер против нас в сорок втором году. Путем захвата единственного у нас кавказского источника нефти (Бакинского, Грозненского, Майкопского) поставить нас на колени – парализовать, остановить весь моторный парк Советских Вооруженных сил и страны в целом: танки, авиацию, флот, автомобили, тракторы, локомотивы, все двигатели страны и нефтехимию.

Наступая на восток в излучину Дона, чтобы по кратчайшему пути выйти к Нижней Волге у Сталинграда, войска противника, входившие в состав группы армий «Б», 17 июля на реке Чир (правый приток Дона) были встречены огнем передовых отрядов наших войск, прикрывавших Сталинград. Этим было положено начало битвы за Нижнюю Волгу, за Сталинград.

Другая группа войск противника, составляющая группу армий «А», нацеленная на юг, на Кавказ, 23 июля захватила Ростов, а 25 июля на южном берегу Дона началась битва за Кавказ. И так как в замыслах врага Кавказское направление было главным направлением, то сюда гитлеровское командование и нацелило более сильную группировку войск, чем к Волге.

На наши ослабленные в предыдущих боях армии, объединенные в Северо-Кавказский фронт, под командованием С.М. Буденного, враг обрушил основную массу своих танковых и механизированных войск – 1-ю и 4-ю танковые армии, с пехотными румынскими дивизиями. Они, наступая в южном и юго-восточном направлениях к Тереку, уже 6 августа заняли Армавир (мой родной город) – темп наступления вражеских войск был весьма высоким, до 25 километров в сутки. Из оборонявшихся на этих направлениях трех наших малочисленных армий, сведенных в Донскую группу, одна была отброшена к Волге, другая – к западу, а третья – 37-я – отошла к Тереку. Донская группа перестала существовать. Сопротивление противнику, рвавшемуся к Тереку по степным просторам Западного Ставрополья, оказывалось слабое.

Западнее 1 – й немецкой танковой армии действовала 17-я немецкая полевая армия с румынскими дивизиями. Она состояла

из пехотных и горных дивизий. Наступая от Ростова в южном и юго-западном направлениях, она уже 12 августа заняла Краснодар и Белореченскую. На этих направлениях оборонялись наши фланговые армии Северо-Кавказского фронта, сведенные в Приморскую группу армий, которая, отбиваясь, отошла к предгорьям западной части Кавказского хребта, ориентировочно в полосе от Анапы до Сочи. К предгорьям средней части Кавказского хребта (ориентировочно в полосе Сочи – Нальчик), к которым с севера не отошли наши войска и они остались неприкрытыми, нацелились горнострелковые соединения противника – немецкие и румынские. Это уже прямо и непосредственно угрожало Главной (Потийской) военно-морской базе и базировавшемуся в ней Черноморскому флоту.

При отходе наших армий Северо-Кавказского фронта к Тереку и Кавказскому хребту под ударами многократно превосходящих вражеских сил нарушалось управление войсками фронта, но наши воины, части, возглавляемые командирами и комиссарами, героически отбивались от наседавшего врага – отходили, нанося контрудары. И все-таки нужно признать, что настоящего, во фронтовом масштабе оборонительного сражения за Северный Кавказ, а затем отхода к Тереку и предгорьям не получилось. И этому есть авторитетное свидетельство участника этих горестных событий Маршала Советского Союза А. А. Гречко, командовавшего тогда одной из армий. В своей книге «Годы войны. 1941–1943» (с. 90) он писал: «Во время отхода нарушилось управление. Штабы фронта и некоторых армий часто теряли связь со своими войсками… К концу дня 28 июля между армиями образовались большие разрывы. Фронт обороны был нарушен. Войска оказались уже неспособными сдержать натиск превосходящих сил врага и продолжали откатываться на юг». Добавлю, что уже у Дона, в начале отхода, между Донской правой группой и Приморской левой группой армий сразу образовался разрыв в сотни километров, и первая группа отбрасывалась к Каспию, а другая – к Причерноморью.

С тяжелыми потерями стремительно отходили, теряя большие территории, наши войска на Волжском, Сталинградском направлениях.

Тогда казалось: нет удержу врагу, и ход событий непредсказуем.

И вот как раз в это отчаянное время мы получили суровый приказ народного комиссара обороны Сталина номер 22 от 26 июля с обращением к воинам армии. Другого подобного за всю войну не было. Все воевавшие до сих пор хорошо его помнят. В нем резко осуждались неоправданная, необоснованная сдача

выгодных и удобных для обороны рубежей, оставление городов и сел, потеря больших территорий. «Отступать дальше, – говорилось в приказе, – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину… Пора кончить отступление… Ни шагу назад». И все-таки наши войска продолжали отходить. Потребуются еще время, удобные рубежи, смекалка, мобилизация всех физических и духовных сил, суровые меры, чтобы наши военачальники и войска дали врагу настоящий, в нашем духе, бой, но уже на подступах к Сталинграду, на Кавказском хребте, на Тереке, когда отступать уже некуда было: сзади Волга с караванами нефтеналивных судов, Закавказье, черноморское побережье, Черноморский флот, грозненские нефтепромыслы, за ними главное – бакинская нефть. Потерять все это означало бы конец войне. И на ум сразу приходят слова приказа Сталина: отступать дальше – это значит погубить себя, Родину, это конец всему.

Только этот приказ, скорее всего, является обвинительным документом прежде всего самого Сталина, ибо в наших неудачах в лето 1942 на юге прежде всего повинен

Сталин. Наши войска под ударами превосходящих сил противника поспешно, порой в беспорядке, отходили к Волге и к Кавказскому хребту, с большими потерями в людях, оставляя врагу огромные территории плодородных земель с созревшим хлебом, в котором так нуждались страна и армия.

В горьких раздумьях о бедственном положении на фронте нельзя было не прийти к печальному выводу: Красная Армия отчаянно сражается без надлежащего высококвалифицированного военного руководства, она не имеет умного и грамотного Верховного Главнокомандующего и опытного, творчески работающего Генерального штаба, способного восполнить ущербность Верховного.

Сталин обладал скудными знаниями о военной науке, имел некоторые понятия о современном оперативном искусстве и стратегии. По утверждению военного историка генерала Н.Г. Павленко, у него хранится магнитофонная пленка с изречением маршала Жукова о том, что решения Сталина по военным вопросам являются младенческими. Сталин был невеждой в военном деле. Да и откуда взяться иному при «церковно-приходском» образовании, при общем невежестве и увлеченности Сталина чисткой кадров, репрессивными делами.

Первый год войны показал полную несостоятельность Сталина в руководстве защитой нашей Родины, я бы сказал, банкротство его в деле стратегической обороны страны.

При внезапном нападении на нас Гитлер просто одурачил Сталина, внушая ему, что германские войска отведены на восток

к советской границе, чтобы вывести их из-под ударов английской авиации и для тренировок в десантировании в будущем на английские острова. Сталину не дано было понять и разобраться в характере сосредоточения и развертывания немецких войск. В результате враг за три недели войны проник на 600 км в глубь нашей страны. Из-за неумения руководить, безграмотности в течение 1941 года во вражеском окружении оказались 12 наших армий, мы потеряли миллионы людей и огромную территорию. Ответственность за это в большой степени лежит на Сталине. В поражении под Киевом в сентябре 1941 Сталин персонально и единолично виновен. Он не мог не видеть сосредоточение немецких войск на флангах Юго-Западного фронта, защищавшего Киев – на севере в районе Конотопа и на юге – у Кременчуга, что грозило окружением войск фронта. Но он упорно требовал продолжать оборонять Киев. Произошла катастрофа, и мы потеряли сотни тысяч людей, технику и оружие.

Вот и теперь, весной 1942 года, Сталин не разобрался в обстановке на юге, ему не дано было понять смысл сосредоточения немецких войск от Таганрога до Харькова. Немецкой группировке не было противопоставлено достаточно войск, не была осуществлена стратегическая инженерная оборона. И мы сейчас терпим поражение. Не помог и приказ Сталина № 227, ибо он ничем не был подкреплен.

В руководстве армией и обороной страны не на высоте оказался и Генштаб. Он был молод и еще не окреп после репрессий 1937–1938 годов. В нем почти не было военачальников с большим опытом вождения крупных войсковых масс. Не было опыта в ведении современной войны, не хватало и гражданского мужества отстаивать свои идеи, чтобы открыть глаза малограмотному Сталину на угрозу, идущую от врага.

Генштаб, возглавляемый генералом Жуковым, ограничившись устными докладами Сталину, не смог ему доказать неизбежного и скорого нападения Гитлера на СССР. Посещение 14 июня Жуковым и Тимошенко Сталина с устными докладами не убедило последнего в необходимости изготовить Красную Армию; наоборот, он навязал им свою бредовую концепцию о сроках войны и поступил с ними, как с первоклашками. А здесь требовался мужественный письменный доклад с картами и устрашающими ситуациями, чтобы даже невежда дрогнул и прислушался к голосу своего штаба. Нет в архиве такого доклада от 14 июня 1941 года. Не настаивая на своем, оба они ушли от Сталина, убоявшись его гнева. Больше пеклись о своем кресле, своей карьере и жизни.

Не хватало им гражданского мужества, чтобы в

ультимативной форме поставить вопрос; ничего серьезного Генштаб после 14 июня не предпринял (если не считать выезда командования округов на боевые КП), чтобы предпринять элементарные меры повышения готовности Красной Армии, которые нарушили бы запретные указания Сталина. К примеру: рассредоточение авиации на полевые аэродромы, вывод войск на промежуточные рубежи, отзыв артиллерии с полигонов стрельбы в свои войска, вывод войск из лагерей и казармы, создание инструкции по оперативной готовности и т. п.

Нападение врага застало воинов Красной Армии спящими в казармах и лагерях. Армия была подставлена под внезапный удар. За такое ни в одной стране военачальникам памятников не ставят.

Постыдна роль руководителей Генштаба в киевской катастрофе. Они не только не собирались доказывать Сталину необходимость отвода войск Юго-Западного фронта из ловушки, но даже поддерживали безграмотные намерения Сталина удерживать Киев в условиях, когда конотопская группировка врага уже заходила в тыл наших войск. Нашелся умный человек. Не выдержав напряжения, начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Тупиков, отбросив карьеристские соображения и преодолев страхи с угрозами со стороны Сталина и Шапошникова, послал телеграмму Шапошникову о необходимости немедленного отвода войск Юго-Западного фронта из мешка, иначе через несколько дней наступит катастрофа. Вместо вдумчивого рассмотрения доклада Шапошников прислал на фронт нелепое обвинение Тупикова в паникерстве. А через два дня немцы ударами с севера на юг от Конотопа и с юга на север от Кременчуга, замкнули у села Лохвицы кольцо. В окружении оказалось 4 наших армии. Мы потеряли сотни тысяч людей. Погибло все командование фронтом. Это не только на совести Сталина, но лично и Шапошникова и его первого заместителя генерала Василевского. Они несут персональную ответственность за гибель четырех армий. Генштаб (это признает и его глава Штеменко) повинен в том, что прошли угрозы противника в 1942 году на юге и не потребовал у Верховного укрепления обороны на юге.

Ценой больших потерь наша армия выстояла, несмотря на ошибки руководства. Выстояла благодаря высоким моральным данным советского воина. Но цена победы была очень высока.

Всегда, и в тот лихой час лета сорок второго, я веровал в нашу конечную победу, так как считал, несмотря на огромную вражью силищу, с хорошо подготовленными военачальниками, авантюристичный разбойный поход германской нации – в два с

половиной раза меньше советского народа по численности (а это один из решающих факторов войны), да с таким дерьмом в голове, как превосходство в происхождении.

Но когда в равнинных степях Дона, Кубани, Ставрополья, где вовсю задействовали немецкие танки, механизированные войска, огромные массы пехоты, стала рушиться цельность нашего фронта, то сам план Гитлера – в скоротечном темпе пресечь перевозку нефти по Волге и, еще хуже, захватить кавказские нефтепромыслы —

представился мне весьма грозным и зловещим, напоминающим прошлогодний июньский ход событий. И если отрешиться от беллетристических эпитетов – «бесноватый ефрейтор», недоучка, то саму идею замысла гитлеровского плана никак не назовешь недальновидной (хотя по силам, средствам, морально-политическим факторам, способам достижения цели он был авантюристическим).

В самом деле. Давайте посмотрим на карту. Бакинские нефтепродукты шли огромным потоком по главной прифронтовой рокадной магистрали – по Волге. Она, проходя по тылам всех наших фронтов, вплоть до Волховского, буквально спасала наше положение, питая горючим все наши Вооруженные силы: армию (танки, автотранспорт), авиацию и флот, а также военную экономику, все народное хозяйство, работавшее на войну с Германией. Нефтеналивной флот Каспия и Волги работал с невиданным сверхчеловеческим напряжением во имя фронта. В случае захвата противником Грозного и Баку вся наша боевая и народно-хозяйственная моторная техника, на которой держалась война – война машинного периода войн, – остановилась бы. А это означало бы конец.

Считая Кавказское направление главным, Гитлер направил сюда четыре армии (две полевых – немецкую и румынскую – и две танковых), а к Волге только одну – 6-ю полевую. Это, конечно, не значит, что Сталинградское направление было вспомогательным – оно было прикрывающим для Кавказского, имело стратегическую, такую же, что и Кавказское: лишить нас нефти, только путем пресечения ее подвоза. Но даже первая цель – прикрытие – скоро перерастет в гигантскую битву. Ибо помимо такой стратегической цели, как Волга с ее судоходством, обозначилась другая стратегическая цель.

Уже в ходе наступления немцев к Волге (по апрельской директиве) в директиве от 23 июля Гитлер пишет: «Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять». Значит, помимо кавказской группировки советских войск

появилась вторая – у Сталинграда. Это новая забота у Гитлера, которую он ранее не видел. И это заставляет его наращивать усилия и в этом направлении. Гитлеру нужна Нижняя Волга с судоходством. Но на этом пути становилась сталинградская группировка советских войск, без ликвидации или хотя бы нейтрализации которой нечего и думать об овладении Нижней Волгой. И он скоро снимет с Кавказского направления 4-ю танковую армию и перенацелит ее на Сталинград, на помощь 6-й полевой армии, а также подтянет румынские войска. Еще дальше на фланге будут стоять итальянские и венгерские войска. Вот это дергание войсками, перенацеливание и втягивание сателлитов драться за совершенно чуждые и непонятные интересы говорит лишний раз, что гитлеровское командование испытывало большие затруднения в связи с нехваткой войск, чтобы быть везде сильным, и особенно на этих двух главных направлениях войны в сорок втором году. Шутка ли сказать, если в день нападения длина фронта главных ударов составляла всего 750 километров по прямой (от Балтики до Карпат) и в них задействована 141 дивизия, а через три месяца, к октябрю, фронт растянулся до 1500 км по прямой (от Ладоги до Азовья) и на нем действовало 150 немецких дивизий, то к осени фронт растянулся до 2290 км по прямой (от Ладоги до Терека), а немецких дивизий добавилось плюс 7 из 11-й армии, освободившейся от Севастополя. Оперативные плотности войск гитлеровской армии не соответствовали целям, поставленным перед главными ударами, и даже нашим ослабленным армиям удалось остановить врага, дать ему бой и не допустить к главным объектам: Сталинграду, Баку, Закавказью. У немцев не хватало войск, чтобы наращивать усилия на главных направлениях. 6-я армия, штурмуя Сталинград, поставила у себя на флангах, которые полагается особенно бдительно охранять и оборонять, румынские войска, они и были нами разгромлены в ноябре легко и быстро, что привело к потрясению всего фронта 6-й армии. Привлечение сателлитов, не знавших, за что они воюют, производилось не от хорошей жизни – не хватало своих. Достаточно сказать, что участок советско-германского фронта от Сталинграда до устья Волги длиною в 600 километров был заполнен немецкими войсками, это был разрыв в немецком фронте – немецкая группа армий «А» действовала на Кавказе в отрыве от основного фронта, не имея оперативной связи с основными силами.

Все это подтверждает тезис, что задуманный Гитлером поход на Кавказ, хотя и был коварен для нас по замыслу, но по силам нереален, не хватало войск, Германия задыхалась в мобилизациях для формирования новых дивизий.

В директиве Гитлера от 23 июля были записаны три зловещие пункта о минировании авиацией Нижней Волги мощными морскими магнитными минами, чтобы парализовать плавание по ней нашего военного и торгового флота, этим пресечь доставку нефтепродуктов для фронтов и народного хозяйства.

И наш Военно-Морской Флот на себе испытает всю тяжесть борьбы против этого зловещего приказа Гитлера. И если для срыва намерения Гитлера выйти на Волгу на суше понадобиться четыре месяца, то для полной ликвидации минной опасности на Волге уйдет два с половиной года.

Еще войска сражались на подходах к Дону, а авиация противника, летая через фронт, начала сбрасывать в Волгу парашютные донные морские магнитно-акустические мины со взрывчатым веществом весом около 300 килограммов. И подрываясь, запылали наши нефтеналивные суда. Приходилось поначалу закрывать районы, прекращать перевозки и искать обходные пути. А фронт взывал о подаче горючего. Ко всему этому, он стал наносить авиацией бомбоштурмовые удары по судам с горючим как на Волге, так и в Северном Каспии. Создалась угроза нашим фронтам и тылу.

Вот и эту идею вражеского замысла никак не назовешь дальновидной – перехват путей доставки горючего был не менее грозным, чем захват нефтепромыслов. Тут все было продумано. Кроме, конечно, двух факторов: 1-й – силенок у врага явно не хватало и 2-й – наше упорное сопротивление.

В директиве Гитлер приказывал: разгромить советские войска у Сталинграда, захватить город и «нарушить перевозки по реке». Вот какая конечная цель. Далее еще сильнее: «ударом вдоль Волги выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги».

Все время вопрос о нефти и на Кавказском, и на Сталинградском направлениях являлся главным. Пока шла битва за кавказскую нефть враг также старался перерезать пути ее доставки на фронты посредством минирования Волги и нанесения ударов, а также захвата войсками правого берега Нижней Волги, чтобы пресечь перевозки по реке.

Вот в связи с этой борьбой за нефть и Сталинградское направление из прикрывающего становится таким же, как и Кавказское. А чуть позже, когда наше Верховное командование сосредоточит в районе Сталинграда крупные группировки войск, а противник ответит наращиванием здесь усилий, оно станет решающим для судеб и Волги, и Кавказа, и страны в целом. Советское командование сосредоточением войск и усилением сопротивления у

Сталинграда приковало к нему мощную вражескую группировку, и это направление стало главным. А борьба на нем станет переломной в войне.

Чтобы правильно усвоить цель Гитлера в сражении сорок второго года на юге, надо отрешиться от мысли, что его целью был Сталинград, как город для облегчения ведения войны. Десятки таких промышленных центров уже были захвачены. Один Донбасс чего стоит. Ни в одной директиве Гитлер не ставил этот город как самоцель. Наоборот. Указывал: «Особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда»… «нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника… вслед нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани! Овладеть Нижней Волгой – вот основная цель для войск, наступавших на восток». И это был лейтмотив апрельской и июльской директив Гитлера. Это уже потом всем ходом событий противник был втянут в борьбу за Сталинград, его приковали здесь к себе наши войска, не уничтожив которые, не выйдешь к Волге, чтобы перехватить главную магистраль Страны Советов. Такое могло произойти у любого населенного пункта Нижней Волги, где сосредоточились бы наши войска. Не трогать их и устремиться к Астрахани нельзя было, так как они тотчас бы нанесли удар в тыл врага. А других свободных войск для взятия Астрахани у противника не было.

Главная заслуга Сталинграда состоит не в том, что он выстоял, выжил, ибо от него ничего не осталось, а то, что и он стал воодушевляющим символом, взывавшим к победе: не пустить врага к Волге. Сражаясь в развалинах Сталинграда, наши воины не пустили врага к великой русской реке, ставшей стратегической магистралью. В этом – доблесть города на Волге. Слава ему!

Работая над рукописью этой книги, мне довелось познакомиться со статьей в «Комсомольской правде» от 2 августа 1985 года «Волга твоя и моя», принадлежавшей перу известного обозревателя В.М. Пескова. Вот кусочек из нее: «Не Сталинград по себе был нужен фашистам. Город стал точкою преткновения в борьбе за Волгу. Потеря пути по Волге с Юга на Север, по которому шла бакинская нефть, могла бы стать для нашей страны катастрофой». Сильно, умно сказано. Получилось, как у крепкого военного историка-исследователя сражения сорок второго.

И Кавказское, и Сталинградское направления были главными, так как на обоих шла борьба за нефть, она могла решить исход войны.

Но Кавказское имело и другие, далеко идущие, цели: захватить Закавказье с черноморским побережьем, уничтожить

Черноморский флот, вовлечь Турцию в войну против нас, захватить Иран и Ирак, а через них распространиться по Ближнему и Среднему Востоку и наступать в Индию – отобрать у Англии все ее колонии в Азии. Тут решалась судьба многих.

Уже в начале августа, когда противник захватил Армавир и Майкоп, реально обозначилась угроза Закавказью и Черноморскому флоту. Похоже было на то, что нам, морякам, надо готовиться к боям на суше всеми родами морских сил.

И уже – в который раз! Ну что ж, нам не привыкать: за нами Одесса, Очаков, Очаковские острова Березань и Первомайский, Кинбурн, Николаев, Западная Таврия, Тендра, Перекоп, Крым, Севастополь. И командир Главной базы флота генерал М.Ф. Куманин, как специалист по пехотной части, возглавил работы по созданию полевых инженерных рубежей обороны Поти. Однако непосредственным руководителем работ был начальник инженерной службы базы Л.В. Зубарев (которого затем сменил Коломны) со своими помощниками.

За мной оставался одесский опыт боев на суше. В связи с этим я рекомендовал отказаться от ячеечно-окопных ротных опорных пунктов, объединяемых в батальонные оборонительные районы, сквозь которые можно проехать машиной, лавируя между окопами, представляющими собой сумму ячеек, соединяемых ходами сообщений. И предложил создавать траншеи и, как частный случай, окопы с ячейками. Инженеры согласились, пехотные командиры одобрили, а командир базы утвердил, и работа закипела.

В окрестностях Поти много болот, не везде зароешься в землю, и многое делали насыпным, с утрамбовкой и облицовкой, как говорят в армии – с одеждой крутости.

Одновременно мы начали изыскивать полевые орудия – без них никак нельзя вести полевой бой, в котором часто применяется прямая наводка, вести навесной огонь с крутой траекторией. Мы приступили к формированию двух полков морской пехоты. А в городе продолжалось ужесточение режима и укреплялся порядок в гарнизоне.

Как раз в это время враг повел настоящее наступление против наших тылов – начал по ночам высаживать парашютные десанты разведчиков и диверсантов в районы, прилегающие к Поти. И нам, командованию базы, совместно с командованием 46-й армии, пришлось создавать летучие отряды бойцов на машинах, которые преуспели в уничтожении и пленении вражеских лазутчиков, действовавших против нашей армии и Потийской базы. В этом деле отличилась военная комендатура Поти. Ее возглавлял доблестный защитник Севастополя, комендантом

которого был до последнего дня обороны подполковник А.П. Старушкин. Строго требовательный офицер, крепкий организатор, не терпевший разболтанности, беспощадный к разгильдяйству, не признававший компромиссов в этих делах. До сих пор добрым и теплым словом поминаю Андрея Парамоновича и его помощников за их усердие по службе, круглосуточное бдение, оперативность, твердость, обеспечившие нам образцовый порядок в гарнизоне и безопасность города от проникновения в него нежелательных лиц, и особенно диверсантов и шпионов.

Мы приступили к усиленной тренировке береговой артиллерии к боям на суше. И тут я много полезного из одесского опыта подсказал начальнику артиллерии базы полковнику С.И. Маркину, в особенности по организации корректировочных постов для корректировки огня батарей по пехоте и танкам. Сергей Иванович являлся высокообразованным артиллеристом, с чувством высокой ответственности – он настолько преуспел, что уже через две недели доложил о готовности батарей к бою.

А вот с флагманским артиллеристом базы С.С. Макаровым мы начали организовывать базовые корпосты для корректировки огня кораблей эскадры на случай обороны города с суши. Эти корпосты – как и в Одессе – предназначались для постоянного пребывания на передовой, в боевых порядках батальонов. Человек он высокого долга, умный и энергичный, дельное схватывал на лету, быстро усваивал и претворял в жизнь, и порученное дело повел самостоятельно. Что касается кораблей эскадры, то у них колоссальный опыт борьбы за Одессу, Севастополь, Крым, и они находились в состоянии немедленного открытия огня по суше, в поддержку нашей армии.

В эту войну, войну континентальную, мы, моряки, все время находились рядом с армией, бились вместе с ней, так осухопутились, что стали завзятыми пехотинцами и полевыми артиллеристами, и начали забывать, что такое морской бой и романтика морских сражений. Да, так уж сложилась война, что надо было крепко поддерживать, повернув на сушу всю флотскую мощь – береговую и корабельную артиллерии, флотскую авиацию, морскую пехоту

А тем временем эскадра продолжала действовать в интересах армии. Наносила удары по крымским морским коммуникациям, питающим немецкую армию: атаковала конвои и обстреливала порты в Крыму, занятые противником. И проводилось это постоянно с большим риском для больших кораблей. В один из таких ночных набегов в районе Феодосии крейсер «Слава» подвергся массированным атакам торпедных катеров и самолетов-торпедоносцев. Попаданием торпеды у него была

оторвана корма и повреждены винты. Это ведь тоже военное счастье: корму, как топором, отрубило сзади винтов, и они остались висеть на своих кронштейнах у переборки, сзади которой произошло попадание торпеды. Тут в совокупности действовали закономерности и случайности. Капитану 1-го ранга М.Ф. Романову удалось в борьбе за непотопляемость избежать тяжелых последствий и спасти крейсер. Под прикрытием истребителей и в охранении эсминцев он с большим трудом дошел до Поти. Тут на подходе мы встретили его своими кораблями, спасательными судами и буксирами и ввели в гавань.

И вновь – в который раз! – наш умелец, великий мастер, Иван Яковлевич Стеценко, начальник технического отдела флота, нашел выход из положения. Посоветовавшись с помощниками и корабельными инженерами, принял толковое решение. Отрезали корму корпуса недостроенного крейсера «Фрунзе» и приварили, приклепали ее к поврежденному кораблю.

Начинили ее необходимыми механизмами и приборами. И снова – в бой!

В связи с быстрым продвижением противника по Северному Кавказу и угрозой рассечения нашего побережья надвое комфлот решил быть ближе к наиболее опасному направлению и к своим корабельным соединениям и перевел свой ФКП из-под Туапсе в зону нашей базы, в район Сухуми. А вскоре меня вызвали на ФКП флота, и начальник капитан 2-го ранга В.И. Никитин познакомил меня с директивой наркома ВМФ о преобразовании Потийской базы в Главную базу Черноморского флота. Предложения по новому составу сил базы, согласованные с начальником оперотдела О.С. Чуковским, были одобрены наштафлота Елисеевым, и в адрес командира Гривной базы флота пошла директива ком флота. В базу включались 1-я бригада торпедных катеров капитана 1-го ранга А.М. Филиппова, с базированием в реке Хоби, возвращался дивизион канлодок Г.А. Бутакова и дивизион малых охотников Г.И. Гнатенко. А главное – в состав базы включены для усиления ПВО: второй зенитный артполк и эскадрилья истребителей и еще один подвижной дивизион береговой артиллерии на мехтяге. Наша база становилась еще более мощным флотским соединением; в связи с приближением вражеских войск к Закавказью в состав штаба базы были включены пять офицеров связи с передовыми армейскими соединениями, с постоянным нахождением в штабах этих соединений. И для них я тут же заполучил от начальника связи флота капитана 1 – го ранга Г.Т. Громова целое богатство – пять передвижных мощных радиостанций на автомашинах. В тот же день с начальниками отделов флота капитанами 1-го ранга Г.А.

Коноваловым, В.И. Полищуком, и П. Алпатовым были подобраны офицеры и матросы для укомплектования радиостанций, и через два дня рации были у меня в штабе.

Тем временем обстановка на фронтах юга страны, близко затрагивавшая наш Черноморский флот, осложнялась для нас с каждым днем. На Сталинградском направлении 6-я немецкая армия и румынские дивизии форсировали Дон и, перенацелив сюда части 4-й танковой армии, рвались к Сталинграду, к Волге, угрожая нашим перевозкам горючего. Но стремительно нарастала другая, и более опасная, угроза перевозкам горючего для фронтов. А в это время русские продолжают ухитряться проталкивать на север свои нефтяные караваны. Для того, чтобы скорее пресечь это, враг начал наращивать усилия, массированное воздушно-минное наступление на главную магистраль нашей страны Волгу между Астраханью и Саратовым, чтобы немедленно, еще до подхода своих армий, остановить минами судоходство по Волге, скорее остановить наш моторный парк, прежде всего, авиацию и танки, и этим обезопасить свои наступающие авиацию и танки армии от ударов с флангов и с воздуха.

Подробнее о событиях на Волге мы узнали от начальника Главморштаба адмирала И.С. Исакова, посетившего нас, его дополнил нарком, посетивший флот в сорок третьем дважды, а в деталях меня познакомили бывшие в разное время начальниками штаба Волжской флотилии В.В. Григорьев и Н.Д. Сергеев.

Первые минные постановки на Волге вражеская миноносная авиация начала производить в июле, с началом битвы за Волгу, когда бои шли еще западнее Дона и самолеты летали над нашими войсками. А бомбардировщики и истребители начали бомбить и штурмовать в Северном Каспии и на Волге караваны нефтеналивных судов. Флотилия ввела конвойную систему, такую же, как у нас на флоте. До ледостава немцы поставят 342 мины, а в следующем году число их удвоится. Таких массированных минных постановок не видел ни один английский порт и Суэцкий канал.

На самой Волге и над ней развернулось такое же жестокое сражение, как и на суше, и за те же цели, которые Гитлер поставил и перед своими армиями.

Из подорвавшихся на минах и подорванных бомбами танкеров и нефтеналивных барок мощным потоком выбрасывался горящий бензин, он распространился течением по всей водной поверхности, сжигая все на своем пути, и, казалось, горела сама река.

Одно за другим взорвались четыре судна, каждое с десятью

тысячами тонн бензина. Волга пылала как факел. Все это было ошеломляющим! Никто не ожидал именно такого крутого поворота в планах ведения войны противником, а главное – в таких чудовищных масштабах минных постановок, да еще морскими неконтактными минами. Мы тут же приступали к тралению магнитно-акустическими тралами, а чтобы суда с горючим не задерживались, направляли их обходными путями. Ни один наш флот не испытал такого мощного натиска врага таким хитроумным оружием, как немецкая парашютная, донная, магнитно-акустическая мина с многочисленными параметрами[42].

Если на Черном море поставленные противником несколько десятков мин в различных районах доставили нам много хлопот и многомесячных работ даже спустя годы по окончании войны, то можете себе представить, что творилось на Волге, где враг вел не разовую, скоротечную минно-заградительную операцию, а невиданное доселе, ни на одном театре военных действий Второй мировой войны, мощное воздушно-минное наступление, растянутое по времени (две летних кампании) и пространству (до тысячи километров) от Каспия и до Саратова, потребовавшее траления мин в течение трех летних кампаний.

Волжская флотилия, которой командовали сперва контр-адмирал С.М.Воробьев, а затем Д.Д. Рогачев, а начальниками штаба были П.А. Трайнин, а после него М.И. Федоров, получила сперва задачу артподдержки войск Сталинградского фронта. А когда вскорости противник стал забрасывать Волгу минами, была поставлена вторая, более важная, уже государственной значимости задача по обороне объекта стратегического назначения: тралением и прикрытием нефтеналивных судов мощной артиллерией воспрепятствовать противнику прервать нашу единственную рокадную магистраль государственного значения. Почему и состоялось несколько постановлений Государственного Комитета Обороны по усилению обороны Волжской магистрали и, прежде всего, увеличению кораблей флотилии для траления и сопровождения судов. Было увеличено количество тральщиков с электромагнитными и акустическими тралами, по обоим берегам и на фарватерах (на катерах) устанавливались сотни постов для наблюдения за падением мин и засечки мест их для обвехования и надежного траления этого места. Увеличивалось число зенитной артиллерии на кораблях, охраняющих суда, ПВО страны наращивала усилия по прикрытию Волги с воздуха. На Волгу прибыл ученый И.В. Курчатов для теоретических расчетов и обоснования практических мер по созданию магнитно-акустических тралов и по их

размагничиванию, полученных на основании данных, полученных в результате волжских образцов вражеских мин.

Под неослабным контролем ГКО, Ставки, Гештаба и наркома ВМФ развернулась ожесточенная битва за Волгу в воздухе и на воде, на самой реке, силами Волжской флотилии, транспортного флота, с привлечением большой массы гражданского населения для наблюдения падения мин, чтобы не остановилась река нефтяная, не остановился боевой мотор Красной Армии. Борьба за доставку горючего разрасталась с каждым днем. И теперь каждому стало ясно, что нефть является стратегической целью обеих сторон. За нее и пути ее доставки шли ожесточенные сражения на Северном Кавказе, у Сталинграда и на самой Волге. И с их победным исходом Гитлер связал свою победу над Советским Союзом. Задумка Гитлера – вести борьбу за нефть на таком широком фронте от Саратова и до Баку – была чрезвычайно коварной и опасной для нас. Враг держал в своих руках инициативу и навязывал нам свою волю. Мы оказались в отчаянном положении. И недаром же появился приказ 222, имевший целью воздействовать на умы сражавшихся.

Рассматривая эти сражения, нам не надо сбиваться на упрощения в оценке врага – его командования и войск. При этом неуместно пользоваться бранными эпитетами, давать неквалифицированные оценки – это несерьезно и не делает чести пишущему. Тем более, что сейчас это на руку нашим недругам. Слов нет, Гитлер и его окружение допустили роковой просчет в оценке нашего общественного строя, его военно-экономических возможностей, морально-политической стойкости нашего народа, проявили авантюризм. Но ведь поначалу какую могучую военную машину создал Гитлер и в сочетании с искусными приемами, опытом германских генералов и офицеров и дисциплиной войск, он подмял Европу и глубоко проник в нашу страну, куда не ходил никакой другой враг. Мы воевали с умным, опытным, сильным и коварным врагом. Этим, как и другим, объясняется наше отступление. И победа наша тем высоко и ценится, что мы повалили лучшую армию мира. Отступать перед полоумками – зазорно, да и победа над таким – не велика честь. Любители подвешивать врагу дурацкие ярлыки не задумываются, что этим они принижают врага – его ум и мощь – тот покушается на нашу победу! Победу исторического значения на все века.

К середине августа враг подступился к Сталинграду, усиленно минировал Волгу. А на Северном Кавказе армии Северо-Кавказского фронта вели бои в западных предгорьях Кавказского хребта, на подступах к Новороссийску и Туапсе. У Каспия, на Тереке, куда отошли остатки 37-й армии и где

переформировывалась 9-я армия, создавал оборону Закавказский фронт, выдвигая с тыла на север войска. Между войсками Северо-Кавказского фронта, оборонявшимися на западе в предгорьях Причерноморья и войсками Закавказского фронта на востоке – на Тереке, то есть в центральной части северных предгорий Кавказского хребта (примерно от Майкопа и до Нальчика), где наступали вражеские горные дивизии, там наших войск не было.

После того как гитлеровское командование перенацелит 4-ю танковую армию с Кавказа к Сталинграду, Нижняя Волга и Прикаспийская низменность, от Сталинграда и до дельты Терека (Калмыкия, Черные земли, Ногайская степь) не будут заняты противником, как я уже говорил, у противника просто не хватало войск, чтобы охватить такие огромные пространства. Тут образовался большой разрыв, никем не занятый. Это показатель несоизмеримости целей и возможностей фашистской Германии. У 80-миллионной страны мобилизационные людские ресурсы были на исходе – много дополнительных дивизий не подашь на фронт.

Во второй половине августа противник занял Ставропольский край и Кубань – родину мою. На западе враг нацелился на Новороссийск и Туапсе, а на востоке – через Терек к Грозному и далее к Баку. А в центре Кавказского хребта противник мог прорваться через перевалы в Закавказье и к Черному морю. И прежде всего, по Военно-Сухумской дороге, от Черкесска, Карачаевска, через Клухорский перевал, к Сухуми; по Военно-Грузинской дороге, от Беслана, Алагира, через Мамисонский вал, к Кутаиси; по Военно-Грузинской дороге, от Орджоникидзе, через Крестовый перевал к Тбилиси.

Что же собой представляли силы Закавказского фронта, на который сейчас легла самая ответственная задача: защитить Закавказье от Сочи до устья Терека, фактически от Черного до Каспийского моря, и прежде всего, прикрыть Грозненско-Бакинское направление? Помимо войск, дислоцировавшихся в Иране по договоренности, в целях противостояния гитлеровскому проникновению, для охраны наших сухопутных коммуникаций от Персидского залива, по которым к нам шли поставки от союзников, Закфронт имел три армии малой численности и недостаточно вооруженных. 45-я прикрывала границу с Турцией и Ираном. 46-я армия дислоцировалась в Западной Грузии, чтобы оборонять черноморское побережье и Закавказье от вторжения противника через часть Кавказского хребта, это в полосе шириной от Осетии и до Сочи. 44-я армия закончила формирование в Дагестане и была выдвинута для прикрытия Грозного. Она отбилась от турецко-крымского войска, причем был убит наследник крымского хана, и в честь этой победы была выбита

медаль и сложена боевая песня с бурной музыкой и танцем «Наурская». Западнее 44-й, ближе к горам, рубежи заняли 37-я и 9-я армии, под командованием генерала И.И. Масленникова.

Из документов мы узнали, что герой Одессы и Севастополя генерал-майор И.Е. Петров командует 44-й армией, а она, хотя и обороняется на удобном водном рубеже реки Терек, но здесь местность ровная, удобная для наступающего противника, и через нее идут удобные дороги к нефтяным промыслам Грозного. Здесь со всех точек реки всего 60–80 километров до Грозного. А от него через Махачкалу и Дербент шла единственная дорога к Баку. И сюда нельзя было пропустить врага. Во второй половине августа начались бои на Тереке. 44-я армия, во главе с Петровым, не пустила врага за Терек. И я хочу еще повториться: там, где генерал Иван Петров, там можно содержать чуточку меньше войск и устоять, победить.

Противник направил свои основные усилия в полосе 9-й и 37-й армий, чтобы пробиться здесь, более дальним путем, но по удобной шоссейной дороге к Грозному (я уже говорил, что немец страсть любил воевать с удобствами, по накатанным дорогам, – а кто этого не любит?), а также прорваться через Алагир, Беслан, Орджоникидзе к Грузинской и Осетинской дорогам, ведущим через Крестовый и Мамисонский перевалы к Тбилиси и Кутаиси. А от него по шоссейной дороге рукой подать до Поти, главной базы Черноморского флота – это очень опасное направление для нас, моряков. К нашему счастью, здесь 1-я танковая армия противника, имевшая и пехоту, потерпит поражение – ее танки и пехота лягут костьми в Эльхотовском проходе осенью сорок второго.

Перенесемся от Каспия к Черному морю.

В Причерноморье 17-я немецкая полевая армия продолжала теснить наши войска Северо-Кавказского фронта в предгорьях, в Новороссийском и Туапсинском направлениях. Вскоре это фронтовое управление будет упразднено и армии этого фронта будут сведены в Черноморскую группу войск под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко, которая будет переподчинена командующему Закфронтом генералу армии И.В. Тюленеву, который отныне будет нести полную ответственность за оборону всего Закавказья от Черного до Каспийского моря. Конечно, получилось громоздкое объединение до 9—10 армий, с оперативным ему подчинением Черноморского флота и Каспийской флотилии и с большим разносом в пространстве до 750 километров (по прямой). Других таких емких фронтов больше не существовало. Вот почему и были созданы две крупных войсковых группы, сражавшиеся изолированно друг от друга, на

правом и левом флангах фронта, а между ними стояла 46-я армия, подчиненная комфронтом.

Как и в Северной группе войск, на Тереке наши войска Черноморской группы войск (ЧГВ) отчаянно сражались в предгорьях, чтобы не позволить 17-й армии противника прорваться через невысокие горы западной части Кавказского хребта к прибрежному черноморскому шоссе, идущему от Новороссийска и Туапсе, через Сочи и Сухуми в Закавказье, к Главной базе флота и турецкой границе. А как раз 17-я немецкая армия и получила такую задачу. Директивами Гитлера было предписано 1 – й танковой армии наступать в Закавказье, к Баку и Тбилиси, через Грозный и Орджоникидзе, а 17-й полевой армии – наступать в Закавказье по приморскому шоссе от Новороссийска на юг. А между этими армиями через перевалы в Закавказье прорываются горные немецкие и румынские войска по плану «Эдельвейс». Коварное направление. Особенно если проявишь беспечность, допустишь просчет, будешь почесываться, упустишь время для занятия обороны перевалов.

И вот как раз здесь, в срединной части Кавказского хребта, у нас получилось очень плохо. Если на правом и левом флангах нашей обороны, на Тереке и в Причерноморье, оказались наши войска – они отошли от Дона или их выдвинули с тыла, – и они крепко начали сражаться, то между ними, на северных склонах средней части хребта, наших войск не оказалось – туда наши войска от Дона не отходили и с тыла их не выдвинули. Путь врагу к перевалам наших гор был открыт. Сюда, в широкой полосе между Майкопом и Нальчиком, к горным перевалам, проходам и тропам и устремились беспрепятственно 49-й немецкий горно-стрелковый корпус (четыре дивизии) и две румынские горно-стрелковые дивизии. В этой полосе, но на обратной, южной стороне хребта, в Закавказье, дислоцировалась 46-я армия, непосредственно подчиненная командующему Закфронтом. Именно она отвечала за оборону Кавказского хребта в этой полосе.

Можно было ожидать, что командование фронтом и армией осознает угрозу проникновения врага в Закавказье через перевалы, проходы и тропы и как первую меру, самую элементарную в военном деле, вышлют разведку и передовые отряды через все перевалы, проходы и тропы, на северные склоны, чтобы вести сдерживающие бои, а на перевалах, тропах и в проходах начнут возводить укрепления и заполнять их войсками, начиная с конца июля, когда противник повел наступление от Дона к Кавказскому хребту. Сделать это обязывали долг, план обороны Закавказья по директиве Ставки и наконец сталинский

приказ номер 227, приказывавший всем воинам от рядового до командующего: ни шагу назад. Но потребуется новое вмешательство Ставки, чтобы что-то было предпринято, но с большим опозданием.

Потийская база становится фронтовой

В полосе действий 46-й армии находилось все побережье Потийской базы, поэтому она была подчинена этой армии в оперативном отношении, в вопросах обороны побережья, а при необходимости и содействии ей морской артиллерией против вражеской пехоты. Наша база становилась прифронтовой.

Совсем недавно наше внимание было приковано только к воздуху и морю, а в августе мы серьезно повернулись к суше, ибо оттуда базе шла реальная угроза. Когда я следовал служить в Поти в прошлом году, я не допускал мысли, что враг подступится к Кавказскому хребту, который совсем рядом, он прямо нависает над побережьем нашей базы. Теперешняя сухопутная обстановка напомнила мне прошлогоднюю Одессу июля месяца, но только сейчас в худшем варианте. Осажденная с суши Одесса имела за спиной Большую свою землю и надежную с ней морскую связь. А тут – всё, тут – тупик. Конец нашей земли. Сзади – нет Родины. Рядом – Турция, которая, в связи с продвижением немцев к Закавказью, могла со дня на день выступить против нас. Каждый может понять, чем бы это все кончилось, поставив себя на наше место.

Штаб базы внезапно посетили командующий фронтом Тюленев, член Военсовета Чарквиани и комфлот Октябрьский в целях личной проверки на месте готовности Главной базы и корабельных соединений к отражению морских десантов, чтобы к неприятностям на суше не заполучить еще беды и с моря.

После моего доклада на «морских картах совместных действий» с оценкой характера местности у уреза воды и подходов к берегу, а также о составе сил и средств противодесантной обороны, командир базы доложил о готовности базы во взаимодействии с кораблями эскадры, авиацией флота и дивизиями 46-й армии, размещенными вдоль побережья в десантно-опасных районах, отразить любой морской десант. Все противодесантные силы находятся в установленных готовностях. Имеется Наставление ПДО, отработанное на играх и учениях со всеми противодесантными силами, с подъемом по тревоге войск, с выходом их на противодесантные рубежи, с выходом кораблей в море, с проведением учебных артиллерийских стрельб береговых батарей, с подъемом флотской авиации в воздух.

При Тюленеве поднимались по тревоге и в течение часа вышли в море 50 торпедных катеров 1-й бригады и отдельного дивизиона – наша главная ударная сила против десантных кораблей. Октябрьский и Тюленев остались довольны проверкой

базы. Поднималась по тревоге с занятием рубежей и одна стрелковая дивизия. Флотская авиадивизия была обозначена подъемом в воздух одной авиаэскадрильи. Эскадра не проверялась, так как это соединение прошло такой боевой путь, что на нее можно было положиться в любой момент и при любых обстоятельствах.

Тюленев информировал нас, что авиаразведка установила наличие войск противника в северных предгорьях центральной части Кавказского хребта. В связи с этим он посетил 46-ю армию и торопил командование армии с выдвижением частей в горы. А части-то дислоцируются в населенных пунктах, и многие вдали от дорог, ведущих к перевалам и проходам. И когда это они теперь доберутся до перевалов? Ведь каждое подразделение помимо вооружения должно с собой взять запасы боеприпасов, продовольствия и теплой одежды, и после доставки к предгорьям со всем этим придется ползти в гору десятки километров, и все тащить на себе и на ишаках… А вот с ними произошел просчет. В горах самое надежное транспортное средство – ишак, а их оказалось мало, и сейчас приступили к их мобилизации по всему Закавказью.

Полоса обороны 46-й армии – шириной до 400 километров. И я подумал: а как теперь сложится в спешке управление дивизиями, частями, подразделениями, разбросанными по многочисленным ущельям, по которым шли перевалы для колесного транспорта, перевалы и проходы для конного транспорта, человеческие тропы? В дождь туда попадешь только пешим ходом – проволоки для телефонов во все ущелья не хватит, а радио не везде проходимо.

На прощание генерал Тюленев приказал нам: будьте готовы к поддержке нашей пехоты своей подвижной артиллерией. Так как, кроме отрывочных данных авиаразведки, мы больше ничего не получали, войсковая, пешая, наиболее надежная и достоверная разведка от 46-й армии в горах, за перевалами, не проводилась – и это было крупное упущение и командования фронтом, и командования армией, – мы находились в полном неведении: где противник и что он делает, мы посчитали меж собой, что противник безусловно воспользуется проходами через хребет и сможет атаковать с гор и армию, и нашу военно-морскую базу. Такое неведение обязывало нас к активным действиям, мы наращивали усилия в подготовке к борьбе на суше.

Командир базы – целыми днями на строительстве полевых укреплений вокруг города. По его приказанию я направил боевое распоряжение штаба базы командиру 163-го дивизиона береговой артиллерии майору П.И. Скрипкину (комиссар – И.Н. Алехин,

начштаба – Н.И. Корабельников), батареи которого (часть из них подвижные) стояли на побережье от Очамчира до Сухуми, как раз напротив основных перевалов этой зоны – Клухорского и Марухского. Распоряжением дивизиону предписывалось: быть готовым к боевым действиям и на сухопутном направлении, помогать армии устоять. Для чего надлежало: установить связь с командиром 394-й дивизии для организации содействия ей, иметь при штабе дивизии офицера связи, на дорогах от перевалов к побережью, вдоль рек и особенно Кодори и Келасури, развернуть посты сопряженного наблюдения и корректировки огня, пристрелять там репера (ориентиры), форсировать обучение личного состава стрельбе по сухопутным целям, быть готовым выдвинуть подвижные батареи в предгорья. Наш комдив Павел Ильич Скрипкин – человек высокого долга, я бы сказал, человек с высоким чувством собственного достоинства. Я имею тут в виду не амбициозное, престижное достоинство, а вкладываю в него философское содержание.

Комдив Скрипкин еще до получения распоряжения многое проделал по собственной инициативе, а теперь продолжал совершенствовать.

А начарт базы полковник С.И. Маркин готовил к боям на суше всю береговую артиллерию базы от Батуми до Сухуми, особенно ускоренно работал с Потийским 164-м артдивизионом майора А.П. Рожковского. Сергей Иванович Маркин и Александр Павлович Рожковскиий с сильно развитым чувством долга и ответственности, понимая обстановку, все дни проводили на батареях, всесторонне образованные морские артиллеристы, обученные общевойсковому бою, со знанием дела готовили береговых артиллеристов к артподдержке своей пехоты. Проверка батарей показала их хорошую подготовленность.

В Батуми, находящемся рядом с границей, на случай выступления Турции против нас, В.Л. Вилынанский и Н.М. Балан держали под прицелом своих мощных батарей калибром 152–203 миллиметра всю прибрежную полосу, надежно охраняя границу совместно с армейцами и пограничниками.

С флагартом базы С. С. Макаровым мы встретились у флагарта флота капитана 1 – го ранга А.А. Рулля с флагартом эскадры А.И. Катковым и его помощником Н.Я. Сидельниковым и уточнили вопросы организации и корректировки артогня кораблей эскадры и базы в поддержку пехоты на случай обороны Поти с суши.

Готовясь к боям на суше, мы избегали декларативности, и наши действия отражали фактическую готовность Главной базы совместно с армией отстаивать Закавказье.

Вместе со своим заместителем С.П. Петровым, начальником связи Г.М. Пясковским и его помощником В.Ф. Есипенко мы усиленно готовим – обучаем, тренируем, наставляем – офицеров связи и личный состав радиостанций, чтобы они, находясь в армейских штабах, в зоне боевых действий, надежно, быстро, правдиво информировали командование базы о сухопутной обстановке.

Так как эта информация будет нами докладываться командованию флотом и пойдет в Москву, в Главморштаб, как из первоисточника, мы потребовали от этих людей активно добывать данные и тут же стремительно передавать нам, не допуская радиоискажений. Мы наставляли их: вы будете в большом отрыве от нас, вам предоставляется огромная самостоятельность, будьте добросовестны и гордитесь доверием в важном деле большой значимости для флота в целом.

Находясь на голодном пайке по части информации по линии армии об обстановке в горах, мы дольше не могли выносить мучительное неведение и без промедлений направили офицеров связи с радиостанциями по назначению.

Старший офицер связи, человек весьма эрудированный, образованный, предприимчивый, был прикомандирован к штабу 46-й армии, который находился в Кутаиси.

В полосе обороны 46-й армии находились многие десятки перевалов, проходов и троп. Из них наиболее опасные, пригодные для колесного транспорта и вьючных лошадей были (перечислю их, идя с запада на восток): Санчарский (против Гудаута), Марухский и Клухорский (против Сухуми и Очамчира). Клухорский перевал был опасен тем, что через него проходила Военно-Сухумская дорога, далее шел Нахорский (против Очамчира и Зугдиди), далее самый для нас опасный – Мамисонский перевал, через который проходила Военно-Осетинская дорога от Алагира в Северной Осетии к Кутаиси и далее на Поти. А между ними уйма перевалов, проходов и троп, по которым можно было проходить вьючным лошадям и человеку

Для обороны Срединной части Кавказского хребта в числе других дивизий были назначены и выдвинуты (начиная с запада): 20 горнострелковая дивизия, 63-я кавалерийская (спешенная) дивизия, 394-я стрелковая дивизии – они обороняли левую половину центральной части хребта, наиболее близкую к нашей базе (в географических пределах Абхазии и Западной Сванетии). В эти дивизии и были посланы офицеры связи старшие лейтенанты В.А. Панкратов, П.П. Гаюков, Б.И. Востров, с радиостанциями.

Мы сделали большое дело, и это была наша большая удача.

Это совпало с выдвижением этих дивизий к предгорьям.

А так как в предгорьях были еще и наблюдательные посты от артдивизиона Скрипкина, то у нас отныне были в горах свои глаза и уши, мы заполучили надежные источники информации о сложной ситуации на Кавказском хребте и ею снабжали штаб флота.

Наши люди проявляли большую активность и инициативу. По указанию Скрипкина его бойцы с НП артдивизиона частенько поднимались по дорогам и тропам в горы для добывания сведений о противнике – вели разведку, и это сыграет свою роль. А офицеры связи, не довольствуясь данными штабов дивизий, выезжали в штабы полков, уточняли подробности и оттуда передавали нам обстановку. До сих пор поминаю добрым словом всех этих старательных людей, добывавших нужные и важные сведения.

Конечно, не всё и своевременно им удавалось заполучить, так как в самих штабах дивизий и полков не всё было ясно. Ведь воевать в горах, – это не в поле, где многое видно на десятки километров. В горах можно одной усиленной ротой удержать перевал. А вот друг другу, в случае беды, роты, батальоны не помогут – с фланга на фланг или даже по соседству подразделение не сместишь для поддержки и усиления, потому что их разделяют ущелья и горы. Тут только можно быстро помочь выдвижением с тыла по дороге или тропе резервных подразделений, и то на это уйдут не минуты и не часы. Соединения, части, подразделения, даже взводы и небольшие группы ведут бои, не имея спасительного чувства локтя соседа. В горах нет, как в полевых условиях боя, привычных для нас стыков войск на всех уровнях. В горах бьются изолированно, часто не зная, что делается у соседей в данный момент. И тут могла бы помочь только надежная, современная радио– и телефонная связь. Но радиосвязь была не на высоте. Часто не было и телефонной связи, гражданская не развита, да ее и не могло быть в незаселенных местах, а военного полевого провода не хватало на сотни километров ко всем перевалам, проходам, тропам. И спасительным средством оставалась старинная конная и пешая связь с донесениями. Вообще, в горах все держится на человеке – обычная полевая техника почти неприменима – и ему в помощь лошадь и ишак. Когда их стало в достатке, на них доставлялись в горы боеприпасы, продовольствие и малокалиберные пушки в разобранном виде. Маленькое выносливое неприхотливое животное на подножном корму – ишачок – являлось незаменимым транспортом, без него немыслима война в горах.

Пока наши офицеры связи добирались в дивизии, а их

подразделения карабкались в предгорьях к хребту, к нам из штаба армии пришло печальное сообщение: 11 августа на перевал Бечо (в районе Сванетии) прорвались разведчики противника. Вот это да! Было над чем задуматься.

Спустя несколько дней командир нашего артдивизиона П.И. Скрипкин, обеспокоенный неизвестностью и неясностью обстановки в горах, прилегающих к его участку обороны, начал действовать. Он проявил разумную инициативу, приказав командирам НП, выдвинутых по дорогам в горы, с которыми имел устойчивую радиотелефонную связь, направить по дорогам и тропам, ведущим к перевалам, наших разведчиков, и результаты не заставили себя ждать.

От жителей горных селений разведчики узнали, что они наблюдали выше в горах мелкие группы немецких солдат, уже переваливших хребет и спустившихся на южные склоны гор. Эти радиосведения Скрипкин немедленно доложил нам в штаб базы, а мы донесли в штаб флота и сообщили в штаб 46-й армии. А там это сообщение приняли как новость, хотя она была уже двухдневной давности. Через три дня после фактического захвата штаб армии официально известил, что противник занял Клухорский перевал, от которого шла хорошая дорога прямо к Сухуми, причем она и называлась: Военно-Сухумская дорога. Ведь это было чудовищным – пустить врага на такое опасное направление[43].

Я твердо верил, по результатам весенней военной игры у армейских товарищей и горной поездки, что Кавказский хребет легко защитим, при надлежащем бдении и усердии, если на каждом перевале и тропе своевременно посадить подразделение (роту, взвод, отделение) с усилением (пулеметы, мелкокалиберные пушки, зенитные пулеметы), оборудовать рубежи, поставить ДОТы или ДЗОТы, заминировать подходы, произвести на северных скатах завалы деревьями и камнями, наладить вьючный транспорт, оказать поддержку и прикрытие с воздуха. Тогда каждый перевал, проход, тропа станут недоступными врагу, а чтобы их не обошли, на горах выставлять одиночных или парных стрелков с гранатами. Это было настолько элементарно и общеизвестно, что на игре и в поездке не вызвало необходимости изыскивать что-либо новое.

А сейчас получается, что ничего этого не было сделано, кроме совершенно недостаточного, – на некоторые перевалы в начале августа были высланы подразделения, но они не успели закрепиться, и наши надежды на кавказский каменный щит рухнули.

Как же так, думал я: проиграть все на картах, проверить в

поездке, еще три месяца назад, иметь две недели в своем распоряжении с начала наступления противника на Кавказ и не оборудовать неприступные рубежи на хребте; видеть, как враг подступился к предгорьям и не двинуть по тревоге войска к южным предгорьям; знать, что враг обязательно полезет на перевалы, и не двинуться на хребет, чтобы карабкающихся в гору вражеских солдат – пусть они хоть трижды горные стрелки, егеря, «эдельвейсы» – сбросить вниз, в ущелье. Все это на любом языке называется неисполнением долга небольшого числа людей, отвечающих за это дело и обязанных еще в конце июля, когда враг от Дона ринулся на юг, подать команду «в ружье». Все это можно было проделать искусно, так как мы тоже имели свои горные дивизии, бывавшие в этих горах. Мы обязаны были опередить войска противника и распорядиться своими горами лучше, чем враг, ибо мы их лучше знали, чем враг. Это ведь, черт возьми совсем, наши горы, и они прежде всего должны были работать на нас, а не на врага, став ему непреодолимым препятствием, и если уж в равнинных степях, под той же Одессой, Севастополем, Ленинградом, Москвой, Тихвином, Тулой наши воины не раз останавливали врага, и надолго, и даже гнали вспять, то здесь, в более выгодных, чем крепостных, условиях обороны, трижды надо было это сделать. И ближайшее будущее, когда мы начнем теснить врага, сами карабкаясь в гору, подтвердит справедливость этого утверждения. Когда я работал над рукописью этой книги, в газете «Правда» от 28 декабря 1982 года была опубликована статья «Трудные перевалы», в которой очень точно было написано: «Ведь это же наши горы, они должны помогать нам, только нам! А стоишь на каком-нибудь едва проходимом перевале и волей-неволей думаешь: как же случилось, что и его отдавали фашистам?»

Тогда приказ 227 стал суровым упреком тем, кто на уровнях фронта и армии должен был поднять по тревоге войска и стремительно выдвинуть на перевалы, чтобы стоять насмерть.

21 августа капитан-лейтенант А.Р. Конопатский донес из штаба 46-й армии: противник, используя горные части, захватил Клухорский, Нахорский и другие перевалы, наступает, спускаясь по южным склонам. А вслед наш офицер связи Б.И. Востров донес из 20, 63 и 334-й дивизий о захвате противником перевалов Умпырский (против Гагра), Домбай, Ульге. Санчарский и другие – и о его продвижении с перевалов на юг по дорогам и тропам к морю. Это уже не эпизод с перевалом Вечо, а опасные для нас события, охватившие большое пространство. И только сейчас, выдвинутые с большой задержкой, наши войска начали вести оборонительные бои на южных склонах Кавказского хребта в

крайне невыгодных для нас условиях, когда противник надвигается сверху, все просматривает, и когда даже камень – наш камень, сорвавшийся сверху, – против нас. Не надо быть военным, чтобы понять, что разумнее было бы, поспешив всего на неделю ранее, дать бой врагу, когда он карабкался вверх. Уже в конце августа наши войска вели ожесточенные бои со спускающимся к морю противником на широком фронте от Умпырского перевала до Нахорского (Донгуз-Орунбаши), географически – это от западной границы Абхазии и до восточной границы Сванетии. И тогда не ясно было, чем все это закончится?

Создалась угроза прорыва противника к морю в районе Гагра, Гудаута, Сухуми, Очамчира, Поти. Этим отсекалась бы вся Черноморская группа войск, и она попала бы в окружение в узкой прибрежной полосе от Новороссийска до Сочи, где противник уже выходил на горный хребет и готовился штурмовать Новороссийск и Туапсе.

Создавалась прямая угроза захвата портов базирования флота. Наша Главная база флота становилась фронтовой базой. Командиру артдивизиона Скрипкину приказано изготовиться к открытию артогня по вражеской пехоте, взяв под особое наблюдение дороги с перевалов, идущие к Сухуми и Очамчира. А он донес, что уже вторые сутки батареи изготовились к этой задаче. Ничего не скажешь – молодец П.И. Скрипкин, инициативный командир, только на таких и могла держаться война с победным результатом.

В Новороссийске и Туапсе, по примеру Одессы и Севастополя, созданы Оборонительные районы в составе армейских и флотских соединений. И Туапсинский возглавил герой обороны Одессы контр-адмирал Г.В. Жуков.

Бои в южных предгорьях Кавказа – в полосе обороны 46-й армии – вступили в кризисную фазу: противник продолжал теснить наши войска и спускаться вниз на всех направлениях от всех захваченных им перевалов.

И в это время к нам прибыл начальник Главморштаба адмирал И.С. Исаков. Он решал крупномасштабные вопросы взаимодействия Черноморского флота с Закавказским фронтом. Мне было поручено встретить его в Очамчира и на торпедном катере доставить в Поти. Я уже знаком с ним – встречался в довоенное время в Одессе, во время освобождения Бессарабии и в ходе маневров флота в самый канун войны. Но вот так близко и наедине – впервые. Всем своим обликом, внешним видом, манерой держаться, вести беседу, слушать и говорить он производил сильное впечатление. Очень эрудированный, энциклопедически образованный военный человек: слушать его –

истинное наслаждение, полезно, очень познавательно. Непревзойденный знаток всех тонкостей флотского дела, это был настоящий ученый флотоводец – в этом он был схож с адмиралом Макаровым. Весьма корректен – (военный интеллигент) от него не услышишь морского соленого слова. Он из офицеров русского флота. Сразу же в Октябрьскую революцию отдал себя в распоряжение советской власти. Прошел последовательно весь путь военно-морской службы от командира корабля до начальника штаба флота, командующего флотом, а затем стал заместителем наркома ВМФ, начальником Главморштаба (его не коснулись кадровые встряски). И постоянно во взаимодействии с армией. А если принять во внимание его высшее образование и постоянное самообразование в военном деле, то станет понятным, почему Исаков слыл крупным морским теоретиком. Своими выступлениями, статьями, книгами он внес большой вклад в военно-морскую науку и сделал многое для укрепления единства взглядов морских кадров на способы и формы ведения войны на море.

Для молодого наркома ВМФ Кузнецова Исаков был сущая находка, он постоянно опирался на своего начальника штаба! Все важное на флоте было сделано ими в содружестве. Они во многом дополняли друг друга, но у них было немало сходства. Это был счастливый и крепкий сплав всего, что было талантливого тогда в верхах. Я имею в виду, конечно, и адмиралов Галлера, Левченко, Алафузова, и политического руководителя флота Рогова. Иван Степанович Исаков – огромной выдержки человек и не позволял себе бурных наскоков. Очень пытлив и в деловых беседах добирается до глубины вопроса. Дельное схватывает на лету. Весьма общителен. Когда командир 2-й бригады подлодок М.Г. Соловьев пригласил нас к обеду, то за столом Иван Степанович показал себя приятным собеседником и располагал всех непринужденному разговору.

На переходе в Поти Исаков постоянно задавал мне вопросы по службе и делился своими впечатлениями о наших сухопутных горестях – он высказал мысль, что дела в горах приняли непредсказуемый характер. По пути мы зашли в реку Хоби, а в ней и ее притоке Циви помимо двух бригад кораблей – тральщиков и торпедных катеров – уймища недостроенных кораблей и судов: до ста единиц. Глянув своим опытным глазом на обширную акваторию обеих рек и озера, из которого вытекала Циви, с глубинами до 8 метров, он воскликнул: «Вот где можно строить пункт базирования кораблей среднего и малого водоизмещения!». Ему настолько понравилось это место, что он тут задержался на лишний час и побеседовал с кобригом

тральщиков контр-адмиралом В.Г. Фадеевым.

В Поти Исакова встречал комфлот Октябрьский. Похоже – по уговору. Они уединились и приказали дать им морские карты большого масштаба районов Поти, Очамчира и Сухуми.

Через два часа комфлот пригласил командира базы и меня. Как за это время резко изменились у обоих выражения лиц, здесь состоялся какой-то волнующий разговор. Начал Октябрьский. То, что я услышал, сейчас страшно вспоминать.

– Мне тяжело вам об этом говорить, но надо реально смотреть на события в горах. Обстановка на южных склонах Главного Кавказского хребта, по нашей оценке, да и армейских товарищей, настолько опасная для нас, что никто не может поручиться за благополучный исход боев. Противник может прорваться к Поти и Батуми, и флоту конец. Мы не имеем права забывать исторические события 1918 года, когда по указанию советского правительства у Новороссийска был затоплен Черноморский флот. И в наше время есть прецедент, который хорошо знает Иван Степанович…

– Да, когда наше положение под Ленинградом оказалось отчаянным в прошлом году и враг мог захватить Балтийский флот, мы получили в Ленинграде, где я был представителем Наркомата ВМФ, директиву за подписью Сталина и наркома Кузнецова с приказанием подготовить к уничтожению корабли Балтфлота. И так план командованием Балтфлота был разработан. Он не был задействован, так как положение у Ленинграда стабилизировалось. Нечто похожее должно быть сделано и у вас.

– Чрезвычайная обстановка, – продолжал Октябрьский, – не должна застать нас врасплох, мы будем биться до последнего, но должны быть готовыми к худшему и действовать организованно, без паники. О самом плане позабочусь я, а командиру и начальнику штаба базы подобрать места затопления кораблей, базирующихся в Главной базе, и в восемь утра доложить на картах. Глубины затопления – не более 100 метров. К работе допускаются только двое – командир и начштаба базы. И ни слова ни с кем. Начштаба не задерживаю, может приступать к работе.

Приказав своему заместителю С.П. Петрову править штабными делами, я заперся у себя, отключив все телефоны, кроме прямого к ОД базы и к командиру базы. Но я был настолько потрясен сказанным нашими руководителями и самим поручением, что в течение часа не мог приступить к работе. То, что в эти дни, как результат размышлений о наших неудачах в боях за Кавказ, робко подступало к моему сознанию жестокой военной необходимостью, и я гнал эту мысль, считая такое

преждевременным, необоснованным, сейчас было облечено в приказ командующего флотом, согласованный с первым заместителем наркома.

Впервые в своей военной службе я с отвращением приступал к выполнению приказа начальника, да еще глубоко мною уважаемого, чьи приказы мною почитались как непогрешимые и неоспоримые. Они оба только что встречались с командующими фронтом и 46-й армией, и они лучше моего знают положение в горах. Да им и дано видеть дальше и глубже моего. Поэтому – долой эмоции и к работе. Да ведь и речь-то идет всего-навсего о бумажном деле, о первых исходных данных для плана, который, может, не придется выполнять, даже составлять. И все-таки…

Изучив по лоции и на картах прибрежные районы базы, я остановился на одном: от Очамчира до устья реки Ингури, что севернее Поти и Хоби. И запасной вариант: между Поти и Батуми. И начал на картах крупного масштаба наносить ненавистные мне окружности, означавшие, что здесь должен быть затоплен линкор, а здесь – крейсера, эсминцы, подлодки, тральщики, торпедные катера, катера-охотники, суда… Даже сейчас, почти полвека спустя, пишу об этом с содроганием в сердце.

Под утро я доложил командиру базы о выполнении задания. Он согласился с моими предложениями. Далась мне эта ночь, как никакая другая. Даже расставание с Одессой и потеря Севастополя не так больно по мне ударили, как эти черные замыслы против корабельного Черноморского флота.

В восемь утра, как было назначено, Исаков и Октябрьский рассмотрели предложения и утвердили их. Комфлот приказал хранить эти карты в моем личном сейфе. И хорошо… Нет, это слабо сказано. Это наше счастье, что этим страшным планам не суждено будет сбыться. И это сделали наши героические бойцы, сражавшиеся в южных предгорьях Кавказа. Слава им!

Но это будет потом. А сейчас надо сказать суровое слово тем, кто безответственно отнесся к своему долгу, к выполнению приказа наркома обороны СССР номер 22 и позволил врагу опередить нас и беспрепятственно, без сопротивления захватить наши перевалы, что совершенно можно было исключить при своевременном принятии надлежащих мер оборонительного характера.

Конечно, директива Ставки от 20 августа об укреплении обороны перевалов Кавказского хребта оказалась запоздалой – тут Генштаб задержался с ее изданием. К этому времени противник уже был на перевалах и 21 августа поднял свой флаг на Эльбрусе.

Но разве военный человек имеет право ожидать приказа

изготовиться к бою, если противник угрожает объекту, который тебе поручено защищать прежними директивами и планами обороны?

К тому же был уже хороший прецедент. Как только немцы устремились от Дона на юг, 44-я армия сразу, в первых числах августа, была выдвинута на Терек. Почему же не был одновременно отдан приказ другой, соседней слева, 46-й армии, подчиненной непосредственно командующему фронтом, немедленно занять оборону перевалов, еще в начале августа? По недомыслию считалось, что каменный щит хребта сам по себе является преградой. И позже Ставка укажет на это вредное и опасное заблуждение.

В потере перевалов, приведшей к кризису в обороне Главного Кавказского хребта и создавшей угрозу потери Закавказья и Черноморского флота, что привело бы к выступлению Турции против нас, безусловно повинно прежде всего командование Закавказским фронтом – оно должно было вести разведку противника, устремившегося к Закавказью, и своевременно отдать приказ на выдвижение армии на перевалы. Генерал В. Тюленев в своих воспоминаниях признает вину свою лично и своего штаба. Он писал в своей книге «Крах плана «Эдельвейс» (с. 56, 57): «В захвате врагом перевалов немалая вина командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны. 46-я армия неправильно организовала оборону перевалов и попросту “проспала” их. Врага надо было встречать на склонах, а не ждать, когда он поднимется».

За эти просчеты был снят начштаба Закфронта, хотя мы ожидали большего – налицо тяжкая вина перед народом. Новым начальником штаба фронта был назначен генерал П.И.Бодин – я знал его, он был в начале войны (после М.В. Захарова) начштаба армии. Это был сильный штабист. Погибнет он вскоре в боях за Кавказ.

За сдачу перевалов без боя не меньше фронтового, виновно было командование 46-й армии: не вело войсковую разведку противника на северных склонах хребта и не выдвинуло свои войска на перевалы до подхода к ним противника. За что и было смещено.

Командующим 46-й армией был назначен генерал К.Н. Леселидзе (в будущем его именем будет назван город невдалеке от Гагры). Начальником штаба армии стал генерал-майор Микеладзе.

Так как помимо Клухорского перевала противником был захвачен рядом еще один важный перевал – Марухский и

поскольку оба они располагались напротив Сухуми, штаб 46-й армии был переведен в Сухуми, ближе к местам боев на самых опасных направлениях прорыва противника, чтобы надежнее управлять войсками, откуда можно будет чаще выезжать в сражающиеся части на южных склонах.

Прорыв противника через перевалы в Закавказье настолько обеспокоил Центральный Комитет партии и Ставку, что сюда прибыли их представители с чрезвычайными полномочиями. Были проведены крупные организационные меры, укреплено руководство армии, мобилизованы коммунисты и комсомольцы и направлены на усиление частей, сражавшихся в горах.

Наша база территориально входила в полосу обороны 46-й армии и была оперативно ей подчинена, в связи с этим Микеладзе пригласил меня к себе с расчетами сил и средств базы и с Наставлением по противодесантной обороне базы, на торпедном катере через полтора часа я был у него в Сухуми.

Командование армией беспокоили и интересовали два вопроса, которые, по их мнению, требовалось досконально и четко отработать. Первый – чтобы к неприятностям на сухопутном направлении не заполучить большую беду с моря – ведь Абхазия от Крыма недалеко и противник, продолжая спускаться с гор, может попытаться высадить морской десант, в сочетании с воздушным, в тыл 46-й армии. Поэтому-то часть сил армии продолжает и сейчас охранять побережье вместе с флотом. И надлежало изучить этот вопрос, внести некоторые изменения в Наставление, усовершенствовать взаимодействие прибрежных дивизий с силами базы. Второе: какими силами – кораблями и батареями – база окажет содействие армии, прежде всего огнем морской артиллерии, и как можно будет организовать питание морем изолированной группы войск, которую противник, выйдя к морю, отсечет, отбросив к северу?

Вопросы оказались очень дельными и злободневными. Чувствуется, что новое командование армии крепко берется за дела, порученные ему, разумно их ведет. Прежде чем сесть за совместную работу, наштарм Микеладзе ознакомил меня с обстановкой в горах по своей рабочей карте. То, что наштарм лично ведет свою оперативную карту, сам по донесениям из дивизий наносит на нее обстановку, говорило о большом трудолюбии начальника штаба и его высокой штабной культуре. Карта всегда у него под рукой, и не требовалось по каждому случаю дергать операторов-направленцев с их карами.

На карте наштарма, с последними данными, обстановка на южных склонах оказалась еще более зловещей, чем на нашей карте штаба базы, по донесениям наших офицеров связи из

дивизий. Почти со всех перевалов по дорогам и тропам на юг вытянулись стрелы, обведенные синим карандашом – острыми зубьями впились они в тело Грузии, Абхазии, Сванетии.

Мы уединились с Микеладзе и приступили к работе. Война сильно прессует время. Полночи нам хватило, чтобы переработать одни и составить другие оперативные документы. Михаил Герасимович оказался грамотным штабистом и подтвердил свое трудолюбие, все время без помощников – они только приносили ему нужные цифры, данные, отдельные расчеты, – сам работал с карандашом и бумагой над расчетами, составляя документы. Это важный показатель для каждого штабиста. А тут сам наштарм пишет, рассчитывает, сопоставляет, зачеркивает и вновь перерабатывает. Нет, на месте этот трудолюбивый и грамотный человек, что там говорить – задатки хорошие! И немногословен.

В ожидании Леселидзе присели на скорую руку поужинать, но к фронтовой чарке не притронулись, нельзя – впереди встреча с командармом.

За полночь из района боев на южных склонах самого опасного для нас Клухорского перевала возвратился командарм Леселидзе в очень мрачном настроении. Да и было от чего.

Генерал Леселидзе пригласил Микеладзе и меня к себе, мы доложили документы. Он сделал незначительные дополнения и одобрил их. И тотчас выехал в другой район боев на южных склонах Марухского перевала. Это тоже очень опасно. А мне предложено после доработки документов у себя и после подписи командиром базы представить их на подпись командарму, что и было сделано через день. И как-то спокойнее стало на душе – мы были готовы к любым неожиданностями.

Шли дни, полные тревожных сообщений о тяжелых боях в южных предгорьях Главного Кавказского хребта.

Но вот от наших офицеров связи А.Р. Конопатского, В.А. Панкратова, П.И. Гаюкова, Б.И. Вострова начали поступать донесения, в которых появились обнадеживающие слова: «С переменным успехом». Это для нас уже что-то значило.

Затем пришло экстренное сообщение: «Наше подразделение заброшено в тыл противника на Клухорский перевал». Это уже здорово.

Донесение от 10 сентября гласило: «Продвижение противника приостановлено». Приятная новость.

Еще веселее донесение: «Наши части проявляют активность и готовятся к наступлению».

А 18 и 21 сентября Б.И. Востров прислал из 394-й дивизии наконец-то долгожданные донесения: в районе Клухорского и Нахорского перевалов наши части наступают, теснят противника

и закрепляются.

Отрадные вести в конце сентября прислал В.А. Панкратов из 20-й дивизии, наступавшей у Санчарского и Умпырского перевалов – в районе Гагра и Гудауты. Для нашей базы и всего флота это был большой праздник, ибо снималась угроза прорыва врага к Главной базе флота.

Если противник из-за нашей неповоротливости, неорганизованности в течение двух недель середины и конца августа захватил многие перевалы, то в середине и конце сентября наши войска уже сумели произвести перелом в нашу пользу. В октябре дела у нас еще больше улучшатся. Это является убедительным доказательством того, что если мы побеждали, поднимаясь снизу, то с еще большим успехом мы победили бы врага, карабкавшегося вверх к перевалам.

Пока шли бои в горах в полосе 46-й армии, очень осложнились наши дела севернее, в районе Туапсинской и Новороссийской баз, в полосе обороны армий Черноморской группы войск, где вражеские войска 17-й полевой армии продвигались к Туапсе, а Новороссийск почти полностью был захвачен, за нами оставался кусочек юго-восточной части города.

Для флота потеря Новороссийска была весьма ощутима – утрата прифронтового хорошего пункта базирования для легких сил флота.

Главная база получила от Военсовета флота новую задачу: организовать устойчивые морские коммуникации для пополнения и питания армий ЧГВ через Туапсе и Геленджик. Уже в сентябре – октябре предстояло доставить туда три дивизии. И к нам в Поти на помощь прибыли флотские руководители морских перевозок: Н.И. Литвиненко, Б.В. Барановский, И.И. Тарапунько. Но конечно же, помощь помощью, а основная ответственность и нагрузка легла на наш штаб, на начальника конвойной службы базы Я.В. Кузьмина и коменданта порта П.П. Романова – это были верные мои помощники по руководству морскими коммуникациями Главной базы. Кузьмин был преданным своему долгу человеком, безответным тружеником: день и ночь на ногах, в порту, на причалах и судах, всегда всех торопил с погрузкой, чтобы конвои вовремя выходили, он формировал конвои и провожал их в поход на север. Хорошую память о себе оставил в моем сердце Яков Владимирович. А Павел Павлович Романов был в прошлом году комендантом Одесского порта. Он большой знаток морских перевозок, организован в работе и отважен в боевой обстановке. В Одессе Романов показал себя стойким воином – ведь Одесский порт в осаде являлся морским фронтом обороны Одессы и под непрерывными ударами авиации и артиллерии противника.

Для массовых перевозок войск в наших портах были сосредоточены все исправные грузовые суда пароходства, а к их охранению привлекались эсминцы, тральщики и все малые охотники нашего 8-го дивизиона, 6-го дивизиона Г.И. Гнатенко, 5-го дивизиона Туапсинской базы П.И. Державина, а позже и дивизионов Д.А. Глухова, Н.И. Сипягина, А.М. Кузнецова, Н.Ф. Масалкина, С.В. Милюкова.

Первой пошла 408-я дивизия на средних и малых транспортах, и среди них «Красная Кубань», «Советская Россия», «Сарыкамыш», «Чатыр-Даг», «Адлер», «Ахиллеон», «Пицунда», «Красный водолей», «Лукомский», «Фурманов», «Торос», «Хенкин», которыми командовали Ф.И. Родионов, В.И. Василенко, В.В. Александренко, Исаченко, А.А. Беликов, Д.Д. Джурашевич, С. Коротченко, К.А. Куревич, Д.Т. Фисуренко, Л.Я. Берзин, В.И. Алиевский, К.Т. Ильченко, Лысенко, Г.А. Лукьяненко, В.Н. Балабаев, П.И. Козыренко, В.Ф. Кудымов. В их охранении ходили малые охотники В.П. Бондаренко, В.Т. Юрченко, С.М. Гладышева, Г.А. Акимова, К.Н. Клейко, М.В. Климанова, Н.М. Кучеренко, И.П. Михайлова, М.С. Мурыгина, С.А. Рогожина, В.А.Тимошенко, В.И. Шаруева, И.И. Павленко.

Видно, противник обнаружил интенсивное движение наших конвоев вдоль кавказского побережья и, вполне возможно, посчитал, что мы осуществляем важные войсковые перевозки, атаковал самолетами первые конвои, но наши корабельные зенитчики героически отбились, противнику удалось только повредить одно судно, но оно дошло до Туапсе. Я тотчас доложил командованию флотом наше предложение: поставить истребительной авиации флота, базирующейся на прибрежных аэродромах, задачу по прикрытию конвоев на переходе. В тот же день эта задача была поставлена ВВС флота.

Так как противник ожесточенно бомбил Туапсе больше днем, наштафлота приказал нам высылать конвои с расчетом прихода туда через час после наступления темноты, чтобы за ночь разгрузиться и к утру уйти. Стало быть, переход от Поти до Сочи совершался днем. И тут свое слово сказали черноморские летчики-истребители. Было решено: прикрытие конвоев на отрезке пути от Поти до Гудаута осуществлять методом дежурства на аэродромах, а дальше – патрулированием истребителей над конвоями. Чтобы надежнее отражать налеты вражеских бомбардировщиков, моим распоряжением береговые наблюдательные посты, на виду которых проходили конвои, прижимаясь к берегу, были связаны по радио и телефону напрямую с аэродромами. И теперь наши наблюдатели стали глазами командиров истребительных авиаполков, и они,

обнаружив самолеты противника, тут же докладывали на аэродромы, и авиационные начальники сами наращивали усилия своих истребителей для надежного отражения налетов. Это новшество нас сильно выручило. Вражеская авиация получала крепкий отпор усилиями истребителей и зенитной артиллерии.

Вслед пошла 328-я дивизия. Суда с ее частями охраняли «охотники» И.Н. Болотова, В.В. Варлея, Г.А. Бондаренко, В.Н. Гурского, Н.Е. Купчина, А.Г. Петренко, В.А. Шереметьева, П.П. Сивенко, А.П. Яблонского.

Затем была перевезена горнострелковая дивизия. А за ней началась массовая доставка маршевых частей, боевой техники, боеприпасов, длившаяся много месяцев.

В конвоях задействовали тральщики контр-адмирала В.Г. Фадеева, которыми командовали А.П. Иванов, В.А. Янчурин, А.М. Ратнер, С.С. Грабильников, Н.С. Белокуров, Б.П. Фаворский, И.В. Коровкин, В.А. Паевский, И.И. Сенкевич, В.И. Царевский, В.Н. Михайлов, В.В. Гусаков. К конвоям были привлечены все «охотники» флота, и в их числе катера Н.И. Афиногенова, П.А. Бахтина, Ф.Н. Ильина, В.И. Львовского, П.С. Панивана, А.И. Пожидаева, Г.А. Прибылова, А.И. Разумного, И.И. Рахмана, Н.И. Репина, С.С. Хаджи. Благодаря высокому мастерству и отваге моряков и летчиков все войска и грузы мы благополучно доставили по назначению, и этим Черноморская группа войск была капитально подкреплена для успешного изгнания врага с туапсинских перевалов. В Поти прибыли член Военсовета флота Н.М. Кулаков и начальник политуправления флота П.Т. Бондаренко. Тревожные дни лета и осени сорок второго – они в разъездах по базам и кораблям. У них обоих много схожего – стремление постоянно быть с людьми, это было их органической потребностью. Там, где они появлялись, всегда был простор для непринужденной, задушевной беседы. Им было что сказать людям, потому они и тянулись к ним. За всю мою службу я видел очень много авторитетных политработников, но я не помню, чтобы кого-либо другого так любил народ, как их. Оба они отважные воины, не засиживались на КП, в самые отчаянные моменты они устремлялись в горячие точки, придерживаясь принципа: где в данную минуту тяжело и может произойти неустойка, туда и ехать. Кулаков за время обороны Одессы четырежды побывал у нас и подолгу работал на кораблях и в частях, выезжал в сектора обороны города. Не убыл из Одессы, пока не убедился, что кризис обороны города миновал. И был с нами в последние тревожные дни эвакуации, пока не убедился, что дальнейшее его пребывание в Одессе не требуется и даже может стеснять подчиненных. Кстати, потому и сам он в

открытую сказал своему начальнику, Рогову: «Будет хорошо, если вы не станете задерживаться в Севастополе с нами, а переберетесь на Кавказ, где основной состав флота». Кулаков принадлежал к той категории руководителей, которые точно определяли момент, когда подчиненного надо оставить и не стеснять своим присутствием. Поработал, дал советы и не стееняй своим присутствием подчиненного, доверяй ему, не мешай ему наедине творчески выполнять твои ценные указания.

Бондаренко был в Одессе трижды, а в Очакове отходил с его последними защитниками на остров Первомайский. По этим посещениям оценивали своих политических руководителей. А они – высокими были.

Николай Михайлович Кулаков, пожалуй, выделялся более других своим оптимистическим настроением в любой сложной обстановке.

К людям доброжелателен, но с разбором – кто этого заслуживал. К таким у него всегда на лице приветливая, ласковая улыбка. Поработав на кораблях и в частях, Кулаков убыл на ФКП флота.

А вот с Петром Тихоновичем Бондаренко мы распрощались – он уезжал служить членом Военсовета Каспийской флотилии. А после войны будет назначен, по настоятельной просьбе Октябрьского, членом Военсовета ЧФ.

Наш комфлот Октябрьский не с каждым срабатывался, а вот с Кулаковым и Бондаренко дружно работал.

В один из сентябрьских дней поехал я на корабли, стоявшие на реке Хоби. А путь туда нелегкий – через две переправы. И вот тут произошло такое событие, что и сейчас с ума не идет. Предстояло переправиться через реку Риони, а в осенние дни она очень бурная. Подъезжаю, а навстречу бегут грузины и кричат: паромщик тонет. Глянул на реку и увидел полную ужасав картину: через реку параллельно протянуты, с отстоянием друг от друга на 15 метров, два троса: новый используется для передвижения парома, а старый, ниже по течению, оставлен, как резервный. Паромщик почему-то, оказавшись в воде, держится за старый трос, на середине реки, его непрерывно накрывает водой и он издает душераздирающие вопли. Я сразу оценил наше плачевное положение: катер из порта не пошлешь – сильно штормит, да и отмель у устья реки непроходима, лайбы под рукой нет, а паром на той стороне, и там нет никого, чтобы пригнать к нам паром для организации спасения человека. А он продолжает кричать на ломаном русском языке: «Уморился». И этот крик раздирал мою душу, потому что все смотрели на меня, как на все могущего сделать, а я стоил в растерянности и мой

мозг сверлила мысль: что предпринять? Плыть самому? Но течение такое стремительное, что к нему не доплыть, сразу вынесет в море самого, и тем более с ним. И вдруг – о чудо! На том береге к парому подошел мужчина. По нашему требованию он пригнал паром к нам.

В это время с рядом стоящей зенитной батареи принесли трос, привязали к бревну, на пароме продвинулись на середину реки, спустили бревно по течению, паромщик ухватился за бревно, обратным ходом парома подтащили его к берегу. Он сильно наглотался воды и терял сознание. Но на берегу его уже ожидал батарейный фельдшер, он его откачал, привел в чувство и увез в госпиталь. Спасли-таки человека, а то унесло бы в море и утонул. Что же произошло? Паромщик, оставив у того берега паром, пошел на шлюпке к этому берегу, волна перевернула ее и течением унесло в море, а сам он ухватился за старый паромный трос.

В начале октября войска 46-й армии продолжали наступать в горах, и штабу базы потребовалась более ясная обстановка, так как в донесения и оперсводки вкрадывались искажения и расхождения. И вообще личные контакты не заменишь бумагами. И я выехал в штарм-46 для уточнения положения войск наших и противника.

О, сегодня не узнать Микеладзе! Он показал свою рабочую ситуативную карту, и мне стало ясно, почему наштарм в таком приподнятом настроении. За три недели наши войска заметно продвинулись вверх к перевалам. Значит можем воевать! И неплохо! И даже продвигаться! Наступать, продвигаясь вверх в гору! Значит, смогли мы и обороняться, да тем более в выгодном положении – на перевалах, когда враг карабкался вверх и его бьют не только свинцом, но даже камнями можно было забросать. И вообще, всегда считалось более мудрым удерживать рубежи, чем потом из-за нерадивости отбивать их, да еще из невыгодного положения. И нести потери. И как в этом деле многое зависит от начальника – предприимчивого, смотрящего и устремленного вперед, с чувством собственного достоинства, то есть с высоким чувством ответственности за порученное дело.

Михаил Герасимович Микеладзе позвал оператора и приказал нанести на мою карту весь ход событий в горах за последние две недели в полосе 46-й армии и у соседей: справа – в Северной группе войск на Тереке, и слева – в Черноморской группе войск от Сочи до Новороссийска. И если обстановка в обеих группах войск пока для нас не стабилизировалась окончательно, хотя и не была такой грозной, как в августе и сентябре, то в 46-й – просто радовала: врага прижимают к перевалам повсеместно. Как раз

подошло время ужина, и Микеладзе пригласил меня к столу. Вот на этот раз мы с удовольствием выпили нашу фронтовую чарку, но грузинского коньяка. Было за что. И наше застолье затянулось на целый час.

Я уже собирался возвращаться, как Микеладзе получил сообщение: в командование Черноморской группой войск вступил генерал И.Я. Петров. О, это приятная новость для меня! Было совершенно очевидным, что Иван Ефимович отличился в Северной группе войск – не пустил своей 44-й армией врага через Терек по кратчайшему пути к Грозному и далее к Баку. И как результат получил высокое назначение, поставлен Ставкой во главе объединения, в которое входят пять армий – по количеству армий это фронтовое объединение. Я был рад за близкого мне человека. Но и находился в смятении. Черноморский флот оперативно подчинен командующему ЧГВ. Октябрьский и Петров поменялись ролями – теперь первый, хотя и оперативно, но подчинялся второму, а их личные взаимоотношения желали лучшего. И что-то теперь будет? Успокаивал себя тем, что прежде всего долг, и главное: у обоих одинаковые цели в борьбе.

В Советских Вооруженных силах произошло крупное событие: восстановлено единоначалие – упразднен институт комиссаров, они становились заместителями командиров по политчасти. Это решение Центрального

Комитета партии благотворно сказалось на дальнейшем ходе боевых действий. А в свое время, смею утверждать, что наше отчаянное положение в сорок первом и сорок втором было выправлено и страна спасена, потому что советские воины, ведомые командирами и комиссарами, выстояли, а потом и нанесли поражение врагу. И в этом свою выдающуюся роль сыграли комиссары. Они честно выполнили задачу партии, обеспечив перелом в войне.

По окончании обороны Севастополя, в ходе борьбы за Кавказ, надводные и подводные силы флота, военно-морские базы, флотская авиация выполняли многочисленные боевые задачи: артподдержка левого фланга ЧГВ, защита наших кавказских морских коммуникаций, осуществление морских перевозок войск, нарушение вражеских морских коммуникаций у Крыма и в западной половине моря, нанесение артиллерийских ударов по морским базам противника. Корабли адмирала Владимирского и Фадеева действовали с большим перенапряжением, находясь в непрерывных походах и боях. Они не только конвоировали транспорты, но и были привлечены к перевозкам войск из Поти и Батуми к суше, так как приморская одноколейная железная дорога не справлялась с воинскими перевозками.

Помимо трех дивизий мы доставили туда еще четыре стрелковые бригады. Весьма эффективной была доставка войск на крейсерах и эсминцах, и среди них особенно выделялся крейсер «Красный Крым» под командованием капитана 1-го ранга А. Зубкова. Только в октябре за трое суток он дважды обернулся в Туапсе и доставил туда большую часть войск 8, 9 и 10-й гвардейских стрелковых бригад. В этом деле командиру было на кого опереться: благодаря высокой организации на корабле, целеустремленной работе и распорядительности старпома Л.Г. Леута и замполита Ф.П. Вершинина крейсер затрачивал на посадку войск и погрузку техники два часа, а на выгрузку – полтора, и снова в бой-поход. Не уступал ему и крейсер «Красный Кавказ», в командование которым вступил герой Одессы и Севастополя капитан 2-го ранга В.Н. Ерошенко, ранее командовавший лидером «Ташкент». Крейсер попал в надежные руки, и его экипаж продолжал прославлять гвардейское знамя корабля. В доставке войск и охранении судов с войсками отличились и заслуживают похвалы экипажи кораблей, которыми командовали С.С. Ворков, П.А. Бобровников, А. Н. Горшенин, В.С. Шишканов, В.М. Митин, Р.Ф. Годлевский, В.М. Шегула, Е.А. Козлов, О.И. Шевченко, В. Г. Бакарджиев.

Глубокой осенью сорок второго года жестокие бои шли в самом Сталинграде, точнее в его развалинах, к северу от него немцы в узкой полосе вышли к Волге.

Волжская флотилия героически сражалась, помогая Сталинградскому фронту огнем и перевозками через реку пополнений и снабжения, но главное, флотилия, отбивая атаки с воздуха по конвоям, усиленно траля мины, проталкивала караван за караваном судов с горючим на север к фронтам. Гитлеровская армия, истекая кровью, мобилизуя все силы, пыталась овладеть Сталинградом, чтобы выйти на Волгу и распространиться по всему нижнему течению, все с той же целью: пресечь доставку горючего нашим фронтам. Eta Кавказе положение для нас продолжало стабилизироваться. У Новороссийска немцев не пустили дальше, у Туапсе они не могли пробиться к городу, на Тереке враг решил прорваться к Орджоникидзе и Грозному по Эльхотовской долине, но ему был дан бой, с большими для него потерями, особенно в танках. В нашей полосе войска 46-й армии продолжали наступать в южных предгорьях, отбрасывая к перевалам и далее горные части противника.

Желая быть вместе с корабельными соединениями флота, комфлот перевел свой КП и штаб флота в Поти, которые разместились в здании нашего штаба. Теперь наштафлота Елисеев – рядом, и для меня это большое облегчение. Комфлот

предупредил командиров соединений флота, что своим присутствием в Главной базе он не нарушает прав командира Главной базы, сложившиеся взаимоотношения и взаимодействие остаются в силе. Возвратившись после первой встречи с комфлотом, получаю его приказание уничтожить карты с теми ненавистными кружками, которые я нанес в конце августа, что я с удовольствием и сделал.

С прибытием штаба флота форсировалось усиление ПВО Поти. Увеличено количество истребителей И-153 на Потийском аэродроме. Одновременно был поставлен еще один зенартнолк: 1-й гвардейский зенитный артиллерийский полк (бывший 61-й, доблестно отразивший налет вражеской авиации на Севастополь в ночь нападения на нашу страну), под командованием подполковника И.К. Семенова (начштаба – Е.А. Игнатович, замполит – В. Е. Варакин) в составе четырех артдивизионов, которыми командовали капитаны Н.И. Старцев, Н.Е. Олейников, С. А. Меджитов, Г.М. Охот. Вместо 790-го истребительного авиаполка для обороны Поти был назначен 862-й, под командованием майора А. А. Шаповаго. Была установлена модернизированная радиолокационная станция.

Мы жили в напряженном ожидании развязки у Туапсе, на Тереке, у Волги и на Волге. В двадцатых числах ноября получаем радостную весть об окружении гитлеровских войск у Сталинграда. Как потом стало известно, на флангах наступавшей 6-й немецкой армии были поставлены румынские войска, вот по ним и нанесли удары наши войска с севера и юга и замкнули кольцо вокруг 6-й армии, завязнувшей в руинах Сталинграда. Разгром гитлеровцев под Сталинградом положит начало крутому повороту войны от отступлений и обороны к стратегическому наступлению Советских Вооруженных Сил. Это поражение врага сразу скажется на ходе битвы за Кавказ в нашу пользу. Сперва поражение врага под Сталинградом, затем на Кавказе, а потом и на других фронтах. Начнется изгнание врага с нашей священной земли!

Однако поражение вражеских сухопутных войск в районе Сталинграда, а затем и на Кавказе не будет означать конец битвы за Волгу, ибо не снимет угрозы срыва снабжения горючим армии, флотов, авиации, экономики, так как противник продолжал наступление на Волгу с воздуха, действуя минами и бомбами. О событиях, развернувшихся на Волге, нам многое рассказал нарком Кузнецов во время посещения нашего флота в сорок третьем.

Ледостав зимы 1942–1943 годов прервал вражескую постановку мин на Волге, как и плавание по ней – одновременно.

Но к этому времени, в течение лета и осени сорок второго, противник выставил 342 мины. Из них было вытралено и уничтожено с помощью глубинных бомб и водолазов 211 мин. Это очень много и является большой победой Волжской флотилии, сам знаю, как тяжело дается одна вытраленная мина, а тут – двести одиннадцать. Молодцы моряки Волжской флотилии и те тысячи юношей, стариков и женщин, что несли постоянную вахту на пятистах постах наблюдения и засечек падающих мин, развернутых по берегам от Астрахани и до Саратова, на тысячу километров, молодцы и воины двухсот взводов ПВО, развернутых по берегам на тех же пространствах и не позволявшим вражеским самолетам снижаться и безнаказанно прицельно бомбить караваны и ставить мины. Но к весне сорок третьего осталась лежать еще 131 мина – это серьезная опасность. И за ее ликвидацию взялись после ледохода весной сорок третьего.

Волжскую флотилию подстегивало огромное скопление танкеров и барж с нефтепродуктами, стоявшими в Астрахани, в затонах и в Баку. А он за зиму подготовил для фронта миллионы тонн нефтепродуктов. Напомню – мы добывали в год 32 миллиона тонн нефти, в основном в Баку, Грозном, Майкопе. И все это большей частью предстояло доставить по Волхве фронтам и хозяйству. И волжане-моряки принялись за усиленное траление мин, полагая быстро с ними покончить и открыть свободное плавание по реке – она ведь теперь далеко в тылу. Но не тут-то было.

Несмотря на то, что к весне сорок третьего противник был отброшен за Ростов-на-Дону, к Донбассу, и казалось, что ему теперь уже не до борьбы за Волгу, за нефть, ан нет. Только наша флотилия приступила к тралению и проводке караванов нефтеналивных судов вверх по Волге, как враг с удвоенной энергией обрушил новый удар по Волге магнитными минами. Началось второе воздушно-минное наступление противника на нашу стратегическую магистраль государственного значения, в ходе которого поставлено еще 409 магнитно-акустических мин последнего усовершенствованного образца. Это намного больше, чем в прошлом году. Всего таким образом в Волге была выставлена 751 мина. Это был невиданный для всех наших флотов завал минами, с охватом колоссального пространства – 1000 километров, чтобы распылить наши силы и средства, чтобы мы потеряли голову и растерялись от такой масштабности, не зная, с какого конца браться за дело. Одновременно авиация бомбила и штурмовала наши караваны, запылали многие наши суда с бензином. Опять приходилось временно закрывать для плаваний опасные акватории, быстрее траля обходные пути,

чтобы не остановить подачу горючего. Зная, что это было время подготовки к битве на Курской дуге, а там сосредоточение наших танков и самолетов. Требовались сотни тысяч тонн горючего. И фронт требовал наращивания его подачи.

Положение с доставкой горючего с каждым днем осложнялось, создалась угроза нашим путям по Волге и в Северном Каспии. ГКО, признавая Волжекую коммуникацию магистралью стратегического предназначения, решающую успех предстоящих сражений, принял новые постановления по Волге. Для организации борьбы с минным оружием врага и бесперебойной поставки горючего фронтам по указанию ГКО на Волгу прибыли три наркома: ВМФ, речного и морского флотов. Флотилию возглавил контр-адмирал Ю.А. Пантелеев (которого, после налаживания дела, сменит П.А. Смирнов), а начальником штаба флотилии станет капитан 1-го ранга В.В. Григорьев, а после него – капитан 1-го ранга Н.Д. Сергеев. Увеличивалось число судов и боевых кораблей, особенно тральщиков. Их число было доведено до 200 – намного больше, чем на всех флотах, вместе взятых. На кораблях и судах устанавливалась дополнительно зенитная артиллерия. На флотилии сосредотачивались огромные запасы магнитно-акустических тралов с электротехникой и звукоиздающими приборами. Увеличивалось число водолазных отрядов для поиска мин. Созданы отряды кораблей с глубинными бомбами для бомбометания с целью подрыва мин. Число постов наблюдения и засечек мест падения мин было доведено до 800, ими были усеяны оба берега Волги от Астрахани до Саратова. Совершенствовалась ПВО всей акватории Волги, которая состояла из 200 взводов ПВО, установленных по берегу, и истребительной авиации.

Весной сорок третьего сухопутный фронт был на сотни километров на запад от Сталинграда, а сражение за Волгу разгорелось с новой силой на самой Волге и с невиданным ожесточением.

Принятые меры Ставкой, ГКО, наркоматами, Генштабом, командованием флотилии, героизм военных и гражданских моряков и речников, наблюдателей постов из населения сделали свое дело, они обеспечили войска, танки, автотранспорт и авиацию горючим в самое ответственное время для судеб нашей Родины, когда развернулось великое сражение на Курской дуге в воздухе и на земле, где моторная техника решала исход этого сражения.

Победа на Курской дуге – это победа всех видов Советских Вооруженных Сил, в том числе военного и торгового флота.

Волжская флотилия вела свои боевые действия не только в интересах войск и авиации четырех фронтов, сражавшихся на Курской дуге, но и других, расположенных севернее, фронтов, а также флотов, вплоть до Баренцева моря. И не только в сорок третьем году, а продолжала траление мин и в 1944 году, с обследованием дна Волги водолазами на огромном пространстве.

Битва за Волгу, начатая в сорок втором на суше войсками Сталинградского фронта и Волжской флотилией на реке, во взаимодействии с этими войсками была продолжена в сорок третьем Волжской флотилией самостоятельно, в интересах всех Советских Вооруженных сил и страны в целом, то есть со стратегическими целями. Да и противник, минируя Волгу, ставил стратегические цели: путем пресечения перевозок горючего по Волге остановить всю советскую моторную технику. Вот это последнее еще не получило достаточного освещения и оценки в официальной истории.

Боевые действия Волжской флотилии в трех летних кампаниях – 1942,1943,1944 годов. – в интересах страны и во имя успехов всех фронтов заслуживают их детальной разработки и показа в публикациях: исторических, мемуарных и публицистических.

Стратегической целью Гитлера в кампании 1942 года являлся не захват Сталинграда, а захват Баку и Нижней Волги. На самой Волге враг стремился пресечь минами судоходство, чтобы лишить горючего Красную Армию и Флот. Не удалось захватить Баку и Нижнюю Волгу – надо наращивать усилия и завалить Волгу минами и уничтожать нефтеналивные суда штурмовиками. Во всех намерениях Гитлера в сорок втором была одна цель: наше горючее.

Слава воинам армии и флота, речникам, торговым морякам и тем труженикам из гражданского населения, кто бдительно следил за небом над Волгой!

Хочу остановиться еще на одном аспекте.

Изучая Великую Отечественную войну, мы порой не до конца раскрываем значимость битвы за Кавказ как битвы за бакинскую нефть, а также за Черное море, Закавказье, Черноморский флот, Турцию; не полностью показываем масштабность битвы за Волгу на суше и на реке во взаимосвязи и значимости той и другой, как битвы за ту же самую нефть, идущую на фронты, недостаточно глубоко даем анализ истинной цели прорыва немцев на восток, то есть за нефть (приказ Гитлера овладеть Нижней Волгой, перехватить пути перевозки нефтепродуктов вверх по реке).

На всех трех направлениях главного удара немцев на юг – на Кавказском, на Сталинградском и на Волжском речном – и в 1942

и 1943 году у Гитлера была одна цель: задушить нас нефтяным голодом, лишить нас полностью горючего. И это была угроза нашему существованию. Недаром суровый приказ Сталина номер 227 появился не когда-либо, а именно в сорок втором году. Нашу борьбу на всех направлениях – на суше, на реке Волге, в воздухе над рекой – необходимо рассматривать в единстве и взаимосвязи, так как цели этой борьбы были одни и те же – обеспечить горючим Вооруженные силы и экономику, отбросить врага от источников нефти и путей ее доставки, обезвредить, уничтожить вражеское минное оружие, которым враг хотел остановить нашу нефтяную реку.

Вслед за окружением вражеских войск под Сталинградом активизировались действия наших войск на Кавказе: в полосе 46-й армии в срединной части Кавказского хребта и особенно на Тереке – здесь, в Эльхотовской долине, врагу нанесен был большой урон в живой силе и особенно в танках.

46-я армия продолжала уверенно теснить противника на перевалах. Миновала угроза нашей базе, и мы отозвали из армии своих офицеров связи и теперь довольствовались данными оперсводок штарма-46.

До сих пор поминаю добрым словом наших офицеров связи А.Р. Конопатского, В.А. Панкратова, П.И. Гаюкова, В.И. Вострова – они сослужили хорошую службу, постоянно информировали нас о всем происходящем в горах, а мы делали выводы и принимали решения по укреплению обороны базы и города Поти.

Новый 1943-й год был радостным для всех советских людей.

Осенью, зимой и весной 1942–1943 годов Главная база флота форсированно пополняла Черноморскую группу войск людьми, боеприпасами, вооружением через Туапсе и Геленджик. Конвои потоком шли на север. Мы доставили четверть миллиона воинов, около 400 танков, около 500 орудий. В предвидении наступления войска генерала Петрова были значительно укреплены.

Флотские корабельные соединения продолжали свою напряженную боевую деятельность. Одновременно с перевозкой войск в Туапсе, артподдержкой фланга ЧГВ, нанесением ударов по крымским прибрежным коммуникациям (портам и конвоям), подлодки обеих бригад, корабли эскадры и бригады тральщиков действовали на дальних коммуникациях противника – у берегов Румынии и в северо-западном районе Черного моря. Мы ежедневно провожали корабли в боевые походы и обеспечивали их возвращение. Мне запомнилась одна набеговая операция эскадры, по директиве наркома ВМФ и приказу комфлота, на дальние вражеские коммуникации, как доставившая нам много хлопот и тревог. Это была предерзкая операция, с эдаким

кавалерийским наскоком, большим числом крупных новых кораблей.

Командующий эскадрой Владимирский возглавил отряд кораблей в составе крейсера «Ворошилов», лидера «Харьков», эсминцев «Сообразительный», «Беспощадный», «Бойкий», которыми командовали Ф.С. Марков, П.И. Шевченко, С.С. Ворков, В.А. Пархоменко, Р. Годлевский. Корабли должны были нанести удар по судам, перевозящим грузы, в мелководном северо-западном районе Черного моря, крайне опасном в минном отношении. Даже без разведки можно было считать, что там противник выставил оборонительное минное заграждение. Колоссальное удаление от кавказского побережья – 1150 километров – и с воздуха корабли не прикроешь истребителями. Система коммуникаций, состав судов, перевозящих грузы, не были вскрыты разведкой до подробностей. Конфигурация минных полей противника в этом районе не была известна, так как предварительного разведтраления там нами не производилось – положились на собственные корабельные противоминные параваны, хотя известно, что они предназначены не для капитального траления, а только на случай остаточного риска противолодочных мин, оставшихся после траления. Подготовка к операции проводилась в большой спешке. Повторилась история набега на Констанцу в первые дни войны, когда мы неоправданно потеряли лидер «Москва» в районе чуть южнее теперешнего. Этот печальный опыт был забыт.

В армии вдумчивые начальники не бросят в бой полк без разведки, а тут эскадра во главе с адмиралом ушла в неизвестность для нанесения ударов по неразведанным целям. Корабли, как и в сорок первом, были посланы в операцию с большим риском погибнуть. И ради чего? Ведь фронт проходил на Кавказе и Дону и те дальние коммуникации не питали фронт, там были внутренние перевозки на малотоннажных судах и промышлявшие рыболовецкие малые суда. Да у противника и не было большого числа крупных судов. То есть не было объектов удара даже для эсминцев с их 130-миллиметровыми пушками, и тем более для крейсера с его 180-миллиметровой артиллерией.

Я понимаю, что корабли строятся не для того, чтобы отстаиваться в базах. Но для такого крупного соединения кораблей, с крейсером, нужны были и крупные цели. А их не было там. Это была в данный момент бесцельная операция и величайшая импровизация, едва не закончившаяся гибелью одного из лучших кораблей флота.

Как и следовало ожидать, корабли попали у вражеского берега на минное поле. У обоих бортов крейсера взорвались две

мины, отведенные от корпуса корабля параван-охранителями[44]. Корабль получил серьезные повреждения, были затоплены некоторые отсеки, вышли из строя многие механизмы и ход крейсера упал до 6 узлов – это-то в условиях угрозы вражеской авиации и торпедных катеров. Только высокое мастерство и героизм экипажа под руководством командира Ф.С. Маркова и старпома Н.И. Масленникова, личного состава электромеханической боевой части во главе с инженер-механиком В.В. Зубаревым и аварийных подразделений под руководством командиров Бурштейна и Лейбовича и главного боцмана – Н.К. Мороза – в борьбе за непотопляемость корабля спасли положение, и корабль, выйдя с минного поля, чудом уцелев, развил полный ход и начал отход в нашу базу

Безрезультатно закончилась эта операция – ни одного транспорта не было обнаружено. Да даже если бы и было утоплено несколько судов, одиночным набеговым ударом не прервешь, не нарушишь морские коммуникации противника. Этим полагается заниматься систематически – ежедневно наносить удары по судам и портам разнородными силами флота: надводными, подводными и воздушными силами и с использованием контактных и донных мин.

Безрезультатный одиночный набег крупных кораблей на дальнее расстояние в миноопасный район без разведтраления, при невозможности прикрыть с воздуха, для нанесения разового удара по неразведанным целям – это ошибка наркома ВМФ, Главморштаба и командования флотом. И только военное счастье случайного характера и неповоротливость противника помогли нам избежать трагического исхода этой неудачной операции. Противник не вел авиаразведку моря, не имел корабельных дозоров в море, поэтому не обнаружил наши корабли, а то мог бы организовать удары авиацией и торпедными катерами с добиванием поврежденного крейсера.

Л.А. Владимирский и Г.Ф. Годлевский дали самокритичную объективную и суровую оценку этому набегу.

Получив тревожную информацию от штаба флота о возвращении поврежденного крейсера в нашу базу и приказание комфлота, мы, отложив все дела, приступили к организации встречи эскадры. Были высланы на предельную дальность МО для ведения разведки в полосе движения кораблей. На усиление охранения крейсера посланы торпедные катера, катера-охотники и тральщики. Навстречу вышли спасательные суда «Меркурий» и «Шахтер» (командиры – И.Д. Кравцов и П.И. Крыш). Этот набег описывает его участник командир «Бойкого» Г.Ф. Годлевский в книге «Походы боевые» (с. 189–194). Эта книга,

отрецензированная в рукописи лично командующим эскадрой Л.А. Владимирским, дает хорошее описание боевых действий Черноморской эскадры в Великую Отечественную войну. На подходах к базе проводились поиск подлодок противника и разведтраление. Усилен базовый корабельный дозор. ПВО Поти и Батуми переведена на повышенную готовность. Истребители в немедленной готовности к вылету для прикрытия крейсера, Установлены дополнительные радиовахты на радиоволнах эскадры. Корабли благополучно дошли, и крейсер введен в гавань. У всех без заметного урона врагу прошли еще два набега на дальние коммуникации противника.

Руководство наркомата и командование флотом приняли разумное решение: больше не подвергать испытанию военное счастье, которое при частой попытке его эксплуатировать без опоры на науку может закапризничать и больно ударить, и было приказано прекратить бесцельную и бесплодную трату корабельных ресурсов в опасных и безрезультатных набегах на отдаленные каботажные коммуникации противника, не имевшие никакой ценности, как не работавшие на свой фронт.

В январе сорок третьего потоком шли радостные вести с фронтов: под Сталинградом добивали окруженную вражескую группировку войск, противника теснили на Тереке и на перевалах, прорвана блокада Ленинграда и его начали снабжать продовольствием по сухопутью вдоль южного берега Ладожского озера. Я получил первое письмо от брата Бориса: лежит в одном из госпиталей Ленинграда, поправляется после тяжелого ранения, потому и нашел время дать знать о себе. А вскоре сообщила и сестра Антонина из Ставрополья, как их освободила Красная Армия и что ленинградская дистрофия дает крепко себя знать, но главное – она жива и выезжает в Алма-Ату к детям и нашей матери.

В конце января командование флотом и эскадры убыли в Геленджик, а в Туапсе ушла часть кораблей эскадры и тральщики. По распоряжению наштафлота Елисеева мы направили в Геленджик и Туапсе многие свои корабли под командованием Г.А. Бутакова, Г.И. Гнатенко, А.М. Филиппова, а также вспомогательные суда и мобилизованные нами рыбацкие сейнеры. С ноября сорок первого года это уже в четвертый раз мы направляем на север свои корабли и суда. И по опыту прошлого это означает, что предстоят перевозки войск на близкие расстояния, и, так как эвакуацией нигде не пахнет, то наверняка планируется высадка десанта. Так и произошло.

В начале февраля флот высадил десант из флотских и армейских частей в районе села Южная Озерейка (западнее

Новороссийска) и у поселка Станичка (у юго-западной окраины Новороссийска. У Озерейки высадка основных сил десанта, которой руководил контр-адмирал Н.Е. Басистый, закончилась неудачей из-за сильного огневого противодействия противника – высадилась только часть десанта. А вот у Станички, где высадкой командовал командир Новороссийской базы контр-адмирал Т.Н. Холостяков, вспомогательный десант захватил плацдарм.

Командующий десантной операцией вице-адмирал Ф.С. Октябрьский быстро разобрался в обстановке, грамотно оценил положение и сразу переориентировался, сделав правильные выводы о невозможности, упорствуя, продолжать высаживать десант у Озерейки, – район, предначертанный ему командующим фронтом Тюленевым и командующим ЧГВ Петровым, принял разумное и смелое решение: прекратить попытки высаживать десант у Озерейки, как совершенно неправильно выбранный район, и с ведома Петрова все главные силы, ранее предназначенные Тюленевым и Петровым к Озерейке, перенацелить в Станичку, как наиболее выгодное и удобное место для высадки десанта. Превратить вспомогательное направление в главное направление. Так и было сделано. Плацдарм у Станички был расширен и вошел в историю как Малая земля, на которой стяжали славу моряки 18-й десантной армии под командованием генерала К.Н. Леселидзе (ранее возглавлявшего 46-ю армию при изгнании врага с перевалов Кавказского хребта).

В числе других в этой операции отличились и мои сослуживцы по обороне Одессы – воины малых охотников из дивизионов П.И. Державина и Г.И. Гнатенко. Павел Иванович и Григорий Иванович – из пограничников, закаленные еще в довоенное время боевой службой по охране государственной границы, вступили в оборону Одессы уже готовыми выполнять любые боевые задания и с честью исполнили свой долг в защите одного из первых городов-героев Одессы. За ними потом были многочисленные боевые дела у Феодоссии и Керчи.

Благодаря десантной операции у Новороссийска и захваченному плацдарму, значительно улучшилось положение Черноморской группы войск: к Малой земле была прикована отвлеченная с главного направления значительная вражеская группировка войск и была подготовлена основа для успешного освобождения Новороссийска.

Когда в начале сорок третьего года наши войска Южного фронта, наступавшие с востока на Батайск и Ростов, создали угрозу закрыть выход с Северного Кавказа немецким войскам на север, гитлеровское командование начало поспешно отводить свои войска от Терека на северо-запад к Азовскому морю. Наши

войска Северной группы войск Закавказского фронта, оборонявшие Терек, устремились за ними. Ставка приказала войскам ЧГВ, зависавшим с запада над путями отхода вражеских войск, перехватить эти пути, имея в виду окружить и уничтожить войска противника, не дав им вырваться из глубины Северного Кавказа. Войска ЧГВ, находившиеся в предгорьях западной части Кавказского хребта, должны были ударом в северном направлении к Тихорецку осуществить этот маневр и задачу. Одновременно командующий Закфронтом И.В. Тюленев поставил задачу ЧГВ другими войсками (левого фланга) овладеть Новороссийском (и то и другое не будет достигнуто).

Командующий ЧГВ Петров принял решение нанести по войскам противника, удерживавшим Новороссийск, удар с двух направлений: с востока – войсками 47-й армии и с запада – морским десантом. Замысел осуществлялся с нарушениями требований военного и морского искусства. Выбор исходного района наступления десанта, после высадки, против войск противника – это прерогатива армейского командования, а вот годится ли этот район как пункт высадки десанта – тут слово за морским командованием: оно имело право не согласиться и отклонить, а обязано предложить свое. Известно из послевоенных публикаций, что исходным районом для наступления десанта была избрана Южная Озерейка. Командующий ЧГВ и Закфронта уже определи состав сил десанта. Командующий поставил задачу флоту: высадить морской десант силой до дивизии у Южной Озерейки. Командование флотом безропотно согласилось, хотя задача для флота, а затем и для десанта была непосильной по нескольким причинам. Если бы армейские и флотские руководители хорошо знали этот район, они бы не избрали его для высадки десанта.

Я знаком с этими местами с довоенного времени. Весь берег от Анапы до Мысхако у Новороссийска – это крутое взгорье с обрывами, кое-где с узкой песчаной полосой у воды; у Южной Озерейки небольшой пляж 900 на 200 метров, он окружен взгорьем высотой до 100 метров; оттуда можно в упор расстреливать корабли и десант артиллерией, минометами, всеми видами ружейно-пулеметного огня, и даже забрасывать гранатами. Здесь можно высаживать только диверсионный, или разведывательный, или малый тактический десант до батальона, и то методом внезапности, без артподготовки, которая порой работает на врага, как по тревоге поднимает и изготавливает силы противодесантной обороны противника для отражения десанта. Для того большого войска, которое мы собирались высаживать – две бригады с усилением, с танками, этот

озерейский пятачок не подходил для высадки. Да с него и наступать тяжело, тем более танками, ведь с пляжа в глубь территории ведет узкая долина, в которой легко разгромить десант. Для него район Озерейки – мышеловка и западня. О непригодности Озерейки для высадки и развертывания для наступления десантных войск вглубь должны были доложить командованию ЧГВ и их штабы, оперативные и разведывательные отделы, а скорее всего – командование Новороссийской базы, по долгу службы досконально знавшее свое побережье, так как при составлении, перед войной, плана противодесантной обороны оно совместно с командованием Северо-Кавказского военного округа производило тщательную рекогносцировку побережья с моря и по суше.

В неудаче высадки десанта у Южной Озерейки в одинаковой степени повинны все трое командующих: фронтом, ЧГВ, флотом. И все равно: на час раньше или на два. Уже подошел бы десант, высаживался бы он со специальных десантных кораблей или с наших судов, с артподготовкой или без нее, в этой западне, обороняемой войсками, наш десант ожидало поражение, с какой-то разницей в продолжительности боя и размерах потерь.

У комфлота была еще и другая причина отклонения места высадки: отсутствие специальных десантных кораблей для высадки такого крупного десанта с тяжелой боевой техникой и на таком удалении от исходных пунктов посадки с открытого моря. Такое было впервые для нас, так как до этого мы высаживали десанты совсем другие и в иные места: под Одессой – с боевых кораблей, неполный полк без техники, на широкий пляж, слабо обороняемый, затем – прямо в порт Феодосию внезапно, первый эшелон без тяжелой техники; через Керченский пролив, ширина северной части которого 5–7 километров. И при этом мы несли повышенные потери из-за отсутствия десантных кораблей. Это был большой просчет в нашей кораблестроительной программе: мы строили крейсера, эсминцы, подлодки, собирались воевать на территории агрессора, то есть наступать в ответ на внезапное нападение, а наступательных, десантных кораблей не строили. Наши старые канлодки с буксируемыми болиндерами, с ходом 6 узлов, были построены 30 лет назад и не годились уже для динамичных действий. Все свои многочисленные десанты мы высаживали с совершенно неприспособленных кораблей: малых охотников, мотоботов, тендеров, шхун, буксиров, которые не имели наступательной автоматической артиллерии, не могли выходить носом на берег, и десантники высаживались в воду, мы несли большие потери. Каждый наш десант– это мастерство, героический порыв советских воинов, недосягаемый для иных

армий. Но цена побед слишком высока.

Позже, в личной беседе Филипп Сергеевич признает, что был лучший вариант, который следовало было предложить армейскому командованию: высадить десант ближе к Новороссийску, в районе Суджукской косы. Здесь длинный и широкий пляж, далее ровная местность и горы вдалеке. Широкий фронт высадки – до 6 километров, по три километра в разные стороны от Суджукской косы: к Станичке (у пригорода Новороссийска) и к западу до села Мысхако – как раз два пункта высадки, как требует устав при высадке десанта размером до дивизии. Близкое расстояние от Геленджика позволяло даже при свежем ветре использовать мелкие суда. Весь берег наблюдался с мыса Дооб и восточного берега Новороссийской бухты. Оборону противника можно подавлять не только корабельной, но главное – береговой артиллерией базы. Местность давала простор для действий танков. Можно было наносить удар непосредственно по городу, а можно было и с охватом с севера.

Но при всем этом должна быть согласованность действий войск основного фронта и десанта. Самый лучший вариант – это одновременный удар. Тогда этого не получилось. Сперва хотели наступать силами 47-й армии к востоку от города. Когда не получилось, начали высаживать десант. Но 47-я армия не поддержала усилий десанта, оборона противника не была взломана. В таких условиях никакой десант не поможет и сама идея высадки десанта компрометируется.

Иногда приходиться слышать, что комфлот ошибочно растянул силы флота, участвовавшие в десанте: от Геленджика до Батуми. Комфлот правильно сделал, что десант сосредоточил в Геленджике и Туапсе, а силы огневого содействия – крупные и быстроходные корабли – в Батуми, это обеспечило сохранение тайны и исключало нанесение противником удара по портам. Комфлоту ставится в вину даже штормовая погода, помешавшая к назначенному часу подойти высадочным силам к месту высадки десанта. Если бы критики видели, какие это были несовершенные суда (я бы сказал – убогие), они, при всей своей некомпетентности, поняли бы абсурдность. История полна примеров, когда шторм срывал крупнейшие замыслы флотоводцев, точно так же как непогода, дожди со снегопадами, непроезжие дороги выдвигаются причиной неудач в действиях сухопутных войск. И правильно – ведь войска остаются без боеприпасов и артиллерии. Так получилось с теми же войсками ЧГВ, которые из-за бездорожья, на кубанском черноземье (а оно мне хорошо известно) своими тылами и даже войсками забуксовали и дважды не выполнили директивы Ставки: окружить

врага на Северном Кавказе и не допустить его отхода на Тамань.

Несмотря на мои критические замечания, хочу со всей силой подчеркнуть талант наших армейских и флотских военачальников.

Допустив просчет в выборе пункта высадки десанта, они проявили находчивость: коль скоро успех обозначился на вспомогательном направлении – у Станички, надо превратить его в главное. История высоко оценила действия Октябрьского и Петрова. Создание важного плацдарма Малая земля связано с именами Октябрьского и Петрова.

После того как наши войска закрепились на Малой земле, а Новороссийская база наладила морем питание и артподдержку войск, адмирал Октябрьский возвратился в Поти – поближе к основным корабельным соединениям. Наштафлота Елисеев с группой офицеров остался в

Геленджике. В Поти при комфлоте была создана опергруппа из офицеров штаба флота во главе с помощником начштаба флота по боевой подготовке, которому подчинялись отдел боевой подготовки и флагманские специалисты флота.

В марте Г'лавморштаб инспектировал флот, и мы получили акт, утвержденный наркомом, и в нем сделана приятная для нас запись: «Части Потийской ВМБ являются наиболее подготовленными частями ВМФ, а ее ПВО достаточно эффективно». Такая оценка на высоком уровне вдохновляла всех нас на еще лучшую работу. В акте были указаны и наши недостатки. Но мне уже не суждено было ими заняться.

Меня внезапно вызвал комфлот. Он предложил мне занять пост помощника начштаба флота и возглавить при нем опергруппу. Я был озадачен неожиданным предложением и не знал, что ответить.

– Так надо, и теперь же, – настаивал комфлот.

– Видно, служить надо там, где прикажут, – выдавил я из себя.

– Вот и хорошо, ждите приказ наркома.

И назавтра я уже работал в новой роли. По боевой подготовке флота моим помощником был капитан 1 – го ранга М.Н. Попов, а в опергруппе – капитан 3-го ранга Ф.В. Тетюркин, весьма толковый оператор штаба флота. Первый утренний доклад комфлоту по морской и сухопутной обстановке я поручил сделать ему, а сам присматривался. Нелегко было докладывать Октябрьскому. Он сразу подмечал фальшь, недостоверное, не проверенное перекрестно, двоякое толкование фактов и событий, своими вопросами давал понять, что к нему ходить с сырым материалом нельзя.

На первом моем докладе обстановки мне было сделано немало замечаний. Это заставило меня внимательно изучать обстановку в течение суток непрерывно, а за доклад садиться не в семь утра, а в пять. И дело наладилось.

Впервые я работал с Октябрьским рядом, и это дало возможность ближе к нему присмотреться, с каждым днем я делал новые открытия в этом человеке. Это тем более легко сделать, что помимо утреннего доклада он заслушивал меня по обстановке несколько раз в сутки и давал много распоряжений, не затрагивающих прерогативы наштафлота. Он редко поручал мне составлять проекты телеграмм и письменных распоряжений командирам соединений текущего характера, больше писал сам. Порой он вставлял резкое слово, за которое чувствительные дулись на Октябрьского, но я, как грубо сработанный, не придавал этому значения. Я видел в его обращениях главное: горение, возвышенные страсти, великое служение Родине. Любил я читать телеграммы нашего комфлота, когда стал командиром базы, даже если в них попадало и мне, ибо понимал, что все им делается из благородных побуждений: закалить мой характер. Пусть было остро, но зато прочувственно и отражало наше положение, передавало атмосферу того времени, соответствовало накалу борьбы и давало боевой настрой в твоих действиях. Если погодя Филипп Сергеевич убеждался, что он хватил лишку, вставив незаслуженно обидное слово, старался исправить свою промашку.

Телеграммы по боевой подготовке и извлечению опыта из боевых действий комфлот поручал составлять только мне – по долгу службы. Тем более, что за мной стояли мои многоопытные помощники.

При докладах и в беседах Октябрьский вел себя ровно до тех пор, пока видел, что ему докладывают дельное. Но стоит докладчику сбиться с ноги, попытаться навязать недоработанное, происходила вспышка и конец изящной словесности. Нет-нет – наш комфлот сам преследовал за фольклор, не терпел сквернословия и не засорял свою речь крупного военачальника, но сурово осуждал виновного крепкими, но вполне литературными выражениями, от которых горели уши у провинившегося. Мне не приходилось подвергаться подобному, так как старался в своей работе не давать повода к этому Вообще-то, Октябрьский бережно относился к кадрам, не придирался, не дергал, тем более по мелочам, но не пропускал случая даже старательному указать на промашку, ну и тем более взгреть нерадивого. Вот почему были и недовольные им. Но авторитет его, как умного и волевого военачальника, на флоте был

непререкаем. И мне еще не раз представится случай это подтвердить. Вне службы Филипп Сергеевич был приятным собеседником, любил шутку, остро высмеивал пороки, а к человеческим безобидным слабостям относился снисходительно.

В одну из таких непринужденных бесед, за обедом, когда мы были наедине, я спросил Октябрьского напрямую: кто выбрал Южную Озерейку для высадки десанта и почему вы согласились? Он ответил сразу: выбрали Тюленев и Петров, а я согласился по многим причинам; не хотел конфронтаций, поэтому не ссылался на отсутствие десантных кораблей и неприемлемость Озерейки для высадки, да и данных имел о ней мало, чтобы отвергнуть, а на Станичку мы перенацелились, когда противник нас проучил, мы набили себе синяков и шишек, и тогда все сразу поумнели. Довольно откровенное и честное признание.

Недолго я поработал под непосредственным руководством Октябрьского. На флот внезапно прибыл нарком ВМФ Кузнецов и вызвал Октябрьского на запасной ФКП в Майкопе (под Туапсе). А через несколько дней по флоту было объявлено, что в командование флотом вступил вице-адмирал Л.А. Владимирский. Это ошеломляющее и неожиданное известие вызвало недоумение, и не только у меня. Между собой говорили о разногласиях между Петровым и Октябрьским, осложненных неудачей под Озерейкой. Октябрьский возражал против попыток неправильного использования флота, особенно там, где войска могли сами справиться, без привлечения крейсеров и даже линкора, и в этом комфлот чаще был прав – флотом надо распоряжаться умеючи, глубоко вникая в его сложности. Поговаривали о застарелых неровных взаимоотношениях между Кузнецовым и Октябрьским – как видно, эту накладку не сбросишь со счетов. Но я точно знаю, что Октябрьскому не было предъявлено обвинение по неудаче у Озерейки. Ее тогда посчитали общей неудачей, в ряду других неудач на море и суше, чередовавшихся с успехами.

Начальник Береговой обороны флота генерал П. А. Моргунов, одинаково относившийся к Октябрьскому и Петрову (в обороне Севастополя он был ближайшим их помощником), поведал мне следующее. В дни пребывания наркома на ФКП флота он постоянно общался с помощниками наркома, как со старыми сослуживцами, имел точную информацию о подоплеке этого дела. Он полностью исключает вопрос об Озерейке, как причину снятия Октябрьского, так как первичной ошибкой было неверное избрание Озерейки, как исходного рубежа для наступления десанта по суше (она же автоматически и пунктом высадки десанта), а выбор делал не Октябрьский. Незначительная масштабность Озерейки не могла послужить причиной снятия

такого крупного военачальника, как командующий флотом, тем более за ошибки его начальников, диктовавших свои условия без надлежащего изучения местности, и тоже не по своей вине. Озерейка явилась поводом накопившихся претензий чисто человеческого порядка.

Конечно, Лев Анатольевич Владимирский – большая умница, славный и отважный мореход, не отступавший ни перед какими свирепыми штормами, и, как бывший его помощник (когда он командовал эсминцем «Петровский»), свидетельствую его высочайшие морские качества и владение виртуозным искусством управления кораблем; а в войну наблюдал под Одессой его храбрость в бою. Однако для командующего флотом требуются и другие многие качества – железная воля в проведении крупномасштабных дел, гражданское мужество в отстаивании своего мнения, умение властно скомандовать. Всем этим, и многим другим, в избытке обладал Октябрьский.

Всегда считал адмирала Октябрьского сильным комфлотом и эту смену командования флотом воспринял, как большую потерю для флота и нашего дела борьбы на Черноморском театре военных действий.

Прискорбно мне об этом писать, так как уважаю и люблю всех троих наших славных адмиралов и флотоводцев. Но это была крупная кадровая ошибка нашего умного и дальновидного наркома Кузнецова, которая через год была исправлена.

Я встретил Филиппа Сергеевича у въезда в город Поти, когда мне позвонила охрана моста о проезде адмирала. Мы проехали с ним на его квартиру. Отдаю должное выдержке своего учителя: он ни слова о случившемся; за чаем, которым нас угощала его супруга Мария Николаевна, шли отвлеченные разговоры. А через неделю я проводил его с семьей – он уезжал командовать Амурской флотилией, во второй раз. И это в то время, когда шло интенсивное изгнание врага с Северного Кавказа, в дело которого велик был вклад Октябрьского. В апреле сорок третьего авиация противника совершила на Поти второй большой налет. Он был успешно отражен. В этом отличились летчики и зенитчики, и в их числе гвардейцы командиров батарей Ю.Н. Зорина, Н.Ф. Кравченко, И.В. Беляева, Г.П. Яковлева, А.Ф. Мордовцева, Г.В. Корзуна, А.Г. Телегина, Р.Э. Тизенберга и Фастовца. И по-прежнему на высоте были начальник ПВО Главной базы полковник А.А. Федосеев и командиры полков А.В. Мухряков и И.К. Семенов, искусно управлявшие воздушным боем над портом.

Противник цепко ухватился за Таманский полуостров, создав сильные укрепления, названные «голубой линией», позволившие ему продержаться несколько месяцев. И вот в этот период в небе

Кубани разыгралось грандиозное воздушное сражение, длившееся много недель, в которое было втянуто несколько тысяч самолетов с обеих сторон. Победа была на стороне советской авиации. Тут сказалось и мастерство, и героизм, и превосходство советской техники. Впервые за войну наши Военно-Воздушные силы завладели господством в воздухе, и не только на юге, а на всем советско-германском фронте. Здесь в полной мере показала свое превосходство и преимущество советская экономика, которая дала фронту лучшие, чем у немцев, самолеты и в большем количестве. А наши летчики превзошли врага в искусстве воздушного боя по всем статьям.

А я тем временем старался поглубже вникнуть в порученные мне дела: на основе опыта боевых действий совершенствовать боевую подготовку флота и пополнять новыми положениями военно-морское оперативное искусство. До этого я не представлял, какое это интересное дело.

У начальника отдела боевой подготовки капитана 1 – го ранга М.Н. Попова и флагманских специалистов флота – штурмана капитана 1-го ранга Ю.П. Ковеля, артиллериста А.А. Рулля, инженер-механика инженер-капитана 1-го ранга В.Я. Красикова – накопилось много материала по использованию оружия и тактическим приемам. Мы обобщили данные и представили начальнику штаба флота

Елисееву свои соображения по совершенствованию наших тактических приемов при нанесении ударов по противнику В частности, мы доказали и предложили, что против имеющихся у противника малотоннажных судов, работающих на морских коммуникациях, вполне достаточно фугасно-осколочного снаряда 130-миллиметровых пушек эсминцев, но даже их посылать в мелководный северо-западный район моря – за 1150 км – не следует, ввиду большой минной опасности, ибо параван-охранители не гарантируют безопасности эсминца, так как противник начал применять устройства-ловушки на тросах мин и тросы не подрезаются, а мины подтягиваются к борту корабля и взрываются. В связи с колоссальным расходом артбоеприпасов избегать бесплодных ночных артобстрелов портов и побережья Крыма, занятых противником, которые ничем не подтверждаются, а сама стрельба не корректируется.

Мы считали, что при высадке десанта, когда используется метод внезапности, а не силы, не следует проводить артподготовку перед началом высадки, ибо этим мы сами поднимаем противника, он изготавливается к отражению десанта. Опыт позволил нам сделать выводы, которые должны стать известными всем нашим командирам кораблей и авиаторам:

наиболее эффективными являются удары пикировочной и торпедоносной авиации с различных направлений, не менее трех. Вражеские летчики доводили пикирование до 150 метров (лица летчиков были видны) и потом сбрасывали бомбы – поражаемость резко увеличивалась; а торпедоносцы выходили в атаку в сумерках с темной стороны на высоте 70—100 метров и сбрасывали торпеды с расстояния 800—1000 метров – только искусные уворачивались от попадания.

В противовоздушной обороне баз и кораблей грамотнее использовать истребительную авиацию – не действовать навалом против вражеских самолетов, а создавать группы – ударную, прикрытия, отвлекающую; и те, что сбивают бомбардировщики, не должны ввязываться в бой с «мессершмиттами»; умеючи наращивать истребители в бою; узаконить корабельный дозор ПВО в качестве выносных морских постов ВНОС; для всех портов создать штатные дивизионы задымления портов от авиации и артиллерии противника.

Красная Армия вновь порадовала советский народ летом сорок третьего: на Курской дуге немецко-фашистская армия потерпела сокрушительное поражение, которое стало началом конца Третьего рейха.

Я был вызван на ФКП флота в Майкоп. И комфлот Владимирский поручил мне с колонной легковых автомашин выехать в Краснодар, встретить наркома Кузнецова и сопровождать его с большой группой офицеров Главморштаба – помочь новому комфлоту в связи с подготовкой войск Северо-Кавказского фронта Черноморского флота сокрушить так называемую «голубую линию» обороны немцев, протянувшуюся от Новороссийска на север до Азовского моря, и окончательно изгнать немцев с Кубани, милой моему сердцу родины.

Был воскресный жаркий день. Ехал я через кубанские станицы, так хорошо мне знакомые с детских и юношеских лет по укладу жизни, быту, традициям, нравам, семейным устоям и взглядам. Времени у меня в запасе много, и я часто останавливался поговорить со станичниками – стариками и женщинами. И до боли в сердце переживал наполовину пустые улицы, дома, станицы – не было видно главной движущей силы общества: молодых мужчин, без которых нет изобилия материального и не продолжишь род людской. И действительно – малых детей совсем немного и те уже безотцовщина. Запомним это гитлеровцам, осиротившим их. Подъехали испить воды к толпе женщин. А это заневестившиеся девчата – похоронкой их повенчала с суженым «курносая, безглазая с косой», пожинавшая обильный урожай на поле брани. Потому тут и не слышно

звонких и мелодичных украинских песен и обычной для кубанских станиц веселости. Но вот подошли шоферы и матросы из охраны, и помягчели девичьи лица. Без вступлений завязался разговор между «годками», ведь остановка минутная и надо было успеть хоть немного выговориться вот с такими же, какими были бы их женихи и мужья сейчас. Разговор шел, и девушки оживились. А я стал в стороне, чтобы не стеснять юность, и думал горькую думу: никакой улыбкой мимолетной встречи с такой же юностью не подавить страшную грусть, поселившуюся в душах этих девушек. Теперь им, как и другим миллионам русских, советских женщин, вековать вдовьей жизнью без мужьей ласки и не испытать им счастья материнства в замужестве. Они хорошо это осознавали, потому что я видел, что под их глазами, проплаканная не одну ночь и день, тоска по этому счастью уже вывела преждевременно чуть приметные темные тона, контрастирующие с красивым – самым красивым на всем белом свете – лицом кубанской понизовной казачки из славного племени украинских, самых настоящих, запорожцев, переселенных сюда указом царицы в конце XVIII века. Мы и эту горькую женскую долю не простим фашистам.

В другой станице притормозили у общества обоего пола. Присмотрелся, а им едва по семнадцать, потому здесь и песни. Неистребим русский дух, и молодость берет свое. Только это счастье первой любви скоро-скоро жестоко прервет война, и эти юные парни, еще мальчики, уйдут под ружье. Ведь какие потери мы понесли, и сколько юношей осталось на оккупированной территории. И в 1943–1944 годах нам придется мобилизовать семнадцатилетних – рождения 1926–1927 годов. И по юным девам ударит беда, как и по их старшим сестрам. И все-таки радость победы и изгнание врага вызывали подъем духа людей: прихорашивались станицы, в поле вдохновенно трудились и стар и мал, и больше всего вечная труженица – русская женщина, в лихолетье взвалившая на себя мужскую долю. Шла уборка хлеба, и в основном вручную, на лошадях, старых тракторах и побитых комбайнах. Фронт ждал хлеб и мясо, и труженики села вели в тылу сражение, не щадя сил и здоровья.

Прежде чем ехать на аэродром, я заехал к секретарю крайкома партии, а он уже знал о прилете наркома, а так как Кузнецов являлся членом ЦК партии, он выразил желание встретить его, и мы поехали вместе. После встречи Кузнецова с командующим фронтом и обеда в крайкоме выехали на ФКП флота. Проезжая кубанскими степями, Николай Герасимович много интересовался Кубанью, и я, как кубанец, многое ему рассказывал из истории Кубани.

Армия и флот наступают

В сентябре армия и флот освободили Новороссийск. Удар по врагу был нанесен с трех направлений: войсками 18-й армии с востока и запада (с Малой земли) с охватом города с севера и силами флота с моря четырьмя отрядами кораблей и судов на трех участках – через порт и с обеих сторон порта (у корня обоих внешних молов). Тут действовала Новороссийская военно-морская база с приданными кораблями (в том числе и Потийскими) и армейскими частями, под командованием контр-адмирала Г.Н. Холостякова; а начальником штаба базы был капитан 1-го ранга Н.И. Масленников, начальником политотдела – капитан 1-го ранга И.Г. Бороденко, начальником оперативного отделения – капитан 3-го ранга Н.Я. Сидельников – это были кадры высокого мастерства и закаленные в непрерывных боях, они, в сложном замысле атаки порта и берега, умело возглавили действия кораблей и пехоты (морской и армейской), штурмовавших ворота порта и врага, засевшего в порту и в пригородах. Мастерски и отважно сражались экипажи судов, торпедных катеров и малых охотников дивизионов, которыми командовали близкие мне по Одессе капитаны 3-го ранга Г.И. Гнатенко, П.И. Державин, Н.Ф. Масалкин, а также Д.А. Глухов и Н.И. Сипягин – они, прорываясь в порт и к берегу, действовали дерзко, доставив сквозь огонь противника свою пехоту к причалам и берегу. И вот здесь особенно отличились малые охотники и в их числе катера, командиров которых я помню еще по Одессе: В.И. Горяшко, И.А. Гусев, П.К. Дорожен, Л.Е. Еременко, Г.И. Захаров, А.А. Какабадзе, В.И. Квардаков, И.Г. Лапшин, И.П. Михайлов, И.Т. Плотников, Б. Поддубный. Многие из них были удостоены высоких государственных наград, а комдиву Николаю Ивановичу Сипягину, первому из надводников флота, было присвоено звание Героя Советского Союза. Атака порта и города с моря была очень сложным делом – надо было ночью четыре колонны кораблей, около 60 единиц, точно подвести к своим местам. И вот тут проявили искусство гидрографы во главе с капитаном 3-го ранга Б.Д. Слободником – они установили для каждой колонны створные огни, невидимые противником с противоположного берега, и каждый створ не наблюдался с соседнего створа; это полностью исключило путаницу на переходе такой армады разнохарактерных судов: военных и гражданских, с различной выучкой.

Новороссийская совместная – армии и флота – операция была хорошо спланирована и искусно проведена, и в этом огромная

заслуга командующего Северо-Кавказским фронтом И.Е. Петрова и командующего Черноморским флотом Л.А. Владимирского.

После изгнания врага с Кавказского хребта здесь, действуя совместно с флотом, вновь блеснул талант Петрова, как крупного и глубоко мыслящего военачальника, полководца, способного не только крепко, надежно держать рубежи в обороне, но и умело наступать, бить и гнать врага. И я не согласен с утверждением иных, что Петров якобы был большим мастером обороны, и только. Уже в Одессе, на моих глазах, он показал свою наступательную хватку, возглавив второй контрудар. Да в первом периоде войны все мы больше всего получили практику в обороне – учились искусству удержания рубежей, и успешное удержание их считалось великим достижением и проявлением большого мастерства и таланта. А когда пошли в наступление, так тоже не у всех и не всегда получалось так, как хотелось, потому что опять же учились наступать.

Пройдет немного времени, и войска Петрова, совместно с флотом, взломав «голубую линию», погонят противника и сбросят в Керченский пролив, полностью освободив Кубань.

Ее весной была воссоздана Азовская флотилия под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова, задействованная на правом фланге Северо-Кавказского фронта и на левом фланге Южного фронта.

После освобождения Новороссийска нарком Кузнецов – снова на флоте. Начштаба флота Елисеев приказал мне сдать свои дела и обязанности и немедленно выехать в Геленджик на ФКП Новороссийской базы – меня вызывает нарком ВМФ. Через 3 часа я уже был там и представился наркому. Николай Герасимович без вступления сказал:

– Как смотрите на назначение вас командиром Берлинской военно-морской базы?

– Глазами начальства, – выпалил я невпопад от неожиданности.

– Это не ответ, – полушутя сказал нарком.

– Благодарю партию и вас лично за высокое доверие, я оправдаю его, – ответил я так, как надлежало бы сразу, что наиболее точно отражало чувства, которые тогда овладели мною.

– Считайте, что вы уже назначены, приказ подписываю.

Поставив подпись, он тут же передал его присутствовавшему здесь начальнику управления делами наркомата контр-адмиралу М.З. Москаленко.

Впервые я командир соединения. Не скрою – какие высокие чувства и страсти обуревали меня тогда, тем более получив назначение из рук самого наркома, да еще такого, как Н.Г.

Кузнецов! Вот такое со мной происходило, когда я получил назначение командиром корабля, начальником штаба Одесской базы в осаде. И рождалось стремление исполнить свой долг до конца в любой сложной обстановке.

А сейчас мне предстояло снова взаимодействовать с армией, ведь база прифронтовая и должна быть в постоянном наступлении с левофланговыми частями Южного фронта (в скором будущем 4-го Украинского), гнавшими врага на запад к Мелитополю и Геническу.

Сборов у меня никаких, прощаться не с кем – семья далеко, в Поти, при мне все необходимое для скромного фронтового житья-бытья, и я со своим старшиной-порученцем Емельяном Ивановичем Степановым тотчас выехали на Азовское море.

В Приморско-Ахтарской представился командующему Азовской флотилией контр-адмиралу С.Г. Горшкову. А наутро уже ехал в Ейск, чтобы морем пройти в Бердянск.

Второй день еду по раздолью Кубанского края, которому, по моим понятиям, нет равных на всей планете по разнообразию природы, географии, климата, народонаселения, а главное, по качеству почвы. Его неистово топтал злой враг, пытаясь испоганить все и вся, но даже гитлеровским вандалам не по силам было исковеркать красоту Кубани. И я не могу налюбоваться прелестями своего края: сперва сочинские субтропики, за ними горы с перевалами и предгорьями, густо покрытыми знаменитым кавказским лесом редчайших пород деревьев – от ясеня, дуба до ели и самшита, который в воде тонет; спустившись с предгорий, вырываешься в степь неоглядную, вначале чуть холмистую, а потом ровную, как стол. Наконец красавица Кубань – в начале осени поуже, потише, с чистой голубоватой водой, а весной и в жаркое лето, в дожди при сильном таянии снегов и ледников – буйная, с мутной водой и корягами лесными, плывущими до самого моря; пересечешь Кубань – и снова ровная степь безлесная, а поближе к Азовскому морю – с лиманами.

…После короткой остановки в Стародеревянковской и беседы со стариками-казаками, воевавшими в Первую мировую войну, по пути проехали через Новодеревянковскую. Она поставлена уже в XIX веке и заселена переселенными крестьянами, зачисленными в казаки, и молодой порослью, отпочковавшейся от Старой, – тут и хаты чуть другие и говор немножко иной. Дальше мы проследовали в Ейск через Староминскую и Старощербиновскую станицы образца 1793 года с запорожскими именами. Неважные их земли, это не то что у Кубани – жирные черноземы в Пашковской, Васюринской и Усть-Лабинской станиц, – здесь, в

Приазовье, много солонцов, солончаков, нуждавшихся в гипсовании почвы для повышения урожайности. Но зато какие здесь просторы, неоглядные были пастбища и сенокосы. Здешние жители не жаловались на судьбу еще и потому, что рядом Азовское море, а в нем много рыбы, особенно вкусного осетра – им лакомились сами и возили продавать в Екатеринодар…

Через день, переправившись через море и побеседовав в Мариуполе со старморначем, я был в Бердянске, где меня встречал старший морской начальник капитан 3-го ранга Ф.В Тетюркин, мой сослуживец по штабу флота.

Начальником штаба базы был назначен участник обороны Одессы, командовавший тогда дивизионом тральщиков, капитан 2-го ранга В.А. Иосса, начальником политотдела – капитан 2-го ранга Н.Ф. Крыкин, начальником тыла – подполковник Н.Н. Суховаров. Они быстро сформировали все органы управления базы, и мы дружно заработали, готовясь к активным боевым действиям. До сих пор вспоминаю своих ближайших помощников добрым словом и храню к ним теплые чувства за усердие по службе.

Командующий флотилией Горшков прислал в состав базы зенитный артдивизион, под командованием майора Н.М. Шило, для прикрытия Бердянска с воздуха, соединение береговой артиллерии, под командованием подполковника Ю.И. Неймарка, которое имело девять подвижных батарей для береговой обороны; прибыл также 384-й батальон морской пехоты майора Ф.И. Котанова. А фронт выделил зенитный артполк для усиления нашей ПВО.

Южный фронт, вскоре переименованный в 4-й Украинский фронт, своими войсками занял боевые позиции для штурма вражеских укреплений на севере Крыма – на Перекопском валу и на Сиваше, – взяв под охрану и наблюдение морское побережье к востоку и западу от Крыма. В полосе действий фронта находилось только одно флотское соединение – Бердянская база. Она имела большую протяженность по берегу: все северное побережье Азовского моря и часть Черного, от Ростова до Геническа и от Перекопа до Скадовска, Тендровской и Кинбурнской косы. Мне приказано создать прочную оборону северного побережья Черного моря от Хорлы до Кинбурна. И я направил туда под командованием Неймарка подвижную морскую артиллерию и морскую пехоту. И выехал в этот район сам, чтобы согласовать в штабе фронта и на местах с частями фронта вопросы обороны побережья, обратив особое внимание на оборону Скадовска. На всех десантноопасных участках и у крупных населенных пунктов – Хорлы, Скадовск, на Тендре, Кинбурнской косе, южном

побережье Днепро-Бугского лимана – были установлены морские батареи. До сформирования и прибытия сюда, в Скадовск, управления Очаковской базы, здесь старшим флотским начальником стал подполковник Ю.И. Неймарк. А я возвратился в Бердянск. И вскоре получил горестное сообщение о тяжелейшей утрате, понесенной Черноморским флотом.

Погибло сразу три новых корабля: лидер «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Способный». Корабли погибли при очередном набеге для обстрела портов Крыма, занятых противником, – во время отхода от крымского берега они были утоплены пикировочной авиацией.

Черноморская эскадра была наиболее активным, динамичным и результативным соединением флота, не было дня, чтобы какие-то ее корабли не были в движении, в боях и походах, она провела десятки самостоятельных и совместных с армией операций и блестяще решала свои задачи. Но наименее удачными у нее проходили набеговые действия на порты и коммуникации противника, тут ее постоянно подстерегала грозная опасность, ее корабли часто находились на грани безрасчетного риска, который уже приводил однажды к гибели лидера, дважды – к тяжелым повреждениям двух новых крейсеров. Роковой исход давно назревал. Действия личного состава эскадры были безукоризненными. Основной недостаток набегов состоял не столько в исполнении, сколько в постановке задач и в боевом обеспечении набегов. Она повинна в отсутствии точных последних данных о силах противника, угрожающих нашим кораблям, не было данных о вражеских минных заграждениях, характере морских коммуникаций противника, какие и сколько кораблей противника базируется в Феодосии и Ялте и нужно ли, рискуя, посылать туда наши корабли для ударов по призрачным целям. Достаточно сказать, что набег в последние дни сентября оказался полностью безрезультатным.

Не было полностью и до конца вскрыто сосредоточение пикировщиков на крымских аэродромах в начале октября 43-го – доложи начальник разведки комфлоту и наштафлоту о них, и корабли не были бы посланы на погибель. Я всегда придерживался мнения, что наш начальник разведки не на месте. Набег не был обеспечен и подкреплен предварительным ударом нашей авиации по крымским аэродромам противника, совершенно недостаточным было прикрытие нашей авиацией своих кораблей в море, при отходе от Крыма, с рассвета 6 октября и особенно в течение всего дня, когда пятью волнами, с разрывами в три часа пикировщики противника наносили удары по нашим кораблям. Штабы флота и эскадры допустили ошибку в

выборе времени артобстрела портов Ялта и Феодосия – на рассвете, когда мы потеряли лидер «Москва». Корабли начали отходить после рассвета и попали под дневные удары авиации. Допустил ошибки и командир соединения кораблей. Набег, как и положено, строился на принципе внезапности, значит, скрытности. Но на переходе к Крыму самолеты-разведчики обнаружили наши корабли и в течение двух часов освещали осветительными бомбами. Операция была раскрыта, и даже определено направление движения кораблей. Надо было считать, что противник изготовит все силы и средства для нанесения ударов по нашим кораблям – не допустит обстрела своих кораблей в портах и в море, вышлет свои торпедные катера для ночных атак, приведет береговую артиллерию в готовность для немедленного открытия огня, а к рассвету подготовит и авиацию. Уже это непрерывное висение разведсамолетов над нашими кораблями давало право командиру соединения прервать набег и возвратиться. Что и надо было ожидать: произошло столкновение с торпедными катерами, береговые батареи открыли огонь по кораблям, пришлось отказаться от обстрела Феодосийского порта. Только лидер успел обстрелять Ялтинский порт, но подвергся обстрелу батарей. Отход начался с восходом солнца и нефорсированными ходами – сказалась недооценка вражеской авиации. Занялись пленением и спасением вражеских летчиков со сбитого самолета – произошла новая задержка. Для меня остается спорным обвинение командира соединения в попытке спасти первый подбитый корабль и на буксире привести в Туапсе; из-за задержки были утоплены все.

Он надеялся, что наши самолеты его прикроют надежно. Не знаю, как я действовал бы в этом случае – жалко было расставаться с лидером. Есть некоторое оправдание и тому, что командир не прервал набег и не вернулся – на нашу психику сильно давил девиз: ни шагу назад. Хотя законы войны оправдывают это. Они оправдывают и затопление подбитого корабля, во спасение остальных. Много было всяких толков. Но это все после случившегося, когда все становятся умными и все становится ясным.

Ставка Верховного Главнокомандующего резко отреагировала на гибель кораблей, сделала суровые, но справедливые оргвыводы и запретила без ее ведома использовать корабли на дальние расстояния без надлежащего прикрытия с воздуха.

Вскоре командующий флотилией С.Г. Горшков перевел свой ФКП в Бердянск для организации взаимодействия с фронтом, имея целью высадку десанта в Крым, в которой определенная роль отводилась нашей базе. Адмирал поручил мне заняться

лично подготовкой десантных судов, сосредоточенных у села Ботьево, куда я и отбыл, занявшись этим делом вплотную.

Там я поселился у пожилого рыбака М.С. Бондаренко, хата которого, как у настоящего рыбака, находилась больше чем у самого синего моря – у самого уреза воды, и волны лизали ее стены, подмывая их основание. Максим Спиридонович оказался интереснейшим человеком – бывалый воин Русско-японской и Первой мировой войн. Человек большого ума, с отличной памятью и трезвой рассудительностью, он много рассказывал о боевых эпизодах и давал им свое толкование, с которым нельзя было не согласиться. Меня постоянно к нему тянуло – каждую свободную минуту я проводил с ним в беседах и до сих пор помню многое, что он рассказывал. Прислушиваясь и присматриваясь к нему, я стал замечать какую-то глубокую невысказанную грусть, затаенную тоску. Жил он с женой и с ними внучок. И я стал примечать хозяйку часто заплаканной и прижавшегося к ней мальчика. Меня охватила тревога, что здесь произошло что-то необычное, и я с предосторожностями и тактом, необходимом в таких случаях, попытался выяснить, и Максим Спиридонович поведал страшную для меня историю. То, что отец мальчика погиб, это сейчас почти в каждой семье; есть не менее тяжкое горе, которое принес фашизм на нашу землю. Мать мальчика, дочь стариков, гитлеровцы увезли в Германию на работы, и никаких вестей уже два года. Из газет я уже знал, что немцы ввели в государственную практику угон людей для работ на них, а сейчас я впервые, вот так близко, непосредственно столкнулся с этим страшным злом гитлеризма – угоном людей.

Как потом мы узнаем, гитлеровцы согнали в Германию к 1945 году семь миллионов человек многих наций работать на заводах, полях, у крестьян прислугой за жалкую похлебку, чтобы не умереть с голода. Рабство в XX веке. Дикость, средневековье, преступление перед человечностью. Как германская нация, обладавшая какими-то элементами культуры буржуазного общества, могла так низко пасть, до скотского состояния, чтобы попрать уже устоявшееся в Европе? Конечно, тут основное зло в фашизме, утратившем человеческое лицо и душу, элементарную порядочность и чистоплотность и поставившем перед собой политическую цель уничтожения целых народов, а остальных превратить в рабов, что было бы упрощением все списывать только на Гитлера и фашизм. Мы помним, что в 1932 году большинство тогдашних немцев на выборах (в определенной степени свободных) проголосовало за фашизм, так как немцы приняли его политическое кредо и постулаты гитлеризма: награбленное у других народов – достойный трофей победителей.

И если до этого у германской нации еще водилась какая-то буржуазная порядочность, то сейчас война вывернула наизнанку германское фашистское общество и обнажила его нечистоты на вселенское обозрение, и планета ополчилась против этого исчадия ада. Наверно, потребуются десятилетия или даже века и величайшая порядочность в политическо-философском смысле, чтобы те, что ностальгически вздыхают по гитлеризму, смогли смыть позор рабства, усердно ими насаждавшегося у себя в середине XX века.

А сейчас, в октябре 43-го, старый, закаленный в боях солдат Максим Спиридонович Бондаренко рыдал, рассказывая подробности сборов и угона людей в рабство, разлучения матери с ребенком, прощание с дочерью. Признаюсь, я не смог сдержать слез, слушая эту трагедию. Никакого срока давности для этого преступления приспешникам и почитателям Гитлера не может быть.

Как мог, я пытался скрасить жизнь стариков в эти короткие дни пребывания у них. С.Г. Горшков приказал мне вернуться в Бердянск. Оказывается, в верхах состоялось решение об отмене подготовки высадки десанта в Крым с севера. Горшков перевел свой ФКП на южное побережье моря. И теперь, после изгнания немцев с Тамани в Крым, флотилия готовилась к последующей крупной операции. Похоже, что все клонится к нашему вторжению в Крым через Керченский пролив.

В начале ноября Черноморский флот высадил через южную и северную часть Керченского пролива крупный оперативно-стратегический десант на Керченский полуостров, состоявший из дивизий и корпусов Северо-Кавказского фронта, которым командовал теперь уже прославленный полководец, генерал-полковник Иван Ефимович Петров – герой обороны Одессы, Севастополя и Кавказа. Причем самых ответственных направлений, где решался исход борьбы в сорок втором: на восточном фланге, в Прикаспии, где отстояли Грозный и Баку; и на западном Причерноморье, где отстояли черноморское побережье с военно-морскими базами флота. Почти два с половиной года в непрерывных сражениях с умным и сильным врагом.

И надо было иметь богатырское здоровье, высокие нравственные устои, кипучую энергию, беспредельную преданность партии и народу, чтобы просто выстоять на ногах, не свалиться от чрезмерного перенапряжения мозга в ежедневных творческих поисках все новых и новых тактических приемов и оперативных решений, чтобы бить врага – сперва сдерживать, а потом и погнать. И вот теперь, совместно с флотом, ударом через

пролив гнать врага из Крыма. И для этого было избрано два направления: в зоне Азовской флотилии, через северную часть пролива, которую мы называли Керчь-Еникальским проливом, шириной всего 5–7 километров, где для высадки десанта можно использовать, хотя и с большими трудностями, неприспособленные мелкие суда через южную часть пролива, где высадку возглавлял контр-адмирал Г.Н. Холостяков; здесь ширина пролива уже достигала 15 километров, район, открытый для морской волны и подхода вражеских кораблей, с сильным артиллерийским вооружением. Это последнее и повлияло на дальнейший ход событий.

Иногда можно встречать суждения, что вся сложность в овладении побережьем, занятом противником, состоит в высадке главных сил десанта, особенно передового отряда, и еще поважнее – первого броска. Согласен с этим полностью. А что касается дальнейшего наращивания войск, организации морских коммуникаций для пополнения, питания десанта, то иные считают это дело более легким. Вот с таким легковесным суждением я не согласен, оно ведет к поражению. Ибо бывает чаще: легче захватить, чем удержать. Ослабив внимание после успешной высадки, к этому делу нас подстерегает опасность ослабления нажима на врага на суше, чем он, придя в себя, сейчас же воспользуется. Уже не раз было в истории войн, да и в теперешней (в том же Феодосийском десанте), когда противник, застигнутый врасплох, не мог отразить десант, а потом, приведя в порядок свои силы, блокировал десант с суши и с моря, прервав коммуникации, сбрасывал десант в море, или уничтожал, или заставлял эвакуировать десант морем, или прорываться сушей к своим. Или создавал трудности в нормальном питании высаженных войск, если проявлялось невнимание к своим коммуникациям. Так получилось с нашим десантом в Крыму в ноябре – декабре 1943 года.

В южной части пролива десант, в составе стрелковой дивизии и морской пехоты, под командованием полковника (вскоре ставшего генерал-майором) В.Ф. Гладкова, был высажен в Эльтиген (ныне Героевское) – это вблизи выхода в Черное море.

Это был героический десант – здесь стяжали славу и моряки, и пехотинцы. Но это было и трагическое событие, и для флота, и для армии – мы здесь понесли большие потери, без заметного успеха и результата. Как вспомогательный десант он должен был оттянуть значительные силы с главного направления, где высаживался главный десант силами Азовской флотилии. Этого не удалось достигнуть, так как Эльтигенский десант не получил своего развития. Нас постигла неудача и под Озерейкой.

Пытались достигнуть хорошие, правильные цели, но с негодными средствами и в неподходящих условиях. Как я уже говорил, у нас не было специальных десантных кораблей, вот таких, как у немцев – ДДБ (десантный корабль, с броней несильным артиллерийским вооружением). Высаживали десант на мотоботах и баркасах (это беспалубные катера, заливаемые мелкой волной), на рейдовых катерах и катерных тральщиках (прибрежные средства), и самое большее – это был катер-охотник за подводными лодками, хоть и мореходный, но никак для десантирования. И высадка пришлась на самый суровый погодный период года, так называемые осенние черноморские бури, когда беспрерывно свирепствуют жестокие штормы от норд-оста, с большим накатом на крымский берег. Все это я испытал на себе, именно здесь, командуя сторожевиком и плавая в этом районе. Комфлот Владимирский и Холостяков с тяжелым сердцем, под сильным нажимом командования фронтом, пошли на эту высадку; из-за шторма она откладывалась; и наконец в одну из пауз незначительного ослабления ветра решились послать этот «тюлькин флот» с перегруженными людьми посудинами, хотя специалисты предупредили, что ожидается новое усиление ветра – то есть шторм продолжался, и это кратковременное ослабление, не дающее никаких надежд на длительное затишье. А для операции требовалась неделя приличной погоды с ветром не более четырех баллов, чтобы перевести войска, их усиление и полное снабжение, и в дальнейшем наладить надежную морскую коммуникацию для непрерывного питания десантных войск длительное время; все были поглощены сиюминутными потребностями: проскочить к месту высадки основными силами десанта, отбиваясь от назойливой мысли, что через несколько часов задует снова и десант останется без усиления и снабжения.

Скажу, может, и остро, но справедливо.

Десант был послан с большим риском погибнуть кораблям и людям или потерпеть неудачу. Безусловно, товарищи Владимирский и Холостяков не проявили твердости перед начальством, не доказали, что таким «флотом» нельзя идти через бурную и широкую часть пролива в 15 километров.

Катера десанта уже на переходе занимались самоспасением, от усилившегося шторма их заливало водой и люди вычерпывали ее, нарушились походный порядок, строй в колоннах и управление, многих из них просто разбросало что щепки. А на подходе катера были встречены сильным вражеским огнем. Некоторые суда были штормом выброшены на берег. А потом пошло еще худшее. Начались бомбежки, ночью подошли корабли

противника – БДБ и торпедные катера, они атаковали наши катера, пытавшиеся пополнять и снабжать десант. Он был блокирован и с суши, и с моря, коммуникации были нарушены. И Гладков с остатками десанта через месяц прорвется к Керчи и будет эвакуирован на кавказский берег, чтобы, пополнившись и приведя себя в порядок, продолжить борьбу в Крыму.

Героизм советских воинов – моряков и пехотинцев – в этом десанте был беспримерен, и Эльтигенский десант вошел в историю как проявление высоких моральных качеств советских людей.

Позже мне стало известно, что в этих боях мы потеряли много катерников и сразу двух комдивов: Героя Советского Союза Н.И. Сипягина и Д.А. Глухова, удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза, а третий – комдив Гнатенко – чудом уцелел и ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Вообще, на катерах-охотниках потери были повышенные, так как им давали такие боевые задания, которые уже некому было поручить, их посылали в такие горячие точки и адовы места, куда уже некого было посылать. И я хочу помянуть погибших, только мне известных командиров катеров-охотников. А сколько за ними стоит имен погибших рядовых катерников?!

За первые два с половиной года войны в боях за Одессу, Севастополь, Кавказ, Крым отдали свои жизни П.А. Бакалов, П.М. Белошицкий, И.Т. Богданов, М.Ф. Ботвиновский, П.В. Верба, Ф.И. Вечный, М.К. Глазунов, С. Гладышев, Ф.И. Коренной, В.В. Кошелев, П.В. Красников, М.И. Малахов, Г.М. Морозов, И.Н. Павленко, П.В. Пакош, А.П. Скляр, Ф.И. Старченко, Г.А. Труненко, П.А. Тулупов, В.Н. Филиппов, Д.П. Харламов, В.М. Шпонько, В.П. Щербинин. И вот некоторые из них погибли в Эльтигенской операции.

В отличие от Эльтигенской, в северной части пролива, где досаживался главный десант силами Азовской флотилией, под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова, операция прошла хорошо. Сперва, по настоянию Горшкова, когда шторм усилился, высадку перенесли на два дня. А потом началась высадка на широким фронте, а вслед была организована перевозка войск, которые в последующем были доведены до трех корпусов. В этих боях отличился защитник Одессы, близкий мне человек, теперь командовавший бригадой бронекатеров, капитан 3-го ранга П.И.Державин – ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

С середины ноября, одновременно с перевозкой дивизий, потребовались усиленные перевозки через пролив грузов для питания войск – боеприпасов, вооружения, техники,

продовольствия и маршевых частей. Требовалось подавать в сутки 1000 тонн грузов, а получалось немногим более половины. Флотилия не справлялась с перевозками. Не хватало специальных грузовых судов, да и поставленный для руководства перевозками человек не смог совладать с этим большим делом, не имея органа управления. А командование флотилией самоустранилось. И генерал Петров нервничал и выказывал неудовольствие.

В эти дни Северо-Кавказский фронт был преобразован в Отдельную Приморскую армию, с подчинением Ставке, которой продолжал командовать И.Е. Петров. В это время сюда прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Ворошилов с начальником оперативного управления Генштаба генерал-полковником С. Штеменко, которые, одновременно с другими делами, занялись рассмотрением перевозок через пролив для армии, ставших препятствием для ее боевых действий.

В связи с этим и мне не дано было долго покомандовать Бердянской базой – всего три месяца. Меня ждали другие горячие дела.

Иллюстрации

Контр-адмирал Ф.С. Октябрьский

Г.И. Левченко

Начальник штаба Черноморского флота ИД. Елисеев

П.И. Батов

Ф.И. Кузнецов

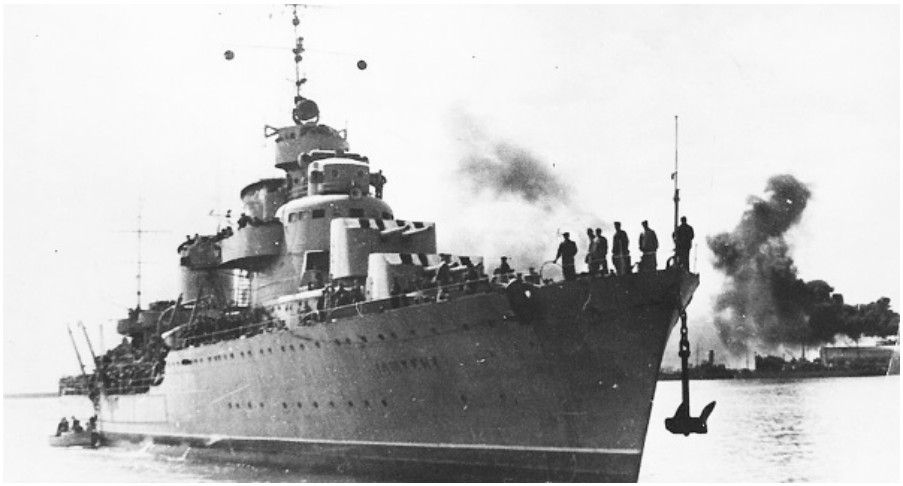
Советские танки в Северном Крыму. Осень 1941 г.

Немецкие солдаты на Перекопе. 1941 г.

Захваченные советские артиллерийские позиции на Перекопе. 1941 г.

Потопленный в Сухарной балке Севастополя советский транспорт «Абхазия»

Н.К. Рыжи, И.Е. Петров, Н.И. Крылов. Севастополь, 1942 г.

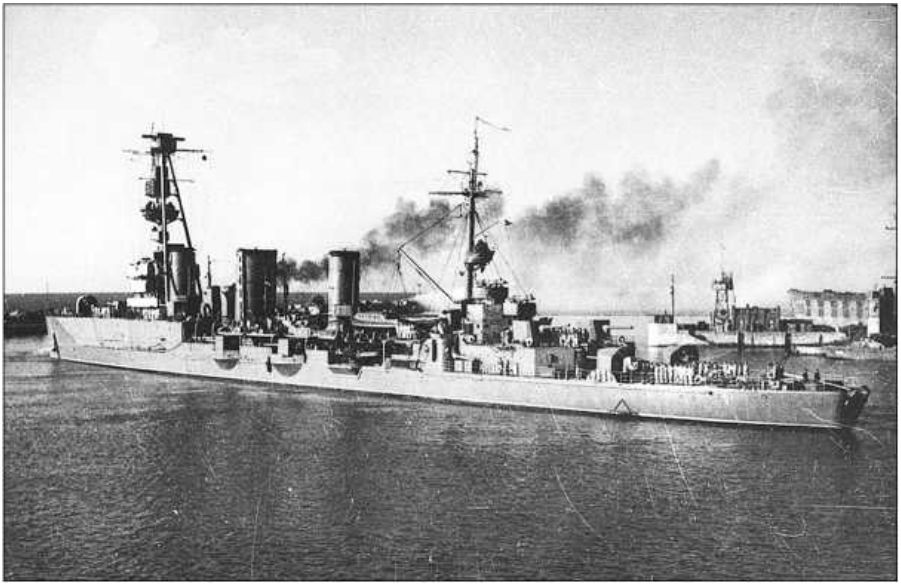


Эсминец «Ташкент» в гавани

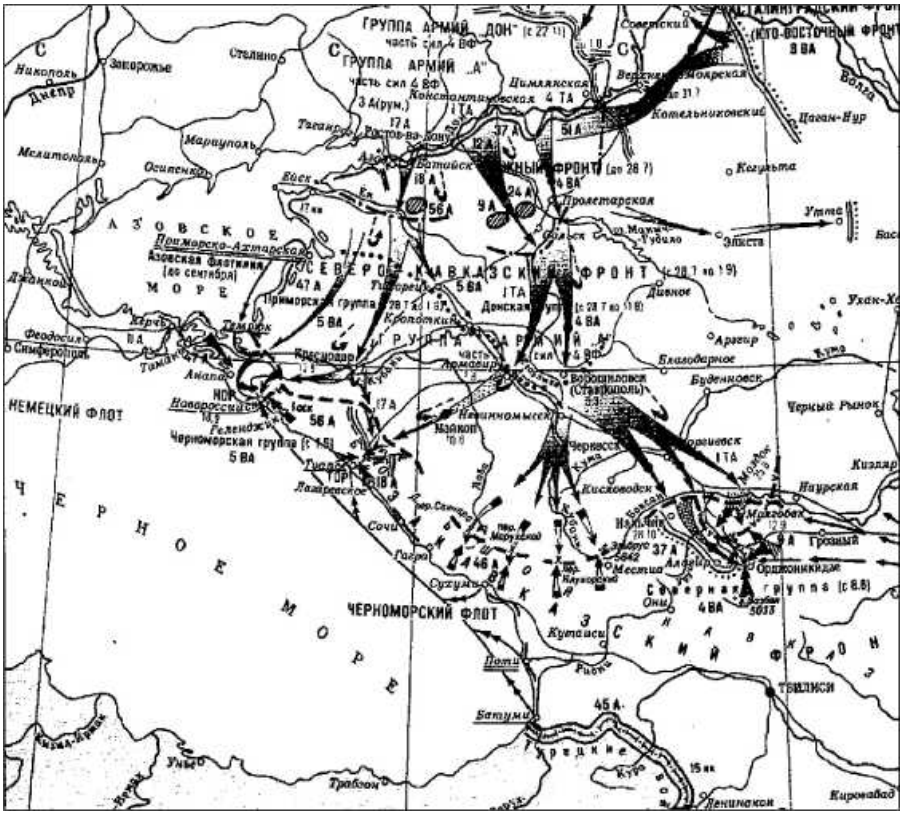
Посадка бойцов из 142-й морской стрелковой бригады на лидер эсминцев «Ташкент»

Погрузка 76-мм пушки ЗиС-22 на лидер эсминцев «Ташкент» в Новороссийске для отправки в осажденный Севастополь, 1942 г.

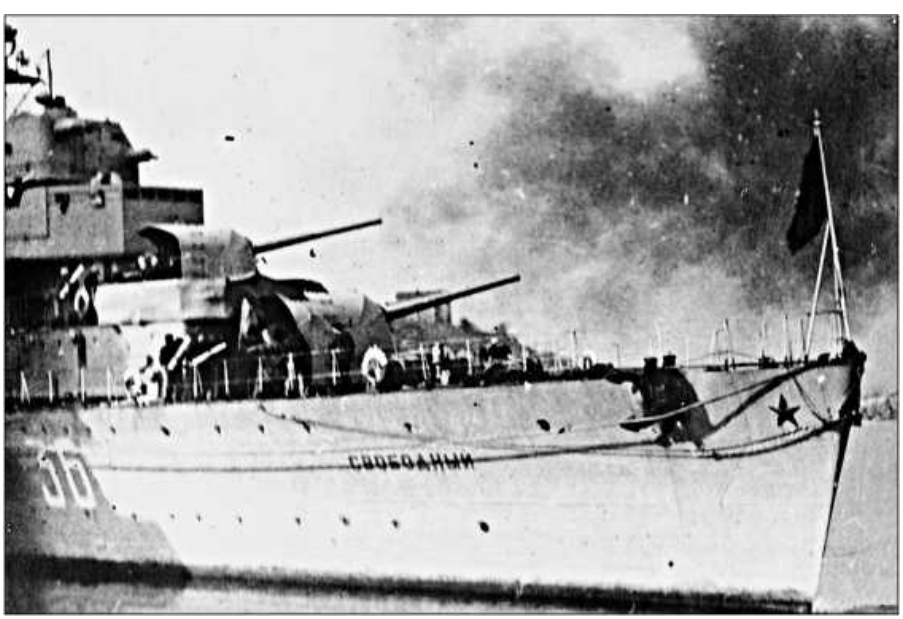
Линкор «Парижская коммуна» в Поти



Крейсер «Красный Крым» выходит из порта Поти

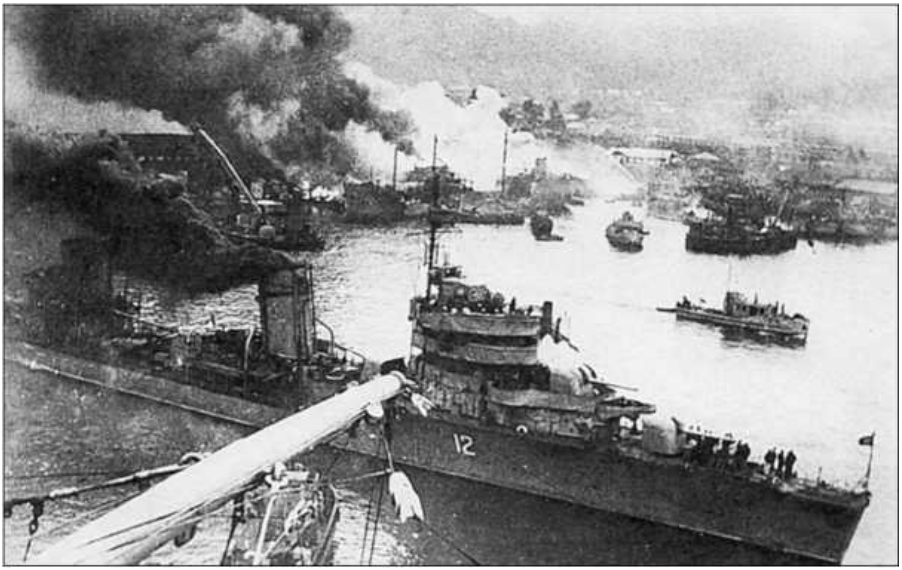


Оборона Северного Кавказа. 25 июля – ноябрь 1942 г.



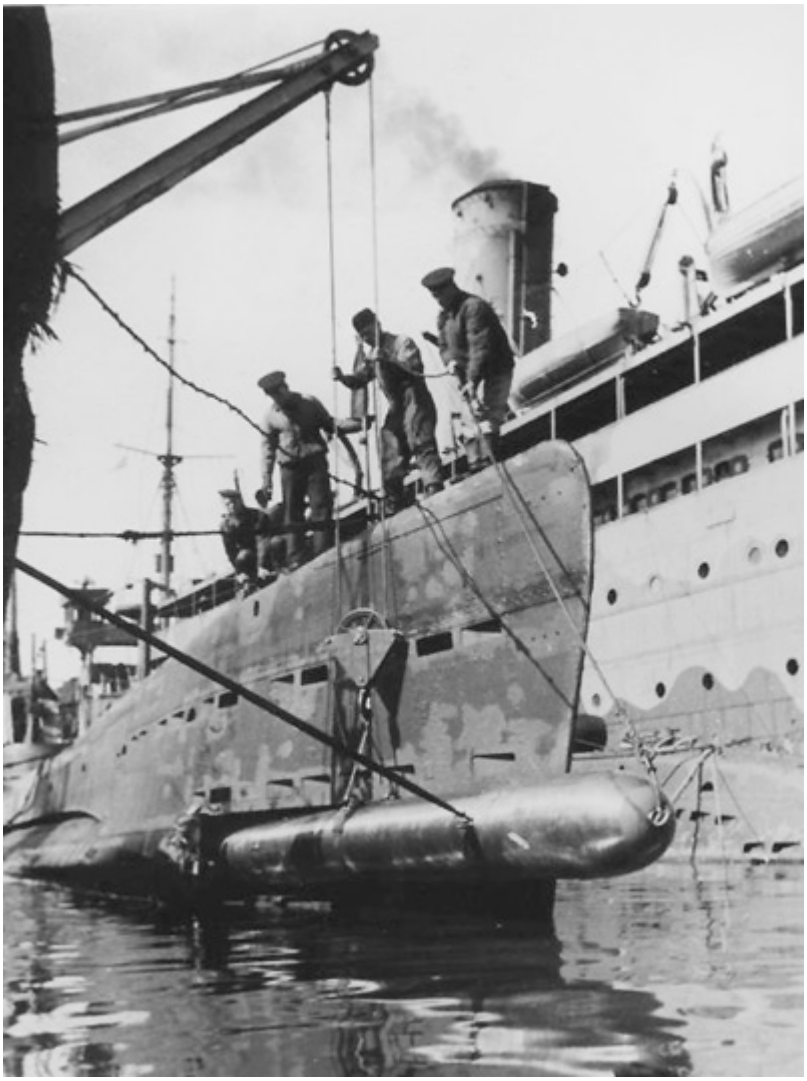
Эсминец «Свободный» обстреливает немецкие позиции под Севастополем

Крейсер «Ворошилов» на стоянке в порту Батуми



Лидер «Харьков» в Батуми. В гавани – пожар после немецкого авианалета. 18 января 1943 г.

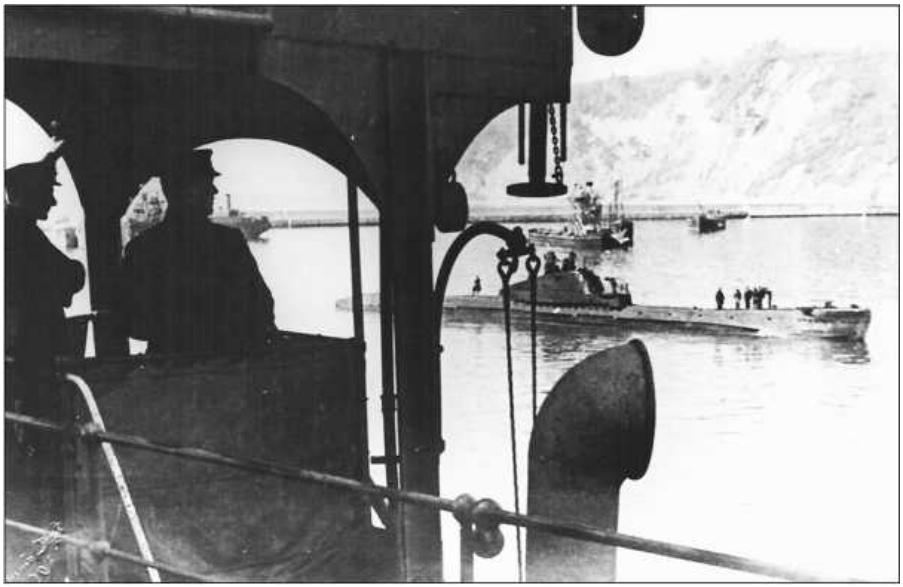
Подводная лодка Щ-205 в порту Батуми



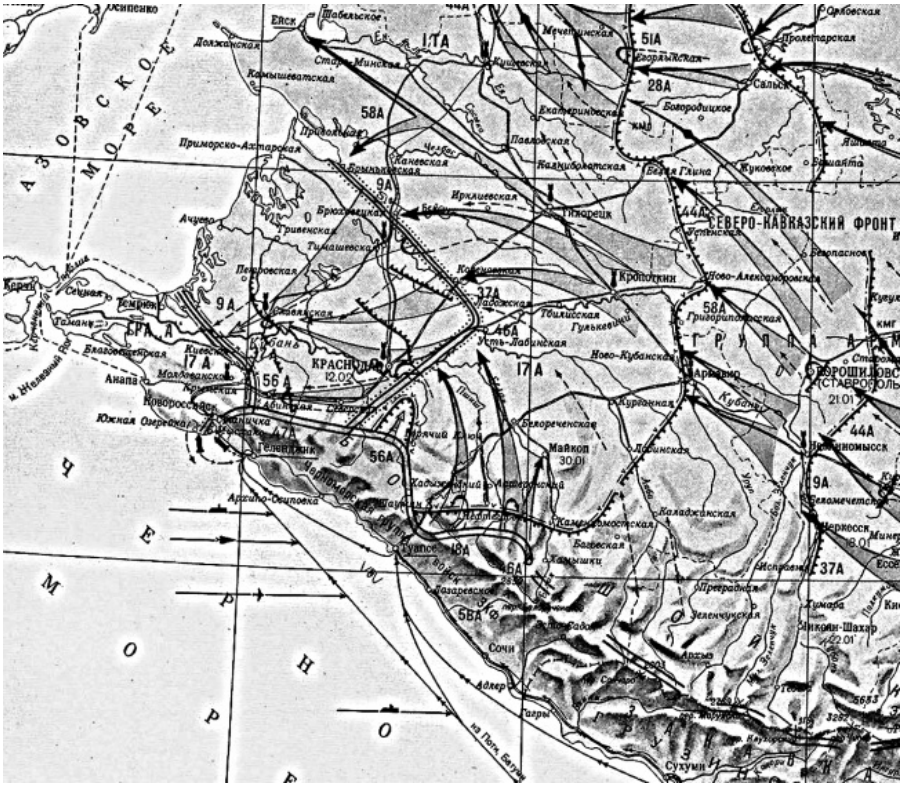
Подводная лодка пополняет боекомплект в порту Батуми

Л Л. Владимирский

Капитан 1-го ранга В.И. Семин из политуправления Черноморского флота выступает перед экипажем подводной лодки Д-4



Подводная лодка Щ-208 входит в порт Туапсе



Освобождение Северного Кавказа. Январь – март 1943 г.

Эсминец «Беспощадный» в походе

Построение личного состава эскадрильи торпедоносцев Ил-4 Черноморского флота

Моряки из 41-й бригады торпедных катеров Черноморского флота в порту

Морские пехотинцы из отряда майора Ц.Л. Куникова перед высадкой на Малую землю. Февраль 1943 г.

Черноморский десант

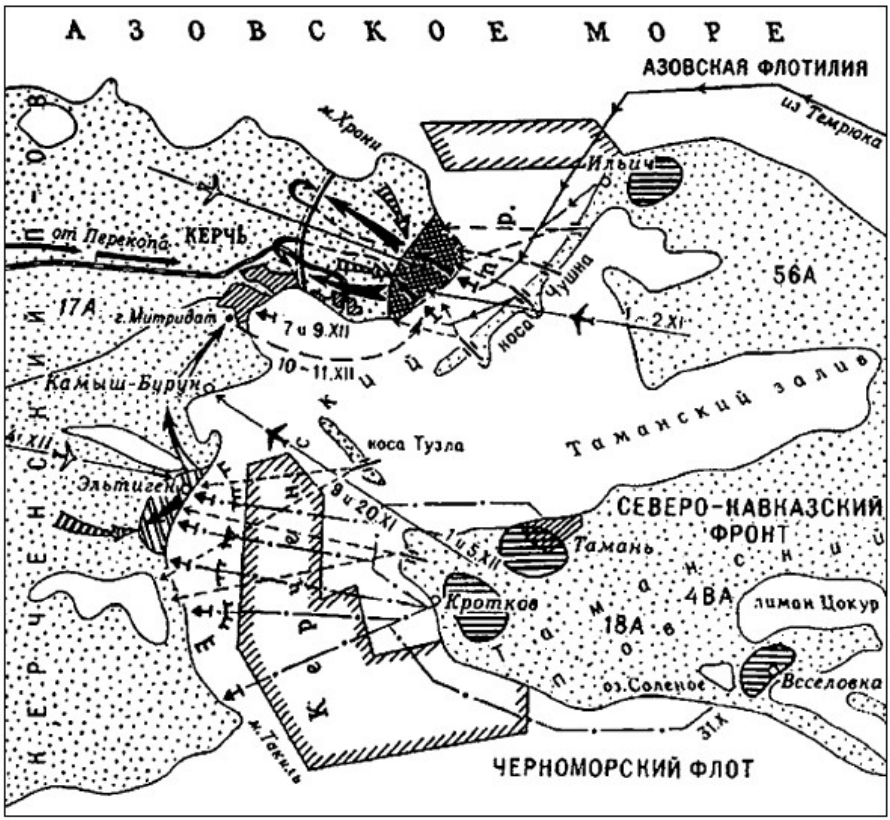
Слева направо – командующий 18-й армией К.Н. Леселидзе, зам командующего 18-армией генерал-майор А.А. Гречкин и ответственный редактор газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберг. Малая земля, апрель 1943 г.

С.К. Тимошенко с командованием Северо-Кавказского фронта и 18-й армии рассматривает план операции по переправе через Керченский пролив. Слева направо – С.К. Тимошенко, К.Н. Леселидзе, И.Е. Петров

Командующий Азовской флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков (слева) и начальник политотдела флотилии капитан 1-го ранга С. С. Прокофьев обсуждают план операции. 1943 г.

С.Г. Горшков

Г.Н. Холостяков



Керченско-Эльтигенская десантная операция

Перевозка техники в ходе Керченско-Эльтигенской десантной

операции

Бронекатера Черноморского флота осуществляют высадку советских войск на крымский берег Керченского пролива на плацдарм под Еникале в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции

notes

Примечания

1

Командующий Приморской армией генерал И.Е. Петров похвально отозвался о моряках базы в статье в Военно-историческом журнале № 7,1962 г.: «Личный состав Одесской военно-морской базы на посадке войск проявил величайшую организованность. Посадка проходила дружно, организованно».

2

Содержание плана «Барбаросса» и смысл «блицкрига» изложены в директивах Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 г. и главнокомандующего сухопутными силами Браухича от 31 января 1941 г.

3

На военно-научной конференции в 1981 г. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян в докладе «Характер и особенности начального периода войны» говорил: «Начальный период войны закончился 10–20 июля 1941 года… Он продолжался до того момента, когда военное руководство обеих сторон осознало, что в запланированные сроки первоначальные стратегические цели недостижимы, и приняло конкретные меры по принципиальной корректировке своих дальнейших действий… В ходе начального периода войны ни одна из сторон не достигла первоначальных стратегических целей…» Военно-исторический журнал. 1981. № 10. С. 21, 27.

4

«Совершенно секретно!..» С. 241–243, 258.

5

Гитлер боялся наших пространств и требовал: «Нельзя допустить фронтального оттеснения русских», то есть отвода советских войск, надо их окружать и уничтожать сразу у границы. «Совершенно секретно!..» С. 158.

«Совершенно секретно!..» С. 134, 158.

7

Военно-исторический журнал. 1981. № 10. С. 23; История Второй мировой войны. Т. 4. Карта 2. С. 21. Из 190 дивизий противника у нашей границы на 21 июня 1941 г. – 37 дивизий принадлежали странам-сателлитам (Румынии, Венгрии, Финляндии). Из 153 немецких дивизий – пять было в Заполярье, семь – в 11 – й армии, развернутой в Румынии, 24 дивизии в резерве сухопутного главнокомандования и находились далеко от линии фронта – в Польше, на Балканах, в Германии и выдвигались к фронту после начала войны в первых числах июля. Главные силы Германии – 117 дивизий – были развернуты между Балтикой и Карпатами: они наносили главный первый удар.

Только в некоторых армиях было частичное двухэшелонное оперативное построение дивизий (История Второй мировой войны. Т. 4. С. 22). Это только для решения тактических задач.

9

В.А. Анфилов пишет в книге «Провал блицкрига», 1974, с. 77: «Все сухопутные немецкие войска, выделенные для ведения войны с СССР, были развернуты в один стратегический эшелон. Более того, даже оперативное построение групп армий (“Север”, “Центр”, “Юг”) было одноэшелонным. В резерве главного командования сухопутных войск было 24 дивизии (на подходе к фронту), а командующие группами армий имели в резерве всего лишь по одной-две дивизии».

10

История Второй мировой войны. Т. 4. С. 21.

11

Согласно Сборнику материалов по составу войск Германии (издание Генштаба, выпуск 1, июнь – октябрь 1941 года) количество германских дивизий – в пределах указанных географических соизмерений – на советско-германском фронте увеличилось со 141 дивизии в июне – июле (сюда входят 117 дивизий вторжения в ночь на 22 июня плюс 24 дивизии резерва, подошедших в начале июля) до 150 дивизий в октябре. Здесь не берутся в расчет пять немецких дивизий в Заполярье и семь дивизий 11-й немецкой армии у Крыма (но подошли шесть дивизий Италии, Испании, Словакии).

12

Уже 8 августа Гальдер записал в дневник («Совершенно секретно!..» С. 289): «…войска (немецкие) измотаны… Верховное командование обладает крайне ограниченными средствами. Группы армий разобщены… В эти бои брошены наши последние силы… колосс Россия был недооценен нами… наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвергаются атакам противника. Противник же потому и имеет местами успехи, что наши войска ввиду растянутости на огромных пространствах вынуждены оставлять громадные разрывы во фронте…»

13

Сборник материалов по составу войск Германии (издание Генштаба, выпуск 2 и 3 за ноябрь 1942 года – февраль 1943 года).

14

«Совершенно секретно!..» С. 725.

15

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. С. 505–506.

16

История Второй мировой войны. Т. 4. С. 88.

17

Генерал армии П.И. Батов пишет в книге «Перекоп. 1941» (с. 10), что и в директиве Ставки, изданной в начале войны, была записана задача войскам Крыма: «вести оборону побережья и не допустить высадки морского и воздушного десантов».

Батов П.И. Перекоп. 1941. 1970. С. 28–31.

19

Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Фонд 72. Дело 813. Лист 45.

20

ЦВМА. Ф. 10. Д. 32969. Л. 7, 8.

21

ЦВМА. Ф. 10. Д. 32969. Л. 10–11.

22

ЦВМА. Ф. 72. Д. 767. Л. 163.

23

ЦВМА. Ф. 72. Д. 748. Л. 7.

Моргунов П.А. Героический Севастополь. С. 28.

25

ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 2. Л. 104.

26

Журнал «Звезда». 1981. № 6. С. 114.

27

ЦВМА. Ф. 72. Д. 786. Л. 111. Об этом говорится у П.А. Моргунова «Героический Севастополь» (с. 31) и у Н.Г. Кузнецова «На флотах боевая тревога» (с. 123–129).

Этому есть авторитетное свидетельство. Маршал Советского Союза Н.И. Крылов в книге «Огненный бастион» на с. 8 писал, что Военсовет армии минувшей ночью (накануне совещания), в Сарабузе, уже принял решение: отходить к Севастополю. С этим Петров и прибыл на Военный совет 31 октября в селе Экибаш, где подавляющее большинство высказалось за Севастополь, хотя были и одиночки за Керчь.

Такая численность морской пехоты показана П.А. Моргуновым в книге «Героический Севастополь».

Крылов Н.И. Огненный бастион. С. 60.

31

Об этом пишет Н.Г. Кузнецов в книге «На флотах боевая тревога» (с. 137).

Крылов Н.И. Огненный бастион. С. 169.

Моргунов ПЛ. Героический Севастополь. С. 186.

Крылов Н.И. Огненный бастион. С. 203.

35

Пост ВНОС – пост воздушного наблюдения, оповещения, связи.

36

Маршал К.А. Мерецков в книге «На службе народу» писал, что в разговоре с ним Сталин упоминал сроки возможного нападения на нас Германии за пределами 1941–1942 гг.

37

Маршал К.А. Мерецков в книге «На службе народу» писал, что в разговоре с ним Сталин упоминал сроки возможного нападения на нас Германии после 1942 г.

38

Об этом Н.Г. Кузнецов пишет в книге «Накануне», с. 314.

Германское и румынское правительство лицемерно прибегали к этим протестам в целях камуфлирования своей подготовки к нападению на нас. После войны рассказывал бывший командующий Одесским военным округом генерал Черевиченко, стоило ему в ходе учения перевести 48-й стрелковый корпус Малиновского от Днепра через Днестр в Бессарабию, ближе к границе, как румыны, пронюхав, заявили протест об угрозе им, и Черевиченко пришлось объясняться с наркомом обороны, а тому – с наркомом иностранных дел.

40

С.М. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» (т. 1, с. 57–60) пишет, что противник весной 1942 г. имел: в центре – 70 дивизий, а на юге 102 дивизии; такая концентрация позволяла делать выводы о направлении равного удара противника на юге.

41

Обо всем вышесказанном можно прочитать в книге «Совершенно секретно. Только для командования». С. 143, 158, 213, 215, 216, 265, 317, 319, 367, 371, 379, 380, 384, 387–390.

42

Магнитно-акустическая мина, более трех метров длиною, имевшая около 300 килограммов взрывчатого вещества, спускалась с самолета на парашюте, устанавливалась на дно, на глубинах 8—50 метров, парашют самоотделялся. При падении на сушу и мелководье (отмель) взрывалась как бомба. Мина имела два канала – магнитный и акустический, – взрывалась от магнитного поля корабля или шума винтов.

43

С 5 августа 1942 г. наши подразделения были на Клухорском и Марухском перевалах, но не закрепились. 16–18 августа шли бои, и наши подразделения были отброшены на юг. С 21 августа противник спускался на юг (ЦВМА. Ф. 86. Д. 3695. Л. 67–98; Д. 3696. Л. 16, 19 и далее).

44

Устройство, состоящее из подводных планеров, с тросами, идущими от них к подводной части носа корабля для отвода якорных мин от корпуса корабля вправо-влево и подсечки резаком планера минрепа – троса, на котором держится мина. Но если на минрепе стоит ловушка, то мина будет подтянута к борту корабля, что грозит взрывом мины при ударе о борт корабля.